

А. Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ОДА НОБУНАГА

ВКН

А.Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ОДА НОБУНАГА

ВКН

Москва

2016

УДК 94(520).02
ББК 63.3(5Япо)4
П70

Прасол А. Ф.

П70 Объединение Японии. Ода Нобунага / А. Ф. Прасол. — М.: Издательство ВКН, 2016. — 432 с. — Ил.

ISBN 978-5-9906061-2-8

Япония, середина XVI века. В разгар междоусобных войн в провинции Овари появляется молодой военачальник, один из многих местных предводителей, воевавших на территории страны. Действуя решительно и нестандартно, он побеждает сначала своих близких и дальних родственников, затем соседей, и, наконец, покоряет столицу. Начинается история его победного шествия к высшей власти, наполненная драматическими поворотами непредсказуемой воинской судьбы. Интересно изложенная история жизни и смерти Ода Нобунага позволяет читателю заглянуть в ту эпоху и получить представление о малоизвестных культурно-этических и бытовых реалиях средневековой Японии. Книга написана в жанре живой истории и будет подарком для тех, кто её любит. Из неё можно узнать об отношении японцев XVI века к вопросам жизни и смерти, чести и позора, верности и предательства. Читатель найдёт в ней много интересных деталей воинского быта, боевой стратегии и тактики, правил выживания семьи в условиях непрекращающихся междоусобных сражений.

Большая часть сведений, относящихся к жизни и деятельности первого объединителя Японии, публикуется в нашей стране впервые. В толковании некоторых ситуаций и обстоятельств, до сегодняшнего дня остающихся предметом спора историков, автор придерживается принципа здравого смысла и практической логики, избегая художественной экзотики пьес и романов на исторические темы, во множестве написанных японскими сочинителями в последующие столетия.

Текст книги обильно иллюстрирован рисунками, гравюрами и картографическими схемами, облегчающими понимание событий, которые происходили в Японии четыре с половиной столетия назад.

© А. Ф. Прасол, 2016

© ООО «Издательство ВКН», 2016

Оглавление

Часть первая. Портрет эпохи.....	5
Военно-политический ландшафт	5
Общество	15
Города и форты.....	23
Семейная стратегия и тактика	29
Заложники.....	35
Боевые будни	44
Жизнь и смерть самурая.....	58
Часть вторая. Ода Нобунага	77
Предки.....	77
Первые шаги.....	89
Сайто Досан.....	94
Война с родственниками	99
Начало большого пути.....	110
Поход на столицу	128
Укрепление позиций	140
Двоевластие	148
Первый кризис.....	154
Провинция Оми.....	179
Конфликт с сёгуном	186
Второй кризис	191
Ликвидация сёгуната	201
Долгожданная победа	209
Южный поход.....	218

Провинция Этидзэн	223
Храм Исияма хонган	227
Переломный год	231
Замок Адзути	253
Третий кризис	263
Сайка и Нэгоро	271
Уэсуги Кэнсин	276
На западном направлении	284
Придворные титулы	296
Северо-западное направление — Тамба и Танго	301
Череда измен	306
Мир с Исияма хонган	322
Парады в столице	329
Отношения с императором	337
Провинции Инаба и Биттю	341
Разгром клана Такэда	352
Остров Сикоку	362
Последние дни	364
После 2 июня	374
Измена века — мотивы	390
Наследие	400
Литература и источники	414
Хронологический указатель	421

Часть 1

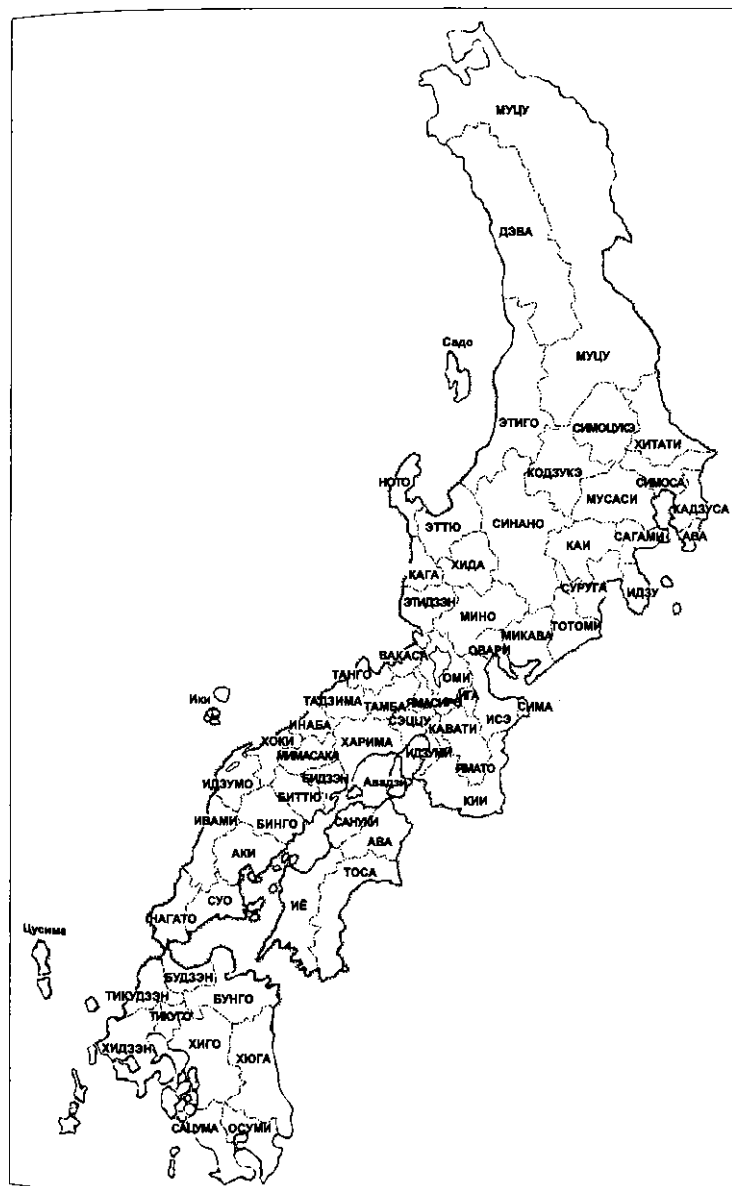
ПОРТРЕТ ЭПОХИ

Военно-политический ландшафт

В эпоху междоусобных войн японцы жили на трёх больших островах Японского архипелага — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Страна была разделена на провинции (*куни*), провинции состояли из уездов (*гун*), а уезды — из волостей (*го*). В период ранней государственности губернаторы провинций (*сюго*) назначались из числа столичных аристократов, а после прихода к власти воинского сословия их место заняли руководители крупных кланов, состоявших в родстве с императорской фамилией или ведущими воинскими домами. Приближённые к сёгуну военачальники занимали должности в военном правительстве (*бакуфу*) и проводили много времени в «полевой ставке» — сначала в Камакура, а затем в Киото. Некоторые жили в столице постоянно, лишь время от времени наезжая в свои уделы, управляемые вассалами в ранге наместника (*сюодай*). У губернаторов, владевших несколькими провинциями, в каждой был свой наместник. Со временем они закреплялись на местной почве, обзаводились собственными вассалами и создавали свою пирамиду власти. И если губернатор по каким-то причинам утрачивал влияние в провинции, наместники прибирали к рукам его владения.

А нередко и сами устраивали заговоры и свергали бывшего сюзерена. По этой причине к XV веку в провинциальной воинской иерархии сложилась изрядная неразбериха: в каждой провинции был свой номинальный губернатор, но далеко не каждый в ней доминировал. Чаще всего *сюго* делил власть и влияние с одним или несколькими *сюгодай*. Иногда это были его родственники, иногда — местные выдвиженцы, отвоевавшие себе часть провинции. На большей части страны, состоявшей из 60 провинций, почти постоянно шли боевые действия; по их результатам местные военачальники либо расширяли свои земли и влияние, либо теряли их.

В середине XVI века самыми обширными землями владели воинские дома Симадзу, Амаго, Мори, Отомо, Миёси на западе страны и Такэда, Ходзё, Имагава, Уэсуги на востоке. Несколько десятков кланов контролировали меньшие территории, от уезда до провинции, им подчинялись местные предводители, владевшие одной-двумя волостями. Эта ситуация сложилась после нескольких десятилетий междоусобных войн, начало которым положила смута годов Онин (1467–1477). Она началась с конфликта в ближайшем окружении восьмого сёгуна Асикага Ёсимаса (1436–1590) и продолжалась десять лет. В столице и её окрестностях шли бои между западной и восточной группировками, каждая из которых стремилась назначить сёгуном своего ставленника. После того как лидеры обеих группировок умерли естественной смертью, вражда стала затихать и к 1477 году сошла на нет. Однако смутное десятилетие не прошло даром — влияние центрального правительства в провинциях упало, и местные военачальники стали жить по своим уставам, не оглядываясь на столицу. Локальные междоусобные войны продолжались ещё более ста лет, поэтому период с 1477 по 1590 год в японской истории называется Эпохой воюющих провинций (*сэнгоку дзидай*).

Карта Японии в XVI веке

Названия провинций, упоминаемых в этой книге, на карте современной Японии найти невозможно. В 1868 году административное деление страны изменилось, и на смену провинциям пришли префектуры, не совпадающие с ними ни по названию, ни по границам. Сегодня это сильно затрудняет задачу тем, кто хотел бы побольше узнать о той эпохе. Приводимая ниже таблица может в этом помочь.

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Муцу</i>	Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима, Акита	<i>Идзуми</i>	Округ Осака
<i>Дэва</i>	Ямагата, Акита	<i>Кири</i>	Вакаяма и южная часть Миэ
<i>Этиго</i>	Ниигата	<i>Сэццу</i>	Округ Осака
<i>Симоцукэ</i>	Тотиги	<i>Тамба</i>	Центральная часть округа Киото
<i>Хитати</i>	Ибараки	<i>Танго</i>	Северная часть округа Киото
<i>Симоса</i>	Тиба, Ибараки, Сайтама, округ Токио	<i>Тадзима</i>	Северная часть Хёго
<i>Кадзуса</i>	Центральная часть Тиба	<i>Харима</i>	Юго-западная часть Хёго
<i>Ава</i>	Южная часть Тиба	<i>Мимасака</i>	Северо-восточная часть Окаяма
<i>Идзу</i>	Сидзуока, округ Токио	<i>Бидзэн</i>	Юго-восточная часть Окаяма

Продолжение таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Сагами</i>	Канагава	<i>Биттю</i>	Западная часть Окаяма
<i>Мусаси</i>	Округ Токио, Сайтама, Канагава	<i>Хоки</i>	Западная часть Тоттори
<i>Кодзукэ</i>	Гумма	<i>Инаба</i>	Восточная часть Тоттори
<i>Каи</i>	Яманаси	<i>Аки</i>	Западная часть Хиросимы
<i>Суруга</i>	Сидзуока	<i>Бинго</i>	Восточная часть Хиросимы
<i>Тотоми</i>	Сидзуока	<i>Ивами</i>	Западная часть Симанэ
<i>Микава</i>	Восточная часть Айти	<i>Идзумо</i>	Восточная часть Симанэ
<i>Синано</i>	Гифу, Нагано	<i>Нагато</i>	Западная часть Ямагути
<i>Хида</i>	Северная часть Гифу	<i>Суо</i>	Восточная часть Ямагути
<i>Эттю</i>	Тояма	<i>Сануки</i>	Кагава
<i>Ното</i>	Северная часть Исикава	<i>Ава</i>	Токусима
<i>Кага</i>	Южная часть Исикава	<i>Тоса</i>	Коти
<i>Этидзэн</i>	Фукуи, Гифу	<i>Иё</i>	Эхимэ

Окончание таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
<i>Мио</i>	Южная часть Гифу	<i>Будзэн</i>	Восточная часть Фукуока, северная часть Оита
<i>Овари</i>	Западная часть Айти	<i>Бунго</i>	Оита
<i>Исэ</i>	Мизэ, Айти, Гифу	<i>Тикуго</i>	Южная часть Фукуока
<i>Ига</i>	Западная часть Мизэ	<i>Тикудзэн</i>	Западная часть Фукуока
<i>Оми</i>	Сига	<i>Хидзэн</i>	Сага, Нагасаки
<i>Вакаса</i>	Южная часть Фукуи	<i>Хиго</i>	Кумамото
<i>Ямасиро</i>	Южная часть округа Киото	<i>Хюга</i>	Миядзаки
<i>Ямато</i>	Нара	<i>Осуми</i>	Восточная часть Кагосима
<i>Кавати</i>	Округ Осака	<i>Сацума</i>	Западная часть Кагосима

* Без пяти островных территорий (Авадзи, Ики, Цусима, Оки, Садо)

Военное правительство переехало из Камакура в Киото в 1338 году. К тому времени оно давно уже перестало быть «полевой ставкой» (*бакуфу*) и превратилось в военно-бюрократическое учреждение, где служили крупные военачальники в ранге *сюго*. С Асикага Такаудзи

(1305–1358) началась династия сёгунов Асикага, 15 поколений которых занимали высший воинский пост. Их правление в общей сложности длилось 237 лет. Первая столичная резиденция сёгунов Асикага располагалась в квартале Муромати, давшем название этой исторической эпохе.

В XIV веке выезды в столицу составляли важную часть воинской службы, и провинциальные кланы регулярно её несли. Это обеспечивало присутствие рядом с сёгуном военной силы и способствовало поддержанию порядка. Систему правления, при которой страной руководило военное правительство *бакуфу* во главе с сёгуном, называют *сёгунатом*.

Служившие в *бакуфу* губернаторы *сюго* имели в столице собственные усадьбы и проводили в них большую часть времени. Эти усадьбы называли словом *самураи-до-коро* (буквально «место службы»). До середины XV века ключевые посты в *бакуфу* занимали главы воинских домов Хосокава, Хатакэяма, Сиба, Ямана, Акамацу, Иссики и некоторые другие. В отличие от них военачальники из удалённых провинций в столице бывали редко. Например, клан Симадзу из провинции Сацума с 1336 по 1410 год вообще ни разу не отправлял своих представителей в Киото. Этот случай исключительный, но в целом удалённость региона сильно влияла на частоту визитов, и в *бакуфу* с этим считались.

Как уже говорилось, ситуация резко изменилась после смуты годов Онин — теперь уже не только удалённые, но и ближние воинские кланы стали всё реже появляться в столице. В 1493 году в правительстве вспыхнул очередной конфликт вокруг сёгунской должности (*Мэйо но сэйхэн*), спровоцировавший усиление междоусобных столкновений. Центр оказался в ещё большей изоляции, губернаторы постепенно ликвидировали свои столичные усадьбы и разъехались по провинциям. Их визиты в Киото стали

совсем редкими и теперь, наоборот, привлекали повышенное внимание, замешанное на подозрении — с чего это вдруг тот или иной провинциальный военачальник надумал идти в столицу?

Со временем такие визиты превратились в большое событие и разделились на два типа — мирные и военные. Первые совершались с небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек и носили ритуально-этикетный характер. Их участники шли в Киото окружными путями, не вступая в конфликты с хозяевами земель, через которые проходили. Прибыв в столицу, наносили визиты вежливости сёгуну и императору, дарили подарки и жертвовали деньги. В ответ получали повышение в воинском или придворном ранге и грамоту, отмечавшую их воинскую доблесть, а затем возвращались домой в ореоле паломников, приобщившихся к центральной власти. В материальном плане такие походы обходились недёшево, но способствовали росту авторитета визитёров в местных кругах — вассалы охотнее шли к ним на службу, а соседи больше уважали. В 1526 году с таким мирным визитом столицу посетил Китабатакэ Харутомо (1503–1563) из провинции Исэ, в 1528 году — Анэкодзи Такацуна (?–1576) из провинции Хида, в 1530-м — Ода Нобутомо (?–1555) из провинции Овари, родственник Ода Нобунага. Нобутомо пришёл в столицу с большим отрядом в 3 тысячи человек, за что удостоился упоминаний во многих хрониках.

Классическим паломничеством в столицу стал поход Уэсуги Кэнсин (1530–1578) из провинции Этиго в 1553 году. Особенно запомнилась современникам личная аудиенция, которой император удостоил провинциального предводителя. Во время этой встречи Уэсуги Кэнсин, тогда ещё носивший имя Нагао Кагэтора, был возведён в неполный пятый ранг низшей ступени и получил в подарок от императора столовый набор для *сакэ* и самурай-

ский меч. Оглашённый во время аудиенции императорский указ гласил: «Выполняя Нашу волю, Нагао Кагэтора изгнал из своих владений враждебные силы. За сим повелеваю: править Кагэтора многие лета, приумножая воинские доблести и побеждая врагов своих во благо императорского трона» (Иматани, 2001). «Враждебные силы», которые победил Уэсуги Кэнсин в борьбе за пост главы семьи, состояли преимущественно из его родственников, и императорский указ формально закрепил его победу. Впрочем, визит молодого военачальника в столицу имел и практическую цель — недавно появившееся в Японии огнестрельное оружие. Наняв в столичном районе оружейников, клан Уэсуги вскоре наладил его производство у себя в провинции.

После того как в 1192 году власть перешла в руки воинского сословия, жизнь императорского дома и столичной аристократии сильно изменилась. Японские императоры в мирских делах ничего не решали и постоянно нуждались в деньгах, но сохранили свой сакрально-символический статус и неприкосновенность — никто не пытался ликвидировать императорскую династию как институт. Против сёгунов время от времени устраивались заговоры, но освящённая волей богов неприкосновенность «сына неба» и его потомков никогда и никем не подвергалась сомнению. Неизменным оставалось и формальное почитание императора в воинской среде.

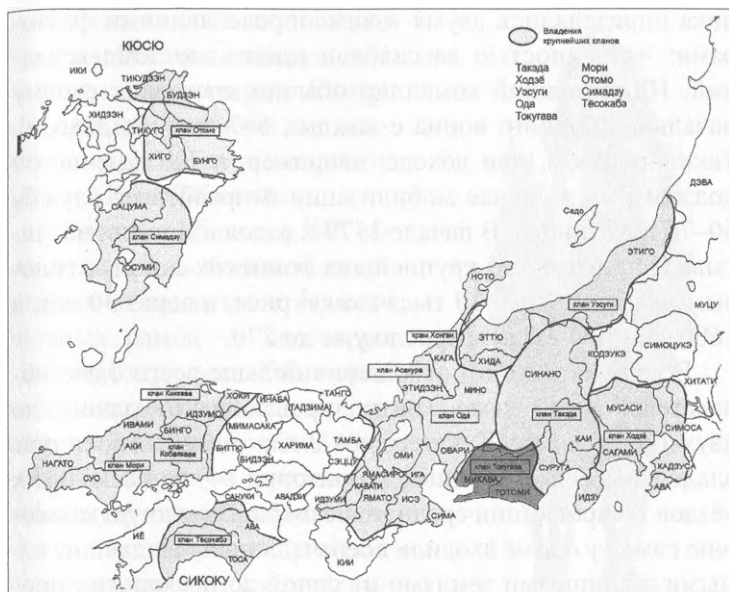
В эпохи Камакура и Муромати все сколько-нибудь значимые действия императорского дома оплачивались просителями, и эти поступления составляли важную часть его дохода. Например, в конце 1540-х годов провинция Микава, где родился Токугава Иэясу, была захвачена соседним кланом Имагава. В 1560 году император, получив от Имагава Ёсимото солидное денежное пожертвование, утвердил этот результат своим указом, присвоив ему титул военного губернатора Микава. Если провинциальный

предводитель хотел легализовать боевые действия против кого-то из своих соседей, он мог обратиться к императору и за соответствующее вознаграждение получить высочайший указ о наказании «ослушника». Такие указы назывались *дзибацу риндзи* и часто издавались в XIII–XIV веках. Впрочем, со временем военачальники перестали на них тратить и научились обходиться без них.

В отличие от мирных походов на столицу военные совершались по другим правилам. Один или несколько союзных кланов собирали войско и шли в Киото кратчайшим путём, воюя со всеми, кто попадался на пути. Цель таких походов состояла в установлении контроля над столицей и получении за счёт этого особого статуса — защитника и покровителя императорского дома. Благополучие и безопасность сёгуна при этом гарантировались не всегда; иногда такие походы совершались именно для замены одного военного правителя на другого. Или, наоборот, для защиты действующего сёгуна от какой-либо угрозы.

В 1508 году такой военный поход организовал Оути Ёсиоки (1477–1529) из удалённой западной провинции Суо для восстановления в должности десятого сёгуна Асикага Ёситанэ (1466–1523). Выполнив задачу, Ёсиоки следующие десять лет бессменно занимал пост столичного губернатора. В 1549 году Миёси Нагаёси (1522–1564) из провинции Ава на острове Сикоку вмешался в семейный конфликт, вспыхнувший в клане Хосокава, приближённого к дому Асикага, и под предлогом защиты одного из родственников с большим войском предпринял поход на Киото, также завершившийся успехом.

В 1568 году то же самое сделал Ода Нобунага (1534–1582), посадив на воинский трон пятнадцатого сёгуна Асикага Ёсиаки (1537–1597). Нобунага пришёл с востока, через провинцию Оми, и его покорение столицы стало последним в XVI веке.

Крупнейшие кланы Японии (1570–1572)

Общество

Эпоха междоусобных войн завершилась в конце XVI века объединением страны. Его заключительный этап длился 24 года: первые 14 лет (1568–1582) главным действующим лицом был Ода Нобунага, а последние 10 лет (1582–1592) — Тоётоми Хидзёси. Элиту воинского сословия составляли военачальники трёх категорий: *сюго*, *сюго даймё* и *сэнгоку даймё*. Официальный ранг *сюго* присваивался указом сёгуна, а неофициальные звания *сюго даймё* и *сэнгоку даймё* добывались на полях сражений. Они появились позднее, в эпоху Токугава, а в XVI веке глава клана Ходзё, например, не знал, что входит в число *сэнгоку даймё*. Авторитет и влияние военачаль-

ника определялись двумя взаимоопределяющими факторами: численностью вассалов и площадью землевладений. Нижестоящий командир обычно поставлял своему начальнику одного воина с каждых 6–7 *каммон* дохода¹. Таким образом, при доходе, например, в 400 *каммон* он должен был в случае мобилизации отправить на службу 60–70 пехотинцев. В начале 1570-х годов в Японии насчитывалось около 100 крупнейших воинских домов с годовым доходом более 10 тысяч *коку*² риса, а через 30 лет, в 1600 году, их число возросло уже до 270.

В количественном отношении больше всего было обладателей ранга *сюго*, контролировавших от одного до двух-трёх уездов. К категории *сюго даймё* относились владельцы более крупных территорий — от нескольких уездов до провинции среднего размера. В высшую категорию *сэнгоку даймё* входили военачальники, владевшие самыми обширными землями от одной до нескольких провинций. Рядовых военных губернаторов, последовательно прошедших путь от *сюго* до *сэнгоку даймё*, было немного, около десяти на всю страну (Сатакэ, Имагава, Такэда, Асакура, Роккаку, Симадзу и др.). На заключительном этапе объединения страны потерпели поражение и выбыли из воинской элиты крупные воинские дома Китабатакэ, Адзай, Асакура, Такэда, Ходзё, Ода, Отомо и многие другие.

Постоянным источником пополнения для этих трёх категорий служила огромная масса местных предводителей самого разного происхождения (их называли *кунидзин рёсю* или *кунисю*), которые пробивались наверх исклю-

¹ В пересчёте на современные деньги один *каммон* приблизительно равнялся 80 000 иен (700–800 долларов США). Несколькими десятилетиями позже, уже в эпоху Токугава, 60 *каммон* были эквивалентны 400 *коку* рисового дохода.

² Один *коку* — мера веса, равная примерно 150 кг.

чительно за счёт личных качеств, объединяя вокруг себя местных командиров. Самые известные примеры — вышедшие из низов главы домов Датэ, Мори, Тёсокабэ.

Японское общество XVI века отличалось большой текучестью и подвижностью сословных рамок — подтверждением тому служат биографии военачальников. Например, известный Сайто Досан (1494–1556) начинал в провинции Мино торговцем рыбьего жира для светильников, а затем, последовательно свергая вышестоящих, стал её хозяином. Не менее известный Ходзэ Соун (1456–1519) в молодости бродяжничал, а закончил

жизнь на посту главы крупного клана. В XV–XVI веках выдвижение из низов в гораздо большей степени зависело от личных качеств человека, чем в последующую эпоху Токугава. Социальная подвижность и смена рода занятий были характерны для всех слоёв японского общества. Крестьяне регулярно брали в руки оружие, а низкоранговые и рядовые самураи — мотыгу. Меч, лук и копьё имелись в каждом крестьянском доме. Регулярные военные мобилизации, конфликты с соседями, коллективная самооборона и охота без них были немыслимы. С другой стороны, одним только воинским ремеслом могли прокормиться лишь крупные военачальники, а всем остальным так или иначе приходилось работать на земле. Например, пока малолетний Токугава Иэясу содержался в заложни-

Военачальник XVI века

ках у Имагава Ёсимото, его будущие вассалы более десяти лет занимались крестьянским трудом, время от времени принимая участие в походах Имагава.

Столь же размытым было деление на торговцев, монахов и рядовых самураев. Социальное происхождение человека определялось занятием, которым жила его семья, поэтому воином считали того, кто родился в семье воина. А поскольку занятия человека в течение жизни часто менялись, то менялась и его социальная принадлежность. Например, Тоётоми Хидэёси родился в крестьянской семье, в молодости торговал вразнос прядильными спицами, а затем вступил на воинский путь, который и привёл его на вершину власти. Согласно хронике *Тайкоки* (Записки о великом регенте), Хидэёси в молодые годы перепробовал множество профессий — он не только торговал, но и работал подручным бондаря, кузнеца, плотника, красильщика тканей.

В воинских семьях отцовское дело наследовал старший сын, а его младшие братья, как правило, уходили в монастырь. В монашеской келье провёл свои молодые годы известный полководец Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584); такой же путь из монахов в воины проделал Экэй (1539–1600). И наоборот, в конце карьеры многие военачальники снимали с себя доспехи и брили головы. В роду сёгунов Асикага это вообще считалось самым достойным завершением жизненного пути. А если глава клана умирал, когда старший сын по каким-то причинам не мог его заменить, то один из младших братьев покидал монастырь и занимал его место. В этом отношении типичен пример Имагава Ёсимото (1519–1560). Молодые годы он тоже провёл в буддийском храме, где принял монашеский сан и имя Байгаку Сёхо, а после смерти старшего брата Удзитэру вернулся в семью и возглавил её, победив в борьбе с родственниками.

Что касается торговцев, то они вообще не выделялись из воинского сословия, как в последующую эпоху Токугава. Сохранившиеся описания чайных церемоний,

которые проводили Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, позволяют говорить о том, что присутствовавшие на них состоятельные купцы имели такой же статус, как военачальники с доходом от 50 до 100 тысяч *коку* риса (урожайность средней по размерам провинции).

Ни один из трёх объединителей Японии — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу — изначально не входил в воинскую элиту. Нобунага и Иэясу родились в воинских кланах среднего уровня, их отцы не имели даже ранга *сюго*, а Хидэёси — выходец из крестьян.

Общественные отношения также имели свою специфику. Верность и служба, основанные на чувстве долга, стали основой межличностных отношений позже, в эпоху Токугава, а в XVI веке их заменяли кровнородственные связи. В период междоусобных войн отношения между выше- и нижестоящими отличались большей свободой и вариативностью. В хронике «Записи о деяниях и высказываниях великих полководцев» (*Мэйсё гэнкорoku*) есть эпизод встречи Тоётоми Хидэёси с «вассалом его вассала» Ханабуса Мотоюки (1549–1617), командиром среднего звена из отряда Укита Хидэиэ (1572–1655). Мотоюки прибыл в ставку Хидэёси в качестве курьера и передал ему письмо от своего непосредственного начальника. При этом он не снял головного убора и не сошёл с лошади. А Хидэёси к тому времени уже имел придворный титул регента (*кампаку*) и фактически был главным военачальником страны. В хрониках содержится много упоминаний о спорах, которые вели младшие по званию со своими командирами. В последующую эпоху Токугава с этим было покончено.

Эти дисциплинарные вольности объяснял в своём семейном наставлении Ходзё Удзиясу (1515–1571): «Как господин набирает себе вассалов, так и вассалы выбирают господина. Воюя с соседями, не должно забывать об интересах своих подчинённых, иначе они найдут себе

другого покровителя» (Исии, 2011). Из этого следует, что за подчинённым признавалось право на уход от своего начальника, если тот не соответствовал его представлениям.

О том, как часто совершались такие переходы и насколько переменчива могла быть судьба воина того времени, говорит пример низкорангового командира по имени Кани Сайдзо (1554–1613). Выходец из провинции Мино, он начал воинскую карьеру в замке Инабаяма, на службе у Сайто Тацуоки. После его поражения от Ода Нобунага в 1567 году Сайдзо перешёл на службу к Сибата Кацуиэ, одному из полководцев Нобунага. Через некоторое время он ушёл от него и нанялся в отряд Акэти Мицухидэ, также служившего Нобунага. Мицухидэ в 1582 году в сражении при Ямадзаки потерпел поражение от Тоётоми Хидэёси и погиб. Кани Сайдзо перешёл в отряд Ода Нобутака, третьего сына Нобунага. В 1583 году Нобутака тоже погиб, и Сайдзо оказался в отряде Тоётоми Хидэцугу, племянника Хидэёси. Здесь он задержался на долгие 12 лет, но в 1595 году после смерти Хидэцугу на некоторое время стал *ронином*³, а затем был принят в отряд Маэда Тосииэ, соратника Тоётоми Хидэёси. Ещё через несколько лет он перешёл к Фукусима Масанори, где и закончил свою службу. Таким образом, за свою жизнь Кани Сайдзо сменил восемь командиров и не раз выходил на поле боя против бывших соратников. Его судьба хотя и не вполне типична, но хорошо иллюстрирует популярное выражение того времени *буси ва ватаримоно* (самурай — что перекатил поле). Судьба воина в эпоху междоусобиц тоже заметно отличалась от стандартов последующей эпохи Токугава, когда в обществе доминировало представление о том что «у самурая двух господ не бывает» (*буси ва никун ни мамиедзу*).

3

Безработный самурай, не имеющий господина.

Следует оговориться, что судьба Кани Сайдзо и его востребованность была обусловлена не только особенностями эпохи, но и его личными качествами. Отлично владевший мечом, он собирал после сражений столько голов, что не мог унести их за один раз, и трофеи приходилось собирать в несколько заходов. К тому времени повсеместное распространение получили специальные мешки, в которых перевозили снятые головы (*кубикуро*), и многие кланы даже включили их в спи-

сок обязательной воинской экипировки. За этим отчасти стоял моральный фактор — пустой мешок на поясе сразу говорил окружающим о воинских качествах его хозяина. У Кани Сайдзо с этим было всё в порядке, а проблему обилия трофеев он решил нестандартно — чтобы не перепутать «свои» головы, он их помечал, вставляя в рот убитому лист бамбука. В то время у убитых противников для этого было принято отрезать носы, но Кани Сайдзо проявил некоторую экологическую смекалку и упростил приём, что сделало его широко известным в воинской среде под именем «Сайдзо Бамбуковый Лист». Согласно сохранившимся записям, в сражении при Сэкигахара (1600 год), крупнейшей битве того времени, 46-летний Сайдзо дрался под командованием Фукусима Масанори

Доспехи и экипировка

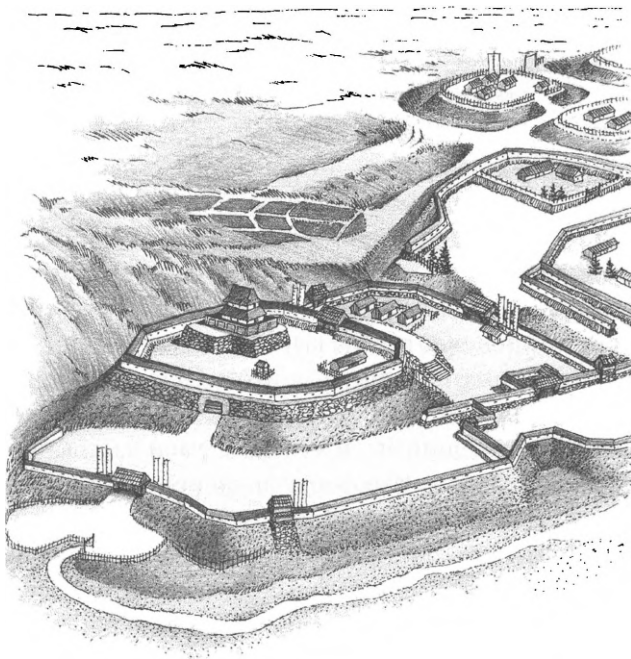
на стороне Токугава Иэясу и лично убил 16 человек. После сражения немолодой уже воин, как обычно, предъявил боевые трофеи и был награждён соответственно заслугам.

В хронике «Сказание о Тоса» (*Тоса моногатари*) приводятся слова главы клана Тёсокабэ Мототика (1539–1599), прямо объяснявшего военную экспансию необходимостью поощрять подчинённых ему командиров новыми землями (Овада, 1993). Наём союзников и вассалов, не связанных с кланом родственными узами, осуществлялся фактически на контрактной основе, хотя самого понятия контракта ещё не существовало. По этой причине командиры среднего и низшего звена часто переходили на сторону победителя уже в середине или даже в начале кампании, если её исход был для них ясен. Это ещё одна особенность междоусобных войн XVI века, известных большим количеством измен и предательств. Стоило крупному военачальнику удачно начать кампанию на чужой территории, как местные командиры один за другим переходили на его сторону, увеличивая тем самым его войско и уменьшая численность противника. В таких случаях соотношение сил между воюющими сторонами могло резко измениться за очень короткое время. Поэтому умение полководца удовлетворять запросы идущих за ним командиров и не допускать измен считалось важнейшим качеством. Подчинённый, недовольный отношением к нему высшего военачальника, либо уходил к другому, либо свергал его и занимал его место. Популярное в то время выражение *гэкокудзё* (низший свергает высшего) довольно точно отражало суть взаимоотношений в воинской среде.

Города и форты

В Средние века Япония представляла собой малозаселённую территорию с поселениями четырех типов: 1) призамковые города; 2) портовые посёлки; 3) храмовые поселения; 4) постоянные дворы. С поправкой на эпоху призамковые города можно считать образованиями городского типа, все остальные — сельского. Рыбачьи посёлки располагались вдоль побережья и в устьях рек, а храмовые поселения — вокруг крупных монастырей. Почти все современные японские города выросли из поселений, располагавшихся вокруг крупных замков. Окружённые земляными насыпями и деревянным частоколом со стрелковыми вышками укрепления были неотъемлемой частью любого населённого пункта. Все фортификационные сооружения делились на большие, средние и малые. Большие назывались замками (*сиро*) и служили семейными резиденциями для военачальников высокого и среднего ранга. Население самых больших призамковых городов могло достигать нескольких тысяч человек. Укрепления меньшего размера и значения назывались крепостями или фортами (*торидэ*). Их строили и содержали местные предводители, владевшие одной-двумя деревнями. Классификационных различий между замками и фортами не существовало — они отличались лишь размерами и качеством защитных укреплений. Замок мог обветшать, потерять своё значение и превратиться во второстепенный форт, а удобно расположенный форт, наоборот, мог стать замком, если переехавший в него военачальник перестраивал его и дополнительно укреплял. Типичный форт в среднем имел размеры 300 × 300 метров.

Крупные призамковые поселения выполняли роль современных городов, а небольшие форты служили опорными пунктами для контроля над прилегающей территорией. Военачальники проводили много времени

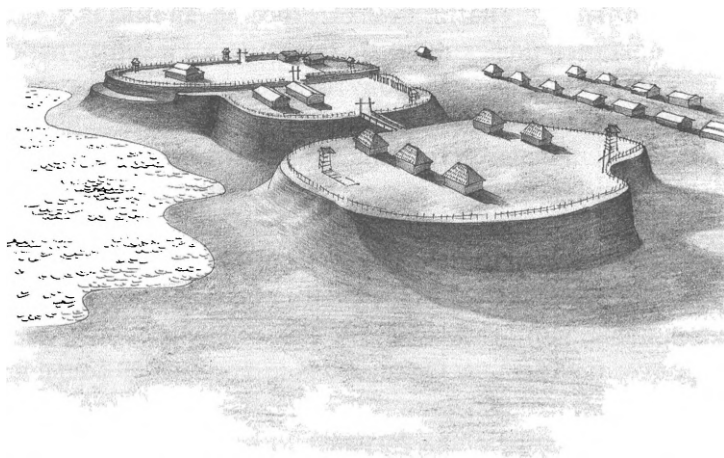
Замок

в разъездах между замками и фортами, поэтому большая часть записей в семейных хрониках посвящена тому, кто и когда откуда уехал и куда приехал. Любое укрепление независимо от размера и значимости имело своего начальника, отвечающего за его содержание и оборону. Должность такого командира называлась словом *дзёсю* (буквально «хозяин форта») и одновременно служила воинским званием. В эпоху Муромати его обладатели составляли подавляющее большинство всех военачальников страны, поскольку её территория была густо покрыта сетью замков, храмов с крепостными стенами, защитных и осадных фортов всех видов и раз-

меров. Крупный военачальник, контролировавший обширную территорию, принимал *дзёсю* к себе на службу вместе с принадлежавшим ему фортом, а в захваченные чужие укрепления назначал кого-либо из своих вассалов. Многие форты по несколько раз переходили из рук в руки, соответственно, менялись их начальники и названия. В мирное время гарнизон среднего по размерам форта составлял несколько десятков человек, а в крупном замке мог достигать до нескольких сотен, но в период боевых действий этих сил было недостаточно, поэтому гарнизоны получали подкрепление. Штурм форта или замка требовал как минимум трёхкратного численного превосходства нападавших и сопровождался большими потерями, поэтому хорошо укреплённые замки чаще брали осадой. Для этого их окружали насыпью, изгородью и осадными фортами, чтобы перекрыть поступление извне боеприпасов и продовольствия. Все замки и форты имели на своей территории колодцы с питьевой водой, поэтому главным врагом осаждённых становился голод. Чем больше людей находилось за крепостными стенами, тем быстрее заканчивалась еда и начинались инфекционные болезни, вызванные перенаселённостью форта и сопутствующей ей антисанитарией. Многие командиры перед нападением на крупный замок специально сжигали прилегающие поселения, вынуждая их жителей бежать под защиту крепостных стен. В большинстве случаев запасов еды хватало на два-три месяца, но осада могла продолжаться намного дольше, если осаждённым удавалось наладить поставки продовольствия в обход кордонов. Такие случаи хотя и редко, но бывали. Однако осада требовала больших усилий и от нападавших. Кроме строительства осадных фортов и изолирующих заграждений, они должны были позаботиться о снабжении продовольствием и боеприпасами. Кроме того, осаждённые гарнизоны время от

времени совершали боевые вылазки, поэтому вокруг осадных фортов тоже ставилось защитное ограждение.

Опорные укрепления, с помощью которых осуществлялся контроль над прилегающей местностью, рано или поздно становились объектом нападения, поэтому в непосредственной близости от них (обычно на расстоянии двух-трёх километров) было принято строить несколько вспомогательных фортов. В случае нападения на основное укрепление в них перебрасывался дополнительный гарнизон. Благодаря этому нападавшие оказывались между двумя силами и в случае штурма получали удар в спину. Этот манёвр (он назывался *годзэмэ*, буквально «атака с тыла») был очень распространён и считался главным способом противодействия наступательным операциям противника. Как правило, нападавшие не шли на штурм замка или форта до тех пор, пока существовала угроза такой атаки. Чтобы обезопасить свой тыл, они сначала зачищали окрестности, уничтожая или захватывая вспомогательные

Осадный лагерь

укрепления. Лишённый внешней поддержки форт или замок попадал в трудное положение и часто капитулировал. Эта несложная, но эффективная по тем временам тактика, как правило, приносила плоды.

Однако самый лёгкий способ овладеть фортом всё-таки состоял в том, чтобы договориться с его хозяином и одержать победу вообще без боя. В этом случае подчинённые вновь приобретённого союзника вливались в ряды нападавших и увеличивали их численность. В тактическом плане это было гораздо выгоднее, поэтому в большинстве случаев перед нападением коменданту форта или хозяину замка сразу предлагалось добровольно сдаться и перейти на сторону нападавших с сохранением всего, что ему принадлежит, а в некоторых особо важных случаях — даже с расширением земель за счёт его бывшего господина. Если командир отказывался, то вместе с подчинёнными должен был защищаться до последнего, а в случае неудачи покончить с собой. В последний момент, когда дальнейшее сопротивление становилось бесполезным, у него ещё оставался шанс спасти жизни своих подчинённых, объявив о капитуляции, но его собственная судьба к тому моменту уже была решена. Если же гарнизон сопротивлялся до конца, то погибал вместе с командиром или попадал в плен.

Эти многократно повторявшиеся ситуации утвердили в воинской среде представление о том, что старший военачальник несёт личную ответственность за исход любой операции, а за наиболее важные решения расплачивается жизнью. Вместе с другими самурайскими ценностями это представление со временем распространилось на другие слои японского общества и прочно вошло в их жизнь. Именно в эпоху междоусобных войн сложилась характерная для современного японского общества формула личной ответственности руководителя группы. Впоследствии она распространилась и на рядовых членов группы, отве-

чающих за то или иное направление групповой деятельности. Те, кто знает об этой особенности японского менталитета, не удивляются сообщениям о самоубийствах сотрудников японских фирм, покончивших с собой из чувства личной ответственности. Такие случаи всё ещё не редкость в современной японской жизни.

В ноябре 2013 года в магазины города Киото попала партия мяса с вредными химическими добавками. За его предпродажную подготовку отвечала компания «Тамба вайн», расположенная в небольшом городке с 70-тысячным населением. Некондиционным мясом никто не отравился, но партия попавших в магазины ростбифов и сосисок составила более двух тонн, и случай получил большую огласку. Двадцать пятого ноября фирма публично принесла извинения и отозвала из розничной торговли всю партию мяса, вернув покупателям деньги. Однако ещё за пять дней до этого, 20 ноября, сотрудник фирмы «Тамба вайн», отвечавший за контроль качества, покончил жизнь самоубийством. В предсмертной записке он написал, что совершил непростительную ошибку.

В последние десятилетия случаев «самоубийства из чувства ответственности» (*сэкинин дзисацу*) становится меньше — сказывается общая гуманизация жизни. В случаях, подобных вышеописанному, японцы чаще попадают на приём к психиатру и пьют антидепрессанты, чем решаются на крайнюю меру. А самым распространённым способом взять ответственность на себя стала добровольная отставка с занимаемой должности. Здесь японская традиция органично вписалась в тенденции современного менеджмента и стала основным способом выхода из кризисных ситуаций. Самый наглядный тому пример — частая смена премьер-министров и их кабинетов в послевоенной Японии, не имеющая аналогов в экономически развитых странах. За 69 лет (с 1945 по 2014 год) в Японии сменилось 35 глав кабинетов, каждый из которых провёл на этом

посту в среднем менее двух лет. Традиционное представление о личной ответственности первого лица, сложившееся в период междоусобных войн XVI века, имеет к этому самое прямое отношение.

Семейная стратегия и тактика

В условиях многолетней борьбы воинских кланов между собой их ближайшая тактическая задача состояла в том, чтобы победить в конкретном противостоянии, а стратегическая — в том, чтобы выжить и сохранить семейную линию. И то, и другое было связано с территориальной экспансией. Такие крупные кланы, как Ода, Миёси, Ходзё, Такэда, хорошо справлялись с тактическими задачами и часто побеждали соседей, но достичь стратегической цели и выжить они в конечном счёте не сумели. Другие, наоборот, время от времени терпели поражения, но в конечном счёте сохранились и обеспечили выживание своим потомкам. Среди наиболее известных примеров — дома Мори, Токугава, Симадзу, Тёсокабэ и др.

Провинциальные воинские кланы всех уровней сами решали вопросы войны и мира, приобретений и потерь, жизни и смерти. В таких условиях нападение на ослабевшего соседа стало первой заповедью любого успешного военачальника. Если глава соседнего клана умирал от болезни или погибал на поле боя в молодом возрасте, когда наследник ещё не подрос, семья подвергалась большому риску. Соседи, если только они не были давними союзниками, не упускали своего шанса и незамедлительно атаковали владения ослабевшего хозяина. А если состояли в союзе, то брали его под свою защиту, не очень отличавшуюся от захвата. По этой причине в эпоху междоусобиц в военных домах сложился определённый алгоритм насле-

дования. Идеальным считался вариант, при котором отец в 40–45 лет назначал преемником своего старшего сына и передавал ему управление делами семьи. Но при этом оставался фактическим хозяином положения, а сын состоял при нём и на практике постигал науку управления. Ближайшее окружение получало время, чтобы привыкнуть к молодому хозяину, и когда отец достигал преклонного возраста, фактическая передача власти проходила спокойно. Воинские дома, которым удавалось придерживаться такого порядка на протяжении нескольких поколений, как правило, добивались успеха.

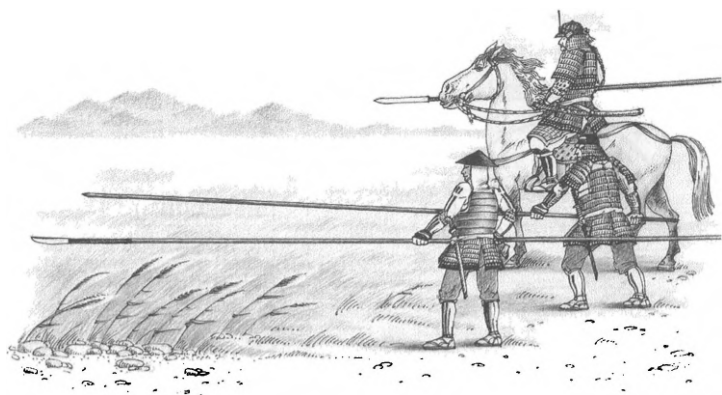
Преждевременная смерть главы клана помимо внешней опасности порождала ещё и внутреннюю — она провоцировала внутренние конфликты, чаще всего между наследником-сыном и младшими братьями главы клана, уже достаточно зрелыми для того, чтобы его возглавить. После таких конфликтов представители проигравшей стороны нередко переходили на службу к соседям и начинали воевать против своих. В свою очередь соседи внимательно отслеживали такие ситуации и при любой возможности старались переманить на свою сторону кого-либо из недовольных родственников. На этот счёт можно было бы привести десятки примеров.

Воюющие между собой кланы располагали довольно ограниченными ресурсами — мало кто из них мог собрать больше 10 тысяч человек одновременно; в местных столкновениях обычно участвовало по 2–3 тысячи воинов с каждой стороны, а во внутрисемейных конфликтах — и того меньше.

Большая раздробленность сил предопределяла роль военных союзов. Они делились на два типа: ближние и удалённые. Ближние союзы заключались между соседями с оборонительной целью, чтобы обеспечить безопасность границ на том или ином направлении и избежать войны на два фронта. Как два бойца встают спиной к спине, чтобы

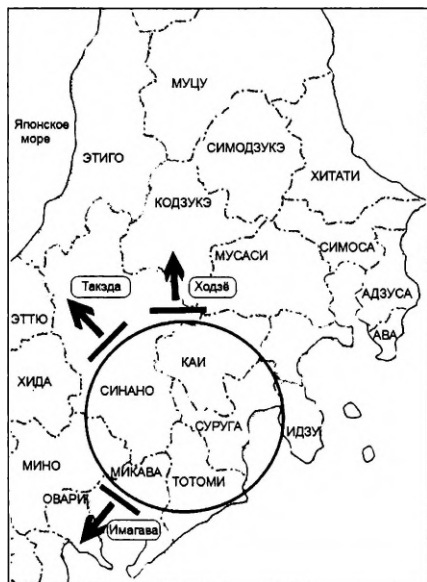
защититься от нападения сзади, один клан заключал союз со своим восточным соседом, чтобы напасть на западного, или с южным, чтобы напасть на северного. Или наоборот. В эпоху междоусобиц это был самый распространённый вариант соглашений. Воинские дома Ода и Токугава, Имагава и Ходзё, Адзай и Асакура, Роккаку и Миёси, Ходзё и Датэ — этот список можно долго продолжать. Оборонительные союзы соседей нередко бывали довольно прочными и могли длиться десятилетиями. Пожалуй, самый известный среди них — союз Ода Нобунага и Токугава Иэясу, которые поддерживали друг друга 22 года и продолжали бы делать это и дальше, если бы не смерть одного из партнёров.

В оборонительных целях создавались и тройственные союзы, но они встречались намного реже. Здесь самый известный пример — союз Такэда, Ходзё и Имагава, заключённый в 1554 году. Владения этих кланов включали в себя современный район Канто и имели форму треугольника, внутри которого находились сегодняшняя столица

Всадник и пехотинцы

Японии и гора Фудзи. Как и все прочие, этот тройственный союз был скреплён политическими браками и приёмными детьми. Старшая сестра Такэда Сингэн была выдана замуж в дом Имагава, а старшая сестра Имагава Ёсимото — в дом Ходзё. Безопасный тыл позволял каждому из союзников сосредоточиться на своём направлении: Имагава воевал на западном против Мацудайра и Ода (провинции Микава и Овари соответственно), Такэда много лет выяснял отношения с Уэсуги на севере, в провинции Синано, а Ходзё вёл боевые действия на северо-востоке, в Кодзукэ и Симоцукэ. Но чем больше участников, тем больше интересов, а значит, и выше вероятность их столкновения. В союзе Такэда — Ходзё — Имагава первые трения появились через 6 лет, а ещё через восемь, в 1568 году, он распался: Имагава сблизился с Уэсуги, многолетним противником Такэда, который почувствовал в этом угрозу и напал на бывшего союзника.

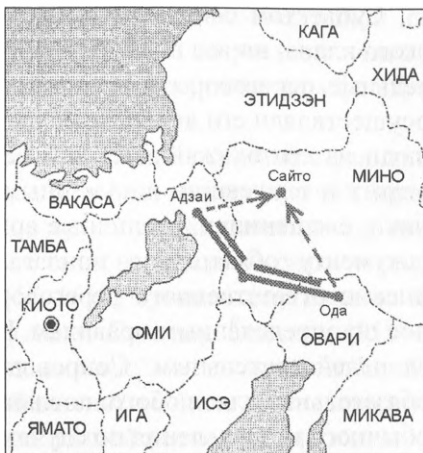

Тройственный союз Имагава —
Такэда — Ходзё

голетним противником Такэда, который почувствовал в этом угрозу и напал на бывшего союзника.

В отличие от близких союзов удалённые имели агрессивный характер — они заключались для нападения на того, кто оказывался между двумя договаривающимися сторонами. Самые известные примеры: Ода из Овари и Адзай из Оми против расположенной между ними провинции Мино во главе с Сайто Тацуоки.

Такие же соглашения заключил Такэда Сингэн с храмом Исияма хонган, домами Мори, Адзай и Асакура против Ода Нобунага; этот многосторонний союз превратился в коалицию. Имагава после разрыва отношений с Такэда создал направленный против него союз с Уэсути, чьи владения располагались за спиной Такэда.

*Удалённый союз Ода и Адзай
против Сайто*

Удалённые союзы часто оказывались краткосрочными и утрачивали актуальность сразу после достижения цели, ради которой создавались. Их агрессивная направленность оборачивалась слабостью в ситуации, когда один из союзников подвергался нападению, поскольку его партнёр мог находиться в дружеских отношениях с третьим участником и в этом случае вставал перед нелёгким выбором, кого ему поддерживать. Такие ситуации возникали довольно часто. Например, после нападения Ода Нобунага на клан Асакура главе дома Адзай, дружившему с обоими, пришлось делать трудный выбор, результатом которого стала гибель всей семьи.

Тактика, которой придерживались японские военачальники эпохи междоусобиц, не содержала ничего нового по сравнению с войнами древнего мира. В Японию она попала непосредственно из Китая и имела китайские названия; то же самое относится и к военным союзам⁴.

⁴ Энко кинко (тикаки то мадзивари, токи о сэмэру, «договор с дальним, нападение на ближнего»).

Субъектом союзного договора выступал глава воинского клана, но все приготовления, в том числе предварительные переговоры и подготовку итогового документа, осуществляли его доверенные лица (*торицугу*). Это были люди из его ближайшего окружения, знавшие воинский этикет и владевшие письменным стилем, — военачальники, священники, столичные аристократы. К итоговому документу обязательно прилагалось сопроводительное письмо ответственного переговорщика, тоже составленное по определённым правилам. Без него договор считался недействительным. Сопроводительные письма были обязательны для любого послания, в том числе и для обычного поздравления по случаю военной победы.

Основу союзного договора составляли обычно три-четыре пункта, в которых говорилось о взаимной помощи и ненападении. Текст завершала ритуальная фраза «да постигнет меня кара небесная, если я нарушу клятву» с указанием имени самого почитаемого подписантом божества. Клятву заверяли личной печатью, смоченной в крови. Для этого на деревянную печать наносили несколько капель крови из проколотого пальца и прикладывали печать к бумаге. Эта процедура всегда выполнялась в присутствии представителя второй стороны. Ставить такие печати приходилось часто, поэтому оружейники делали для кровопускания специальные иглы.

Текст соглашения (*кисёмон*) писался на листе бумаги с одной стороны, а на его обороте ставилась большая квадратная печать. Такие заранее проштампованные листы можно было купить в местных храмах, но некоторые крупные военачальники имели собственные печати. Процедура подписания проходила обычно в храмах или перед местными святынями, например, под священным деревом *сакаки* (*Cleyera japonica*). Единого ритуального стандарта на этот счёт не существовало, поэтому наблюдалось большое разнообразие вариантов. Например, руководители клана Такэда в последней фразе клялись не име-

нем божества, а родовым штандартом *михата*, одной из семейных святынь. Это знамя, кстати, по рисунку полностью совпадало с современным государственным флагом Японии — красный круг на белом фоне.

О том, насколько тесно клятва была связана с религиозным мировоззрением подписантов, говорит случай, произошедший в 1585 году во время примирения между домами Арима и Симадзу на острове Кюсю. В связи с тем, что Арима Харунобу (1567–1612) принял христианство и поклонялся чужеземному богу, Симадзу Ёсихиро (1535–1619) отказался писать для него *кисёмон* по установленной форме. В результате его обязательство было составлено как обычное письмо, без традиционной последней фразы.

Вообще, невзирая на простоту воинских нравов, формальному этикету уделялось чрезвычайно большое внимание. Военачальник, стоявший ниже в табели о рангах, не мог обращаться письменно напрямую к вышестоящему. Писать можно было только равным по статусу или нижестоящим. Примеров тому много. Такэда Кацуёри (1546–1582), когда хотел связаться со своим отцом Такэда Сингэн (1521–1573), писал письмо его советнику Атобэ Кацутада. Точно так же через получателей-посредников общались со своими влиятельными отцами сыновья Мори Мотонари (1497–1571) и Ходзё Удзиясу (1515–1571). Поэтому в современной литературе ссылки на личную переписку того времени выглядят так: «в письме такого-то автора от такого-то числа, адресованном такому-то адресату для такого-то военачальника, говорится, что...».

Заложники

Традиция человеческих жертвоприношений существовала во всех древних цивилизациях, от Индии до Центральной Америки. Пожертвовать жизнью одного из

своих членов ради выживания остальных во все века почиталось делом благородным и абсолютно оправданным. И чем чище и невиннее была жертва, тем больше она ценилась и людьми, и богами. Японцы довольно рано отказались от ритуальных жертвоприношений, но система заложничества в Средние века процветала, а междоусобные войны превратили её в один из главных инструментов междогворных отношений.

В крестьянских общинах, составлявших большую часть населения страны, конфликты разрешались с применением принципа групповой ответственности. Например, если житель одной деревни грабил, убивал или калечил жителя другой, то примирение достигалось выдачей виновного пострадавшей стороне, где его наказывали по своим законам. Кроме того, семья нарушителя обычно выдавала пострадавшим кого-либо из самых слабых своих членов — старика или ребёнка. В большинстве случаев пострадавшая сторона принимала заложника (его называли *гэсюнин* или *гэсинин*) и через некоторое время возвращала обратно целым и невредимым. Отправкой заложника виновная сторона признавала факт нанесения ущерба и гарантировала примирение. Но если возникала угроза возобновления конфликта, то заложника могли убить на законном основании.

Если же преступник скрывался и наказать его не удавалось, то вместо него семья или община выдавала пострадавшей стороне одного или двух его родственников — чаще всего жену и ребёнка (их называли *мигавари*, буквально «заместитель»). Европейских миссионеров очень удивляло, что в Японии детей активно использовали в разрешении взрослых конфликтов. В воинских семьях их с 10-летнего возраста уже разрешалось отправлять в качестве парламентариев и одновременно заложников, чего никогда не практиковалось в Европе (Фройс, 1977). Отчасти этому обычаю способствовала средневековая

японская норма, в соответствии с которой несовершеннолетние дети, женщины и старики не считались полноценными членами общества — они не могли занимать никаких формальных должностей и не несли личной ответственности за свои поступки. Эти три категории обособлялись в основной массе населения и считались своего рода прослойкой между обычными людьми и богами, которых на картинах как раз и изображали в облике стариков, женщин и детей. По этой же причине их использовали в качестве заложников — по сравнению с простым смертным жизнь приближенного к богам человека считалась более весомой гарантией и придавала клятве сакральный оттенок, возвышавший её над бранным миром. На основе этих представлений сложилась практика, в соответствии с которой заложниками чаще всего становились ближайшие родственники главы клана из числа социально недееспособных членов семьи.

Заложничество имело множество форм и использовалось в самых разных целях. Помимо добровольной отправки заложников широко практиковался их насильственный захват. В эпоху, когда боевые действия являлись одним из главных занятий для большинства населения, этот приём считался особенно действенным. В дневниковых записях придворного аристократа Кудзё Масамото (1445–1516) содержится описание событий местной жизни в провинции Идзуми. По данным источника, с 1501 по 1504 год в этой маленькой провинции произошло 13 случаев захвата заложников. В большинстве случаев объектом похищений становились крестьяне и торговцы, обычно в сезон сбора урожая и сдачи риса, а в нападениях чаще всего участвовали вассалы правящего в провинции дома Хосокава и монахи крупного храма Нэгоро (Фудзики, 2008). Заложников содержали в плетёных бамбуковых корзинах связанными по рукам и ногам, так же как арестованных преступников. В большинстве случаев они возвращались живыми после

выполнения выдвинутых требований, но в случае побега и поимки заложников их могли убить.

Воинское сословие придерживалось таких же социальных норм и установлений. Воевавшие между собой кланы обменивались заложниками в нескольких стандартных ситуациях. Во-первых, при капитуляции в обмен на сохранение жизни всем оставшимся — для гарантии, что проигравшая сторона не возобновит войну. Во-вторых, при заключении союзного договора или принятии вассалитета — как обещание выполнять оговорённые условия. Политические браки между детьми договаривающихся военачальников представляли собой более мягкую разновидность заложничества с использованием кровнородственных связей — рождавшиеся в таких браках дети дополнительно скрепляли отношения сторон. В политических браках в залог тоже отдавалась жизнь более слабого, в данном случае женщины. Мягкость этой формы заложничества состояла в том, что дочери военачальников имели в чужом доме высокий статус хозяйки, а в случае разрыва отношений их не убивали, а возвращали в отчий дом, в то время как формальных заложников в таких случаях казнили.

В истории междоусобных войн было немало примеров, когда политические браки оказывались самым действенным фактором, решавшим судьбу альянсов и обширных землевладений. Не сумев одолеть Токугава Иэясу в прямом столкновении, Тоётоми Хидэёси едва ли не насильно женил его на своей сестре и тем самым вынудил принять вассалитет. Ода Нобунага сначала породнился с Адзай Нагамаса, отдав ему в жёны младшую сестру Оити, а затем с его помощью завоевал провинцию Мино. Если отец или брат отданной замуж женщины начинали воевать с её мужем, то обычно её разлучали с детьми — сама она возвращалась в отчий дом, а дети оставались с отцом. Потерпев поражение, глава клана совершал самоубийство, и члены семьи, в том числе дети, как правило, разделяли его судьбу.

В эпоху междоусобиц жизнь заложников зависела от того, насколько добросовестно их гарант выполнял взятые на себя обязательства. По разным причинам гаранты часто меняли свои решения, и тогда заложники погибали. Иногда ими жертвовали вынужденно, в силу обстоятельств, иногда — сознательно. С июня 1578 по январь 1580 года Тоётоми (в то время Хасиба) Хидэёси вёл трудную осаду замка Мики в провинции Харима. Вступив в тайную переписку с Накамура Тюгоро, одним из защищавших замок командиров, Хидэёси склонил его к измене. Тюгоро пообещал в нужный момент открыть главные ворота и в подтверждение своих слов отправил к Хидэёси родную дочь. В условленное время ворота замка открылись, и нападавшие бросились на штурм, но попали в засаду и были уничтожены. С самого начала Тюгоро вёл двойную игру, чтобы заманить людей Хидэёси в ловушку, и ради этого пожертвовал собственной дочерью. Девушка была казнена.

Осенью 1582 года Ода Нобутака, третий сын Нобунага, выступил против Хидэёси, но потерпел поражение и капитулировал. Его мать и дочь были отправлены к победителю в качестве заложниц. Однако уже весной следующего года Нобутака нарушил клятву и снова поднял оружие против Хидэёси, на этот раз в союзе с Сибата Кацуиэ. Чем подписал смертный приговор своей матери — её казнили на кресте. О судьбе дочери сведений не сохранилось. Со смертью на кресте женщине ещё повезло, поскольку в то время заложников было принято казнить самыми лютыми способами — специально, чтобы удержать гаранта от измены. Обычно осуждённого привязывали к кресту и медленно протыкали снизу копьём от ягодиц до горла. Эта казнь (*кусидзаси*, буквально «нанизать на шампур») применялась в Японии со времён эпохи Хэйан и считалась самой жестокой разновидностью смерти на кресте. Таким способом Имагава Удзидзанэ (1538–1615) в 1560 году каз-

нил одиннадцать заложников, чтобы удержать Токугава Иэясу от разрыва отношений с его семьёй. В то время 17-летняя жена Иэясу и его новорождённый сын находились в руках Удзидзанэ, и в случае его измены их казнили бы таким же способом.

Во время бунтов и боевых действий широко практиковался прямой «коммерческий» захват заложников. В дальних походах и на чужих землях захватчики вообще не церемонились — деревни грабили и сжигали, домашний скот, имущество и продовольствие забирали с собой. Мобилизованные в поход крестьяне даже рис на корню с чужих полей собирали. Рабочей силы везде не хватало, поэтому людей тоже уводили в плен. Взятых заложников либо возвращали родственникам за выкуп, либо (чаще всего) продавали в рабство в соседние провинции: мужчин — на рудники или на полевые работы, женщин — в служанки или проститутки. На острове Кюсю, где во второй половине XVI века активно расширился клан Симадзу, процветала продажа людей не только внутри страны, но и за рубеж, в Китай и Корею. Европейские миссионеры, сообщавшие о работорговле в своих записках, сами охотно покупали себе рабов, что в разговоре с Хидэёси в 1587 году признал португальский иезуит Гаспар Коэльо (1530–1590). На вопрос Хидэёси, почему они это делают, пастор скромно ответил: «Так ведь сами японцы нам их продают» (Фройс, 1977).

О захватах пленных, исчислявшихся сотнями человек (как правило, женщин, детей и стариков), с последующей продажей в рабство говорится во многих хрониках того времени. Этим промыслом занимались преимущественно низшие категории воинского сообщества — рядовые крестьяне-пехотинцы и разнорабочие, для которых торговля захваченными людьми составляла важную часть боевого дохода. Согласно хронике *Кацуямаки*, на невольничьих рынках минимальная стоимость одного раба составляла

2 каммон серебром (на современные деньги около полутора тысяч долларов США). При выкупе заложника родственникам приходилось платить больше — от 2 до 8 каммон. В таких сделках посредниками обычно выступали торговцы, получавшие за содействие свой процент.

Но это в городе и в более или менее благополучное время. В других обстоятельствах цены на рабов могли сильно меняться. Например, в 1566 году Уэсуги Кэнсин, в то время ещё носивший имя Нагао Кагэтора, взял замок Ода в провинции Хитати. По его распоряжению в призамковом городе был организован невольничий рынок, на котором с февраля по март того же года шла бойкая торговля захваченными в плен жителями по цене от 20 до 30 каммон за человека. Столь высокая норма прибыли объяснялась тем, что свирепствовавший в северо-восточном регионе голод резко сократил местное население и рабочих рук катастрофически не хватало. Тот факт, что такие прославленные полководцы и герои междоусобных войн, как Такэда Сингэн, Уэсуги Кэнсин, Имагава Ёсимото, совмещали военные подвиги с банальной работоторговлей, особо не афишируется, и в сегодняшней Японии об этом мало кто знает.

Массовый захват пленных и заложников происходил также во время городских беспорядков, в том числе и в столице. Горожане, в том числе и купцы, уже имевшие опыт посредничества в сделках с живым товаром, сами или через наёмников похищали сограждан, а затем с выгодой продавали. Повальные грабежи и захваты пленников вынуждали население при первых признаках смуты бежать в пригородные леса и деревни. Многие семьи заранее копали в лесу замаскированные погреба и схроны, где можно было укрыться от беспорядков и попытаться спасти имущество. Соседи, живущие в одном квартале, часто делали это общими усилиями; некоторые даже строили в каком-нибудь глухом углу рассчитанные на оборону

мини-укрепления, обнесённые насыпью и бамбуковой изгородью.

В сельской местности тоже регулярно случались набеги и боевые действия, поэтому крестьяне принимали свои меры безопасности. Деревенские старосты и настоятели храмов заранее заключали с окрестными военачальниками договоры о неприкосновенности своих угодий (*киндзэй*). По условиям соглашений, самурайским отрядам запрещалось не только разбойничать на этих землях, но даже заходить на них и останавливаться на ночёвку. За такие гарантии селяне и монахи платили военачальникам хорошие отступные, но всё-таки это было лучше, чем грабёж и полное разорение. Гарантийные грамоты с поручительствами местных военачальников обычно вывешивались на приспособленных под объявления деревянных щитах при въезде в деревню или храмовое поселение.

Больше всего страдали от боевых действий крестьяне, жившие на границах провинций, которые управлялись разными кланами. Вражда и боевые действия между ними могли длиться годами и даже десятилетиями, поэтому в таких уездах старосты заключали соглашения с обеими воюющими сторонами. В обмен на неприкосновенность полей и жилищ крестьяне поставляли рисовый оброк (*нэнгу*) и тем, и другим. Такие соглашения назывались словом *хантэ* (половина руки) и давали больше шансов на спокойную жизнь, поскольку военачальники в таких случаях тоже договаривались между собой. Если же враг приходил издалека и никаких договорённостей с ним не существовало, то единственным способом избежать тотального уничтожения оставалось собрать большой выкуп, сопоставимый с доходом захватчиков от разорения деревни. Такие случаи тоже были.

Крестьянин-пехотинец

Кроме мирных способов самозащиты существовали и военные. Каждая деревня, каждый храм имели собственные вооружённые силы, составленные из мужчин молодого и среднего возраста. Воевали в основном с соседями, а против самурайских отрядов выходили редко — когда поблизости случалось крупное сражение. Такие вылазки назывались «охотой на побеждённых» (*отидокари* или *отибусакари*) и представляли собой одну из форм мародерства. «Охотой» занимались не только сельские, но и городские жители. Нападая на остатки отрядов, проигравших сражение и бежавших с поля боя, крестьяне их убивали, забирая себе оружие, лошадей, доспехи и другие материальные ценности. Если среди убитых попадались командиры, то за их головы можно было получить хорошие деньги от победителя, поэтому их тоже с собой прихватывали. После боёв не только в деревнях, но и в городах часто бывали погромы, жертвами которых становились случайные люди, которых по ошибке принимали за сторонников проигравшей стороны.

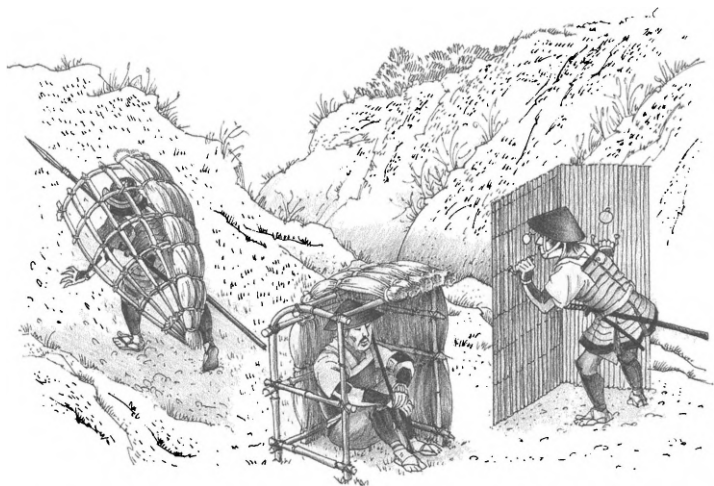
Боевые будни

Вмеждоусобных сражениях главной действующей силой были рядовые самураи и крестьяне-пехотинцы, составлявшие большую часть любой армии. Какими бы стратегическими талантами ни обладал полководец, численность его войска оставалась главным фактором победы. Что отражалось в популярной поговорке того времени, по смыслу противоположной известному выражению Александра Суворова — *хэй оки га кацу* «побеждают числом». Следуя вековой традиции, главнокомандующий издавал перед боем протяжный боевой клич «э-э-э-й», и войско отвечало ему многоголосым «о-о-о-о-о». Чем

дружнее и мощнее был ответ, тем более многочисленной и сплоченной казалась готовая к бою рать.

Большую армию можно было набрать только из крестьян, и это во многом определяло боевую тактику. Тотальные мобилизации мужского населения опустошали деревни и срывали полевые работы, поэтому в период посевной и уборки риса крестьян старались не отвлекать. Это означало, что воевать можно было три раза в год по одному-два месяца — после таяния снегов до начала посевной, между посевной и уборкой риса, а также после окончания уборки и до наступления холодов. Сезонность климата тоже вносила свои коррективы. На северо-востоке, вдоль побережья Японского моря, как и сегодня, выпадали обильные снега, затруднявшие передвижение войск. Кроме того, зимой расходы на походное содержание армии резко возрастали, поэтому боевые действия в это время года, как правило, не велись.

Питались в то время два раза в день. Причём не только крестьяне, но и самураи, в том числе военачальники. И только в боевом походе вводился усиленный режим трёхразового питания. Во-первых, на пехотинцев ложилась большая физическая нагрузка — им приходилось ежедневно совершать многокилометровые переходы и строить укрепления. Верхом передвигалась лишь самурайская конница, составлявшая не более 10% войска, а остальных лошадей использовали для перевозки провианта и амуниции. Долгие пешие переходы истощали силы и требовали усиленного питания, а сила и выносливость на поле боя были чрезвычайно важны. Управляться с холодным оружием нелегко даже без тяжёлых доспехов, а японские воины отнюдь не были богатырями. Средний рост мужчины составлял в то время 156–157 сантиметров. По сохранившимся доспехам было установлено, что Ода Нобунага и Токугава Иэясу, например, имели рост 157 см, а Тоётоми Хидэёси — 154. Такие гиганты, как Уэсуги Кэнсин

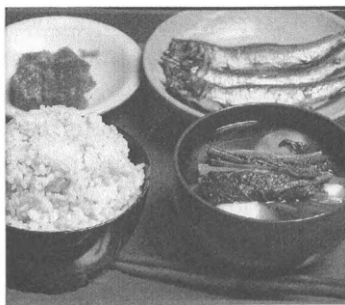
Защитные приспособления

(180 см) или Маэда Тосиизэ (182 см), были большой редкостью.

Влажный японский климат тоже приходилось учитывать. Сегодня в Японии за год выпадает 170 см осадков, это в два раза больше, чем в среднем на планете, а в некоторых районах острова Кюсю уровень осадков достигает 230 см. Более влажный климат только в тропиках. В XVI веке доспехи делали из кожаных пластин, покрытых несколькими слоями лака. Защищавшая грудь и живот кираса дополнительно укреплялась металлическими кольцами, что увеличивало её вес. Шлем полностью состоял из металлических пластин и защищал сзади и сбоку не только голову, но и шею, поэтому был очень тяжёл. Его надевали непосредственно перед боем, поэтому у старших командиров были специальные адеютанты-шлемоносцы (*кабуро докорояку*), повсюду следовавшие за ними. Во время боя шлем хорошо защищал от стрел и слабых ударов, но не спасал от

тяжёлых ударов мечом, копьём или камнем. Потеряв от сотрясения ориентацию всего на несколько секунд, воин становился лёгкой добычей противника. Поэтому со временем шлем стали обшивать изнутри амортизирующими материалами, что ещё больше увеличило его вес и размер. Воевали в основном в тёплое время года, поэтому голова под шлемом сильно потела, во время боя пот заливал глаза и сильно мешал. Это стало одной из причин, по которым самураи начали брить себе лбы. Впоследствии эта воинская привычка распространилась на всё мужское население страны, и со временем выбритый до затылка лоб стал отличительной чертой любой мужской причёски.

В общем, как и во все времена, ратный труд был физически тяжёл и требовал выносливости. В мирное время питание японских воинов вряд ли вдохновило бы современного гурмана. Стандартный набор блюд состоял из миски бобового бульона *мисо*, в который добавляли соевый творог *тофу*, пшено или чечевицу, а также съедобные травы. Военачальники питались чуть лучше: им полагался отварной рис, к нему маринованные овощи и пара-тройка зажаренных рыбок с чашкой зелёного чая в конце трапезы. В боевом походе физическая нагрузка

Повседневный рацион
рядового (слева), военачальника (справа)

резко возрастала: воинам приходилось совершать многокилометровые переходы, копать рвы и строить укрепления, поэтому питание становилось многоразовым и более калорийным: готовясь к походу, интенданты исходили из расчёта 1–1,5 кг белого риса и 36 граммов *мисо* на одного бойца в день⁵ (Сасама, 2014). Правда, в походных условиях эти нормы не всегда соблюдались.

В бою главной ударной силой являлась конница, но она составляла абсолютно меньшую часть войска и без помощи пехоты не могла обеспечить победы. Японские лошади уступали европейским в силе и выносливости — при росте 120–130 см они имели вес от 250 до 350 кг, в то время как современные арабские скакуны весят около 500 кг и в среднем выше японских лошадок на 40 см. В XVI веке японский боевой конь мог брать на спину груз до 150 кг и проходить с ним от 25 до 40 км в день, но при этом двигался чуть быстрее пешехода. Это немногим больше, чем дневной переход пешего воина, хотя по грузоподъёмности один конь заменял пятерых носильщиков. Современные эксперименты показали, что с 50-килограммовым всадником и 45 килограммами груза японская лошадь образца XVI века не может двигаться быстрее 9 км в час. С учётом этого в конные отряды в первую очередь набирали самураев небольшого роста и веса.

Тем не менее при движении по равнине конный отряд даже с грузом передвигался быстрее, чем пехота. Но на пересечённой местности опять возникали проблемы. Лошадь с всадником поднимается в гору быстрее, чем человек, но зато медленнее спускается, а крутые склоны более 30 градусов ей вообще недоступны. В Японии много невысоких, но крутых гор, поэтому коннице часто приходилось их огибать, проходя лишние расстояния.

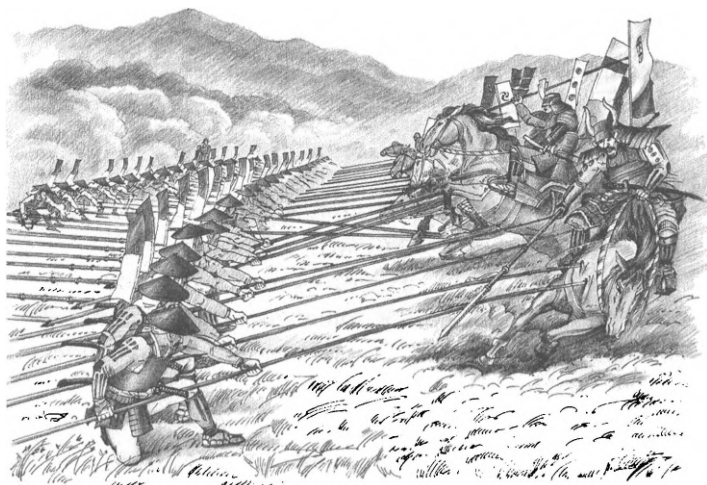
⁵ В японских мерах ёмкости: от шести *го* до одного *сё* риса и два *го мисо* на десять человек (1 *сё* = 1,8 литра, 1 *го* = 0,18 литра).

Во время боя также приходилось учитывать некоторые особенности поведения лошадей. Эти животные вообще пугливы по своей природе, и далеко не все годились для сражений. Испуганный конь мог унести всадника куда угодно, поэтому боевых лошадей тщательно отбирали и тренировали. Предпочтение отдавалось животным с норовом, а более спокойных использовали для перевозки грузов. Чтобы отобрать сотню боевых лошадей, нужно было содержать табун в 400–500 голов. Лучшими в стране пастбищами славились восточные провинции, в первую очередь Каи, Синано, Мусаси, Кодзукэ. Здесь с IX века выращивали боевых лошадей на продажу. Не случайно в эпоху междоусобиц лучшей считалась конница Такэда Сингэн из провинции Каи, составлявшая десятую часть его 30-тысячного войска; кроме него никто не имел такого количества всадников. Лошади Такэда отличались хорошей выучкой; они не шарахались от громоподобных выстрелов аркебуз и были приучены к запаху горелого дерева, который обращает в бегство всех животных без исключения. Разумеется, эти качества обеспечивались целой армией знающих своё дело коневодов. Особое место, которое занимает Такэда Сингэн в истории междоусобных войн, не в последнюю очередь объясняется расположением его владений и тем вниманием, которое он уделял подготовке боееспособной конницы.

Во время боя лошадей убивали так же, как людей. Самым опасным оружием считались для них меч и копьё. Согласно одному из источников XIV века, более 60% всех смертельных для лошадей ран приходилось на уколы копьём (Конлан, 2013). Типичное защитное построение пехоты против конницы называлось *ярибусума*, при котором пехотинцы выстраивались в линию и, укрывшись за щитами, выставляли вперёд длинные копья. Обычно таких линий было несколько. В конной атаке животные первыми налетали на острые лезвия, но за

счёт массы сминали ряды пехотинцев. Впрочем, лошади и их всадники гибли на поле боя всё же намного реже, чем пешие воины.

В течение столетий основным оружием японских воинов служили лук, меч и копьё. Для конного самурая большой меч не являлся главным оружием — копьё и лук были эффективнее, поэтому лучники и копьеносцы воевали как верхом, так и в пешем строю. Ценность меча резко выросла позднее, в XVII веке, когда он стал символом самурайской чести. Примерно за 200 лет до эпохи междоусобных войн размеры меча и техника его использования несколько изменились. Лезвие меча укоротилось, и в ножны его стали вкладывать остриём вверх, а не вниз — это давало выигрыш во времени. При положении меча остриём вниз атакующий удар выполнялся в три движения: вынуть из ножен, сделать замах, нанести удар. Положение остриём вверх позволяло слить первые два движения в одно — выхватывая меч, воин одновременно замахивался им для

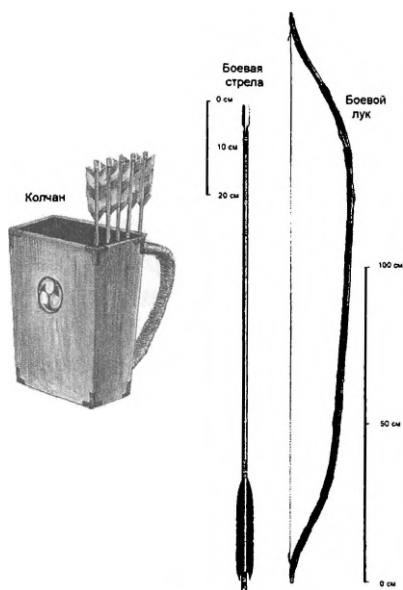
Защитное построение ярибусума

удара. К XVI веку эта техника стала повсеместной и получила название *нукиути* (от глаголов *нуку* «вынимать» и *уцу* «наносить удар»). Выигрываемые с её помощью доли секунды спасали жизнь более тренированным воинам.

Однако при всех своих достоинствах меч оставался оружием ближнего боя, а во время массовых сражений основной урон живой силе противника наносился на расстоянии, недоступном

для меча, — копьём и стрелами. Размах дуги лука в среднем составлял около полутора метров, а длина стрелы — чуть больше метра. На самых больших луках дуга могла достигать двух метров. Для лучника важнейшими факторами были дальность полёта стрелы и её убойная сила. Дальность выстрела обеспечивалась оперением стрелы и облегчением её веса, а также упругостью дуги. Её измеряли силой, необходимой для сгибания дуги при натяжении тетивы; обычно это делали два или три человека.

Для изготовления стрел лучшим материалом считался двухлетний бамбук, срезанный в определённое время года. Обычная стрела весила 50–70 граммов и пролетала 200–300 метров. Попав в незащищённую часть тела, она наносила серьёзную травму на расстоянии до 100 метров, а с 15 метров пробивала даже кожаную кирасу, усиленную

Лук и стрелы

металлическими кольцами. Все лучники делились на пеших и конных; стрельба на скаку требовала особой сноровки, которая достигалась долгими упражнениями. Для верховых лучников подбирали специальных лошадей — не самых быстрых, но с ровным бегом. Перед боем в колчане у каждого из них находилось по 20 стрел.

По числу единиц оружия, использовавшегося в сражениях, безусловное первое место занимало копье, поэтому его и можно считать главным оружием эпохи междоусобных войн. Это подтверждается и гравюрами XVI века, на которых чаще всего изображены воины, вооружённые копьем. Долгое время обычная длина копья составляла 2,7–3,6 метра, пока Ода Нобунага не внедрил в своей армии сверхдлинные 6-метровые копья. Со временем это новшество, изменившее тактику боя, переняли и другие военачальники. Длинные копья (*нагаяри*) не отменили и не вытеснили применявшиеся до этого более короткие пики (*мотияри*), а лишь расширили диапазон применения этого оружия.

Умелое обращение с копьем, особенно со сверхдлинным, также требовало долгих тренировок. Копьеносцы

Верховой лучник (гравюра)

отрабатывали на них три основных приёма — один защитный и два атакующих. Первый заключался в том, чтобы ударом сбоку отвести копьё противника, а для нападения использовались выпад и удар сверху. В 20–25 см от острия копья по обеим сторонам располагались два изогнутых крестовидных рожка, с помощью которых копьё противника захватывалось и отводилось в сторону. Самые ловкие воины использовали упругие бамбуковые копья в качестве шеста при преодолении препятствий (ров, речка, стена и т. п.).

В XVI веке японцы впервые познакомились с огнестрельным оружием. Оно было создано в Германии в 1379 году, но в Японию попало лишь 164 года спустя. В 1543 году 15-летний юноша по имени Танэгасима Токитака, служивший клану Симадзу на острове Кюсю, купил у европейцев две металлические трубки с непонятными приспособлениями и фитилями. Это были первые

Смерть самурая

европейские аркебузы (официальное название — гладкоствольное фитильное дульнозарядное ружьё). На следующий год диковинное оружие попало в столицу и было показано сёгуну. Весть о новинке быстро облетела провинции, и местные военачальники стали один за другим налаживать у себя её производство. Вскоре огнестрельное оружие распространилось широко, но неглубоко — пользовались им ограниченно. Первые 30 лет аркебузы считались вспомогательным оружием. Его поражающая сила была выше, чем у лука и стрел, но это преимущество сводилось на нет двумя недостатками: невозможностью прицелиться и долгой подготовкой к выстрелу. От аркебуз, как и от луков, защищались бамбуковыми вязанками. Связанные вместе стволы молодого бамбука надёжно защищали пехотинцев и от пуль, и от стрел. До появления огнестрельного оружия от стрел и копий прикрывались щитами, но пули их легко пробивали, поэтому пришлось изобрести новый способ защиты. Считается, что эта идея родилась в голове одного из вассалов Такэда Сингэн, а затем быстро распространилась по стране.

Бамбуковая защита

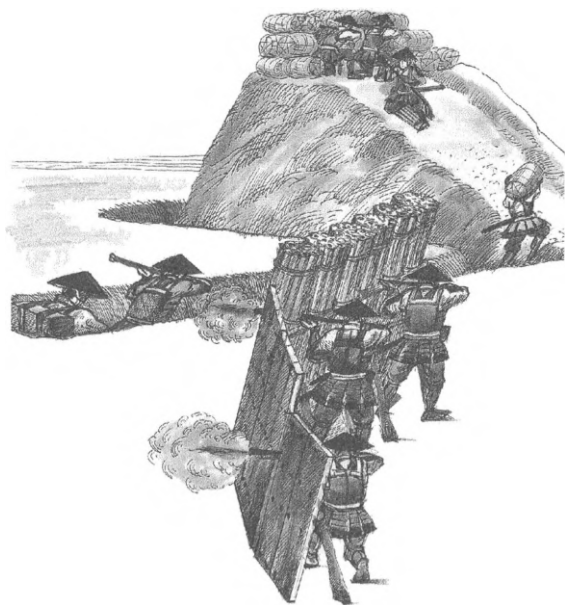
В XVI веке в Японии использовались аркебузы с калибром дула от 10,5 до 22 мм. В современных экспериментах было показано, что с расстояния в 30 метров пуля калибра 15,5 пробивала от 4 до 6 бамбуковых стволов диаметром 4 см. Оружие калибра 18,4 показало чуть большую убойную силу. Это означает, что с расстояния до 30 метров пуля пробивала любые защитные доспехи и гарантированно выводила человека из строя; на большем расстоянии она могла нанести ему урон только в том случае, если попадала в незащищенную часть тела. Как уже говорилось, при стрельбе из лука гарантированный урон противнику наносился с расстояния до 15 метров.

Однако меньшая поражающая сила лука компенсировалась его скорострельностью, а что касается аркебузы, то её главный недостаток заключался в долгой зарядке. Для подготовки к выстрелу нужно было выполнить следующие действия:

- 1) Прочистить дуло шомполом, удалив пороховой нагар от предыдущего выстрела.
- 2) Засыпать в дуло порох.
- 3) Вставить пулю.
- 4) Загнать пыж и с помощью шомпола уплотнить её в стволе.
- 5) Насыпать порох на полку, закрыть крышку.
- 6) Взять фитиль, прицелиться, положить палец на курок.
- 7) Открыть крышку, запалить порох, выстрелить.

Самому тренированному стрелку на все эти действия требовалось не менее 20–25 секунд, и если он не попадал в противника со 100 метров, то на второй выстрел времени могло и не хватить — за 25 секунд даже пехотинец мог пробежать эту дистанцию, не говоря уже о всаднике. А лучник за это же время успевал выстрелить до 5 раз,

причём более прицельно. Поэтому аркебузир и лучников на поле боя обычно ставили рядом — пока первые перезаряжали оружие, вторые осыпали противника градом стрел. Эффективной оказалась также установка перед линией стрелков защитного ограждения, которое исключало непосредственный контакт с наступающим противником. Дополнительные неудобства аркебузирам создавал и запальный пеньковый фитиль: в дождливую погоду он отсыревал и часто гас, его приходилось поджигать заново, на это тоже уходило время. Кроме того, из аркебузы было почти невозможно прицелиться. Поэтому в первые десятилетия считалось, что огнестрельное оружие больше подходит для внешнего эффекта — чтобы оглушить противника или напугать его лошадь грохотом выстрела. И действительно,

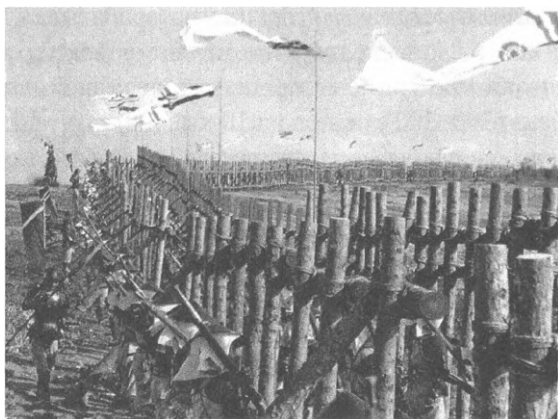
Аркебузиры

этот психологический фактор иногда срабатывал, но для победы его было недостаточно, поэтому аркебузиры составляли обычно три-пять процентов от общей численности войска (300–500 стволов на 10-тысячную армию).

Ситуация начала меняться после 21 мая 1575 года, когда в сражении при Нагасино⁶ Ода Нобунага впервые сумел на практике использовать преимущества аркебуз, выставив на линию огня более тысячи стрелков. Как именно он организовал их действия, неизвестно, но, по свидетельствам участников боя, выстрелы звучали в три раза чаще, чем обычно. Наиболее вероятным считается вариант, при котором один пехотинец только стрелял, а двое помощников заряжали и подавали ему оружие. Европейский историк Джеффри Паркер отмечает, что этим изобретением Нобунага почти на 20 лет опередил европейцев — они начали применять этот приём в 1594 году, а по-настоящему широко он распространился в 1620-е годы (Конлан, 2013). Умелое использование преимуществ огнестрельного оружия помогло Нобунага одержать убедительную победу над Такэда Кацүёри. Несмотря на все свои недостатки, к концу XVI века огнестрельное оружие из вспомогательного превратилось в основной фактор дистанционного поражения, а лук и стрелы хотя и продолжали использоваться, но отошли на второй план. Если раньше сражение начиналось с массированного обстрела противника из луков, то после 1575 года его первым делом осыпали градом пуль, стремясь разрушить наступательные порядки. Если это удавалось, то вторым эшелоном в бой вступали конные копьеносцы. Атакуя смешавшиеся ряды противника, они вынуждали его ввести в бой своих копьеносцев, и бой делился на множество групповых поединков. Излюбленным приёмом Ода Нобунага было введение в этот момент второго эшелона вооружённых копьями всадников ударом во

6

По названию замка, в окрестностях которого произошло сражение.

Стрелки за заграждением

фланг противнику. Этот манёвр назывался «копьё в бок» (*ёкояри*) и часто приносил успех. Выражение «воткнуть копьё в бок» сохранилось до наших дней и в современном языке означает неожиданный и очень болезненный удар в широком смысле этого слова.

Появление огнестрельного оружия повлияло и на фортификационные сооружения. Раньше для них достаточно было бамбуковой изгороди, а с появлением аркебуз, а затем и пушек возникла необходимость в возведении более прочных деревянных ограждений и земляных насыпей, а в стрелковых башнях стали делать бойницы.

Жизнь и смерть самурая

Во время междоусобных войн мужчины часто гибли на полях сражений. В самурайских семьях из десяти сыновей до среднего возраста доживали двое-трое, а в одном из воинских кланов из провинции Сацума, по дан-

ным Овада Тэцуо, в пяти поколениях ни один мужчина не умер своей смертью (Овада, 1993). Для самурая гибель на поле боя считалась естественным завершением жизни независимо от её продолжительности, поэтому о погибшем 20-летнем воине скорбели не больше, чем о 40-летнем. В воинской этике главное место занимал выбор не между жизнью и смертью, а между смертью достойной и недостойной. Широко распространённое в то время выражение «сохранить себя в чистоте» (*онорэ о исагиёку суру*) отражало общественное внимание к тому, как человек уходил из жизни. За несколько столетий в воинской среде сложилось твёрдое представление о том, что умирать надо спокойно и с достоинством, без патетики и красивых жестов. А свои подлинные чувства воин должен уметь скрывать.

На этот счёт можно привести много примеров, но ограничимся одним. Весной 1582 года замок Уодзу⁷ в провинции Этидзэн был окружён армией Ода Нобунага под командованием Сибата Кацуиэ. Среди 3800 защитников замка, которыми командовал 24-летний Накадзё Кагэясу (1558–1582), были представители всех сословий — монахи, крестьяне, рядовые самураи, местные предводители разных рангов. Во второй половине мая Уэсуги Кэнсин выслал им на подмогу большой отряд, но он не смог пробиться к осаждённым, и гарнизон остался без помощи. Когда стало ясно, что замок не удержать, на военном совете приняли решение: 12 старших командиров должны покончить жизнь самоубийством. Договорились, что каждый проткнёт себе ухо и вставит в него металлическое кольцо с деревянной дощечкой, на которой напишет своё имя и звание. После *сэппуку*⁸ голова будет отделена от тела, и с помощью дощечки её будет

⁷ Сегодня это одноимённый город в префектуре Тояма.

⁸ *Сэппуку* — ритуальное самоубийство, литературный и более уважительный синоним слова *харакири*.

легко идентифицировать. Так все узнают имена тех, кто ушёл из жизни достойно. А чтобы показать противнику силу духа, самоубийство решили исполнить самым трудным способом — крестообразным разрезом с двух рук. Всё это занесли в протокол и поручили обнародовать после падения замка. Командиры гарнизона добились своей цели: в Японии о них помнят до сих пор. Групповое самоубийство произошло 3 июня 1582 года, а за сутки до этого в 400 километрах от замка Уодзу, в Киото, покончил с собой их противник Ода Нобунага, оказавшийся в похожей ситуации.

В популярной литературе часто говорится о том, что перед самоубийством воины сочиняли трёхстишия, в которых выражали своё эмоциональное состояние. Как правило, это сдержанные, исполненные лёгкой грусти послания в буддийском духе, нередко отстранённо-философского содержания.

Семнадцатого января 1580 года после многомесячной осады пал замок Мики, который защищали братья Бэссё. Старшему Хидэхару в тот год исполнилось 22 года, а младшему Томоюки — 20. Перед капитуляцией братья покончили с собой, оставив предсмертные послания. Младшему брату приписывают следующие строки:

*Има ва тада урами мо арадзу
Сёнин но иноти ни кавару
Вагами о омоэба*

Досады нет во мне при мысли,
Что жизнь свою меняю я
На жизни остальных

Составление предсмертного послания полностью вписывается в буддийские представления японцев о жизни и смерти, и это даёт основания полагать, что большинство

стихотворений были сочинены позднее и приписаны воинам, выполнившим требования морального кодекса. Во всяком случае, такого мнения придерживаются многие японские историки. Например, Овада Тэцуо приводит два достоверных случая, когда предсмертные трёхстишия были приписаны воинам после их смерти (Овада, 1993). Мотивация вполне очевидна. Столетие междоусобных войн породило немало героев, до конца выполнивших свой воинский долг. Впоследствии события эпохи были романтизированы и легли в основу исторических романов и театральных постановок. Это можно наблюдать в Японии и сегодня — в кино и на телевидении снимается огромное количество фильмов и сериалов на исторические темы. Они чрезвычайно популярны, и не последнюю роль в этом играет героизация действующих лиц и событий того времени. Герои этих фильмов немногословны, мужественны, решительны и справедливы. Другая сторона их личности — глубокое понимание жизни и философский склад ума. Невозможно представить, чтобы такой человек перед смертью не оставил своим потомкам послания, лаконичного по форме и глубокого по содержанию. И если в действительности такого послания не было, его сочиняли позднее, облагораживая память об ушедшем воине, что полностью вписывается в синтоистскую философию почитания предков.

Традиция оставлять в конце жизни какой-либо итоговый текст действительно существовала. Она восходит к началу XIII века, когда главы успешных воинских кланов начали составлять семейные наставления (*какун*) — своего рода внутренние уставы, следуя которым потомки патриарха могли продолжить его успех. За несколько веков таких наставлений было написано великое множество, и со временем в общественном сознании прочно утвердилось представление о том, что достойный человек перед уходом из жизни непременно должен подвести ей какой-

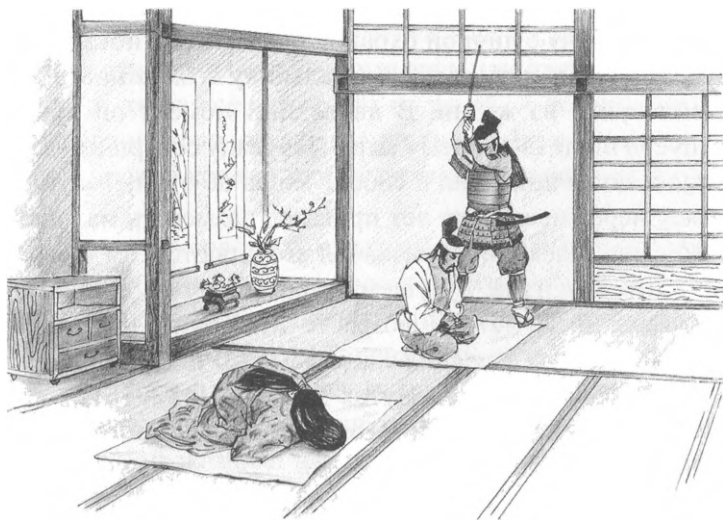
то итог. Текст мог быть длинным или коротким, в прозе или в стихах, но какой-то должен быть обязательно.

Сохранившиеся описания обстоятельств смерти многих известных военачальников, да и просто здравый смысл подсказывают, что вряд ли увлечение предсмертной поэзией могло быть массовым. Во-первых, сами обстоятельства. Далеко не каждый человек на грани жизни и смерти способен создать что-то изящное по форме и глубокое по содержанию. Во-вторых, вряд ли самураи XVI века, в подавляющем большинстве люди не самого аристократического происхождения и культуры, настолько хорошо владели литературным китайским языком. Из сохранившихся записей известно, что в поэтических турнирах того времени участвовали в основном священнослужители и придворные аристократы, а представители воинского сословия стихи писали крайне редко. К числу немногих военачальников, наделённых поэтическим даром, принадлежал, например, Акэти Мицухидэ. Авторы романов и пьес, написанных в последующие мирные столетия, наверняка сочиняли стихи лучше, чем самураи эпохи междоусобиц. Грамотно, с соблюдением всех этикетных форм составленные письма и распоряжения военачальников также не могут служить доказательством их литературной одарённости, поскольку главы воинских домов сами документов не писали — для этого у них были штатные писари (*юхицу*), обычно из числа священнослужителей.

Японские женщины в то время нечасто брали в руки оружие, но их отношение к смерти не очень отличалось от мужского. Во многих воинских кланах крупное поражение главы дома нередко становилось смертным приговором для всех членов его семьи, и женщины в таких случаях без колебаний принимали свою судьбу. Для них тоже самоубийство считалось наиболее почётным способом ухода из жизни, но в отличие от мужчин женщины убивали себя ударом кинжала в горло. Согласно хроникам, так погибли жёны во-

еначальников Уэно Таканори (1575), Бэссё Нагахару (1580), Такэда Кацуёри (1582) и многие другие.

В одной из местных хроник провинции Будзэн (остров Кюсю) сохранилось описание редкого случая, когда женщине, а точнее, молодой девушке в силу обстоятельств пришлось даже выступить в роли ассистента при ритуальном самоубийстве. В 1584 году во время штурма форта Нэкоо его хозяин Куроги Иэнага оказался в безвыходной ситуации, когда в последний момент рядом с ним не оказалось никого кроме 13-летней дочери. Приставив к животу меч, он велел ей помочь себе и отсечь голову, но дрожащая от страха девочка наотрез отказалась. Она много раз слышала, что для самурая нет большего позора, чем предстать живым перед ворвавшимся в дом противником, но ничего не могла с собой поделать. Махнув на дочь рукой, отец вонзил меч себе в живот и скорчился на полу от боли. Некоторое время девочка в ужасе смотрела на него, а за-

Гибель семьи

тем не выдержала и, взяв меч двумя руками, опустила его на шею отца. Затем она с окровавленной головой и мечом в руках бросилась к выходу, где была схвачена нападавшими. Девочка не только осталась в живых, но и получила известность как достойная дочь своего отца, которая в трудный момент всё-таки приняла правильное решение. Впоследствии она вышла замуж за самурая из воинского дома Оки и родила ему двоих детей.

Достойный уход из жизни главы семьи и его ближайшего окружения давал возможность его потомкам жить в согласии с окружающим миром, а в некоторых случаях даже помогал в жизни. Во время похода Ода Нобунага против Такэда Кацуёри многие местные командиры, предвидя поражение своего командующего, сразу перешли на сторону будущего победителя. Среди немногих приближённых, сохранивших верность присяге, был Цутия Масацунэ (1556–1582). Он до последних минут сопровождал Кацуёри и его семью, а когда они попали в окружение и глава дома решил, что пришёл его час, Масацунэ с личной охраной сражался на последнем рубеже, чтобы дать своему начальнику возможность достойно уйти из жизни. В последний момент он помог Кацуёри и его 14-летнему сыну Нобукацу совершить *сэппуку*, а затем покончил с собой. Узнав об этом, Токугава Иэясу через несколько лет приказал разыскать малолетнего сына Масацунэ и назначил его адъютантом к своему сыну Хидэтада, будущему второму сёгуну династии Токугава. В 20-летнем возрасте Масацунэ за верную службу получил владения с доходом в 20 тысяч *коку* риса и стал удельным князем Цутия Таданао (1582–1612). Так верность воинскому долгу, которую продемонстрировал отец, определила судьбу его сына.

В семейной хронике дома Асакура говорится о том, что отношение к старшему сыну и наследнику после гибели отца прямо зависит от того, насколько он соответствовал

кодексу чести и как встретил смерть. В годы правления сёгунов Токугава это неписаное правило эпохи междоусобиц превратилось в писаное и было зафиксировано в воинском уставе *Хэйхо синрон* (Новый воинский кодекс).

Конечно, бесконечное геройство бывает только у сочинителей, а в реальных междоусобных войнах случалось всякое: бывало, что и на поле боя лишь для вида выходили, и форты добровольно сдавали, и клятве изменяли. Поэтому в отчётах о прошедшем сражении его участники обычно указывали имена свидетелей, которые могли подтвердить их доблесть. Зная, что в бою некогда смотреть по сторонам, соратники заранее договаривались, что будут указывать друг друга в качестве свидетелей, и иногда обменивались шлемами — свой собственный проще различить среди многих.

Известная из исторической литературы привычка японцев перед боем громко выкрикивать своё имя и воинское звание идёт отсюда же — прокричав своим и чужим, кто он и откуда, воин получал множество свидетелей того, что за этим последует. Что также способствовало проявлению лучших качеств — струсить или предать намного труднее, когда все знают, кто ты такой. А если ты пал на поле боя и «труп твой повернут головой к врагу», как велит воинский кодекс, то и об этом свидетели тоже расскажут.

Привычка сообщать всем своё имя была связана также с тем, что один и тот же человек в разном возрасте именовался по-разному. Японцы считали, что имя человека должно соответствовать его возрасту, семейному положению, социальному статусу и даже физическому состоянию. Взрослея, человек проходит через определённые этапы своей жизни и в соответствии с этим должен по-разному именоваться. Поэтому любой знатный самурай имел не менее трёх имён — детское, взрослое и посмертное. Детское имя он получал при рождении и носил его

до совершеннолетия, а взрослое сопровождало его всю дальнейшую жизнь, но оно тоже редко бывало единственным. Например, «христианский *даймё*» Такаяма Укон в разное время называл себя именами Томонага, Нагафуса, Сигэтомо. Если юношу отправляли в другую воинскую семью — на воспитание или в качестве заложника, он просто обязан был сменить не только фамилию, но и имя. То же самое происходило, если взрослый уже военачальник принимал буддийский сан — примерами могут служить такие известные имена, как Сайто Досан, Уэсути Кэнсин или Такэда Сингэн. Существовали и другие поводы для смены личного имени, у каждого свои собственные. Например, у Токугава Иэясу смена имён выглядела следующим образом: от детского имени Такэтиё к взрослым Мацудайра Мотонобу, Мацудайра Мотоясу, Мацудайра Иэясу и, наконец, Токугава Иэясу. Под всеми этими именами он и фигурирует в текстах XVI века.

С женскими именами было ещё сложнее. В Японии с незапамятных времён существовала традиция именовать знатных женщин по названию тех помещений, которые они занимали. Например, племянница Ода Нобунага по имени Тятя в юном возрасте стала налогомщицей Хидэёси и впоследствии родила ему наследника. Девушка переехала во дворец Фусими из замка Ёдо, где жила некоторое время, и за ней сразу же закрепилось новое имя — «госпожа Ёдо». В источниках того времени встречается великое множество его вариантов: от сравнительно простых Ёдогими и Ёдодоно⁹ до многосложных Ёдо но камисама (мидайсама, оути, омаэсама, онёбосю и т. д.). Во всех случаях неизменным оставалось только название замка. А после того, как она переехала из Фусими в замок Осака, её стали называть «госпожой Осака» или «хозяйкой Осака» с теми же многочисленными вари-

⁹ *Гими* и *доно* — почтительно-вежливые суффиксы, добавляемые к женским именам.

антами. Затем Хидэёси построил для матери своего наследника отдельно стоявшую на территории замка «вторую усадьбу» (*Ниномару*), и Ёдодоно (она же Осака-сама) превратилась в Ниномару-сама, Ниномару-доно и т. д. По названию занимаемых помещений различали также жён и наложниц крупных военачальников (в том числе и сёгун-нов); жён называли словом *сэйсицу* (буквально «главная комната»), а наложниц — *сокусицу* (боковая комната).

Имена женщин менее знатного происхождения в течение всей жизни тоже часто менялись, но не столь кардинально. Например, если в молодости девушку звали просто Фуку, то с возрастом к её имени добавлялся вежливый префикс *о-* и она превращалась в Офуку, а если выходила замуж за знатного господина и становилась хозяйкой большого дома, то её величали Фуку но ката или Офуку но ката.

Таким образом, имена — как мужские, так и женские — служили своего рода лозунгом, под которым человек проживал ту или иную часть своей жизни. Что вполне гармонировало с традицией давать такие же лозунги правлению каждого нового императора. Всё это было частью японского понимания принципа соответствий, при котором внешняя форма должна соответствовать внутреннему содержанию. Это понимание во многом остаётся таковым и сегодня, только по части личных имён произошло большое сокращение.

В эпоху междоусобных войн одно из главных мест в общественной жизни занимали, естественно, боевые действия. За сто лет междоусобиц воинская практика была отшлифована и регламентирована, в ней сложились свои правила, процедуры и ритуалы. Планы операций разрабатывались на военных советах, которые могли проводиться как в помещении, так и под открытым небом. В последнем случае место сбора обтягивали прямоугольными лоскутами белой материи и крепили её на шестах, а позади втыкали в землю флагштоки со знаменами, указывавшими на состав участников. Заседания военного совета перед круп-

ными операциями могли быть довольно многолюдными. Полный состав участников такого совета указан в приводимой ниже таблице.

**Воинские звания и должности
эпохи междоусобных войн**

Звание	Должность	Функции
<i>Тайсё</i>	Глава клана или командующий операцией	Общее руководство
<i>Гункан</i> (<i>гунси</i>)	Старший военный советник	Планирование и подготовка операций, обучение личного состава
<i>Каро</i>	Старейшина	Советник и личный консультант главы клана, исполнитель важнейших поручений. Мог командовать отдельными боевыми операциями
<i>Самурай дайсё</i>	Начальник самурайской части войска	Общее руководство всеми самурайскими отрядами
<i>Асигару дайсё</i>	Начальник несамурайской части войска	Общее руководство пехотинцами, набранными из крестьян
<i>Мэцукэ</i> (<i>гунмэцукэ</i>)	Начальник тайной службы	Надзор за личным составом
<i>Мономи банто</i>	Начальник разведки	Сбор информации о противнике
<i>Рёмацу бугё</i>	Старший интендант	Снабжение войска фуражом и продовольствием

Продолжение таблицы

Звание	Должность	Функции
<i>Конида бугё</i>	Начальник транспортной службы	Перевозка боеприпасов, амуниции и продовольствия
<i>Юхицу</i>	Штабной писарь	Написание и рассылка документов
<i>Татимоти</i>	Личный адъютант-меченосец	Хранение и переноска большого меча главы клана или командующего операцией
<i>Оумадзи-руси-моти</i>	Хранитель большого знамени	Хранение и перевозка личного знамени главнокомандующего
<i>Коумадзи-руси</i>	Хранитель малого знамени	Хранение и перевозка малого знамени, которое должно было находиться рядом с командующим текущей операцией
<i>Хондзин но хатамоти</i>	Хранитель общевойскового знамени	Хранение и перевозка знамени штаба (полевой ставки)
<i>Хатасаси</i>	Знаменосцы отрядных командиров	Хранение и перевозка именных знамён командиров-союзников
<i>Китоси</i>	Синтоистские священники	Воинский ритуал и предсказание места и времени для удачной операции. Личного оружия не имели
<i>Якуси</i>	Лекари	Приготовление снадобий и обработка ран. Личного оружия не имели

Окончание таблицы

Звание	Должность	Функции
<i>Хатамото</i>	«Подзнамённые», союзники среднего ранга	Не состояли в родстве с главой клана и не были его вассалами, воевали на договорной основе
<i>Цукаибан</i>	Курьеры	Обеспечение связи между ставкой и командирами отрядов

На раннем этапе становления воинского сословия военные советы обычно проходили в походах, под открытым небом, и образ руководящего органа настолько за ними закрепился, что первое военное правительство, учреждённое в 1192 году, так и называли — полевая ставка (*бакуфу*). Название закрепилось, и в течение семи столетий, пока страной правили самураи, их главный административный орган называли словом *бакуфу*.

После успешного боя в лагере победителей проводилось подведение итогов и награждение отличившихся. Эта процедура называлась *ронко косё*¹⁰ и имела огромное значение для воинской карьеры — представить результаты своей доблести было не менее важно, чем уметь хорошо драться. В ходе *ронко косё* определялся личный вклад каждого командира и назначалось вознаграждение, поэтому к ней готовились заранее. Важнейшим моментом было представление доказательств своих действий — их получали от бывших противников, перешедших в лагерь победителей, или от пленных. Большое значение имели вещественные доказательства, и первое место здесь занимали головы поверженных врагов. Головы ранжировали

¹⁰ Смысл названия по иероглифам: *ко о рондзитэ, сё о окнау*, «обсудить заслуги и раздать награды».

по знатности и специально готовили к публичному освидетельствованию, которое называлось *куби дзиккэн*. Эта процедура обычно предшествовала *ронко косё* и служила основанием для признания заслуг в данном конкретном сражении. Вообще-то она проводилась в практических целях, но поскольку была связана со смертью, то со временем приобрела ритуально-обрядовый характер и стала выполняться по строго установленным правилам. Главным из них считалось уважительное отношение к смерти вообще и к побеждённому сопернику в частности. Добытые в бою головы следовало представлять в достойном виде, поэтому женщины и дети обмывали с них кровь и грязь, причёсывали волосы, собирали их в пучок и перевязывали лентой. На лицо убитого наносили растительную косметику или пудру из толчёного риса. В некоторых кланах головам красили зубы. Тщательность, с которой была об-

Подготовка голов

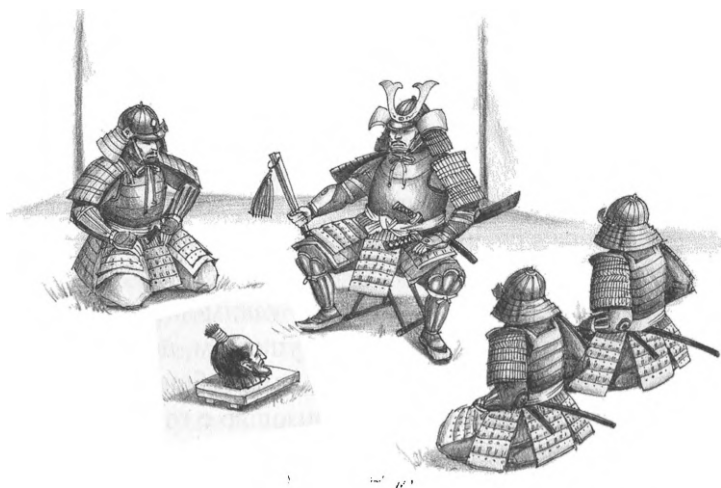
работана и подготовлена голова, демонстрировала достоинство победителя. Многие самураи считали правилом хорошего тона перед боем нанести на лицо косметику и втереть в кожу травяной настой с приятным запахом, чтобы не вызывать неприязни у тех, кто, возможно, будет заниматься их головами. Такая предусмотрительность не считалась слабостью духа и не ассоциировалась с пораженческими настроениями.

Процедура представления голов восходит к ритуалу заупокойной службы. Над телом умершего человека издавна было принято производить разного рода ритуальные манипуляции; в эпоху междоусобиц эта традиция органично слилась с необходимостью подвести итоги сражения и наградить отличившихся. С головами работать было во всех смыслах намного удобнее, чем с телами, поэтому обычай быстро закрепился и обрёл свой собственный алгоритм.

Представление голов обычно проходило в буддийском храме или рядом с ним. Головы самых именитых противников выставлялись на столиках определённой высоты и с ножками, низкоранговым командирам ножек не полагалось, но их статус обозначался толщиной подставки, которую полагалось делать из цельной кипарисовой доски; чем выше ранг, тем толще подставка. На представлении голов должны были присутствовать все участники сражения, в доспехах и при оружии. Это объяснялось тем, что сначала церемонии проходили в полевых условиях, а впоследствии оружие и экипировка были признаны необходимыми в силу воинского характера процедуры.

Представление голов обычно принимал начальник штаба (*гунси*, букв. «военный наставник»), второе лицо после главы клана или назначенного им командующего операцией. Он располагался в центре площадки, слева от него садился глашатай. Подчинённый командир, представлявший свой трофей, делал это сидя, скрестив ноги.

Взяв голову за волосы, он приподнимал её с подставки и показывал начальнику правый анфас. Тот должен был встать и немного вынуть меч из ножен, обнажив лезвие — знак уважения к погибшему. Вернув меч в ножны, *гунси* бросал на голову быстрый взгляд и отводил глаза. Внимательно рассматривать лицо умершего не полагалось. В это время глашатай громким голосом нараспев объявлял имя и воинское звание погибшего. Затем наступал черёд следующего представления. В конце процедуры принимавший её военачальник брал в правую руку лук, а в левую — веер, показывая тем самым, что церемония освидетельствования окончена. После этого головы выставляли за воротами храма лицом в ту сторону, где находились владения погибшего. К мертвым губам подносилась ритуальная чарка сакэ, и на этом церемония завершалась — головы уносили и закапывали севернее того места, где она проходила. Все эти посмертные почести предназначались только командирам высо-

Представление голов

кого ранга; рядовых пехотинцев-самураев и крестьян хоронили в общих могилах. Сегодня в разных уголках Японии разбросано множество неприметных холмов с вертикальным камнем посередине. На камне выбиты три стёртых временем иероглифа — «сражение», «человек» и «холм». Это *сэнниндзука*, братские могилы воинов эпохи междоусобных войн. В них хоронили головы или тела погибших, своих и чужих. Не всегда, конечно, а лишь в тех случаях, когда позволяли обстоятельства. Головы рядовых бойцов противника (процедура называлась *куби кэнти*) принимал не начальник штаба, а кто-либо из подчинённых командиров по его поручению. Их представляли все вместе, выложив в один ряд.

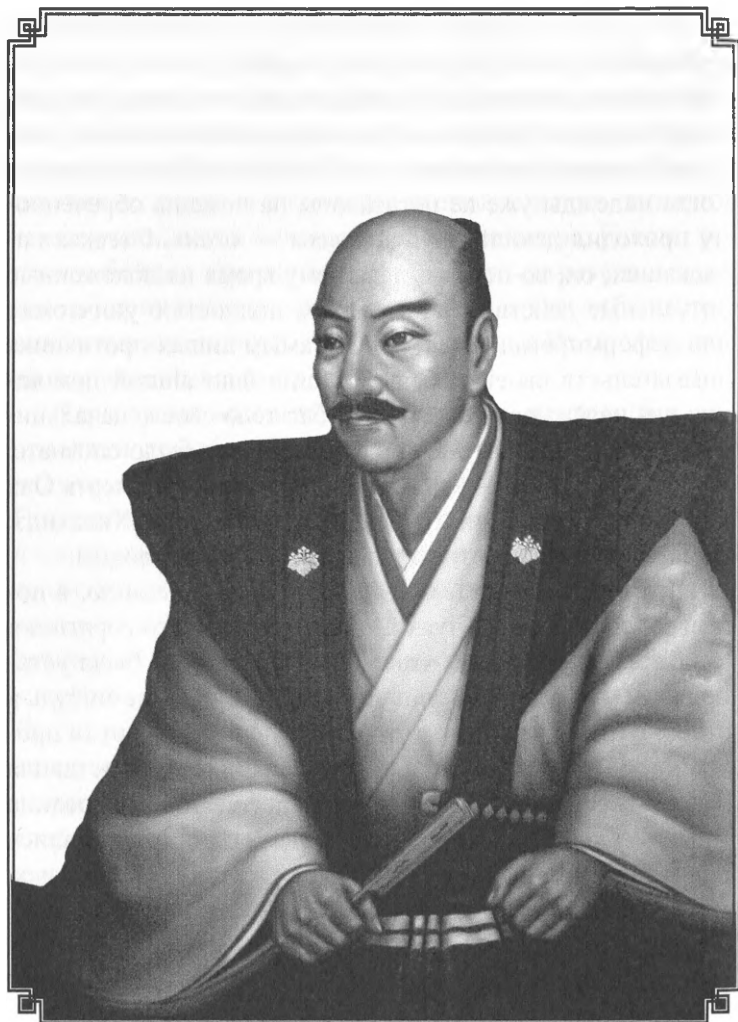
Тела своих командиров, погибших на поле боя, отправляли домой для отпевания по установленному обряду, а затем хоронили, располагая головой к северу. Северное направление вообще считалось неблагоприятным для воина, поскольку иероглиф «север» в одном из своих тогдашних чтений (*нигу*) совпадал с формой глагола *нигэру* (бежать, отступать). Поэтому северное направление прочно ассоциировалось в воинской среде со смертью и поражением, а южное — с жизнью и победой. Примета распространялась и на многие другие действия самураев — например, считалось, что воин не должен ставить свой шлем, кольчугу и прочие доспехи передней стороной к северу, иначе не избежать ему поражения или смерти.

Голову человека, которого по каким-либо причинам объявляли изменником или преступником, после идентификации выставляли на три дня на всеобщее обозрение, а затем тайно хоронили. Так произошло с головами крупных военачальников Адзай Нагамаса, Асакура Ёсикагэ, Мацунага Хисахидэ, Цуда Нобудзumi, Акэти Мицухидэ и многих других. Иногда голову именитого противника отправляли его родственникам, если он погибал вдали от

дома; например, так поступил Ода Нобунага после победы над Имагава Ёсимото в 1560 году.

Чем выше был ранг погибшего, тем больше внимания привлекали посмертные манипуляции с его головой. По этой причине крупные военачальники относились к своей смерти очень ответственно и делали всё возможное, чтобы не оказаться на чужом празднике в качестве экспоната. Когда надежды уже не оставалось, на помощь обречённому приходил давний друг человека — огонь. Отсекая нападавших, он, во-первых, давал ему время на положенные ритуальные действия, а во-вторых, полностью уничтожал или деформировал останки, тем самым лишая противника доказательств своей победы. Иногда ближайший помощник для надёжности ещё и разрубал тело своего начальника на части, чтобы его вообще невозможно было опознать. В такой ситуации — в огне — встретили свою смерть Ода Нобунага, его старший сын Нобутада, Мацунага Хисахидэ, Сибата Кацуиэ и многие другие крупные полководцы.

Если смерть заставляла военачальника внезапно, в полевых условиях и на чужой территории, то его соратники старались сделать так, чтобы его личность не была утеряна, — отделяли голову и закапывали её где-нибудь в стороне от места гибели, чтобы она не попала в руки противника. Впрочем, история междоусобных войн оставила множество самых разных образцов поведения в последние минуты. Бывали и такие случаи, когда командиры пытались предъявлением своей головы спасти жизни подчинённых. В 1578 году так поступил Акамацу Масанори (?–1578), военный губернатор провинции Харима. Окружённый в своём домашнем замке армией Ода Нобунага, он перед тем, как совершить самоубийство, распорядился передать свою голову командовавшему операцией Хасиба Хидэёси в обмен на сохранение жизни оставшимся обитателям и защитникам замка.

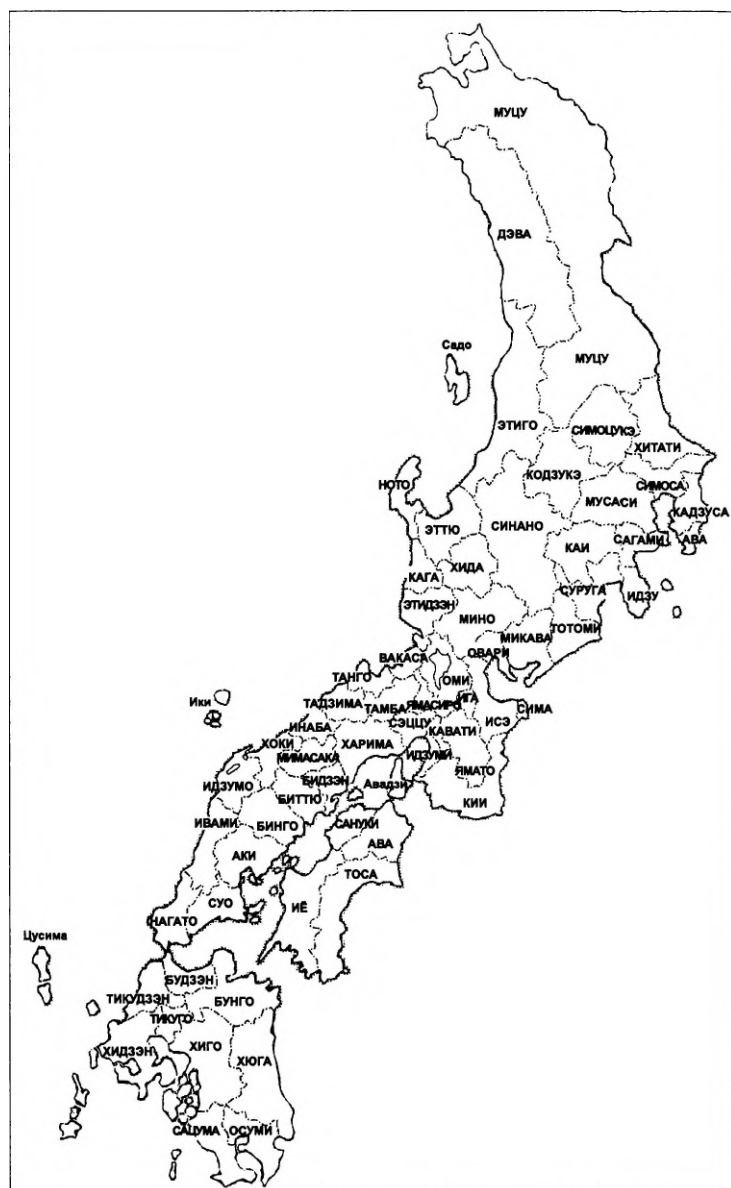

Часть 2

ОДА НОБУНАГА

Предки

До начала XV века предки Ода Нобунага жили в провинции Этидзэн (современная префектура Фукуи). Западнее небольшого города Такэфу в ней и сегодня есть местечко Ота, название которого пишется теми же иероглифами, что и фамилия его предков. В провинцию Овари они переехали вслед за губернатором Сиба, которому служили. Если верить семейному преданию, то предки Нобунага состояли в дальнем родстве с домом Тайра. После поражения от Минамото в бою при Данноура глава клана Тайра Сукэмори (1158–1185) покончил жизнь самоубийством, а один из его сыновей, рождённый наложницей, бежал в провинцию Оми. Здесь он познакомился со священником из синтоистского храма Цуруги и был им усыновлен. Храм располагался в деревне Ота, поэтому мальчика по названию местности стали именовать Ода Тикадзанэ. Он и считается основателем фамилии, к которой принадлежал Нобунага. Однако никаких свидетельств того, что Тикадзанэ действительно был сыном знаменитого Тайра Сукэмори, не осталось. В то время многие военачальники сочиняли себе красивые родословные, чтобы обосновать право на управление той или иной территорией. В эпоху

Карта Японии в XVI веке

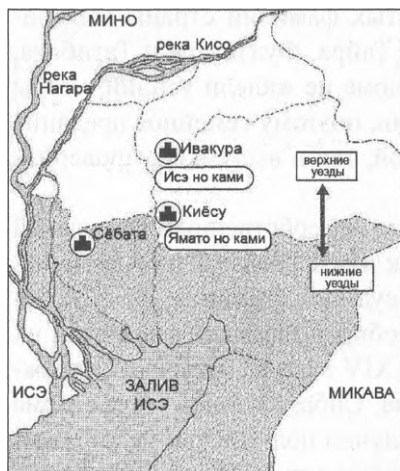
Хэйан среди самых именитых фамилий страны выделились четыре — Минамото, Тайра, Фудзивара и Татибана, и в дальнейшем воинские дома не жалели усилий, чтобы доказать своё родство с ними, поэтому семейное предание Ода может быть как правдой, так и выдумкой, проверить его невозможно.

То, что Ода Тикадзанэ имел собственный земельный удел, похоже на правду. Как и все феодалы того времени, он вершил на своей земле суд, поддерживал порядок, защищал от посягательств, собирал налоги и передавал их губернатору провинции. В XIV веке в Этидзэн эту должность занимал глава клана Сиба, боковой ветви дома Асикага. В 1400 году он получил полномочия на управления также провинцией Овари и отправил туда своего наместника Каи Масанори, а через пять лет на его место был назначен Ода Норихиро. Никаких сведений об этом человеке не осталось, но с него началась история, на 180 лет связавшая семью Ода с провинцией Овари.

Вскоре к владениям Сиба добавилась провинция Тотоми, и глава клана переехал в Киото, а поддержание порядка в Овари было поручено дому Ода. С началом войны годов Онин (1467–1477) клан Сиба раскололся — Сиба Ёситоси поддержал восточную коалицию, возглавляемую Хосокава Кацумото, а Сиба Ёсикадо — западную группировку во главе с Ямана Содзэн. В вассальном доме Ода тоже произошёл раскол, и две его ветви оказались по разные стороны

Перемещение предков Нобунага из Этидзэн в Овари

Ода из Ивакура и Ода из Киёсу

конфликта. После его окончания входивший в восточную группировку Ода Тосисада возвысил семейный статус и стал губернатором Овари. Поддержавшая западную коалицию ветвь дома Ода во главе с Ода Тосихиро тоже сохранила свои позиции, и после 1477 года клан отчётливо разделился на две части: первая во главе с Тосисада обосновалась в замке

Киёсу, а вторая во главе с Тосихиро — в замке Ивакура. Их так и называли — Ода из Киёсу и Ода из Ивакура. В течение следующих 70 лет их потомки контролировали по 4 уезда: Ода из Киёсу — в южной, а Ода из Ивакура — в северной части провинции Овари. Со временем первых стали называть «правителями Ямато» (*Ямато но kami*), а вторых — «правителями Исэ» (*Исэ но kami*). Главы обоих домов имели одинаковый ранг (*сюго*) и равный статус.

Отец Ода Нобунага родился в семье, входившей в состав южной ветви (*Ямато но kami*). С точки зрения главы дома Сиба он был вассалом его вассала и имел провинциальный ранг *дандзё но дзё*¹¹. В то время существовали титулы и звания, которые местные военачальники присваивали себе самовольно, исходя из размера контролируемой территории. Даже потеряв свои владения, они передавали эти звания по наследству, поэтому сами по себе они мало о чём говорили. После смерти Нобунага его из-

¹¹ Варианты названия: *дандзё но тю*, *дандзё сакан*.

начальное происхождение часто завышалось, однако на самом деле оно было невысоким — в то время в Японии было несколько десятков обладателей титула *дандзё но дзё*. По некоторым сведениям, прямым предком отца Ода Нобунага был Ёсинобу, младший брат Ода Тосисада, основателя *Ямато но ками*.

Отца Нобунага звали Нобухидэ (1510–1551), он вырос в замке Сёбата и состоял на службе у главы дома Ода из Киёсу по имени Митикацу в ранге старейшины (*каро*). Старейшина подчинялся непосредственно главе клана и выполнял при нём функции советника и помощника. Дом Ода из Киёсу имел трёх старейшин, и отец Нобунага был одним из них. Нобухидэ стал главой семьи в 1527 году в 17-летнем возрасте. Сведений о нём сохранилось немного, и все они содержатся в семейной хронике Нобунага *Синтё коки*¹², написанной Ота Гюити (1527–1613).

Ода Нобухидэ по влиянию довольно быстро превзошёл своего начальника, что объяснялось не только его личными качествами, но и положением подконтрольной ему территории. Провинция Овари вообще славилась плодородными землями. По данным земельного кадастра 1589 года, она давала в год 571 737 *коку* риса¹³ — больше, чем такие крупные провинции, как Каи, Синано или Этиго, принадлежавшие в 1560-х годах кланам Такэда и Уэсуги. Кроме того, через южную часть провинции Овари проходил крупный тракт Токайдо (букв. «Дорога Восточного моря»), связывавший восточные районы страны со столицей. Уходя на запад, он пересекал соседние провинции Мино и Оми. В границах владений Нобухидэ в залив Исэ впадали сразу три реки — Кисо, Иби и Нагара. А рядом с его семейным замком Сёбата находился речной порт Цусима. В XVI веке товары перевозились по боль-

¹² Известна также под названием *Нобунага коки*.

¹³ Один *коку* = 150 кг.

шей части водным путём, поэтому портовые пошлины Цусима приносили отцу Нобунага хороший доход.

Ода Нобухидэ начал расширять своё влияние в середине 1530-х годов, и первым его успехом стал захват замка Нагоя, расположенного в центре провинции Овари. Отбив его у Саманосукэ Удзитое, младшего брата Имагава Ёсимото, Нобухидэ перебрался с семьёй в захваченную резиденцию. Вслед за ним переехали на новое место и его прямые вассалы. Замок Нагоя был восстановлен и укреплён, хозяйственная жизнь в призамковом городке оживилась — Нобухидэ уделял этому много внимания. В 24 года у него родился третий по счёту сын Киппоси, будущий Ода Нобунага. Это произошло 11 мая 1534 года в замке Сёбата. В отличие от двух первых сыновей, Киппоси был рождён законной женой, поэтому сразу был назван наследником. В 1536 году отец передал ему замок Нагоя, а себе построил форт Фуруватари в четырёх километрах южнее. Для управления уездами Нобухидэ назначал наместников из числа своих ближайших вассалов, что было необычно для военачальника его уровня. Обе эти отцовские привычки — частую смену домашних резиденций и передачу

земель в управление подчинённым — Нобунага усвоил и следовал им всю жизнь.

Со своими родственниками в провинции Овари Нобухидэ не воевал, и эта его особенность также заслуживает упоминания, поскольку родственное миролюбие в то время встречалось нечасто. А вот хозяйственной деятельности

Провинция Овари в 1534 году

он уделял много внимания. Нобусада, дед Нобунага, владел речным портом Ацута с 1520-х годов. Расположенный на берегу залива Исэ, выходившего сразу на три провинции, этот порт славился торговлей, ремёслами и поэтическими турнирами, на которые съезжались участники из окрестных земель. Владение портами Ацута и Цусима составляло основу благосостояния отца и деда Нобунага.

В 1540 году 30-летний Ода Нобухидэ пожертвовал крупному храму Исэ 700 *каммон* серебром, а три года спустя передал императору на ремонт дворца 4000 *каммон*¹⁴. В пересчёте на современные деньги один *каммон* был эквивалентен примерно 80 тысячам иен. Это значит, что храму Исэ Нобухидэ подарил около 550 тысяч долларов США, а императору — более 3 млн долларов. Это были очень большие деньги.

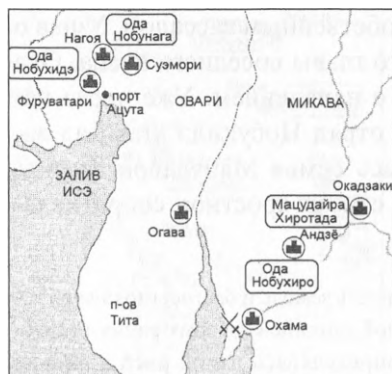
В середине 1530-х годов в соседней с Овари провинции Микава возмужал и активизировался Мацудайра Киёёсу, дед будущего Токугава Иёёсу. Приняв в 1523 году клан 12-летним мальчиком, он за 10 лет сумел подчинить себе большую часть провинции и стал присматриваться к соседям. В конце 1535 года он с вооружённым отрядом подошёл к форту Морияма в восточной части Овари и начал готовиться к его захвату, но в результате внутрисемейной интриги был убит собственным вассалом. Узнав о внезапной гибели 24-летнего главы соседнего клана, Ода Нобухидэ не стал медлить с нападением. Уже через неделю после гибели Киёёсу отряд Нобухидэ атаковал замок Окадзаки, где оставалась семья Мацудайра Киёёсу. Однако гарнизон Окадзаки оказал яростное сопротивление.

¹⁴ До 70-х годов XVI века доходность земель и благосостояние её хозяев измерялись в деньгах, основной единицей которых служил серебряный *каммон*. Его стоимость определялась ценой риса и сильно варьировала в зависимости от урожая, поэтому позднее перешли на меру риса (*коку*) как более стабильную единицу расчётов.

ние, и Нобухидэ пришлось отступить. В хронике *Тосёгу годзикки* (Действительные записи храма Тосё) говорится о восьми тысячах нападавших, но эта цифра явно завышена — в 1535 году Нобухидэ не мог собрать столько людей. Однако 5 лет спустя его поход увенчался успехом — в 1540 году ему удалось захватить вспомогательный форт Андзё, расположенный неподалёку от Окадзаки, и создать таким образом опорный пункт на чужой территории.

В последующие годы Нобухидэ ещё дважды совершал походы в соседнюю провинцию Мино. Заключив союз с главой дома Асакура из провинции Этидзэн, он в 1544 и 1547 годах попытался по той же схеме захватить укрепления на землях Сайто Досан, но в обоих случаях потерпел поражение и отступил. В том же 1547 году он совершил короткую вылазку в провинцию Микава к форту Охама. Эта операция носила скорее ритуальный характер, поскольку планировалась как боевое крещение (*уйдзин*) для 13-летнего сына Нобунага, за год до этого прошедшего обряд совершеннолетия.

Боевое крещение для подрастающего самурая имело символическое значение, поэтому первый бой обычно планировался не очень трудным. Идеальным считался

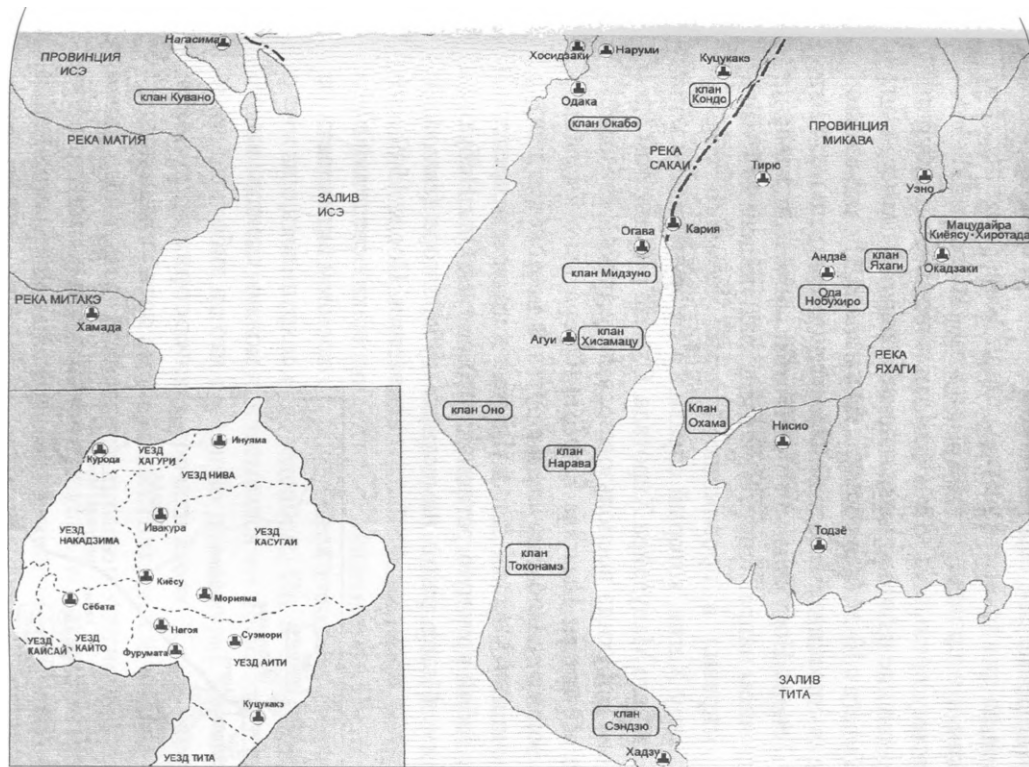
Боевое крещение Нобунага

вариант, при котором одерживалась небольшая победа, призванная символизировать будущие боевые успехи юноши. Гибель же наследника в первом бою считалась полным провалом и очень плохим предзнаменованием для всего рода. Нобухидэ вместе с сыном подошёл к форту Охама в провинции

Микава, сжёг расположенное рядом с ним поселение и на следующий день вернулся домой. На этом операция закончилась.

В августе 1547 года Нобухидэ улыбнулась удача — благодаря тайному сговору ему удалось заполучить 5-летнего сына главы дома Мацудайра, будущего Токугава Иэясу. Его отец Хиротада попросил помощи у соседнего клана Имагава и за это должен был отправить своего сына в заложники. Ода Нобухидэ сумел договориться с сопровождавшим мальчика местным командиром, и он за вознаграждение доставил сына Хиротада к нему. Перехватив заложника, Нобухидэ предъявил главе дома Мацудайра ультиматум, но Хиротада, связанный договором с Имагава, его не принял, заявив, что в интересах клана готов пожертвовать малолетним сыном. Шантаж не удался, но Мицухидэ не стал убивать заложника, а отдал его на воспитание одному из своих вассалов, тем самым сохранив жизнь будущему основателю династии Токугава.

В октябре 1547 года в семье Мацудайра произошёл раскол, и Нобухидэ им воспользовался. Вместе с выступившим против главы клана Мацудайра Тадамити он предпринял попытку захватить Окадзаки, главный замок провинции. Защитникам с большим трудом удалось отбить атаку, и после этого Хиротада обратился за помощью к своему соседу Имагава. Получив подкрепление, Хиротада двинулся к отобранному у него ранее форту Андзё и дал бой силам Ода Нобухидэ, известный как сражение при Адзукидзака. Нобухидэ потерпел в нём поражение и потерял форт Андзё. В семейной хронике Нобунага коротко сказано, что в этом бою нападавшие неорганизованной толпой воины Нобухидэ столкнулись с эшелонированным построением вооружённых длинными копьями пехотинцев Имагава в семь рядов и были ими разбиты (*Синтё коки*).

Провинция Овари в середине XVI века

Вмешательство Имагава в конфликт между домами Ода и Мацудайра на стороне последнего резко изменило соотношение сил. Ода Нобухидэ не мог вести боевые действия на два фронта — в провинции Мино против Сайто Досан и в провинции Микава против Имагава Ёсимото. Поэтому осенью 1548 года он заключил с Сайто мирное соглашение и договорился о браке своего 14-летнего сына Нобунага с 13-летней дочерью главы клана. Породнившись и став союзниками, соседи перестали воевать.

Теперь Нобухидэ мог полностью сосредоточиться на восточном направлении. В феврале следующего 1549 года он отправил в провинцию Микава наёмного убийцу Ивамацу Хатия, который справился с поручением и убил 24-летнего Мацудайра Хиротада. Однако результатом операции Нобухидэ воспользоваться не успел — его опередил всё тот же Имагава Ёсимото. Оперативно высланное им войско заняло ключевые форты на востоке и в центре провинции Микава. Клан Имагава в то время представлял собой крупную региональную силу, а Ода Нобухидэ не имел даже ранга наместника губернатора (*сюгодай*), поэтому проиграл в этом столкновении. После 1549 года

никаких сведений о его военной активности не сохранилось, из чего можно сделать вывод, что он либо полностью переориентировался на хозяйственную деятельность, либо умер, потому что относительно даты его смерти данные разных источников тоже расходятся.

Вероятнее всего, последние два-три года

Бой при Адзукидзака

жизни Нобухидэ мирно соперничал со своими родственниками, домами Ода из Ивакура и Ода из Киёсу, каждый из которых контролировал по четыре уезда (Нива, Хакури, Касугаи, Накадзима на северо-западе и Кайто, Кайсай, Аити, Тита на юго-востоке). Ода Нобухидэ умер от инфекционного заболевания в марте 1552 года¹⁵, за два месяца до 18-летия Нобунага. Формально пост губернатора провинции Овари в тот момент принадлежал клану Сиба, но из-за семейных раздоров он ослабел и утратил своё влияние; как уже говорилось, большую часть провинции контролировали две ветви дома Ода.

Первые шаги

Как и все юноши его сословия, молодой наследник ежедневно занимался верховой ездой, тренировался в стрельбе из лука и аркебузы, с марта по сентябрь плавал в речке, закаляя тело. По оценке его биографа, Нобунага был довольно хорошим пловцом. Основам военного дела его обучал старейшина дома Хиратэ Масахидэ (1492–1553). На улицах призамкового города Нагоя юноша выделялся своим внешним видом и поведением. Он нестандартно, вызывающе одевался и причёсывался — носил короткие, до колен *хакама*, делал странную для самурая причёску, при которой волосы пучком торчали вверх. К тому же перевязывал их ярко-красной или жёлтой лентой, в такие же цвета красил ножны, кожаную кирасу и другие доспехи. Адъютанты ему подражали, и группа молодых самураев странной наружности неизменно привлекала всеобщее

¹⁵ Точная дата смерти Нобухидэ неизвестна. По другим версиям, он умер в марте 1549 или в марте 1551 года. Однако всплеск активности среди старейшин Нобухидэ и его противников, произошедший весной 1552 года, делает первую версию более вероятной.

Нобунага в молодости

внимание. И не только внешностью. Не считаясь с общепринятыми правилами, молодые люди ели на ходу рисовые лепёшки, каштаны, хурму, дыню¹⁶, задевали прохожих мелкими выходками. Сын местного предводителя нарушал ещё одно неписаное правило — водил компанию со вторыми-третьими сыновьями вассалов своего отца. Очередность рождения лишала их семейной перспективы, и бу-

дущий глава воинского клана не должен был с ними дружить. Нарушение субординации вызывало недовольство старейшин, неодобрительно посматривавших в сторону наследника.

Биограф Нобунага пишет, что в юности его называли словом *оуцукэ*. На русский язык его часто переводят как «большой дурак». Глагол *уцуку*, от которого образовано существительное *уцукэ*, как любой оценочный глагол, имеет широкий спектр значений: «быть рассеянным, расслабленным, расхлябанным, глупым, чудаковатым». Описание Ота Гюити позволяет сделать вывод о том, что в юности Нобунага вёл себя экстравагантно и даже вызывающе, но последующие успехи не дают оснований заподозрить его в отсутствии ума.

Сразу после смерти Ода Нобухидэ против молодого наследника выступил Ямагути Норицугу, хозяин форта

¹⁶ Для человека знатного происхождения есть на ходу считалось признаком дурного тона. — А. П.

Наруми в юго-восточной части провинции. Этим воспользовался Имагава Ёсимото: заключив с ним союз, отправил в Наруми вооружённый отряд. Собрав 800 человек, Нобунага 17 апреля 1552 года выступил из Нагоя с целью наказать отступника. Это был его первый самостоятельный бой в качестве главы дома, и от него многое зависело. Победа укрепила бы позиции Нобунага, а поражение могло окончательно убедить косо смотревших на него старейшин в никчёмности странноватого наследника.

Ямагути Норицугу выслал навстречу Нобунага отряд в полторы тысячи человек под командованием своего старшего сына. Бой между вчерашними союзниками, воины которых часто встречались и знали друг друга в лицо, произошёл в местечке Акацука и длился около двух часов. Сражение не выявило победителя, но с учётом численного превосходства противника история записала его в актив молодого Нобунага. С каждой стороны погибло по несколько десятков человек, многие попали в плен; впоследствии стороны ими обменялись, и даже захваченных лошадей друг другу вернули.

После этого Нобунага пришлось вплотную заняться семейными делами. У него было 11 братьев и 12 сестёр, сам он родился третьим по счёту. Большинство детей были рождены наложницами Нобухидэ, а законная жена родила ему лишь двух сыновей, старшего Нобунага и младшего Нобукацу. Нобунага с двух лет жил без родителей в замке Нагоя и привык к самостоятельности, в то время как Нобукацу воспитывался матерью и был очень к ней привязан. Неоднозначная репутация наследника и его поведение вызывали опасения у старейшин, в то время как младший брат Нобукацу вёл себя более традиционно и предсказуемо. На похоронах отца, важном ритуальном мероприятии, Нобукацу присутствовал от начала до конца и вёл себя в высшей степени достойно, завоевав симпатии старейшин, которые внимательно за всем следили.

Нобунага же в характерной для него манере пренебрёг формальностями — бросил в гроб отца горсть благовоний и ушёл, не дождавшись окончания церемонии. После похорон Нобунага передал младшему брату форт Суэмори, бывшую резиденцию отца, и отправил к нему мать вместе со старейшинами Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори.

Вскоре в руководстве семьи сложилась группа единомышленников, уверенных в том, что младший брат Нобукацу больше подходит на пост главы дома, чем Нобунага. В их число входил и Хаяси Хидэсада (?–1580), самый авторитетный на тот момент старейшина. Сделать Нобукацу наследником можно было, только устранив Нобунага, и сторонники младшего брата начали собирать силы. Одновременно с этим против ослабевшего клана выступил Нобутомо, глава дома Ода из Киёсу. Контроль над двумя портами и несколько фортов, которыми владели Нобунага и его брат, могли существенно улучшить его благосостояние. В августе 1552 года Ода Нобутомо снарядил отряд под командованием Сакаи Дайдзэн и отправил его против Нобунага. Дайдзэн действовал успешно: захватил два принадлежавших Нобунага форта и вынудил комендантов перейти на его сторону. Молодой

глава клана ответил дерзко и неожиданно — не связываясь с вассалом, пошёл на захват замка Киёсу, резиденцию самого Нобутомо. Ему навстречу был выслан отряд, и в 4 километрах южнее Киёсу, у форта Каядзу, произошёл бой на открытой местности, закончившийся победой Нобунага. Потери противника составили около

Бои при Каядзу и Акацука

50 человек убитыми, в том бою погиб и командир отряда Сакаи Дзинсукэ, родственник Сакаи Дайдзэн. После этой победы в местном сообществе распространилось мнение, что, несмотря на некоторые странности, в военном деле Нобунага не так уж плох.

В январе 1553 года в ближайшем окружении Нобунага произошёл трагичный инцидент — покончил с собой его личный наставник Хиратэ Масахидэ. Между Нобунага и сыном наставника произошёл небольшой конфликт, усугубивший состояние 60-летнего старейшины, который считал себя ответственным за плохую репутацию воспитанника и раскол в руководстве клана. Для Нобунага его смерть стала потрясением; он распорядился построить в честь наставника поминальный храм и организовал пышные похороны, пригласив из столицы известного буддийского священника Такугэн Соон.

Менее чем через год после смерти отца Нобунага обозначилась первая угроза извне. Заполучив в заложники малолетнего Токугава Иэясу, Имагава Ёсимото взял под контроль большую часть провинции Микава и продолжил экспансию на запад. В январе 1553 года его люди начали строительство осадного лагеря Мураки для захвата принадлежащего Нобунага форта Огава в юго-восточной части провинции Овари. Стратегически важное укрепление защищал Мидзуно Нобумото с небольшим гарнизоном, который не мог противостоять силам Имагава, и ему требовалась помощь. Но оставлять домашний замок Нагоя без прикрытия тоже было опасно — Сакаи Дайдзэн наверняка не упустил бы шанса напасть на него в отсутствие Нобунага. На две операции сил не хватало, поэтому молодому главе дома пришлось обратиться за помощью к своему тестю Сайто Досан из провинции Мино. Двадцать первого января подкрепление в тысячу человек во главе с Андо Моринари прибыло в Нагоя, и Нобунага, поручив ему охрану замка, отправился выручать форт Огава.

Сайто Досан

Приграничную зону на востоке Овари контролировали перешедшие на сторону противника форты Наруми и Одака, поэтому передвигаться по суше было опасно. Пройдя речным, а затем морским путём через порт Ацута, Нобунага штормовой ночью высадился на полуострове Тита. План нападения на осадный лагерь Мураки состоял в том, чтобы атаковать его с трёх сторон: гарнизон Огава под командованием Мидзуно — с востока, Нобунага с главными силами — с юга, на самом трудном участке, через защитный ров, а его дядя Ода Нобумицу — с запада. Бой начался 24 января в 8 часов утра и продолжался до 5 часов вечера. Лагерь противника был взят, но за победу пришлось заплатить жизнями многих близких соратников Нобунага. Вернувшись в Нагоя, он 26 января встретился с Андо Моринари, поблагодарил за помощь и рассказал о прошедшей операции. Моринари, в свою очередь, доложил обо всём своему начальнику Сайто Досан, и тот подвёл итог разговору: «Да, опасный у нас сосед». Чутьё не

Бой у форта Мураки

подвело старого воина — через 14 лет его провинция Мино перешла под контроль Нобунага.

Сайто Досан (1494–1556) — известное имя в японской истории. Его жизненный путь можно считать типичным для того времени. В 1520-х годах он жил в провинции Ямасиро и был известен под именем Мацунами Дзимата. Затем поступил на служ-

бу к Нагаи Тодзаэмон, местному предводителю из провинции Мино, и вскоре вместе с родственниками главы дома организовал против него заговор. В результате Тодзаэмон был убит, а Досан взял его фамилию и стал называть себя Нагаи Синкуро. В борьбе с недовольными его выдвижением другими членами семьи Нагаи он заручился поддержкой военного губернатора Мино Токи Ёринари и сумел всех одолеть. Заключив союз с Ёринари, Досан выдал свою дочь замуж за сына губернатора, но вскоре поссорился с зятем и отравил его. Дочь оставалась вдовой недолго — Досан выдал её замуж за другого сына губернатора по имени Хатирос. У второго зятя оказался мягкий характер, и Досан начал активно его воспитывать, запрещая то ездить верхом, то охотиться, то ещё что-нибудь. Вскоре Хатирос сбежал от такой жизни в провинцию Овари, но Досан организовал погоню, настиг его в пути и вынудил покончить жизнь самоубийством. После этого настал черёд губернатора Токи Ёринари. Подкупив его старейшин, Досан напал на замок губернатора и заставил бежать из провинции, после чего стал её хозяином. Это случилось в 1542 году. По воспоминаниям современников, правил он жестоко — за провинности и упущения казнил подчинённых, опуская их в кипяток, разрывая двумя быками на части и т. п.

Весной 1554 года 60-летний Сайто Досан решил лично познакомиться с Нобунага, который пять лет назад женился на его дочери, но ещё ни разу не встречался с тестем. О зяте ходило множество слухов, и Досан захотел

Сайто Досан

сам на него посмотреть. С учётом судьбы двух предыдущих зятьёв Нобунага ждала любопытная встреча.

Она состоялась в конце апреля 1554 года в храме Сётоку, на границе провинций Мино и Овари. Говорят, что хитрый Досан прибыл на место раньше и из укрытия тайком наблюдал за приближением процессии Нобунага. Увидев его обычную дурацкую причёску и одежду попугайной расцветки, Досан решил, что слухи о нём вполне соответствуют действительности. Но личная встреча преподнесла сюрприз. Двадцатилетний Нобунага явился к тестю аккуратно одетым и причёсанным по всем правилам воинского этикета, а во время встречи вёл себя достойно, хотя и несколько вызывающе. После того как Досан вошёл в комнату, он некоторое время продолжал сидеть на татами, никак не реагируя на появление старшего родственника. Выдержав длинную паузу на грани приличия, он медленно встал и сдержанно, с достоинством поклонился. Молодой Нобунага демонстрировал лидерские качества и явно диктовал ход встречи. Как ни странно, но весьма пожилому по тогдашним представлениям хозяину провинции такая манера пришлась по душе.

Нобунага прибыл в храм Сётоку в сопровождении тысячи пехотинцев. Половина их была вооружена обычными луками и аркебузами, а другая половина — диковинными копьями длиной в 3,5 *кэн* (6,3 метра). В то время самые длинные в стране копья, но всё же менее шести метров использовались в армии Ходзё. Наличие огнестрельного оружия говорило о том, что молодой командир следит за новинками, а введённые им лично сверхдлинные копья удивили тестя даже больше, чем его приличная внешность и манеры. Во время встречи был устроен учебный боевой турнир, и Нобунага предложил тестю сразиться на копьях, но Досан отказался, сославшись на непривычность для него такого оружия. Действительно, чтобы управляться с копьём длиной 6,3 метра, нужна была специальная подготовка, и воины Нобунага ею много занимались.

Ота Гюити пишет, что встреча с Нобунага произвела хорошее впечатление на Сайто Досан. На обратном пути этот опытный интриган и заговорщик высказал мнение, что его потомки, возможно, ещё будут служить Нобунага. Что означало: Досан намерен сохранить военный союз с соседом. И действительно, все последующие годы они поддерживали добрые отношения и помогали друг другу.

За 4 месяца до этой встречи, в декабре 1553 года, в Киёсу произошёл любопытный случай. Из ближайшей деревни в замок был доставлен человек по имени Сакаи. Узнав, что его односельчанин и хороший приятель уехал по делам, он решил его обворовать и ночью проник в его дом, но был обнаружен проснувшейся женой. Украсть он ничего не успел, но дело получило огласку, а подозреваемый от злого умысла категорически отказывался. Сакаи привели в замок и устроили суд по тогдашнему обычаю: нагрели на огне два металлических стержня и велели истцу и ответчику взять их в руку. Кто первым не выдержит — тот и лжёт. Не выдержал Сакаи, но в своей деревне он был человеком влиятельным, и судьи ему благоволили, поэтому в отсутствие улик вынесли решение, что наказывать никого не надо. Возмущённые сторонники истца схватились за оружие, назревала вооружённая стычка, но тут как раз вернулся с охоты Нобунага. Узнав, в чём дело, он велел нагреть металл до такой же температуры и предложил: если он сам выдер-

*Встреча Сайто Досан
и Ода Нобунага*

жит дольше, чем Сакаи, то его следует наказать, если нет — то оправдать. Обе стороны согласились. Нобунага сделал три шага с горячим металлом в руке и положил его на подставку. Получил глубокий ожог, но обвиняемого осудили, и деревня успокоилась. Эта история изложена в семейной хронике Нобунага, и если она соответствует действительности, то кое-что говорит о его характере.

Как глава дома Нобунага и в дальнейшем принимал решения по многим спорным делам, и Ота Гюити рассказывает о нескольких таких случаях. Первого октября 1579 года Нобунага получил от жителя Ямадзаки жалобу на судебное решение, вынесенное Мураи Садакацу и Акэти Мицухидэ, отвечавшими за судебные тяжбы в столице. К жалобе был приложен документ, подтверждавший несправедливость вынесенного решения. Запросив у своих подчинённых доклад, Нобунага убедился, что приложенный жалобщиком документ поддельный, и приказал его казнить.

Впрочем, такую непреклонность он проявлял далеко не всегда. Примерно за месяц до последнего случая к Нобунага поступила жалоба от гильдии слепых из Киото. Они доводили до его сведения, что состоятельный ростовщик из провинции Сэццу по имени Цунэми несколько лет назад перебрался в столицу и за взятку в тысячу *каммон* серебром получил от руководства гильдии лицензию на ссуду денег под проценты. По закону деньги ссужать могли только члены гильдии слепых, и состоятельный, да к тому же зрячий конкурент, незаконно пользовавшийся привилегиями, был им категорически несимпатичен. Убедившись, что жалоба соответствует действительности, Нобунага вынес взятчику суровый приговор, но тот бросился правителю в ноги — раскаялся, попросил прощения и компенсировал моральный ущерб двумя сотнями золотых монет, чем очень смягчил его суровый нрав. Нобунага помиловал ростовщика, а на полученные двести *рё* велел построить мост через реку Удзи в пригороде Киото (*Синтё коки*).

Война с родственниками

Но вернёмся в 1554 год. Летом произошло событие, резко повысившее статус Нобунага, причём без особых усилий с его стороны. В результате конфликта, возникшего незадолго до этого между главой дома Ода из Киёсу и губернатором провинции Сиба Ёсимунэ, замок Киёсу перешёл в руки последнего. Двенадцатого июля 1554 года Ода Нобутомо напал на замок, чтобы вернуть его обратно. Момент был выбран удачно — старший сын губернатора Сиба Ёсиканэ уехал на рыбный промысел и не мог прийти отцу на помощь. Ёсимунэ не смог защитить замок и покончил жизнь самоубийством, а Нобутомо вернул себе бывшую резиденцию, главный замок провинции. Сын губернатора Ёсиканэ бежал к Нобунага и нашёл убежище в Нагоя. Убивший своего начальника наместник Ода Нобутомо был объявлен мятежником, а принявший сына губернатора Нобунага — защитником порядка и справедливости. Призвав из лагеря младшего брата старейшину Сибата Кацуизэ, Нобунага поручил ему отомстить за гибель губернатора и убить Ода Нобутомо. Тот, в свою очередь, попытался оторвать от Нобунага его дядю Нобумицу, предложив ему переехать из форта Морияма в замок Киёсу и пообещав за это ранг наместника. Дядя на словах предложение принял и присоединился к Нобутомо, но на деле продолжал поддерживать контакты с Нобунага и согласовывал с ним все свои действия. И когда Нобунага в апреле следующего года подошёл к замку Киёсу для решающего сражения, Нобумицу поддержал его мятежом изнутри. Ода Нобутомо потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. Считается, что в этом бою впервые по-настоящему проявилось преимущество сверхдлинных копий, которыми люди Нобунага научились хорошо пользоваться.

После победы над домом Ода из Киёсу Нобунага стал хозяином его четырёх «нижних» уездов и заметно рас-

Ритуальное самоубийство

ширил свои возможности. Заняв место Ода Нобутомо в семейной иерархии, он по положению сравнялся с домом Ода из Ивакура. Изменение статуса было отмечено сменой резиденции — Нобунага переехал из Нагоя в замок Киёсу, а его дядя Нобумицу сменил форт Морияма на Нагоя. Сакаи Дайдзэн, правая рука Ода Нобутомо и главный враг Нобунага, после поражения бежал во владения Имагава, что даёт основания для предположений о том, что ликвидация военного губернатора Сиба прошла не без участия восточного соседа.

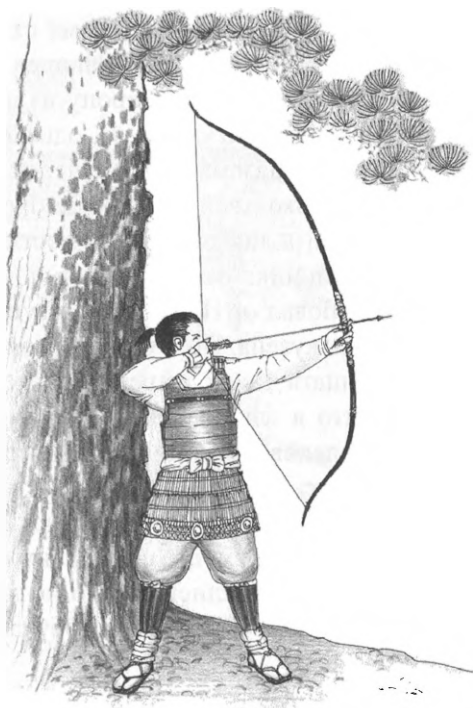
В июне 1555 года в семье Ода произошёл ещё один конфликт, обостривший отношения между родственниками. Тёплым летним утром Хидэтака, один из единокровных младших братьев Нобунага, без сопровождения взрос-

лых выехал верхом к реке, где в это время ставили сети люди Ода Нобуцугу, дяди Нобунага. Завидев одинокого всадника, кто-то выстрелил в его сторону из лука, желая то ли пошутить, то ли напугать. Стрела, однако, попала в цель и свалила мальчика наземь. От полученного ранения Хидэтака через несколько дней умер. Дядя Нобунага, не дожидаясь неизбежной в таких случаях мести, бежал из полученного от племянника форта Морияма, а младший брат Нобукацу потребовал от Нобунага выступить вместе и отомстить за смерть кузена. По его мнению, глава семьи не должен был прощать таких вещей. Однако Нобунага отказался, заявив, что в случившемся есть и доля вины Хидэтака — ему не следовало одному ехать на реку без сопровождения взрослых. Вероятнее всего, настоящая причина отказа заключалась в нежелании Нобунага проливать кровь родственника, да ещё вместе с младшим братом, отношения с которым складывались далеко не лучшим образом. Недовольный этим решением Нобукацу своими силами напал на форт Морияма и отомстил дяде, после чего укрепление было передано Хидэтоси, другому младшему брату Нобунага. Однако в следующем году Хидэтоси тоже был убит, и Нобунага вернул в Морияма своего дядю Нобуцугу, обозначив тем самым принципиальные расхождения с младшим братом.

В ноябре 1556 года в замке Нагоя от руки своего вассала погиб Ода

*Дислокация сил
после захвата Киёсу*

Лучник

Нобумицу, тот самый дядя, с помощью которого Нобунага победил Нобутомо, главу дома Ода из Киёсу. Молва приписала это убийство возмездию за предательство, с помощью которого Нобумицу получил замок Нагоя и, по неподтверждённым данным, два уезда из четырёх, которые отошли к Нобунага. Вроде бы половина владений Нобутомо стала ему наградой за содействие. Мотивы убийства Нобумицу неизвестны, но оно оказалось очень выгодным для Нобунага, поэтому на этот счёт высказывались самые разные, в том числе и неблагоприятные для него версии.

Весной 1556 года в соседней провинции Мино, где правил Сайто Досан, тоже разгорелся семейный конфликт.

В 1554 году главе клана исполнилось 60 лет, и он передал свои полномочия старшему сыну Ёситацу (1527–1561), а сам ушёл в отставку, принял постриг и буддийское имя Досан, под которым его и знают сегодня. К тому времени у него было три взрослых сына. Передача власти наследнику состоялась под давлением ближайшего окружения главы клана и обострила его отношения со старшим сыном. Вскоре после отставки Досан начал готовить своё возвращение на пост главы дома, критикуя действия Ёситацу и всячески подчёркивая достоинства среднего сына Сонсиро. В отношениях Ёситацу с младшими братьями возникла опасная напряжённость, связанная с борьбой за наследство, и он решился на заговор. В октябре 1555 года старший брат удалился от всех и долго не показывался на людях. Пошли слухи, что он тяжело заболел и никого не хочет видеть. Выполняя его просьбу, родной дядя Нагаи Мититоси встретился с младшими братьями и рассказал, что Ёситацу серьёзно болен и хочет с ними проститься. Те прибыли в замок Инабаяма и 23 ноября 1555 года были убиты. Узнав о гибели двух младших сыновей, Досан пришёл в ярость и сжёг все поселения вокруг замка Ёситацу. Стало ясно, что вооружённого конфликта не избежать. Сын обратился за помощью к бывшему губернатору Токи Ёринари, а отец — к Ода Нобунага. В провинции ещё помнили годы правления отца и тот путь, которым он пришёл к власти, поэтому сторонников у него набралось немного. Досан оказался в трудном положении: два младших сына убиты, сам он в отставке, а во главе дома ненавистный Ёситацу, которого поддерживает большинство старейшин. И он отправил своему зятю письмо, в котором сообщал, что в случае победы над старшим сыном намерен передать ему провинцию Мино.

С отрядом в две с половиной тысячи человек Досан в апреле 1556 года занял боевую позицию на склоне горы напротив замка Инабаяма. Ёситацу вышел ему навстре-

чу, и 20 апреля между ними состоялся бой у реки Нагара. Благодаря помощи Токи Ёринари и поддержке старейшин Ёситацу получил огромное преимущество в живой силе — семнадцать с половиной тысяч человек против двух с половиной. В этом бою Досан потерпел поражение и погиб, а Ёситацу остался полновластным хозяином провинции. В своей хронике Ота Гюити пишет, что сын вовсе не обрадовался, когда на следующий день перед ним положили голову отца. Говорят, что он даже уходил на некоторое время из дома и стал называть себя Синкуро Ханка, по имени известного отцеубийцы прошлого. А своему воину, убившему его отца, приказал отрезать нос. Как выяснилось впоследствии, Сайто Ёситацу оказался вполне разумным правителем и хорошим организатором; при нём положение дома Сайто упрочилось, а хозяйственная жизнь в провинции оживилась.

Получив от тестя просьбу о помощи и обещание отдать ему провинцию Мино в случае победы, Нобунага выступил ему на помощь, но не успел. Переправившись через реку Кисо, он подошёл к форту Оура и здесь остановился на отдых, но получил сообщение, что бой уже состоялся и Сайто Досан погиб. Ёситацу выслал против Нобунага отряд, и после нескольких мелких стычек ему пришлось вернуться в Киёсу. Со смертью тестя Нобунага лишился единственного внешнего союзника, и теперь ему приходилось рассчитывать только на себя. Более того, после гибели Сайто Досан соседняя провинция Мино из дружественной превратилась во враждебную, и теперь с ней предстояло воевать.

Летом 1556 года сложные отношения Нобунага с младшим братом Нобукацу (1536—1557) окончательно испортились и перешли в открытое противостояние на почве соперничества. Поддерживаемый большинством старейшин, в том числе и самым авторитетным среди них Хаяси Хидэсада, повзрослевший Нобукацу начал собирать силы

и в августе 1556 года выступил против старшего брата. Командовать боевыми действиями он назначил своего 34-летнего старейшину Сибата Кацуиэ. Неизвестно, кто был инициатором заговора — сам Нобукацу или его окружение, но в том, чтобы сделать главой клана более понятного и предсказуемого младшего брата, предпочтения старейшин совпали с амбициями Нобукацу.

Мать Нобунага тоже была не против видеть главой дома младшего сына.

Бой у реки Нагара

Взяв на себя инициативу, Нобукацу повёл себя так, словно это он, а не Нобунага возглавляет клан. Старшему брату пришлось в спешном порядке собирать соратников и принимать вызов. Бой между ними состоялся 24 августа в 5 километрах восточнее замка Киёсу, в местечке Иногахара. Для Нобунага ситуация складывалась неблагоприятно — сторонники младшего брата лучше подготовились к выступлению и имели численное преимущество: 1700 человек против 700. Практически всё старшее поколение поддержало Нобукацу, с Нобунага осталась одна молодёжь. В бою при Иногахара сражалась его будущая личная гвардия, с которой он вскоре победит Имагава Ёсимото и выйдет на большую арену.

Бой начался около полудня, когда отряд в тысячу человек под командованием Сибата Кацуиэ атаковал позиции Нобунага. Однако боевой настрой сторонников Нобукацу оставлял желать лучшего — всё-таки они шли убивать за-

конного главу дома и своего начальника, что бы ни говорили им старейшины насчёт младшего брата. По описанию Ота Гюити, Нобунага во время боя начал яростно выкрикивать оскорбления в адрес предателей, и его зычный командирский голос, которому они привыкли повиноваться, каким-то образом подействовал. В это время сражения часто начинались со словесного поединка двух воинов, которые выступали вперёд и начинали бранить противника со всем темпераментом, на который были способны. Упоминания о таких словесных поединках (*гэнсэн* или *котобатакаи*, буквально «война слов») содержатся во многих военных хрониках. В каждом отряде были свои специалисты по «войне слов», смысл которой состоял в том, чтобы по возможности деморализовать противника ещё до начала сражения. В азарте боя Нобунага начал автоматически выкрикивать оскорбления, и этот приём подействовал — его воины начали понемногу теснить людей Сибата, а затем обратили их в бегство.

Второй бой произошёл в тот же день чуть южнее против отряда под командованием Хаяси Мимасака, младшего брата старейшины Хидэсада. Согласно описанию Ота Гюити, он начался с поединка между двумя командирами. Против Хаяси Мимасака вышел Курода Хампэй, и воины обнажили мечи. Бой закончился тем, что Хампэй пропустил удар и потерял левую руку. Ситуацию спас Нобунага, но точные обстоятельства его победы неизвестны. Он то ли занял место своего выбывшего командира и победил Мимасака в честном поединке, то ли атаковал его без предупреждения и убил. Потеряв командира, воины противника запаниковали и обратились в бегство (*Синтё коки*). Таким образом, в бою при Иногахара Нобунага смог победить, несмотря на существенное превосходство противника в живой силе.

Потерпев поражение, Нобукацу бежал в свой форт Суэмори. Мать Нобунага через несколько дней встрети-

лась со старшим сыном и уговорила его простить младшего брата. Не желая углублять семейный раскол, Нобунага согласился и амнистировал также всех старейшин, поддерживавших бунт Нобукацу. Это был тактически грамотный ход, который уменьшил внутреннее напряжение и понизил уровень неприятия Нобунага среди вассалов его отца.

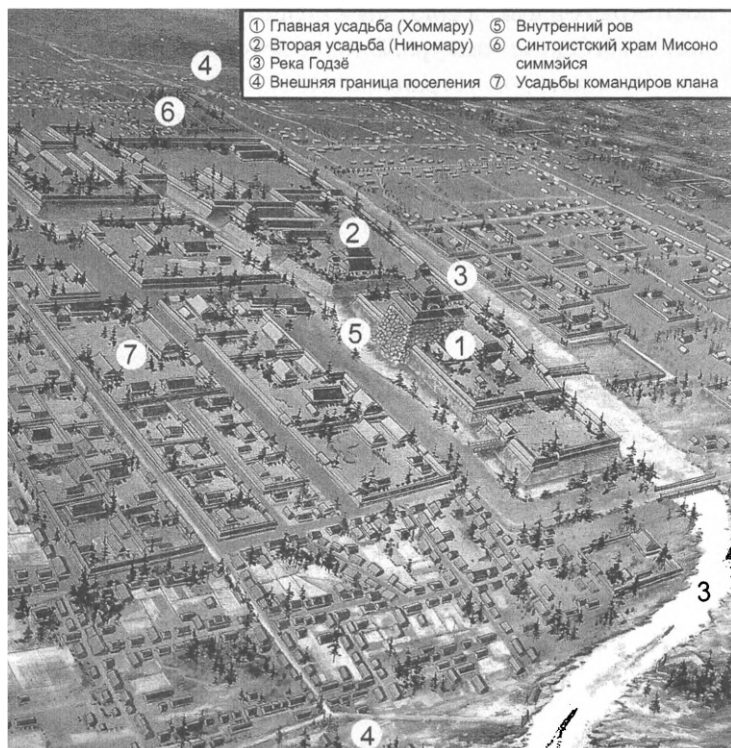
Двадцатилетний Нобукацу не смирился с поражением и потерей перспективы, а рост доверия к старшему брату со стороны старейшин лишь усугубил его недовольство своим положением. Через год после боя при Иногахара, осенью 1557 года, он начал готовить новое выступление. На этот раз он взял в союзники более опытного Нобуката, главу дома Ода из Ивакура. Вполне вероятно, что Нобуката и был инициатором устранения Нобунага — раздор между близкими родственниками всегда способствовал вмешательству извне. Однако на этот раз отношение к конфликту со стороны старейшин было иным. Тайное сообщение о том, что Нобукацу готовит заговор, Нобунага получил от его же старейшины Сибата Кацуиэ. К тому времени у младшего брата появился наделённый большими полномочиями фаворит-любовник, и потомственный вассал Сибата решил, что от Нобукацу пора уходить.

Бороться с двумя противниками сразу было трудно, и Нобунага составил план их поочерёдного устранения. Чтобы избавиться от младшего брата, он использовал приём, который год назад принёс успех Сайто

Бой при Иногахара

Ёситацу. Сделав вид, что тяжело заболел, Нобунага от всех удалился и несколько дней не выходил. Нобукацу расспросил о болезни брата своего старейшину, и Сибата Кацуиэ не только подтвердил слухи, но и посоветовал навестить больного Нобунага и уговорить его написать завешание, по которому Нобукацу станет главой дома в случае его кончины. Младший брат согласился и 2 ноября 1557 года прибыл в замок Киёсу, где попал в засаду и был убит. За помощь в ликвидации брата Нобунага простил Сибата Кацуиэ участие в мятеже и принял к себе на службу. Следующие 24 года они воевали вместе.

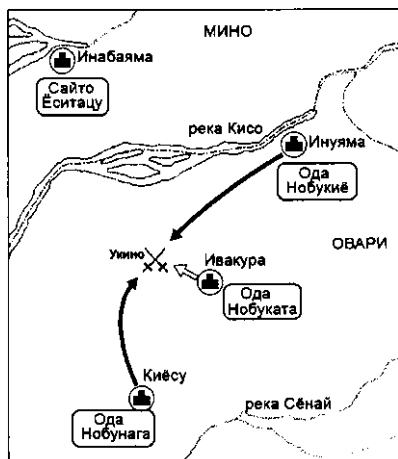

Киёсу, домашний замок Нобунага

Затем настала очередь Нобуката, главы дома Ода из Ивакура, не скрывавшего своей враждебности. Домашние резиденции родственников располагались рядом — от Киёсу до Ивакура было чуть больше трёх километров. Смерть Нобукацу поставила Нобуката в трудное положение, поскольку он тоже враждовал со своим родным братом Нобуизэ. В поисках поддержки извне Нобуката начал переписку с Сайто Ёситацу из провинции Мино.

Нобунага действовал в своей обычной манере — дерзко и агрессивно. В конце мая 1558 года он совершил вылазку к замку Ивакура и поджёг деревню Укино, чтобы посмотреть на реакцию противника. Нобуката отреагировал нормально и выслал против него отряд, но Нобунага уклонился от боя и отступил. Взяв в союзники своего двоюродного брата Нобукиё и подготовившись к сражению, он через полтора месяца снова появился в Укино. Ода Нобуката выставил против него три тысячи человек, Нобунага имел примерно столько же. Бой в окрестностях деревни Укино закончился победой Нобунага, но его подробности неизвестны. Согласно *Синтё коки*, Нобуката потерял 1250 человек убитыми и бежал в Ивакура. Преследуя противника, Нобунага окружил замок. Сил для штурма у него не хватало, но и осаждённым помощи ждать было неоткуда, поэтому приступили к осаде. Изолировав замок от внешнего мира двойной засекой из поваленных деревьев, начали регулярно его обстреливать и ждать результата. Через два с лишним месяца осаждённые начали переговоры, завершившиеся тем, что замок Ивакура сдаётся в обмен на сохранение жизни его защитникам. Самого Ода Нобуката там уже не было — он бежал во время осады, но когда и каким образом — неизвестно; по некоторым данным, в провинцию Тоса на острове Сикоку.

После этой победы Нобунага взял под контроль большую часть провинции Овари, состоявшей из 8 сравнительно небольших уездов. Его восхождение на вершину

Бой при Укино

местной власти получилось постепенным и естественным. Дом Ода из Ивакура вёл своё происхождение от основателя клана, а Ода из Киёсу представлял его боковую ветвь. Таким образом, Нобунага сначала оттеснил второстепенный клан и занял его место, а затем победил и главного конкурента. Теперь уже никто из родственников не мог оспаривать его первенства.

Борьба с ними продолжалась почти 7 лет и закончилась победой; настало время выходить в большой внешний мир.

Начало большого пути

В феврале 1559 года Нобунага с 80 приближёнными отправился в столицу на встречу с сёгуном. На аудиенции он доложил Асикага Ёситэру (1536–1565), что провинция Овари объединена под его началом, и заверил его в своей готовности верой и правдой служить центральному правительству. Пробыв в Киото около месяца, Нобунага вернулся на родину. Сразу после него столицу с аналогичным визитом посетил Сайто Ёситацу, а ещё через месяц туда прибыл Уэсуги Кэнсин (1530–1578). Не исключено, что все трое выезжали в столицу по предписанию сёгуна, желавшего укрепить личные контакты с тремя молодыми военачальниками, победившими в своих провинциях.

Владения Нобунага значительно расширились, и теперь их предстояло защищать от соседей, среди которых у него не было ни одного союзника. Главную угрозу представлял Имагава Ёсимото из Суруга. Он был на 15 лет старше Нобунага, владел двумя домашними провинциями (Суруга, Тотоми) и контролировал большую часть Микава, изначально принадлежавшей дому Мацудайра. Клан Имагава вёл свое происхождение от боковой ветви сёгун-ов Асикага и входил в число самых именитых домов страны. Его глава Ёсимото вёл наполовину воинский, наполовину аристократический образ жизни и даже красил зубы в чёрный цвет, что считалось признаком особой утончённости и высокого вкуса. В то время зубы чернили только женщины и высшие аристократы. Ёсимото любил ярко-красный цвет и передвигался в паланкине такой же окраски. Но при этом был наделён и организаторскими способностями — при нём клан Имагава быстро усилился. Летопись провинции Микава (*Микава моногатари*) сообщает, что уже через шесть лет после появления огнестрельного оружия в Японии армия Имагава использовала его в бою. Возглавив клан, Ёсимото провёл реорганизацию всего военного дела. В первой половине эпохи междоусобиц бои проходили по схеме «тактика навала»: командующий собирал подчиненных командиров и ставил им задачу. После этого отряды бросались в бой, и командующему оставалось только ждать, чем он закончится. Имагава Ёсимото упорядочил взаимодействие между высшим и средним звеном управления, при котором он имел список всех старших командиров с указанием численности и характера вооружений их отрядов. Это облегчало планирование операций и улучшало управляемость войском во время боя. Реорганизация усилила клан Имагава и принесла ему несколько побед, а Ёсимото стали называть лучшим полководцем восточных провинций (*токайдоити юмитори*, буквально «лучший лучник

Имагава Ёсимото

Восточного тракта»)¹⁷. В общем, 40-летний Имагава Ёсимото и 25-летний Ода Нобунага в военном отношении находились в разных весовых категориях.

Как уже говорилось, глава клана Имагава ещё в 1552 году переманил к себе на службу Ямагути Норицугу, владевшего фортом Наруми в пограничной зоне провинции Овари. В том же году Нобунага

предпринял попытку ликвидировать опорный пункт противника на своей территории и атаковал Наруми, но бой при Акацука не принёс победы ни одной из сторон. Ямагути Норицугу выстоял, и с его помощью Имагава Ёсимото переманил на свою сторону ещё троих местных командиров, в том числе Тобэ Синдзэмон. Таким образом, у восточной границы провинции Овари образовалась неподвластная Нобунага зона, контролируемая союзными Имагава фортами Наруми, Одака, Куцукакэ и Тобэ. С этого плацдарма восточный сосед мог в любой момент начать вторжение в Овари.

Вернуть себе потерянные форты силой Нобунага не мог, поэтому прибег к дезинформации. Сначала он отправил в Сумпу своего соратника Мори Ёсинари с торговой миссией. Призамковый город Сумпу имел самый большой в регионе рынок, сюда съезжались торговцы со всех окрестных провинций. Ёсинари стал распространять на рынке слухи о том, что Ямагути Норицугу лишь делает

¹⁷ Неофициальный комплиментарный титул для полководцев, сохранившийся со времён эпохи Камакура.

вид, что поддерживает Имагава Ёсимото, а на самом деле тайно связан с Нобунага, и как только Ёсимото войдёт в Овари, ударит ему в тыл. Слухи дошли до старейшин Имагава и встревожили их. Тем более что они подкреплялись правдоподобным рассказом о том, как Мори Ёсинари, находясь в пути, случайно получил эти сведения. Ямагути Норицугу вместе с сыном был вызван в Сумпу и убит.

Затем Нобунага велел своему писарю научиться подделывать подпись Тобэ Синдзаэмон, другого начальника форта, перешедшего на сторону Имагава. Когда поддельную подпись стало трудно отличить от настоящей, следующий торговец привёз в Сумпу поддельный доклад, якобы написанный Тобэ Синдзаэмон для Нобунага. Из него следовало, что клан Тобэ тоже ведёт с Имагава двойную игру, и Синдзаэмон был казнён как предатель.

В этих историях с Ямагути и Тобэ достоверно лишь то, что оба они были убиты по приказу Имагава; о причинах убийства говорится со ссылкой на устные свидетельства, что оставляет место для сомнений. Вместо попавших в опалу комендантов в форты Наруми и Тобэ были назначены другие командиры, следовательно, единственный выигрыш Нобунага состоял в том, что он отомстил Ямагути и Тобэ за измену. Имагава Ёсимото по-прежнему контролировал четыре форта в восточной части Овари, самыми важными из них были Наруми и Одака. Готовясь к ликвидации вражеского плацдарма, Нобунага построил рядом с ними осадные укрепления Тангэ, Сэндзёдзи и Накадзима, а рядом с Одака — форты Ва-

Зона конфликта

сидзу и Марунэ. Его намерения были очевидны — собрав силы, ликвидировать вражеские укрепления на своей территории.

А Имагава Ёсимото в это время заканчивал подготовку к большому походу в провинцию Овари. Семнадцатого мая 1560 года он с 25-тысячной армией подошёл к границе и встал лагерем у форта Куцукакэ. Ситуация для захвата четвёртой по счёту провинции была более чем благоприятной. А для Нобунага она была критической. Имагава контролировал территорию, по площади в 8 раз превосходившую провинцию Овари. Против его 25-тысячной армии Нобунага мог выставить максимум 6 тысяч человек, и то если собрать в фортах все гарнизоны, оставив их вообще без прикрытия.

Перед вторжением в Овари Имагава разделил своё войско на три группы: первую отправил к форту Наруми, вторую — к Одака, а сам с пятью тысячами воинов двинулся на северо-запад, к Накадзима. Вероятнее всего, этот форт был намечен в качестве следующей цели. Во второй группе одним из отрядов командовал 17-летний Мацудайра Мотоясу (будущий Токугава Иэясу). Его шлем тоже был выкрашен в ярко-красный цвет, как у его начальника. Юному командиру была поставлена задача доставить провиант гарнизону Одака, а затем атаковать и сжечь осадные форты, выстроенные по приказу Нобунага.

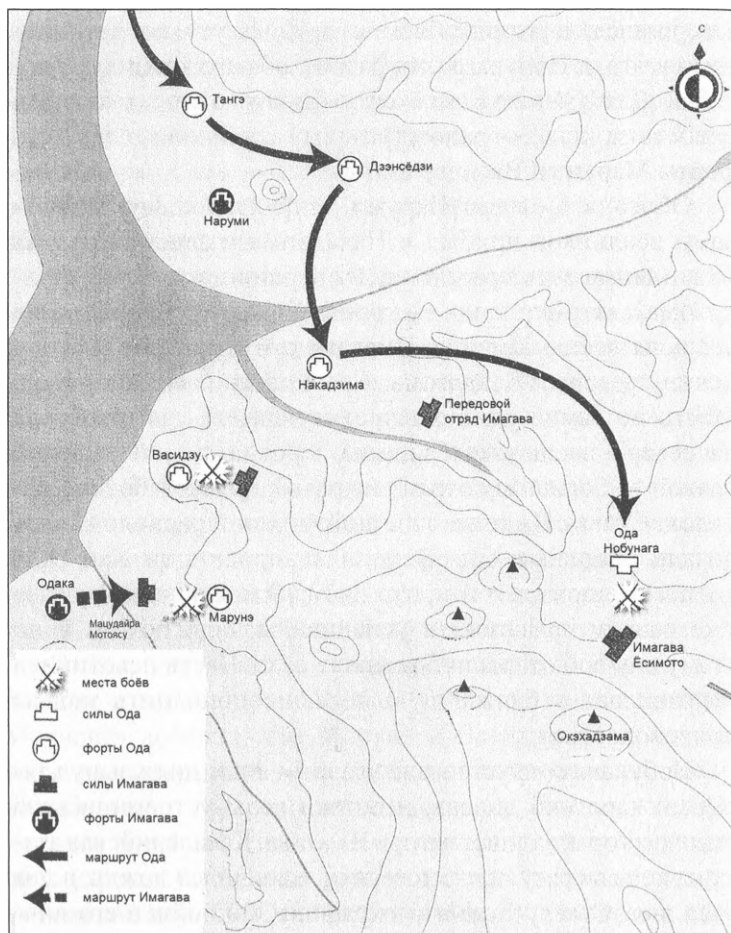
О том, что Имагава начал вторжение, Нобунага доложили в тот же день, 18 мая. Гонец по имени Сакума Морисигэ добавил, что Марунэ и Васидзу будут атакованы на следующий день. Нобунага выслушал его молча и больше к этой теме не возвращался. Похоже, он ещё не знал, что будет делать. На следующий день он встал рано утром, облачился в боевые доспехи и с пятью адъютантами отправился в порт Ацута. К восьми часам они были на месте и оттуда увидели клубы дыма над Марунэ и Васидзу — оба форта уже горели. Из Ацута Нобунага

с двумя сотнями всадников переместился в форт Тангэ, приказал гарнизону готовиться к выступлению и назначил место сбора в расположенном рядом храме Дзэнсё. Через некоторое время здесь собралось более двух тысяч человек. Головной отряд Имагава находился совсем рядом, и Нобунага отправил против него 300 человек во главе с Сасса Масацугу и Сэнсю Суэтада. Отвлекающий манёвр завершился коротким боем с предсказуемым результатом — отряд Нобунага был разбит, оба его командира погибли. Для Имагава Ёсимото это была уже вторая хорошая новость за день — рано утром ему сообщили о том, что форты Марунэ и Васидзу взяты.

Обогнув с севера Наруми, Нобунага с двумя тысячами всадников прибыл в Накадзима и здесь объяснил командирам суть предстоящей операции. «Атакуем ставку Имагава. Цель одна — голова Ёсимото. Вперёд, и на всё воля неба». Колонна Имагава тем временем вошла в долину у горы Окэхадзама и расположилась на привал. Место не самое удачное: протянувшаяся с юго-востока на северо-запад узкая лощина заросла густой высокой травой — большому отряду не развернуться в боевой порядок. Ставка Имагава с личной охраной расположилась позади основных сил. В хронике провинции Каи (*Коё гункан*) говорится о том, что днём 19 мая воины Имагава уже начали праздновать успешное начало похода и по этому случаю открыли бочонки с сакэ. Часть пехотинцев отправилась в ближайшую деревню пополнить запасы продовольствия.

Нобунага сопутствовала удача — в час дня хлынул тяжёлый короткий ливень, и потоки воды устремились по склонам горы, заливая лагерь Имагава. Кавалерийская атака началась сразу после того, как закончился дождь, в два часа дня. Ставку Ёсимото охраняли 300 бойцов его личной гвардии. Застигнутая врасплох охрана схватилась за оружие и окружила шатёр главнокомандующего, но была

смята налетевшими сверху всадниками. Сам Нобунага спешился и сражался наравне со всеми. Его адъютанты Хаттори Кадзутада и Мори Ёсикацу сумели пробиться к шатру Ёсимото. Первый получил ранение, но сумел нанести главнокомандующему удар копьем, а второй убил Ёсимото и забрал его голову. Из 300 гвардейцев Имагава

Бой при Окэхадзама

в живых осталось около 50 человек, а основной отряд в беспорядке рассеялся. Все трофейные головы Нобунага приказал доставить в Киёсу, а голову Ёсимото повёз сам, привязав к седлу. Вообще-то по правилам ранг Имагава требовал более почтительного обращения с его головой, но уж слишком неожиданной и слишком радостной была победа Нобунага над именитым противником.

На следующий день в Киёсу прошла церемония *ронко косё*, на которой подводили итоги и награждали отличившихся. Накануне все обсуждали, кого Нобунага назовёт главным героем сражения. В то время существовало несколько номинаций для наиболее отличившихся воинов, и самой престижной из них считалась *итибан яри* (букв. «первое копье»), обладателем которой становился командир или рядовой воин, первым прорвавший ряды противника и внёсший наибольший вклад в победу. В Киёсу главными претендентами на награду считались Хаттори Кадзутада, который напал и тяжело ранил Имагава Ёсимото, и Мори Ёсикацу, убивший главнокомандующего ударом меча. Личная доблесть обоих воинов была публично отмечена Нобунага, но главную награду в 300 *каммон* серебром и звание «первого копья» получил командир разведки Янада Масацуна, предоставивший точную информацию о маршруте Имагава Ёсимото. Главу клана подвели аристократические привычки: в походе он передвигался в своём ярко-красном паланкине, что позволило разведке точно установить его местонахождение. Если бы Ёсимото ехал верхом, выделить его в массе всадников было бы труднее.

Назвав начальника разведки главным героем победного сражения, Нобунага нарушил неписанный закон эпохи междоусобных войн, в соответствии с которым главная награда вручалась за личное мужество и отвагу на поле боя. Двадцатого мая 1560 года было впервые публично заявлено, что точная информация о противнике важнее.

Нобунага продолжал нарушать не им установленные правила.

После боя у горы Окэхадзама в Киёсу было привезено и выставлено на всеобщее обозрение более трёх тысяч голов противника. Весть о сенсационной победе Нобунага мгновенно разнеслась по провинции. Голову побеждённого Имагава Ёсимото он отправил с десятью монахами в замок Сумпу для передачи его старшему сыну Удзидзанэ, а боевой меч взял себе и не расставался с ним до конца жизни. Сейчас этот меч хранится в синтоистском храме Кэнкун в Киото, на его лезвии выгравированы две надписи. Одна гласит: «19 мая 1560 года. Сей меч принадлежал Ёсимото в момент его гибели». На другой стороне подпись: «Ода Нобунага, правитель Овари».

Впоследствии меч Имагава Ёсимото стал символом объединения страны и одной из реликвий воинской власти. После смерти Нобунага он перешёл к Тоётоми Хидэёси, а затем — к Токугава Иэясу. До 1867 года мечом владели сёгуны Токугава, а затем он вернулся в семейный

*Парк и мемориальный камень на месте боя
при Окэхадзама*

храм Ода. Сегодня на том месте, где произошёл бой, стоит мемориальный камень, а вокруг раскинулся городской парк. Он расположен в восточной части города Нагоя, в одном из спальных районов.

После гибели главнокомандующего в армии Имагава всё смешалось; лишившись поддержки основных сил, гарнизоны фортов Наруми, Одака, Куцукакэ, Тирю и Сигихара оставили укрепления и бежали в провинцию Суруга. Поход был прерван, войско Имагава возвратилось домой.

Неожиданная и потому особенно эффектная победа Нобунага над сильным противником стала одной из самых ярких страниц его воинской биографии. Одной внезапной атакой он выиграл практически безнадёжную кампанию и защитил свои владения от превосходящих сил противника; после Окэахадзама имя Ода Нобунага получило известность в воинских кругах.

Уже через 10 дней после этой победы Нобунага совершил вылазку в соседнюю провинцию Мино против Сайто Ёситацу (1527–1561). Дружба с Сайто Досан обернулась для Нобунага враждой с его сыном; из этого со всей очевидностью следовало, что военный союз Сайто и Имагава

Гибель Имагава Ёсимото (гравюра)

был лишь вопросом времени. Войдя в провинцию Мино, Нобунага в начале июня столкнулся с высланным против него отрядом Ёситацу и в скоротечном бою потерпел поражение. В конце августа он повторил попытку, но она тоже оказалась неудачной. За 4 года, прошедших после конфликта с отцом, Сайто Ёситацу прочно встал на ноги и уверенно контролировал провинцию; одержать над ним победу у Нобунага не получилось.

После гибели Имагава Ёсимото клан возглавил его сын Удзидзанэ (1538–1615). Отправив ему голову отца, Нобунага некоторое время выжидал, не бросится ли преемник мстить за поражение, однако у молодого наследника было много других проблем.

Бой 19 мая 1560 года при Окэхадзама кардинально изменил также судьбу 17-летнего Токугава Иэясу. В то время он носил имя Мацудайра Мотоясу и участвовал в походе против Нобунага в ранге командира среднего звена. Смерть Ёсимото освободила его от обязательств перед кланом Имагава и дала возможность вернуться в родную провинцию Микава. Узнав об этом, Нобунага в январе 1561 года начал с ним тайные переговоры о военном союзе. Имея напряжённые отношения с Сайто и Имагава, он нуждался во внешнем союзнике, чтобы обезопасить себя на востоке. Однако с учётом того, что отцы Нобунага и Мотоясу много лет враждовали, сближение проходило медленно и осторожно. Кроме того, жена и малолетний сын Мотоясу оставались в заложниках у Имагава, и если бы Удзидзанэ узнал о его контактах с Нобунага, их ждала бы неминуемая смерть. Посредником в переговорах о военном союзе выступил Мидзуно Нобумото (?–1576), дядя Мацудайра Мотоясу и комендант форта Огава в провинции Овари.

Одиннадцатого мая 1561 года Нобунага исполнилось 27 лет, и в этот день судьба преподнесла ему подарок — неожиданно умер 34-летний Сайто Ёситацу, и клан принял его 13-летний сын Тацуоки. Это означало, что власть

перешла к старейшинам дома, и надо было действовать. Уже через два дня Нобунага со своими людьми переправился через реку Кисо и вошёл в провинцию Мино. Из форта Суномата ему навстречу вышел объединённый отряд под командованием Хибино и Нагаи, и на следующий день в местечке Морибэ состоялся бой, в котором победу одержал Нобунага. Силы Сайто потеряли в нём 170 человек убитыми, в том числе обоих старших командиров, а Нобунага захватил форт Суномата и сделал его опорным пунктом на чужой территории. Первый плацдарм для продвижения в глубь провинции Мино был создан. Двадцать третьего мая из Инабаяма к форту Суномата был отправлен следующий отряд, и через день в местечке Дзюсидзё состоялся ещё один бой, на этот раз менее удачный для Нобунага. Он не выявил победителя, но форт Суномата был потерян, а отряд Нобунага вернулся домой без каких-либо завоеваний.

Переговоры с Мацудайра Мотоясу тем временем продолжались, и в феврале следующего 1562 года он прибыл в Киёсу, где встретился с Нобунага и заключил с ним тайный военный союз. Он оказался на редкость прочным — союзники честно выполняли условия договора и поддерживали друг друга в течение следующих 20 лет. В японской истории он известен как «союз Киёсу» (*Киёсу домэй*), хотя в действительности обмен клятвами верности состоялся в приамковом городе, в усадьбе одного из вассалов Нобунага. Через год, когда Мотоясу освободил свою семью из плена, они с Нобунага скрепили договорённость помолвкой своих малолетних детей. Заключённый союз имел оборонительный характер и был выгоден обоим: Нобунага получал возможность сосредоточиться на западном направлении, а его партнёр — на восточном.

Поняв, что, несмотря на смерть Сайто Ёситацу, провинция Мино представляет собой крепкий орешек, Нобунага начал серьёзно готовиться к её захвату. В июле 1563 года

*Переезд в Комакияма
и захват восточной части Мино*

он перенёс свою домашнюю резиденцию из замка Киёсу в форт Комакияма, на 10 километров ближе к границе. А чтобы обойти недовольство ближайшего окружения, прибег к хитрости, заставив выбирать из двух зол меньшее.

Выехав со старейшинами в удалённый район у горы Ниномия, он объявил, что хочет построить здесь замок. Это сильно испортило всем настроение, поэтому когда Нобунага через несколько дней сообщил, что передумал и решил переехать поближе, в район горы Комаки, никто не стал возражать.

Помимо близости к провинции Мино форт Комакияма имел ещё одно преимущество — близость к Инуяма, резиденции двоюродного брата Нобукиё. Во время нападения на замок Ивакура брат помогал Нобунага, но в 1563 году ему доложили, что Нобукиё поддерживает тайные контакты со старейшинами Сайто Ёситацу. Через год после переезда в Комакияма Нобунага отправил в распоряжение брата своего командира Нива Нагахидэ с заданием ликвидировать вспомогательные форты вокруг его домашнего замка. Задание было выполнено, и в августе 1564 года Нобунага напал на замок Инуяма и взял его штурмом. Нобукиё бежал в провинцию Каи под защиту Такэда Сингэн.

В том же месяце Нобунага возобновил боевые действия в провинции Мино. Захватив форты Унума и Сарубами, он продвинулся ещё на 10 километров к северу и окружил форт Кадзита, принадлежавший местному коман-

диру Сато Тадаёси. Нобунага предложил ему перейти на его сторону, и Тадаёси согласился, за что был вознаграждён провиантом и деньгами. Так на востоке провинции у Нобунага появился первый союзник. Узнав об этом, старейшины дома Сайто выслали отряд для его ликвидации, и Нобунага пришлось идти на помощь. Двадцать девятого сентября 1564 года у форта Кадзита состоялся бой, длившийся с полудня до наступления темноты. Он получился упорным и не принёс победы ни одной из сторон, но форт Кадзита удалось отстоять. На следующий день произошло ещё одно столкновение, которое также не выявило победителя. Обе стороны понесли в нём примерно равные потери и вернулись по домам. Нобунага не сумел одержать явной победы, но ему удалось удержать форт Кадзита под своим контролем и сохранить важного союзника на чужой территории.

Девятнадцатого мая 1565 года в столице произошёл переворот, положивший конец правлению 13-го сёгуна Асикага Ёситэру (1536–1565). Заговорщики напали на здание *бакуфу* в квартале Муромати, и в ходе боя 29-летний сёгун был убит. За год до этого скончался влиятельный глава клана Миёси Нагаёси (1522–1564), фактически контролировавший деятельность правительства. Три главных военачальника из этого дома (Миёси Нагаюки, Миёси Масаясу и Иванари Томомити), известные как триумвиры Миёси (*Миёси саннинсю*), при поддержке Мацунага Хисахидэ организовали мятеж с целью устранить 13-го сёгуна и

Миёси Нагаёси (гравюра)

посадить на его место двоюродного брата Асикага Хисахидэ (1538–1568). Клан Миёси из провинции Ава на острове Сикоку долгое время принимал активное участие в столичной жизни и имел большое влияние на политику военного правительства.

Родной младший брат погибшего сёгуна Ёситэру, буддийский священник Какукэй, в это время жил в храме Кофуку в городе Нара. Узнав о смерти старшего брата, он с помощью недругов Миёси бежал из храма и перебрался в провинцию Оми, а ещё через год нашёл убежище в Цуруга (провинция Этидзэн). Некоторое время спустя беглый монах стал гостем замка Итидзёдани, домашней резиденции клана Асакура в той же провинции. Вернувшись к светской жизни, Какукэй снял с себя монашеский обет, восстановил фамилию Асикага и принял имя Ёсиаки. Не теряя времени, разослал нескольким крупным военачальникам письма, в которых сообщал о своём желании восстановить сёгунат и занять высший воинский пост, отнятый заговорщиками у его брата. В чём и просил оказать

*Побег Асикага Ёсиаки
из храма Кофуку (1565)*

ему содействие, ибо никакой военной силой или политическим влиянием не располагал. Летом 1565 года получил такое письмо и Нобунага. Он сразу изъявил желание встретиться с Ёсиаки и обсудить его план, но не смог, поскольку воевал в это время в провинции Мино.

Детального описания боевых действий в 1565 году не сохранилось; единственное упомина-

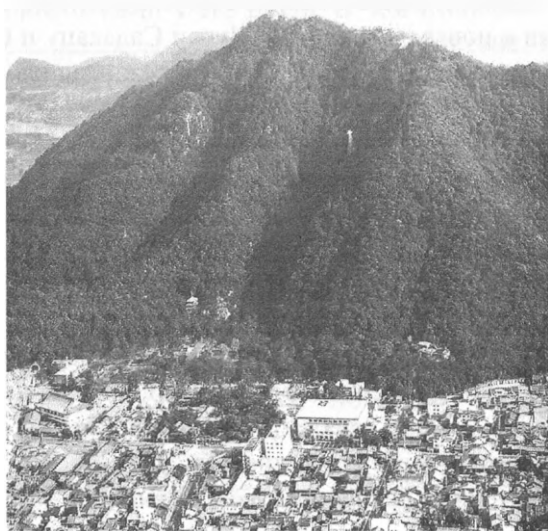
ние о них содержится в личной переписке одного из командиров Сайто. В письме говорится о том, что 29 августа в районе форта Каваносима на реке Кисо состоялся бой, в котором Нобунага понёс большие потери и потерпел поражение. Возможно, автор письма преувеличил свой успех, но факт возвращения Нобунага в провинцию Овари в последних числах августа подтверждается другими источниками. Значит, в тот раз добиться поставленной цели ему не удалось.

Перелом в затянувшейся войне за провинцию Мино наступил через год. Первого августа 1567 года Нобунага получил сообщение, что три старших командира Сайто Тацуоки готовы перейти на его сторону и прислать заложников. Это были Удзииэ Наомото (1512–1571), Инаба Ёсимити (1515–1589) и Андо Моринари (1503–1582), тот самый, который приходил на помощь Нобунага 13 лет назад. Все они были старше 50 лет и много лет служили клану Сайто. Вероятнее всего, опытные старейшины решили, что с 19-летним Тацуоки во главе дома у них нет перспективы. Лучшего подарка Нобунага не мог желать. Отправив к новым союзникам Мураи Садакацу и Симада Хидзэри, он вышел в поход, даже не дождавшись их возвращения с заложниками.

Измена трёх старших командиров решила судьбу Сайто Тацуоки. Его домашний замок Инабаяма стоял на горе высотой 329 метров и был очень хорошо защищён. С юга и севера подходы к нему прикрывались горами, на востоке протекала река Нагара, а на прилегающей с запада равнине располагался крупный призамковый город Иногути. Отряд Нобунага подошёл к замку, окружил его и сжёг призамковые поселения, чтобы изолировать и лишить снабжения. Началась осада. Моральный дух соратников Тацуоки и вера в его командирские качества были таковы, что уже через две недели всё закончилось — 15 августа гарнизон сдался. Сам Тацуоки бежал, спустившись по реке Нагара в дельту Нагасима. История дома Сайто, три

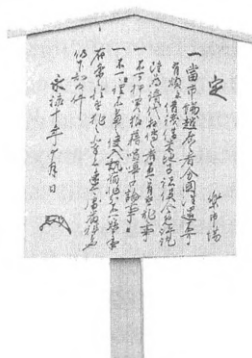
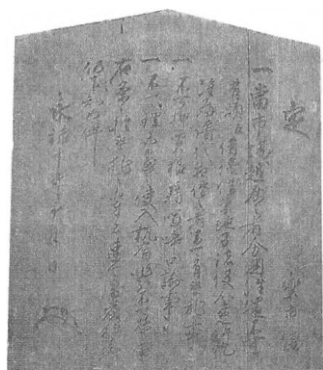
поколения которого правили провинцией Мино, на этом закончилась. Она началась с Сайто Досан, была продолжена его сыном Ёситацу и оборвалась на внуке Тацуоки, в 19 лет потерявшем землю, добытую его предками. Однако победа над кланом Сайто ещё не означала, что все военачальники провинции признали власть Нобунага. До конца 1567 года то тут, то там вспыхивали поддержанные местными командирами крестьянские восстания, которые безжалостно подавлялись.

После победы Нобунага переехал в замок Инабаяма и переименовал его в Гифу. Сегодня гора Инаба, на которой он стоял, называется Кинка, а в XVI веке местные монахи именовали её китайским словом Гифу (буквально «горное царство Ги»), которое и решил использовать Нобунага. Раскинувшийся под горой призамковый город также был переименован из Иногути в Гифу.

Современный город Гифу и гора Кинка

Заняв замок, некогда принадлежавший его тестю Сайто Досан, Нобунага издал несколько указов, кардинально изменивших торговую жизнь в городе. В них были отменены правила, сдерживающие городскую торговлю и развитие хозяйства. В частности, была ликвидирована монополия ремесленных и торговых гильдий на коммерческую деятельность. Раньше ею могли заниматься только те, кто вступал в гильдию и покупал лицензию; это повышало стоимость товаров и сдерживало развитие торговли, поскольку лицензия стоила дорого и рядовые горожане купить её не могли. Нобунага отменил это правило и разрешил свободное производство и продажу товаров на городских рынках без всяких лицензий. Эта реформа известна под названием *ракуити ракудза* (буквально «освобождение рынков и отмена гильдий»). Нобунага не был автором этой идеи, он лишь внедрил прогрессивную для того времени торговую политику, которую проводили до него в некоторых провинциях. Однако последующая известность Нобунага, несомненно, способствовала повышенному вниманию к его реформам и их ускоренному распространению. Правда, «освобождение рынков» быстро откорректиро-

Ракуити ракудза — текст и информационный щит

валось реалиями времени и вернулось к прежней, лишь немного видоизменённой форме. Место торговых гильдий на рынке заняли отдельные купцы, приближённые к крупным военачальникам. Выкупив у них разрешение на торговлю, они вновь её ограничили и стали делать то же самое, что раньше делали гильдии.

Поход на столицу

Ещё в процессе боёв за провинцию Мино Нобунага отправил отряд во главе с Такигава Кадзумасу (1525–1586) в соседнюю провинцию Исэ с заданием взять под контроль её северную часть. Это нужно было сделать по двум причинам. Во-первых, через неё пролегал маршрут в столицу, и его следовало обезопасить. Во-вторых, в Исэ не было ни одного крупного военачальника уровня *сэн-гоку даймё*. В своё время здесь губернаторствовал клан Китабатакэ, но к середине XVI века он ослабел и сдал позиции, сохранив влияние лишь в южных уездах, в то время как северную часть Исэ поделили между собой его бывшие вассалы Камбэ, Нагано и Сэки. С ними Нобунага рассчитывал быстро справиться и не только расчистить себе путь в столицу, но и создать задел для продвижения на юг в будущем. Такигава Кадзумасу начал боевые действия во второй половине августа 1567 года нападением на замок Такаока, но столкнулся с ожесточённым сопротивлением и был вынужден отступить. В провинции Мино как раз начались волнения и мятежи на местах, и Нобунага отозвал своего полководца. Таким образом, первый поход в северную Исэ закончился ничем.

Вторично Нобунага пришёл сюда в феврале 1568 года, на этот раз уже с 40-тысячной армией. Как и полгода назад, первой целью стал замок Такаока, домашняя рези-

денция Камбэ Томомори (1540–1600). Глава клана укрепил оборону и приготовился стоять до конца, но Нобунага предложил ему решить дело миром. Зная, что у 25-летнего Томомори нет детей, он предложил ему заключить союз и взять на воспитание своего 9-летнего сына, будущего Нобутака. Шансов удержать замок у Камбэ Томомори было немного, и он согласился. Вслед за ним на сторону Нобунага перешли служившие Камбэ воинские дома Минэ, Коу и Кабуто.

Поход в провинцию Исэ

Сэкономив время и силы, Нобунага двинулся дальше на юг и окружил замок Ано, принадлежавший клану Нагано. На его военном совете мнения разделились — одни считали, что по примеру Камбэ с Нобунага лучше договориться миром, другие настаивали на том, чтобы дать ему бой. Юный глава клана Томофудзи¹⁸ решающего голоса не имел, но тоже склонялся к боевому варианту. Однако и здесь до сражения дело не дошло: близкий родственник одного из старейшин поднял в замке мятеж и с помощью единомышленников изгнал из него Томофудзи, после чего сдал укрепление Нобунага и согласился принять его родственника в качестве главы дома. Им стал 25-летний Нобуканэ (1543–1614), младший брат Нобунага по отцу. Вслед за Нагано клятву верности Нобунага дали его многочисленные вассалы — Хосоно, Удзии, Кусава, Отобэ и др.

¹⁸ По одной версии, ему в то время было 15, по другой — 9 лет.

Реальное сопротивление завоеванию оказал лишь третий местный предводитель, Сэки Мориону (?–1593), связанный союзными отношениями с домом Роккаку. Однако силы были слишком неравны, и сопротивление быстро закончилось. Взяв под контроль три ведущих воинских дома в северной части Исэ, Нобунага выполнил свою задачу и пополнил армию новыми союзниками.

На завоевание провинции Мино ушло более шести лет, и после этого успеха Нобунага утвердился в своём желании идти дальше. Именно в это время у него появилась личная печать с четырьмя иероглифами: катанка бубну (через оружие — к власти). С афористичностью, присущей иероглифической письменности, лозунг выражал конечную цель и средства её достижения. Триста пятьдесят лет спустя, в 1938 году, китайский лидер Мао Цзэдун на шестом пленуме ЦК Компартии Китая выдвинул лозунг «винтовка рождает власть», по смыслу точно совпадающий с содержанием личной печати Нобунага.

В XVI веке китайское слово *тэнка* (поднебесный мир) использовалось японцами в двух значениях: в расширительном смысле оно означало территорию всей страны, а в более узком — столичный район, включавший в себя Киото и пять прилегающих провинций (сегодняшние Осака, Киото, Сига, Нара, Мие). Например, выражение «покорить мир» на языке артистов того времени означало получить признание в столице. А должность столичного

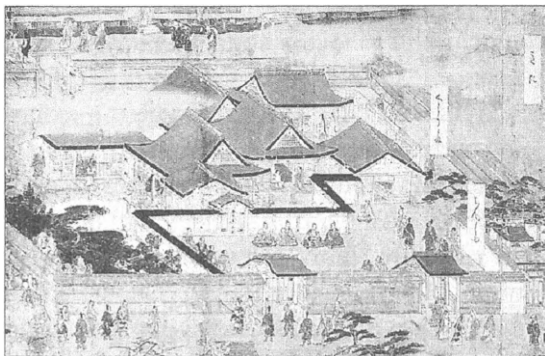

Печати Нобунага с лозунгом *тэнка фубу*

губернатора называлась *тэнка сёсидай*, что прямо указывает на содержание слова *тэнка*. Поначалу лозунг *тэнка фубу* означал для Нобунага установление контроля над столицей, а позднее его значение расширилось до масштабов всей страны.

Стремление покорить столицу объяснялось её особым положением и было вполне понятным. Более шестисот лет здесь находился дворец императора, последние двести тридцать лет — резиденция сёгунов Асикага. В Киото и вокруг него располагались крупнейшие храмовые комплексы с многовековой историей. По материальному богатству и уровню развития культуры ни один район страны не мог сравниться со столицей и её окрестностями, что притягивало к ней всех честолюбивых провинциальных военачальников. Ода Нобунага в этом отношении не был исключением, скорее, наоборот, по масштабу честолюбивых устремлений с ним мало кто мог сравниться.

Переехав в Гифу, Нобунага оказался в одном шаге от столицы. Его замок отделяли от Киото 110 километров; верхом это расстояние преодолевалось за два дня, а пешим маршем — за четверо суток. Маршрут пролегал вдоль озе-

Столичная усадьба сёгунов Асикага
(гравюра, XIV век)

ра Бива через северную часть Исэ и южную часть Оми. Сегодня электричка от Гифу до Киото идёт два часа.

Однако для военного похода на столицу нужны были основания. Ни один военачальник не мог просто так собрать войско и войти в императорский город, поэтому просьба Асикага Ёсиаки о помощи в восстановлении сёгуната оказалась как нельзя кстати. Сам претендент на высшую воинскую должность с сентября 1566 года находился в провинции Этидзэн под покровительством Асакура Ёсикагэ (1533–1573), ожидая, кто из военачальников сможет прийти ему на помощь. Глава клана Асакура не имел собственных честолюбивых планов, и, кроме того, в его провинции были чрезвычайно сильны позиции повстанцев Икко; в таких условиях оставлять её надолго было опасно. Некоторые надежды Асикага Ёсиаки возлагал на Уэсуги Кэнсин, с которым у него сразу сложились хорошие отношения, но хозяин провинции Этиго в тот момент был занят подавлением мятежа своего вассала Хондзё Сигэнага (1540–1614) и тоже не мог сразу откликнуться на его просьбу. Таким образом, Нобунага оказался единственным, кто сразу вызвался помочь, но прошло три года, прежде чем появилась возможность выполнить обещание.

Всё это время должность сёгуна оставалась вакантной, и это воспринималось в воинских кругах как фактор смуты и неопределённости. В борьбе за высший воинский пост у Асикага Ёсиаки был конкурент — клан Миёси активно продвигал на него двоюродного брата Ёсиаки, 29-летнего Асикага Ёсихидэ (1538–1568). Переговоры с императорским домом об этом назначении шли несколько месяцев, но решение много раз откладывалось — просители не могли собрать деньги на ритуальное подношение императору, полагавшееся в таких случаях. В феврале 1568 года денежный вопрос наконец был улажен, и император Огимати подписал указ о назначении Асикага Ёсихидэ. Однако незадолго до этого претендент серьёзно

заболел и не смог приехать в столицу. В лагере Миёси начались обсуждения и споры о том, что делать дальше. Их ставленник получил долгожданное назначение, но страна и столица оставались без сёгуна.

Назначение двоюродного брата на пост стало для Ёсиаки сильным ударом, но в июле того же года чувство безысходности сменилось надеждой — он получил от Нобунага письмо, в котором тот изъявлял готовность немедленно отправиться в Киото и приглашал его в Гифу. Тринадцатого июля Ёсиаки покинул замок Итидзёдани, пообещав Асакура Ёсикагэ не забыть его гостеприимства. Заехав по пути в замок Одани в провинции Оми, он 25 июля прибыл в Гифу и остановился в храме Рюсё.

Нобунага уже готовился к походу на столицу и продумывал маршрут. Большая часть пути пролегла через центральную и южную часть провинции Оми, где доминировал *сюго* Роккаку Дзётэй (1521–1598). Воинский дом Роккаку возвысился в эпоху Камакура и в середине XVI века представлял собой региональную силу уровня *сюго даймё*. В августе 1568 года Нобунага прибыл в форт Саваяма, принадлежавший его союзнику Адзай Нагамаса, и оттуда отправил гонца к Роккаку Дзётэй с предложением: Нобунага жизнью своего заложника гарантирует мирный проход через его владения, а Дзётэй пропускает его в столицу. За

Перемещения Асикага Ёсиаки

эту услугу Асикага Ёсиаки, став сёгуном, делает его столичным наместником. Предложение могло быть принято, если бы не союз Роккаку с кланом Миёси, имевшим в столице собственные интересы и вовсе не заинтересованным в появлении там Нобунага. Получив отказ, Нобунага вернулся в Гифу и начал готовиться к силовому прорыву через земли Роккаку.

За год до этого он заключил военный союз с кланом Адзай, владевшим северной частью провинции Оми. Союз был скреплён политическим браком — только что возглавивший клан Адзай Нагамаса (1545—1573) стал мужем Оити, младшей сестры Нобунага. И теперь перед походом на столицу он рассчитывал на помощь своего зятя. Незадолго до этого Нобунага заключил такой же союз с Такэда Сингэн, выдав одну из своих приёмных дочерей замуж за его старшего сына Кацуёри.

Войско, с которым он намеревался привести в столицу нового сёгуна, насчитывало 40 тысяч человек. Оно было набрано в пяти провинциях — Овари, Мино, Оми, Исэ и Микава. Седьмого сентября 1568 года Нобунага выступил из Гифу и на следующий день пересёк границу Оми. Асикага Ёсиаки остался в замке Нобунага ждать хороших вестей. Продвигались вперёд медленно, отдыхая по пути и экономя силы на случай боевых действий. Роккаку Дзётэй вполне мог получить поддержку от триумвиров Миёси, и тогда пришлось бы вести трудные бои, однако этого не произошло. Первый вспомогательный форт Мицукурияма, стоявший на пути Нобунага, был взят 12 сентября за один день. Узнав о его падении, Роккаку Дзётэй и его сын Ёсихару без боя оставили свой домашний замок Каннондзи и бежали в соседний уезд, а большинство их вассалов (дома Синдо, Гото, Нагата, Икэда, Хираи, Гамо и др.) перешли на сторону Нобунага и влились в его армию. Контроль над южной частью провинции Оми перешёл к Нобунага, путь к столице был свободен.

Четырнадцатого сентября Нобунага занял замок Каннондзи и отправил в Гифу гонца с предложением Ёсиаки отправляться в путь. Второй гонец умчался в Киото, чтобы на месте разведать обстановку и выяснить планы главных конкурентов, триумвиров Миёси. Вскоре гонец сообщил, что триумвиры не намерены давать бой и уходят из столицы. Когда в Киото стало известно о приближении Нобунага с большой армией, в городе начались беспорядки. Никто не знал, чего ожидать, но на всякий случай готовились к худшему. Император Огимати знал о Нобунага чуть больше, поскольку совсем недавно, в ноябре прошлого года, подписал указ, утвердивший захват провинции Мино. Теперь же он отправил ему предписание обеспечить порядок в столице и безопасность императорского дома. В нём говорилось о недопустимости грабежей и разбоя со стороны подчинённых Нобунага командиров.

Через 19 дней после начала похода, 26 сентября 1568 года, Нобунага вошёл в столицу. Свою армию он оставил за городом, под страхом сурового наказания запретив ей грабить и разбойничать. В пригороде столицы произошло несколько мелких стычек, но в самом городе всё прошло спокойно — первую проверку на контроль за собственным войском Нобунага выдержал.

Следующая задача состояла в том, чтобы взять под контроль прилегающие к столице провинции. Географически Киото находился на территории провинции Ямасиро, к юго-востоку от неё располагались Сэццу, Ямато, Кавати и Идзуми¹⁹. Эти пять небольших провинций образовывали особый административный район, известный под названием Кинай.

В Ямасиро сильные позиции сохранял один из триумвиров Иванари Томомити, а в Сэццу — Миёси Нагаюки, их поддерживали местные командиры. Зачистка столич-

¹⁹ Современные округа и префектуры Нара, Киото, Осака, Хёго.

ных провинций началась сразу же, и в течение следующих десяти дней силами Нобунага были взяты форты Сёрюдзи, Акутагава, Такияма, Икэда, Косимидзу, Итами. Гарнизоны вели себя по-разному: одни оказывали сопротивление и вступали в бой, другие сразу сдавались и переходили на сторону Нобунага. Когда большая часть Сэццу и Ямасиро оказалась под его контролем, остальные военачальники стали один за другим приезжать в форт Акутагава, где остановились Нобунага и Ёсиаки, чтобы заявить о лояльности и присягнуть на верность новой власти. Самой крупной фигурой среди них стал военачальник уровня *сэнгоку даймё* по имени Мацунага Хисахидэ (1510–1577), ближайший союзник триумвиров Миёси и один из главных участников заговора против сёгуна Асикага Ёситэру. Известный знаток и любитель чайной церемонии, Хисахидэ преподнёс в подарок Нобунага *цукумо насуби*, заварный чайник большой антикварной ценности. Ёсиаки было непросто примириться с убийцей своего старшего брата, но Нобунага уговорил его смирить чувства ради общего дела, поскольку капитуляция Хисахидэ означала контроль над провинцией Ямато и наносила серьёзный удар по триумвирам Миёси.

По итогам военной кампании управителями земель были назначены полководцы, сыгравшие в ней главную роль: в провинцию Кавати — Миёси Ёсицугу и Хатакэяма Такамаса, в Сэццу — Вада Корэмаса и Итами Тадатика, в Ямасиро — Хосокава Фудзитака.

Назначенный сёгуном за полгода до этого Асикага Ёсихидэ, двоюродный брат Ёсиаки, так и не прибыл в столицу. Его болезнь быстро прогрессировала, и в сентябре 1568 года он умер. Причина и точная дата смерти 14-го сёгуна неизвестны. Высший воинский пост вновь освободился, и по ходатайству Нобунага 15-м сёгуном Асикага был назначен Ёсиаки. Он вступил в должность 18 октября 1568 года — с этого дня в столице начались праздничные

мероприятия. За неимением собственной резиденции новый сёгун поселился в храме Хонкоку и первым делом предложил Нобунага занять любую должность в военном правительстве, но получил отказ. Вероятнее всего, Нобунага не видел смысла в служении тому, кого сам привёл к власти. Да и вообще он не любил чужих инициатив, предпочитая претворять в жизнь свои собственные. Об отношениях между сёгуном и его покровителем красноречиво говорит такой факт: в благодарственном письме по случаю своего назначения 30-летний Ёсиаки назвал 34-летнего Нобунага «отцом». Какая тут может быть служба?

После трёхлетнего перерыва сёгунат Асикага был восстановлен, и эту операцию следует признать удачной для обоих партнёров. В столице установилась легитимная воинская власть, а Нобунага получил неофициальный, но очень влиятельный статус её защитника и покровителя. Отказавшись от высокой должности в *бакуфу*, он вместо этого попросил сёгуна передать ему в управление три крупных торговых города — Сакаи, Оцу и Кусацу. Сакаи, один из крупнейших портов Западной Японии, имел сложившуюся систему местного самоуправления и много лет успешно противостоял попыткам военачальников взять его под свой контроль. Стремясь избежать конфликта с городским купечеством, Нобунага назначил наместником Сакаи не военачальника, а своего соратника Мацуи Юкан, близкого к городским сословиям. И первым же указом расположил их к

Поход на столицу (1568)

себе, ликвидировав дорожные заставы, где с купцов брали пошлины. Это была его обычная практика, которой он не изменил и на этот раз. Отмена пошлин способствовала снижению цен на товары, облегчала их перемещение и оживляла торговлю. В городах Оцу и Кусацу было сделано то же самое. Поступавшие из этих городов налоги стали важным источником финансирования последующих военных кампаний Нобунага и помогли ему резко увеличить наёмную армию, что обеспечивало численное превосходство в последующих баталиях. А контроль над Сакай, помимо всего прочего, обеспечивал доступ к главному оружейному цеху страны — здесь производилось много огнестрельного оружия.

Отказ Нобунага от разного рода должностей в сложившейся системе власти стал первым, но не последним; впоследствии он будет ещё не раз отказываться от должностей и титулов, за которые обеими руками ухватился бы любой военачальник того времени. Судя по его поступкам, Нобунага не любил получать милости и быть кому-то обязанным — что нужно, он брал сам. Через восемь месяцев после восстановления сёгуната, в 1569 году, европейский миссионер Луис Фройс так описал свои впечатления от встречи с Нобунага:

«Правитель Овари... высок ростом, худошав, с редкой бородой, необычайно звучным голосом, словно предназначенным для командования войсками. Он неутомим, склонен к справедливости и состраданию, надменный и честолобивый, необычайно скрытен в своих замыслах, большой знаток стратегии, едва ли или совсем не обращающий внимания на замечания и советы своих подчиненных; его все очень боятся и уважают. Он не пьет вина, бесцеремонен в манерах, смотрит сверху вниз на всех остальных правителей и принцев Японии и разговаривает с ними пренебрежительно, словно со своими подчинёнными. Ему беспрекословно повинуются все как едино-

властному повелителю, он обладает хорошей проницательностью и резкостью в суждениях, он презирует всех божеств, будд, а также все иные виды идолопоклонства и языческих суеверий. Формально он заявляет, что принадлежит к школе Лотоса, но при этом открыто провозглашает, что нет ни создателя мира, ни бессмертия души, ни жизни после смерти. Его жилища всегда необычайно чисты и изысканны и всегда в идеальном порядке. Он ненавидит промедление и уклончивые речи, и даже принцы не появляются перед ним с мечом...» (Фройс, 1977).

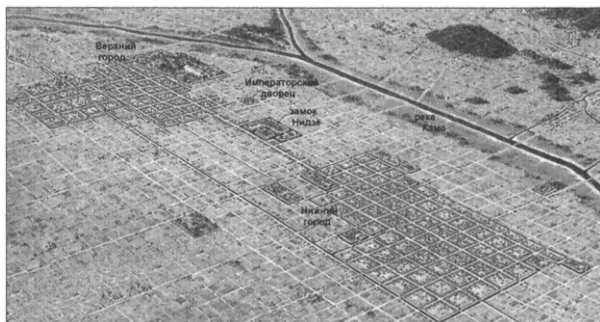
Став покровителем сёгуната, Нобунага даже не попытался повысить свой третьестепенный придворный ранг *кадзуса но сукэ*, которым обладал как хозяин двух провинций. Судя по всему, настоящий успех не ассоциировался у него с должностями и титулами. В этом отношении Нобунага был полной противоположностью своему отцу, который пожертвовал в своё время императору Огимати крупную сумму ради получения придворного ранга.

Императорский двор не мог обойти вниманием такое крупное событие, как восстановление сёгуната. И через месяц после покорения столицы Нобунага получил послание из императорской канцелярии. В нём он был назван «великим полководцем» и удостоен похвалы за воинские достижения. Подтверждая владение Нобунага провинциями Мино и Овари, распорядитель двора назвал эти земли императорскими и поручил Нобунага поддерживать на них мир и порядок. А в конце просил выделить денег на ремонт дворца и церемонии совершеннолетия для наследного принца. Пятого декабря Нобунага учтиво ответил, что принял просьбу императора к исполнению.

Укрепление позиций

Покорение столицы и восстановление сёгуната сделало Нобунага известным на всю страну. Его противники отступили, но не сдались. Вернувшись в свою провинцию Ава на острове Сикоку, триумвиры Миёси приступили к перегруппировке сил и поиску союзников. Они списались с Сайто Тацуоки, изгнанным Нобунага из провинции Мино, и начали готовиться к новому походу. В январе 1569 года ими было организовано нападение на храм Хонкоку с целью ликвидировать нового сёгуна, однако охрана сумела его отразить. Встревоженный Нобунага был вынужден вернуться в столицу и подумать о строительстве более надёжного жилища для сёгуна. Место для него было выбрано в квартале Нидзё, впоследствии давшем название и самой резиденции. Построенный здесь замок Нидзё в эпоху Токугава использовался как столичная гостевая резиденция сёгунов. Он много раз горел, разрушался и отстраивался заново; замок и сегодня находится в Киото и входит в число главных туристических объектов.

Нобунага с воодушевлением взялся за строительство и лично руководил работами, в которых участвовало более 25 тысяч человек из 14 провинций. Несмотря на то что

Киото в 1569 году

укрепление строилось в центре города, оно было полностью окружено сухим рвом и каменной стеной — впервые в истории городских укреплений. До этого их защищали земляной насыпью²⁰ и деревянной оградой. На возведение стены потребовалось много камня, не добывавшегося в окрестностях столицы, поэтому его пришлось возить издалека. Узнав о нехватке, Нобунага распорядился даже разогнать несколько каменных статуй Будды, чем вызвал осуждение и суеверный страх у многих столичных жителей.

Городской замок сёгуна имел три охраняемых входа с подъёмными мостами, крыша и стены его главной усадьбы были обшиты серебром и золотом, а во дворе высажен сад с тропинкой посреди цветущей сакуры. Нобунага проводил на строительстве целые дни и сам руководил процессом. Рядом с работающими землекопами он приказал поставить сцену, на которой почти постоянно выступали музыканты и барабанщики. Строительство замка Нидзё началось 27 февраля и продолжалось 70 дней, до 21 апреля 1569 года — с учётом объёма работ построили очень быстро. Резиденция сёгуна со всех сторон была окружена усадьбами его вассалов, прикрывавшими его от внезапного нападения.

По окончании строительства Нобунага поздравил Ёсиаки и подарил ему меч и боевого коня, получив в ответ ритуальную чашку сакэ и подарки. Масштаб и величие сооружения привлекли большое внимание горожан, посмотреть на строительство приезжали даже из соседних провинций. Всё говорило о том, что новый сёгун и его покровитель пришли в столицу надолго. Активность и энтузиазм, проявленные Нобунага в начале 1569 года, говорили о его искреннем желании восстановить авторитет сёгуната и всячески содействовать его укреплению.

²⁰ Размеры стандартной насыпи: 5–6 метров в высоту и 10–15 метров в ширину у основания. В сечении насыпь имела вид неправильной трапеции с крутым внешним и пологим, удобным для защищающихся внутренним склоном.

Выполняя данное императору обещание, он организовал ремонт дворца и издал несколько указов, регулирующих денежное обращение в столице и окрестностях. Торговые сделки в то время оплачивались деньгами или рисом. В качестве денег использовались медные монеты круглой формы с отверстием посередине (*сэнка*). Большая часть их завозилась торговцами из Китая, поэтому их называли «деньгами династии Мин» (*минсэн*). Бумага стоила дорого, поэтому деньги на ней не печатали. Центральное правительство чеканкой монет не занималось, но имело монополию на внешнюю торговлю, поэтому медные монеты обращались преимущественно в этой сфере, а на внутреннем рынке их не хватало. Китайские деньги считались подлинными и высоко ценились, их использовали до полного истирания. Средневековые фальшивомонетчики выплавляли собственные медяки по образцу китайских, но они были сделаны грубо и считались подделкой — их называли *битадзэни* или *акудзэни* «плохие деньги». Из-за боязни подделок многие продавцы отказывались брать монеты, и на этой почве часто возникали конфликты. *Бакуфу* и управители провинций регулярно издавали распоряжения о запрете «плохих денег» и указывали, какими монетами следует пользоваться, но власть часто менялась, и об этих распоряжениях быстро забывали.

Стремясь навести в столице порядок, Нобунага издал в марте 1569 года сразу три указа о денежном обращении, а через год — ещё один. Они распространялись только на столичные провинции, но даже на этой ограниченной территории упорядочить использование денег не удалось. Кроме указов Нобунага в окрестностях столицы действовали аналогичные распоряжения храма Кофуку и клана Адзай из северной Оми. Обилие регламентаций привело к тому, что торговля почти повсеместно перешла на оплату услуг и товаров рисом.

Пока Нобунага занимался хозяйственными делами, сёгун начал раздавать храмам охранные грамоты, защищавшие их владения от вооружённых посягательств. Такие же грамоты получали и местные военачальники, поддерживавшие восстановление сёгуната. Эта деятельность осуществлялась в продолжение прежней практики, но с одним новшеством — на грамотах стояли две подписи, сёгуна Ёсиаки и Нобунага. При этом в распределении земель было допущено немало ошибок, которые вели к конфликтам. Например, стремясь поддержать императорский дом, Нобунага подписал указ о передаче ему уезда Ямагуни в провинции Тамба. Однако уезд этот принадлежал воинскому дому Уцу, и через некоторое время его глава получил из *бакуфу* письмо с уведомлением о том, что управляет уездом незаконно. Таких казусов было немало.

Все получившие от новых правителей землю в обязательном порядке делали ответные подношения — кто деньгами, кто натурой. Первые несколько месяцев Нобунага принимал самое активное участие в распределении земель и управлении столичным районом. Сёгун Ёсиаки, ставший правителем после 10 лет монастырской жизни, не имел управленческого опыта, и Нобунага не стеснялся давать ему указания по организации работы правительства, отправлению правосудия и распределению земель. Проведя в столице более трёх месяцев, он 21 апреля покинул её и вернулся в Гифу. Сёгун был крайне опечален его отъездом.

Сразу после возвращения Нобунага принял в замке европейских миссионеров, в числе которых был и португальский падре Луис Фройс (1532–1597), позднее описавший свои впечатления от встречи. По свидетельству Фройса, Нобунага сказал ему, что является правителем Японии и берёт его под своё покровительство. На той же встрече он удовлетворил просьбу европейцев и разрешил им открыть в Гифу христианскую школу. Живо интересовавшийся

всем новым Нобунага оказывал европейцам покровительство и в дальнейшем, что объясняется, вероятно, двумя главными причинами. Во-первых, торговля с европейцами приносила ему ощутимую выгоду, а во-вторых, в иноземном христианском учении Нобунага видел естественный противовес буддийскому духовенству, владевшему умами и сердцами многочисленных последователей буддизма. Считая буддийских священников людьми мелкими и недостойными, он не препятствовал распространению христианства, которое не имело в Японии влияния и не могло, по мнению Нобунага, представлять угрозы. Он последовательно использовал любые противоречия между людьми в своих интересах, и христианское учение стало ещё одним оружием в его борьбе с противниками. Во время войны с повстанцами из числа адептов учения Чистой земли, он часто назначал управителями пограничных земель командиров, принявших христианство, — буддистам договориться с ними было практически невозможно.

Через некоторое время после возвращения в Гифу Нобунага получил письмо от хозяина форта Кодзукури из провинции Исэ. Эта провинция интересовала его в первую очередь, поскольку граничила с Мино и Овари. Точнее говоря, интересовала её южная часть, поскольку восемь уездов в северной Исэ он подчинил себе год назад. В южной Исэ доминировал воинский дом Китабатакэ, контролировавший пять уездов. В своём письме Кодзукури Томомаса предлагал Нобунага военный союз и поддержку в случае начала боевых действий против Китабатакэ. Формально клан бывшего военного губернатора возглавлял 22-летний Китабатакэ Томофуса (1547–1580), однако фактически всем управлял его отец Томонори (1528–1576). Обратившийся к Нобунага с письмом Кодзукури Томомаса приходился ему младшим братом по отцу.

Двадцатого августа 1569 года Нобунага вышел из Гифу с 70-тысячной армией (по другим источникам, она

насчитывала 80 и даже 100 тысяч человек) и подошёл к форту Кодзукури. Начавшиеся дожди задержали его здесь на три дня, но люди за это время хорошо отдохнули и восстановили силы. Клан Китабатакэ приготовился к обороне и сосредоточил главные силы в замке Окавати и нескольких вспомогательных фортах вокруг него. За два дня форты были разрушены, и 28 августа основные силы Нобунага окружили Окавати засеками. На возвышенностях были расставлены сторожевые посты. Всё говорило о том, что замку предстоит длительная осада, но уже через 10 дней Нобунага собрал своих командиров и приказал готовиться к неожиданному для противника ночному штурму. Вечером 8 сентября Нива Нагахидэ, Икэда Цунэоки и Инаба Ёсимити, усиленные личной гвардией Нобунага, с трёх сторон пошли на штурм замка. Им не повезло с погодой — начавшийся уже в ходе штурма сильный дождь гасил запальные фитили, и аркебузы оказались бесполезными. Атака закончилась неудачей и гибелью нескольких старших командиров.

После этого решили вернуться к осадной тактике. Вокруг Окавати были сожжены все поселения и оставшийся в полях урожай. Точных сведений о ходе этой операции не сохранилось, но отдельные упоминания в частной переписке говорят о том, что она складывалась трудно для Нобунага. Через пять недель после начала осады стороны заключили соглашение, причём неизвестно, по чьей инициативе. Можно предполагать, что силы осаждённых к тому времени были на исходе, но и Нобунага не мог затягивать осаду из-за проблем со снабжением своей огромной армии. В дальнейшем Нобунага не раз прибегал к мирным переговорам, когда терял надежду на успех; не исключено, что так было и на этот раз.

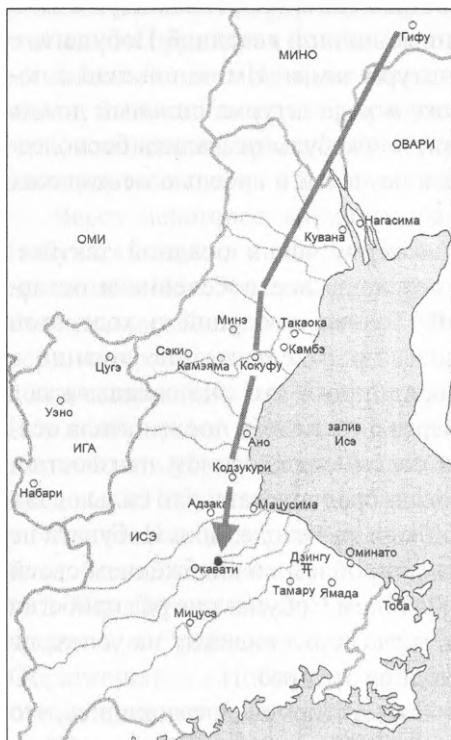
Третьего октября 1569 года стороны договорились, что Нобунага снимает осаду и отказывается от преследования защитников Окавати. Китабатакэ Томонори передаёт ему

замок и принимает в свою семью 11-летнего Нобукацу, второго сына Нобунага, а через некоторое время делает его главой дома. Таким образом, решающей военной победы Нобунага одержать не удалось, но формально южная часть провинции Исэ вошла в число контролируемых им территорий.

Распорядившись убрать в ней дорожные заставы и запретив сбор пошлин, Нобунага заехал в знаменитый храм Исэ, а затем отправился в столицу, где доложил сёгуну Ёсиаки о том, что захват провинции Исэ завершён. Это произошло 11 октября. В монастырской хронике *Тамонъин* *никки* есть запись о том, что во время доклада между

Нобунага и сёгуном Ёсиаки произошла первая серьёзная размолвка, но о её причине ничего не говорится.

Поссорившись с сёгуном, Нобунага сократил своё пребывание в столице и отправился домой раньше, чем планировал. По пути его нагнал императорский курьер и вручил письмо с требованием объяснить причину захвата южной Исэ. Если причиной ссоры с Ёсиаки была судьба клана Китабатакэ, то можно предпо-

Поход в южную Исэ

лагать, что запрос императора был инициирован сёгуном. По другой версии, причина недовольства императора была связана с ликвидацией заставы Соцубун в окрестностях столицы, доход от которой шёл на его содержание. Нобунага ранее уже получал от императора Огимати запрос по этому поводу и пообещал восстановить заставу, но по недосмотру Киносита (Хидэси) Токитиро этого сделано не было. В марте 1569 года двор потребовал объяснений от сёгуна, но Ёсиаки устранился, сказав, что заставы убирают по решению Нобунага, поэтому императору следует обращаться к нему лично. Это нанесло удар по самолюбию и престижу монарха — его как просителя отправляли от одного распорядителя к другому. Однако доход был важнее, и повторный запрос был всё-таки сделан. Нобунага снова пообещал императору восстановить заставу Соцубун, но и на этот раз не сдержал слова. Было ли это простым упущением, не известно.

Заклучив мир с Нобунага, глава дома Китабатакэ не спешил выполнять вторую часть обещания и передавать клан его сыну. После соглашения прошло 7 лет, Нобукацу повзрослел, но в доме Китабатакэ всё оставалось по-прежнему. В 1575 году Нобунага усилил давление на союзника и добился того, что 47-летний Томонори ушёл с поста главы дома и назначил вместо себя 18-летнего Нобукацу, но его положение в чужом доме продолжало вызывать опасения, хотя к тому времени он породнился с главой дома, женившись на его дочери. В начале 1576 года Нобунага вступил в сговор с одним из ближайших вассалов Томонори, в результате которого вся семья Китабатакэ была уничтожена. Известный воинский клан, в своё время владевший провинцией Исэ, прекратил своё существование. Сегодня о нём напоминает лишь железнодорожная станция Китабатакэ в городе Осака.

Двоевластие

В XVI веке авторитет и влияние сёгуната заметно снизились по сравнению с первой половиной эпохи Муромати. В то время одного приказа сёгуна бывало достаточно, чтобы прекратить провинциальную междоусобицу. Да и регулярная служба самураев в столице была обычным делом. Во всяком случае, столичные резиденции сёгунов всегда строились и ремонтировались исключительно их усилиями и за их счёт.

Пока Нобунага воевал на юге Исэ, сёгун Ёсиаки продолжал издавать указы в надежде вернуть правительству утраченный авторитет. Однако сделать это было непрос-то — Ёсиаки не имел собственных контактов в воинской и аристократической среде и по влиянию уступал даже своему брату Ёситэру, не говоря уже о его предшественниках. Тем не менее как-то руководил. Одним из указов он прекратил конфликт между домами Мори и Отомо в западной части Хонсю, а другим подавил недовольство своим назначением среди части придворной аристократии, выслав из столицы регента двора Коноэ Сакихиса (1536–1612).

Сёгун Асикага Ёсиаки

Отношения нового сёгуна с императорским домом складывались не-просто. Канцелярия дво-ра несколько раз обра-щалась к нему с бытовыми и финансовыми вопро-сами, но они решались пло-хо или вообще никак не решались. В апреле 1569 го-да нуждавшийся в день-гах император отправил придворного аристократа Ямасина Токицугу (1507–

1579) к Токугава Иэясу за денежным пожертвованием. Посланник императора по дороге заехал в Гифу и встретился с Нобунага. Узнав о цели поездки, хозяин замка отговаривал Токицугу от её продолжения, сказав, что сам выполнит поручение императора. И отправил к Токугава гонца, пообещав посланнику, что если его союзник не найдёт денег, то он соберёт их сам.

Претензии к правлению Ёсиаки имел не только император. В хронике *Тайонки* говорится о том, что однажды утром перед главными воротами замка Нидзё кто-то из горожан выложил в ряд девять расколотых морских раковин. Это был намёк, основанный на игре слов. Выражение «девять раковин» (*кугай*) по звучанию совпадало с сочетанием двух других иероглифов, которыми в языке того времени обозначали общественное управление (*кугай* или *оакэ но сизото*). Расколотыми раковинами автор композиции хотел показать, что новый сёгун со своими обязанностями не справляется.

В отсутствие Нобунага текущими вопросами в правительстве занимались чиновники-распорядители в ранге бугё. На самые важные документы ставились две печати — бугё и Нобунага (или его столичного наместника), причём печать Нобунага прикладывалась последней. Так в системе власти сложилась знакомая по прежним векам картина: формально воинскую иерархию возглавлял сёгун, но фактически его решения утверждались другим человеком. Во времена Нара и Хэйан распорядительные функции принадлежали дому Фудзивара, потом его место заняли кланы Минамото, Тайра и Асикага, при которых, в свою очередь, появились регенты. Теперь при 15-м сёгуне Асикага таким регентом без титула стал Ода Нобунага. Содержание, доходы и собственность двора, аристократии и крупнейших храмов — все главные вопросы того времени без его участия не решались. Что объяснялось довольно просто: собственных земель у сёгуна было мало, и по-

ощрить ими он никого не мог, а войска поначалу вообще не имел, и даже защищали его люди Нобунага.

Уже через несколько месяцев после назначения стало понятно, что представления сёгуна и его покровителя по многим важным вопросам совершенно не совпадали. В этом не было ничего удивительного — Нобунага уже 15 лет руководил и командовал. Сначала — как глава семьи, затем — как военачальник уровня *сэнгоку даймё*. К 34 годам у него сложилась собственная система взглядов и представлений, в то время как сёгун Ёсиаки в 30 лет впервые оказался на руководящем посту и только начинал постигать механизм управления. Нобунага с самого начала стремился помогать своему подопечному и не стеснялся писать для него подробные инструкции. В январе 1569 года он составил 9 правил, которыми должен был руководствоваться сёгун в организации своей жизни и работы правительства (они назывались *Дэнтю го-окитэ*, буквально «устав правящего дома»).

- 1) Общая численность охраны, прислуги и порученцев сёгуна должна быть такой же, как у его предшественника.
- 2) Во время выездов сёгуна его должны сопровождать чиновники *бакуфу* и придворные аристократы.
- 3) Охрана сёгуна должна нести службу постоянно, без дополнительных напоминаний.
- 4) Гонцы от военачальников могут проходить в замок сёгуна только с личного разрешения Нобунага. В иных случаях приближаться к замку запрещено.
- 5) Иски и жалобы могут подаваться в правительство или канцелярию двора не иначе как через соответствующего чиновника *бакуфу* в ранге *бугё*, назначенного лично Нобунага.
- 6) Подача жалоб непосредственно сёгуну запрещена.

- 7) Порядок рассмотрения исков и жалоб остаётся прежним.
- 8) Подчинённые сёгуна и исполнители его поручений должны подавать доклады через адъютантов.
- 9) Монахи храма Энряку, лекари, астрологи, актёры и рядовые пехотинцы могут посещать замок сёгуна только по вызову.

Через два дня Нобунага добавил ещё семь пунктов, которые касались распределения земель и решения споров в этой области.

- 1) Владение землями, полученное с нарушением установленных правил, считать незаконным.
- 2) Выдачу грамот на владение новыми землями приостановить.
- 3) Под угрозой наказания все споры и конфликты вокруг землевладений должны быть прекращены. В случае невыполнения виновными будут признаны обе конфликтующие стороны.
- 4) Запрещается использование незаконных методов в решении споров.
- 5) Запрещается подавать жалобы непосредственно сёгуну.
- 6) Все иски и ходатайства должны направляться ответственным чиновникам *бакуфу*.
- 7) Решения о выделении земель выносить на основании подтверждающих документов.

За первый год своего правления Ёсиаки издал 68 указов — 13 о наказаниях и различного рода изъятиях и 55 о наделении землями (Куно, 2009). При таком количестве избежать ошибок было непросто. Через год после первого уложения, 23 января 1570 года, Нобунага написал для сёгуна второе наставление, ещё более жёсткое. Из него следовало, что он недоволен действиями своего подо-

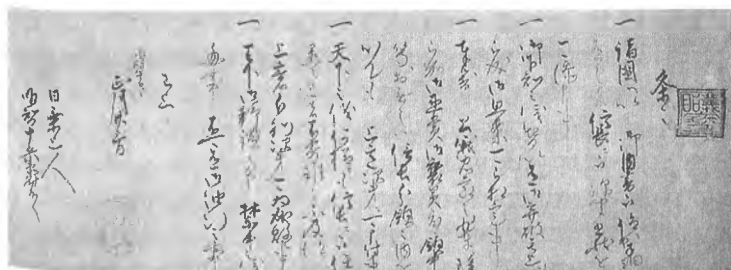
печного и намерен изменить ситуацию привычным способом — сосредоточить все полномочия в своих руках. Второй документ, известный как Пятистатейное предписание (*Гокадзёсё*), был намного короче первого и состоял из пяти пунктов.

- 1) Вся переписка сёгуна с провинциальными военачальниками должна доводиться до меня в письменном виде.
- 2) Все прежние распоряжения сёгуна отменяются и теряют свою силу; ему надлежит обдумать их заново и принять взвешенные решения.
- 3) Учитывая отсутствие у сёгуна собственных земель, разрешаю использовать мои для поощрения верных ему вассалов.
- 4) Мои полномочия по управлению государственными делами исключают необходимость следовать чьим-либо указаниям или искать одобрения сёгуна; посему все решения будут приниматься мной единолично.
- 5) Сёгуну надлежит исполнять положенный ритуал и совершать другие действия, необходимые для поддержания мира и спокойствия в столице, благополучия императорского дома.

Содержание документа ясно показывает отношение Нобунага к итогам первого года правления Ёсиаки. В первом пункте он требует, чтобы вся переписка сёгуна с его вассалами, провинциальными военачальниками и главами крупных монастырей проходила через него. Нобунага должен быть в курсе всего, что обсуждает и какие решения принимает его подопечный. Судя по второму пункту, отменившему все предыдущие указы Ёсиаки, Нобунага был о них невысокого мнения. Третий пункт говорит о том, что Нобунага не стремится к полному разрыву отношений с сёгуном, он хочет лишь исправить его ошибки

и предостеречь от будущих, поэтому даёт возможность реабилитироваться и пересмотреть ошибочные решения. И чтобы поддержать его авторитет, предлагает свои земли для поощрения верных ему вассалов. Однако этот жест доброй воли сводится на нет четвёртым пунктом, в котором Нобунага лишает своего подопечного права самостоятельно принимать какие бы то ни было решения. Пятый пункт носит декоративно-примирительный характер — сёгун Ёсиаки объявляется в нём свадебным генералом, призванным следовать установленному ритуалу и заботиться о благополучии императорского дома.

По правилам того времени Пятистатейное предписание было адресовано не лично сёгуну, а его вассалу Акэти Мицухидэ; последний должен был ознакомить с ним своего начальника и уговорить его принять ультиматум. Мицухидэ это удалось. Если бы Нобунага имел возможность проследить за выполнением своих требований, а Ёсиаки собирался бы их выполнять, то их отношения на этом и закончились бы. Но этого не произошло. В действительности Нобунага не мог взять под контроль абсолютно все действия сёгуна, а союз с ним был ему необходим, поэтому после сурового выговора на практике ничего не изменилось — все предыдущие решения сёгуна остались в силе, и новые указы он продолжал издавать как

Текст Пятистатейного предписания
(экспозиция музея Отяномидзу)

прежде. Со своей стороны Ёсиаки напрямую с Нобунага не конфликтовал и ни в чём ему не перечил, но стал присматриваться к его противникам и рассылать им письма в поисках союзников. Он вообще любил писать письма, и, возможно, это было лучшее, что он умел делать. В январе 1570 года между ним и его покровителем пролегла первая трещина, которая вскоре начнёт разрастаться и приведёт к полному разрыву.

Первый кризис

Новый 1570-й год Нобунага встретил, будучи хозяином трёх провинций — Овари, Мино и Исэ. В западных и восточных регионах страны были и более крупные землевладельцы, но контроль над столицей и статус покровителя сёгуната давали ему особые полномочия, и он ими воспользовался. Двадцать третьего января 1570 года Нобунага разослал крупным военачальникам страны уведомления о том, что в середине февраля он прибудет в столицу для несения воинской службы, и от имени императора потребовал от военачальников сделать то же самое. Цель большого сбора была сформулирована не очень конкретно (проявить уважение к императорскому дому и сёгуну, поддержать мир и спокойствие в стране), но подтекст был ясен: явиться всем, кто признаёт новую политическую силу в лице 15-го сёгуна и его покровителя. Содержащееся в письме выражение *тэнка иёиё сэйхицу но тамэ* (в целях установления мира и спокойствия в стране) позволяло считать политическими противниками всех, кто проигнорирует это распоряжение.

Уведомление было написано по-военному строго и предостерегало от опозданий. Обращаясь к провинциальным военачальникам от имени императора, Нобунага при

этом подписал документ своим именем. Он хорошо понимал, что *даймё* из дальних провинций в столицу прибыть не смогут. Это было невозможно сделать даже по срокам, не говоря уже о том, что на северо-востоке страны в это время ещё лежал глубокий снег. Задача состояла в том, чтобы для начала отделить своих от чужих в центральной части страны.

Явиться в столицу предписывалось во второй декаде февраля, но сам Нобунага выехал из Гифу с опозданием, только 25-го числа, и при этом совсем не торопился — по пути в столицу заехал в храм Дзёраку и провёл там несколько дней, организовав крупный турнир по борьбе *сумо*. Создавалось впечатление, что любивший точность и аккуратность во всём Нобунага специально давал время собраться в столице всем, кто этого хотел. Ведь это были его союзники, с которыми ему предстояло наказывать ослушников, и желательно, чтобы их было как можно больше.

В столице его встречали 30 февраля²¹ около 4 часов пополудни. Кроме аристократов и военачальников на въезде в город собралось несколько сотен горожан. В дневнике *Токицугу кёки* говорится, что городские старосты разослали по кварталам разнарядку с предписанием выделить по пять человек от каждого квартала. Вообще Нобунага не любил, когда его встречали на въезде в столицу, но в этот раз случай был особый, и он принял почести. Утром 1 марта он нанёс визит вежливости сёгуну, а после обеда посетил императорский дворец, где состоялась торжественная церемония. Место для Нобунага было подготовлено отдельно от сёгуна, что продемонстрировало присутствовавшим, что Нобунага — величина самостоятельная и равноценная главе *бакуфу*. Чему была посвящена церемония, не известно, но можно предполагать, что в

²¹ По старому календарю.

тот день Нобунага был официально провозглашён гарантом мира и спокойствия в столице, что легитимизировало его дальнейшие действия.

Любопытно, что адресованное сёгуну Пятистатейное предписание и распоряжение провинциальным военачальникам прибыть в столицу были написаны в один день — 23 января 1570 года. Нобунага одновременно отдавал распоряжения и сёгуну, и главам воинских кланов, которые формально ему подчинялись, тем самым позиционируя себя в качестве верховного правителя. Через 4 месяца он готовился встретить свой 36-й день рождения.

На призыв Нобунага откликнулись и прибыли в столицу многие крупные военачальники: Токугава Иэясу из провинции Микава, Мацунага Хисахидэ из Ямато, Миёси Ёсицугу из Кавати, Анэкодзи Ёрицуна из Хида, Китабатакэ Томофуса из Исэ, Хатакэяма Такамаса из Кии, Иссики Ёсимити из Танго, Икэда Кацумаса из Сэццу и другие. Это были его добровольные союзники, на которых он мог рассчитывать. Некоторые кланы заняли выжидательную позицию и подчинились наполовину — их главы остались дома, но прислали своих представителей. Так поступили Отагаки Тэрунобу из провинции Тадзима, Укита Наоиз из Бидзэн и Отомо Сорин из Бунго. Их ещё предстояло убедить, что союз с Нобунага для них выгоднее любого другого варианта.

Среди тех, кто проигнорировал распоряжение, оказался клан Асакура из провинции Этидзэн, в сентябре 1566 года приютивший у себя будущего сёгуна после его бегства из храма Кофуку. Как мы помним, глава клана Асакура Ёсикагэ отказался от похода на столицу, но на два года предоставил претенденту убежище и не препятствовал его контактам с другими военачальниками, в том числе и с Нобунага. В семейной хронике Асакура записано, что распоряжение Нобунага обсуждалось на домашнем совете, и было принято решение его не выполнять. Детали об-

суждения неизвестны, но есть некоторые основания предполагать изначальную неприязнь между Асакура Ёсикагэ и Ода Нобунага, проявившуюся ещё во время пребывания Ёсиаки в провинции Этидзэн. Все контакты будущего сёгуна с Нобунага осуществлялись через Акэти Мицухидэ и Хосокава Фудзитака, сам же глава дома Асакура в них не участвовал, что не вполне обычно. По правилам того времени Нобунага и Ёсикагэ, помогавшие будущему сёгуну, должны были обмениваться хотя бы формальными приветствиями, однако никаких сведений об их личных контактах не сохранилось. В 1568 году, когда Ёсиаки переехал из Итидзэдани в Гифу, его сопровождали всё те же доверенные лица Акэти и Хосокава, но никто из руководителей клана Асакура не составил им компанию. По некоторым сведениям, Ёсиаки тоже не посвящал главу дома Асакура в свои планы до последнего момента. В походе на столицу клан Асакура тоже не участвовал. Всё это говорит о том, что отношения Асакура Ёсикагэ и Ода Нобунага с самого начала были довольно прохладными.

Убедившись, что его приказ проигнорирован, Нобунага начал подготовку к карательному походу в Этидзэн. Возможно, какую-то роль в этом решении сыграл и географический фактор. Захват провинции Этидзэн органично расширял владения Нобунага в северо-восточном направлении, что было удобно и тактически выгодно: он получал выход к побережью Японского моря, а через него — к удалённым провинциям на востоке страны.

Итак, первый противник Нобунага определился, но перед нападением на Асакура нужно было решить одну проблему. Этот крупный воинский дом был ближайшим соседом и давним союзником Адзай Нагамаса, с которым Нобунага тоже заключил военный союз и породнился, выдав за него замуж младшую сестру. И теперь вставал вопрос, сообщать ли родственнику о предстоящем нападении на его соседа и союзника. Вообще-то заключённый

между Нобунага и Адзай Нагамаса договор обязывал это сделать. Однако поход против Асакура готовился в глубокой тайне, и уведомление союзника могло обернуться утечкой информации и потерей фактора внезапности. Поколебавшись, Нобунага принял решение в пользу успеха операции, отодвинув отношения с союзником на второй план, поэтому в штабе Адзай ничего не знали о намерениях Нобунага.

Двадцать третьего апреля 1570 года император Огимати издал указ о смене девиза правления, и длившаяся 12 лет эпоха Эйроку сменилась эпохой Гэнки. На этом настаивал сёгун Ёсиаки, которому хотелось, чтобы его назначение нашло своё отражение в календаре и таким образом вошло в историю, но императорский двор некоторое время противился переименованию. К апрелю 1570 года вопрос наконец был улажен, и началась новая эпоха.

Подготовка похода в провинцию Этидзэн заняла почти два месяца. За три дня до императорского указа о смене девиза правления Нобунага с 30-тысячным войском вышел из Киото и двинулся на северо-восток. Перед этим он посетил императорский дворец и доложил, что подготовка к походу закончена. Согласие *бакуфу* на карательную операцию также было получено. Согласно официально объявленной цели, Нобунага шёл не в провинцию Этидзэн против Асакура, а в соседнюю с ней провинцию Вакаса, чтобы наказать за неподчинение императору местного предводителя Мута Томомасу, одного из вассалов Асакура. Об этом Нобунага сообщил в письме Мори Мотонари (1497–1571), главе крупного воинского клана в западной части страны. Так что сопровождавшие Нобунага соратники были уверены, что их ждёт несложная операция против одного из местных командиров в восточной части провинции Вакаса. Однако те, кто видел воинскую колонну на выходе из столицы, легко могли заметить несоответствие — для заявленной цели такая армия была вовсе не

нужна. Муту Томомасу контролировал небольшую волость в уезде Ои провинции Вакаса и позднее был легко разбит объединёнными силами двух полководцев Нобунага, Нива Нагахидэ и Акэти Мицухидэ. Не известно, сообщил ли Нобунага сёгуну о действительной цели своего похода — всё-таки Асакура Ёсикагэ в трудное время выручил

Асакура Ёсикагэ

будущего правителя, и тот обещал не забыть его услуги.

Обогнув озеро Бива с запада, Нобунага прошёл через владения Адзай и вошёл в провинцию Вакаса. Вместе с ним в поход отправились несколько известных аристократических домов (Асукаи, Хино, Такакура), имевших собственные вооружённые отряды. Такие смешанные воинско-аристократические кланы служили одновременно сёгуну и императору, поэтому время от времени принимали участие в боевых действиях.

Не задерживаясь в провинции Вакаса, армия Нобунага прошла через её восточную часть и 24 апреля вошла в Этидзэн. Здесь младшим командирам была объявлена действительная цель похода: за неподчинением местного командира Муту Томомасу стоит клан Асакура, поэтому главный удар будет направлен против него. Первой целью стал форт Тэдзуцуйма²², расположенный на возвышенности высотой 170 метров. Его штурм начался утром 25 апреля, продолжался весь день и к вечеру закончился победой нападавших. В бою погибло 370 защитников форта, Нобунага

²² Современный город Цуруга в префектуре Фукуи.

потерял ещё больше людей. На следующий день нападению подвергся расположенный северо-западнее форт Канэгасаки. Его защищал Асакура Кагэцунэ (?–1570), двоюродный брат главы клана и хозяин уезда Цуруга. Поначалу он оказал сопротивление, но под давлением численно превосходящих сил противника капитулировал и сдал укрепление. Таким образом, за два дня Нобунага захватил практически весь уезд Цуруга. Кампания началась более чем удачно, и теперь, перейдя через перевал Киномэ, можно было атаковать главную цель — Итидзэдани, домашний замок Асакура.

Но в этот момент Нобунага получил сообщение, которому поначалу не поверил: его союзник Адзай Нагамаса разорвал с ним отношения и выступил на помощь Асакура. Вопрос о том, кого поддержать в начавшемся конфликте, родственника Нобунага или соседа Асакура — обсуждался на семейном совете Адзай. Победил второй вариант. Его сторонники подчёркивали два момента в действиях Нобунага. Во-первых, он нарушил договор, не сообщив союзнику о своих планах в отношении Асакура. И, во-вторых, оставил без внимания и награды помощь зятя в походе на столицу полтора года назад. Был и третий

фактор, внутренний. Адзай Хисамаса, отец молодого главы клана, хотя и передал сыну бразды правления, по-прежнему имел большое влияние в делах семьи и был решительно настроен в пользу поддержки соседа, с которым дружил много лет. Многие историки

Адзай Нагамаса

считают, что именно он настоял на том решении, которое было принято. Молодому Адзай Нагамаса оно далось нелегко, и одна из причин заключалась в том, что его брак с сестрой Нобунага оказался на редкость удачным — все современники отмечали взаимную любовь и уважение между супругами. Тем не менее ему пришлось пойти против старшего брата любимой жены.

В последних числах апреля Адзай Нагамаса с 5-тысячным отрядом выступил из замка Одани и двинулся на север, зайдя таким образом в тыл Нобунага. К нему сразу же присоединился и Роккаку Дзётэй, не забывший унижения двухлетней давности. Армия Нобунага оказалась в ловушке, зажатой с двух сторон противником, да к тому же на чужой территории, без собственных укреплений, за стенами которых можно было бы укрыться. В тактическом плане ситуация была безнадёжной, и о продолжении похода уже не могло быть и речи — теперь нужно было думать о том, как из неё выпутаться.

Убедившись, что предательство Адзай Нагамаса — реальный факт, а не дезинформация противника, Нобунага созвал старших командиров и сообщил своё решение. Он оставляет армию и возвращается в Киото. Вслед за ним через провинцию Вакаса отдельной группой уходят вольные союзники, присягнувшие на верность сёгуну. В арьергарде остаются Акэти Мицухидэ, Сибата Кацуиэ, Киносита (Хидэёси) Токитиро и Икэда Кацумаса. В биографии Тоётоми Хидэёси, написанной впоследствии с его слов, говорится, что именно он остался во главе арьергарда и лично обеспечил прикрытие, но это не так — среди оставшихся командиров Нобунага были военачальники гораздо более высокого ранга и статуса, чем Киносита Токитиро. Прежде всего это распорядительный чиновник *бакуфу* Акэти Мицухидэ и губернатор провинции Сэццу Икэда Кацумаса. Подчинить военачальников такого уровня одному из своих вассалов, никому в то время не извест-

Ода Нобунага

ному крестьянскому сыну, было бы большой ошибкой, и вряд ли она имела место.

Нобунага оставил армию в тот же день, 28 апреля. Взяв с собой лишь десяток телохранителей, он отправился в обратный путь тем же маршрутом, которым шёл сюда, — через провинцию Вакаса и северо-западную часть Оми. Он сильно рисковал. Десять человек сопровождения не смогли бы защитить его даже от небольшого крестьянско-

го отряда. Также было не ясно, чего ожидать от Куцуки Мотоцуна (1549–1632), через владения которого Нобунага предстояло возвращаться. Этот местный военачальник два года назад присягнул на верность сёгуну Ёсиаки и получил от него охранную грамоту, но в то же время служил клану Адзай. Оставалось только гадать, как он встретит Нобунага. Однако всё обошлось — Адзай Нагамаса не успел сообщить своему союзнику о выступлении против Нобунага, и последний благополучно прошёл через его территорию. Вечером 30 апреля он без приключений прибыл в Киото.

Его армии, оставшейся в провинции Этидзэн, пришлось нелегко. Получив сообщение о выступлении Адзай Нагамаса, глава клана Асакура вышел навстречу противнику и начал его преследование. Согласно сохранившимся записям, в районе форта Канэгасаки состоялся тяжёлый бой, в котором силы Нобунага, по данным Асакура, потеряли более 2 тысяч человек. О других боевых эпизодах этого похода никаких сведений не сохранилось, но большая часть армии Нобунага благополучно вернулась в сто-

лицу тем же маршрутом, что и он сам. В целом он признал результаты отхода удовлетворительными, потери минимальными и наградил своих старших командиров. Цель похода в провинцию Этидзэн не была достигнута, для Нобунага он закончился неудачей. Что касается Асакура Ёсикагэ и Адзай Нагамаса, то они могли считать, что одержали победу.

Бегство Нобунага и отступление его армии из провинции Этидзэн известно в японской истории под названием *Канэгасаки но нокигути*. В эпоху междоусобных войн, когда армии состояли из отдельных отрядов со своими собственными командирами, уход или бегство главнокомандующего с поля боя обычно приводили к деморализации и распаду войска. Однако с армией Нобунага этого не случилось, и главная заслуга в этом принадлежит его полководцам. Возможно, удержать воинов под контролем отчасти помогло осознание того, что они воюют не только за новые земли, но и за идею, выраженную в четырёх иероглифах — *тэнка фубу*. Поход в провинцию Этидзэн против клана Асакура вошёл в историю как первая военная акция Нобунага, совершённая от имени императора.

В столице никто не знал о событиях в провинции Этидзэн, и Нобунага не стал о них распространяться. В Киото ему пришлось задержаться на 10 дней, поскольку обратный путь в Гифу теперь пролегал через ставшие враждебными владения клана Адзай. Нобунага отправил вперёд Инаба Ёсимити с заданием взять форт Корияма, чтобы по пути домой было где остановиться на ночь. Задание было выполнено, и только после этого Нобунага отправился в обратный путь. Перед этим он как ни в чём не бывало проинспектировал ремонт императорского дворца, начатый по его приказу, и заверил сёгуна Ёсиаки, что ему не следует ни о чём беспокоиться и что в случае опасности он сразу придёт на помощь.

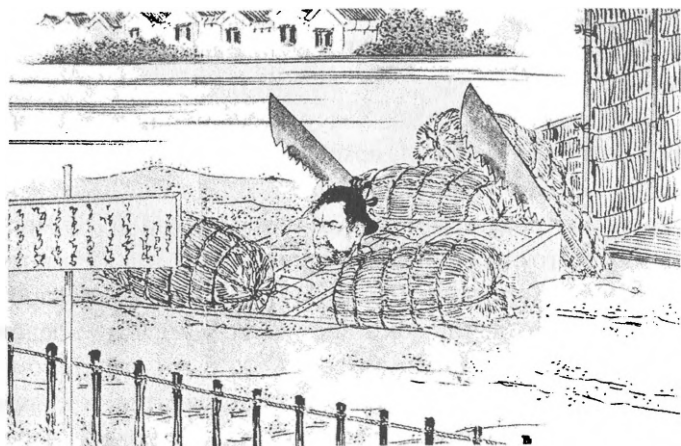

*Поход против Асакура
и бегство Нобунага*

На обратном пути Нобунага попытались убить. Покушение было совершено на подходе к форту Тигуса — в него стрелял из аркебузы человек по имени Сугитани Дзэндзюбо. О нём самом, как и о мотивах покушения, мало что известно. По одним сведениям, стрелок был подослан Роккаку Дзётэй, по другим — действовал из личных побуждений, в числе которых называется и желание продемонстрировать мастерство владения аркебузой. Дзэндзюбо считался хорошим стрелком, но в Нобунага не попал — два выстрела с 20 метров лишь оцарапали ему кожу. Стрелявший бежал с места покушения, но через несколько дней был схвачен в одном из храмов и доставлен в Гифу, где его допросили и по приказу Нобунага казнили особо изощрённым способом — закопали по шею в землю и положили рядом бамбуковую пилу, которой в течение нескольких дней медленно убивали. Весть об этой казни разнеслась далеко по окрестностям и попала в дневник Луиса Фройса.

Неудача в провинции Этидзэн осложнила положение Нобунага и увеличила число его противников. К триумвирам Миёси, Роккаку Дзётэй и примкнувшим к нему повстанцам Икко в провинции Оми присоединились воинские кланы Асакура и Адзай. Трудное возвращение из столицы поставило на повестку дня вопрос о безопасности маршрута между Гифу и Киото, проходившего вдоль юго-

Неудача в провинции Этидзэн осложнила положение Нобунага и увеличила число его противников. К триумвирам Миёси, Роккаку Дзётэй и примкнувшим к нему повстанцам Икко в провинции Оми присоединились воинские кланы Асакура и Адзай. Трудное возвращение из столицы поставило на повестку дня вопрос о безопасности маршрута между Гифу и Киото, проходившего вдоль юго-

Отпиливание головы

восточного берега озера Бива. В течение мая Нобунага назначил комендантами фортов, стоявших на этом маршруте, своих надёжных вассалов Сакума, Киносита, Накагава, Сибата и Нива, но Роккаку Дзётэй оказал противодействие, и 4 июня в районе форта Отикубо его отряд вступил в бой с Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори. В результате трёхчасового сражения Дзётэй потерял 750 человек убитыми и потерпел поражение. Командиры Нобунага отстояли маршрут между его замком и столицей.

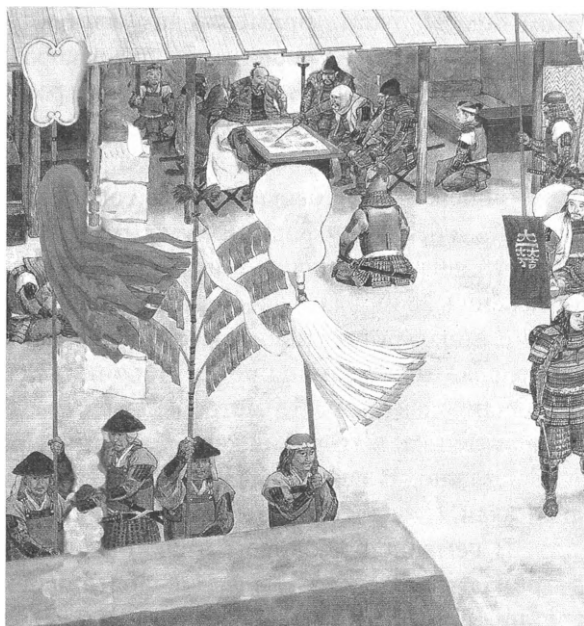
Теперь главной задачей Нобунага стало наказание Адзай Нагамаса, сорвавшего операцию в Этидзэн. Удобный случай подвернулся уже в середине июня: Киносита (Хидэёси) Токитиро сообщил ему, что Хори Хидэмура, один из вассалов Адзай, изъявил желание перейти к нему на службу. Чуть раньше то же самое сделал ещё один местный командир, Такэнака Сигэхару. Это был результат работы Киносита среди вассалов и союзников Адзай. Форты перебежчиков можно было использовать в качестве опорных пунктов на чужой территории, и Нобунага тут же приказал готовиться

к выступлению. Одани, домашний замок Адзай, по которому он собирался нанести главный удар, отстоял от Гифу всего в 20 километрах.

Попросив Токугава Иэясу выслать подкрепление, Нобунага с 20-тысячной армией вышел в поход 19 июня и в тот же день подошёл к Одани. Адзай Нагамаса занял оборону и отправил гонца к Асакура с просьбой о помощи. Его замок стоял на одноимённой горе высотой 495 метров и был очень хорошо укреплён. Встав лагерем поблизости, Нобунага в ожидании союзника стал обдумывать предстоящую операцию. Нужно было во что бы то ни стало выманить противника на открытое пространство, и лучший способ состоял в том, чтобы его спровоцировать, нанеся серьёзный материальный ущерб. Обычно такое оскорбление действием не оставалось без ответа. Двадцать первого июня Нобунага поджёг призамковый город у подножия горы Одани в надежде, что Нагамаса примет вызов и бросится в бой. Молодой глава клана так и хотел сделать, но старейшины его удержали, убедив не горячиться, — Нобунага имел численное преимущество, а подкрепление от Асакура ещё не подошло.

Следующим шагом Нобунага окружил и взял в осаду расположенный в пяти километрах от Одани форт Ёкояма. Как он и рассчитывал, комендант Ёкояма запросил подкрепление у главы клана, и на этот раз Нагамаса вышел из замка с 5-тысячным отрядом и встал лагерем на соседней возвышенности. Его жена Оити осталась в замке с тремя дочерьми, ожидая исхода схватки между мужем и старшим братом.

Подкрепление от Асакура подошло 26 июня. Восемь тысяч воинов пришлось как нельзя кстати, но сам глава дома не прибыл, послав вместо себя двоюродного брата Кагэтака. Отсутствие первого лица в такой ситуации много значило, и семейная хроника Адзай сохранила резкое высказывание Нагамаса в адрес соседа, ради которого он полтора месяца назад разорвал отношения с Нобунага.

Полевая ставка

В это время к Одани подошёл Токугава Иэясу из провинции Микава. Все его ресурсы на тот момент не превышали 8 тысяч человек, из них 5 тысяч он привёл с собой. Окружённый форт Ёкояма Нобунага решил не штурмовать, а оставить под его стенами отряды Киносита, Сибата, Сакума и Нива общей численностью около 10 тысяч человек. Они должны были блокировать возможную вылазку гарнизона и не дать ему соединиться с основными силами Адзай и Асакура. Остальные силы Нобунага и Иэясу численностью в 15 тысяч человек выдвинулись к реке Анэ и заняли позицию на её южном берегу. Асакура и Адзай с 13 тысячами встали напротив, на северном. При этом Нобунага с 10 тысячами расположился прямо напротив Адзай (5 тысяч), а Токугава с 5 тысячами — напротив Асакура (8 тысяч).

В этом бою Нобунага применил необычную расстановку сил. Ставка командующего обычно располагалась в тылу, позади передовых частей, но на этот раз он выдвинул её вперёд. Его силы состояли из личной гвардии, обычно не воевавшей в первых рядах, и наёмных крестьян-пехотинцев. Самые боеспособные самурайские отряды остались в резерве у форта Ёкояма. Возможно, этим и объяснялось неудачное для него начало сражения.

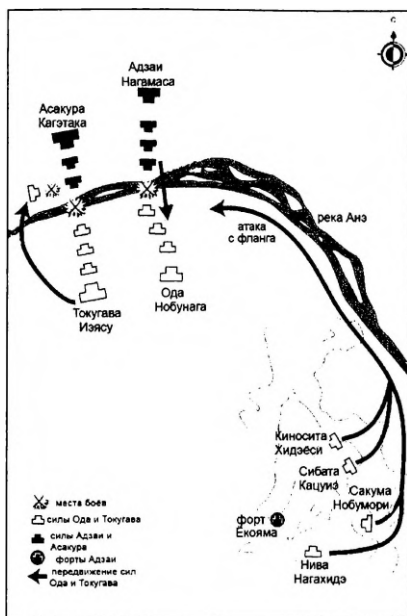
Оно началось 28 июня в 6 часов утра. Первым перешёл через реку и атаковал противника Токугава Иэясу. Адзай Нагамаса сделал то же самое против Нобунага. Река Анэ мелкая и неширокая — 10–15 метров. Иэясу сразу начал теснить противника, в то время как на участке Нобунага дела шли неважно. В самом начале боя погибли его командиры Сакаи, Икэда и Мори, и пехота Нобунага начала отступать. В семейной хронике Адзай говорится о том, что из тринадцати пехотных шеренг противника были смяты одиннадцать. Отступление на этом участке грозило перерасти в беспорядочное бегство, когда Нобунага бросил в бой конный резерв, остававшийся у форта Ёкояма. После того как Иэясу на левом фланге углубился в позиции Асакура, а Адзай на правом продвинулся вперёд, удар конницы по растянувшимся позициям противника оказался особенно эффективным. Налетевшие с фланга 3 тысячи всадников смяли порядки Адзай, и его воины обратились в бегство. Увидев это, Асакура Кагэтакэ тоже скомандовал своим силам отступление. Конница Нобунага преследовала противника до горы Одани, однако подниматься на неё не стала. Адзай Нагамаса вернулся в свой замок, а Асакура Кагэтакэ по Северному тракту ушёл в провинцию Этидзэн.

В этом сражении обе стороны понесли большие потери. По описаниям очевидцев, берега реки Анэ были завалены сотнями трупов, а её вода покраснела от крови. Потери Адзай и Асакура составили около двух с полови-

ной тысяч убитыми, их противники потеряли примерно столько же. Главными факторами победы Нобунага стали удачные действия его союзника Токугава, общее численное превосходство и своевременный ввод резерва. Впоследствии он выразил суть своего тактического плана словами, которые стали поговоркой: *нику о кирасэтэ хонэ о тацу*²³. Однако эта победа не стала окончательной в его противостоянии с Адзай и Асакура. Оба главных

противника остались в живых и сохранили большую часть войска; война с ними продолжалась ещё три года.

Оставшийся без поддержки форт Ёкояма теперь был обречён. Нобунага поручил довести осаду до конца Нива Нагахидэ и Киносита Токитиро, а сам в начале июля вернулся в столицу. Вскоре он получил от своих командиров сообщение, что форт Ёкояма взят. В 5 километрах от домашнего замка Адзай у Нобунага появился опорный пункт, из которого он мог постоянно угрожать противнику. Киносита Токитиро получил приказ занять форт и начать работу с местными союзниками дома Адзай по привлечению их на сторону Нобунага.

Сражение на реке Анэ

²³ «Уступив в малом, выиграть в большом» (буквально: пожертвовав мягкими тканями, перерубить противнику кость).

В провинции Оми была одержана победа, но положение в столице оставалось тревожным. Совместное выступление Асакура и Адзай против Нобунага вдохновило клан Миёси. Он приобрёл союзников, угрожавших Нобунага на северо-востоке, в то время как сами триумвиры могли атаковать его с юго-западного направления. Заручившись поддержкой Хосокава Акимото (?–1592) и ещё нескольких местных военачальников, они 21 июля 1570 года с 13-тысячной армией выступили из провинции Ава на острове Сикоку и вошли в провинцию Сэццу. Здесь они разбили лагерь и приступили к строительству укреплений. После победы на река Анэ прошло всего три недели. Через месяц строительство фортов Нода и Фукусима было завершено, и это означало, что провинция Сэццу готова к новой войне с Нобунага.

Привычный к таким вызовам, он за месяц собрал войско, в три раза превосходившее силы Миёси, и отправился в Сэццу. Здесь он встал лагерем у форта Тэннодзи, в пяти километрах к юго-востоку от Нода и Фукусима, и начал подготовку к штурму укреплений противника. Второго сентября его 40-тысячная армия окружила форты, а на следующий день к ней присоединился сёгун Ёсиаки с двумя тысячами бойцов. За два года правления у него уже появились собственные вассалы, с которыми он и пришёл поддержать союзника.

В дельте реки Накацу Нобунага построил форт Кавагути, ставший морской базой, с которой его боевые ладьи атаковали форты противника. Во время этой операции Нобунага впервые использовал для обстрела укреплений пушки, которые тогда называли «большими аркебузами», поскольку по размерам они ненамного превосходили ручное оружие. С обеих сторон в боях участвовало множество аркебузирова, и всё пространство вокруг фортов дымилось и грохотало. Бои продолжались две недели и велись с большим ожесточением. В середине сентября к

Нобунага присоединились ещё 20 тысяч человек из Сайка и Нэгоро²⁴ с полуострова Кии, и его численное преимущество стало подавляющим. Узнав о подходе *сайкасю* и *нэгоросю*, триумвиры Миёси приняли решение капитулировать и сдать форты в обмен на сохранение жизней, но Нобунага их предложение отклонил, твёрдо вознамерившись покончить с давним противником.

И в этот момент благоприятно складывавшаяся для него ситуация резко изменилась — в войну против Нобунага вступил Коса Кэннэ (1543–1592), глава храма Исияма хонган, цитадели повстанцев Икко. Храм располагался недалеко от места боевых действий и представлял собой мощное сооружение с крупнейшим в регионе призамковым городом, куда стекались купцы, привлекаемые возможностью беспошлинной торговли. Как все крупные поселения того времени, Исияма был обведён глубоким рвом и насыпью с крепостной стеной. Такие храмовые города (*дзинаймати*) были разбросаны по всей стране, но особенно много их было по берегам реки Ёдо, соединявшей озеро Бива с заливом Осака. Исияма хонган²⁵, главный храм буддийской школы Чистой земли, занимал среди них особое положение, поскольку имел наибольшее число последователей. Сюда стремились паломники со всей страны. Буддийские службы в Исияма собирали огромные толпы верующих, у ворот храма часто возникала давка и гибли люди. Адептов учения это не останавливало — считалось, что смерть на священной земле Исияма гарантирует попадание в рай. По свидетельству европейских миссионеров, некоторые специально приезжали в Исияма, чтобы в людской давке упасть перед главными воротами храма и закончить здесь

²⁴ Сайка — название местности, Нэгоро — крупный буддийский храм в этой местности. Их вооружённые отряды известны под названиями *сайкасю* и *нэгоросю* («люди из Сайка», «люди из Нэгоро»).

²⁵ Храм истинного обета Исияма.

свой земной путь, приняв смерть от единоверцев. Одного слова духовного лидера было достаточно, чтобы поднять тысячи людей на борьбу. Вооружённые повстанцы были плохо обучены, но дрались отчаянно и не боялись смерти. Оружия в храмовых мастерских изготовлялось достаточно, поэтому по части вооружения воины-монахи не уступали самурайским отрядам. В провинциях последователи учения Чистой земли называли себя словом Икко.

После восстановления сёгуната в 1568 году лидер храма Исияма встретился с сёгуном Ёсиаки и заверил его в своей лояльности и поддержке. По отношению к Нобунага Кэннэ соблюдал нейтралитет, но его давление на сёгуна не понравилось главе буддийской школы, и он начал сближение с главой *бакуфу*. О причинах, толкнувших Кэннэ на конфликт с Нобунага, можно судить по его письму, которое хранится в храме Анъё (провинция Оми, современная префектура Гифу). В нём говорится, что после прихода в столицу Нобунага не раз ущемлял интересы учения, а недавно потребовал от Кэннэ покинуть храм Исияма, пригрозив в противном случае его уничтожить. Угрожал ли Нобунага в действительности, не известно. Если да, то, возможно, он опасался влияния и возможностей крупного храма и не хотел иметь под боком неподконтрольную ему силу. Потребовав от Кэннэ подчинения, Нобунага поставил его перед выбором, и 27-летний духовный лидер его сделал, призвав последователей учения Чистой земли подниматься на борьбу с узурпатором. Его фраза *сусумаба одзё гокураку, сиридзокаба мугэн дзигоку* (вперёд идущих ожидает рай, бегущим — бесконечный ад) стала лозунгом и смыслом жизни для десятков тысяч последователей учения Чистой земли.

В разгар боёв за форты Нода и Фукусима, поздним вечером 12 сентября 1570 года, с главной башни храма Исияма зазвучал набат — тяжёлые удары главного колокола извещали о начале священной войны против Нобунага.

Письма своим последователям на места Кэннэ разослал ещё 6 сентября, и за это время в Исияма прибыло множество сторонников учения. Четырнадцатого сентября они напали на ставку Нобунага в районе форта Тэмма, которую охраняла его личная гвардия. Не думая о смерти, повстанцы шли в бой под знамёнами, на которых был написан всё тот же лозунг их лидера *сусумаба одзё гокураку, сиридзокаба мугэн дзигоку*.

С 14 по 17 сентября дул сильный западный ветер, вызвавший морской отлив, и флот Нобунага в эти дни бездействовал. Воспользовавшись этим, тысячи повстанцев на лодках подплыли по реке к дамбе Касугаи и атаковали позиции Нобунага, нанеся ему большой урон. В этом бою был тяжело ранен один из его старших командиров Сасса Моримаса. Неожиданная атака повстанцев вынудила Нобунага перейти от нападения к нехарактерной для него оборонительной тактике. Шестнадцатого числа он отправил к Кэннэ своего человека с целью выяснить причины нападения и заключить перемирие, но несколько встреч посланника с духовным лидером не принесли результата.

Ультиматум Нобунага об освобождении храма Исияма, о котором писал Кэннэ своим сторонникам, другими источниками не подтверждается — вполне возможно, что это был всего лишь повод к объявлению войны. Духовный лидер учения Чистой земли поддерживал постоянные контакты и согласовывал свои действия с другими противниками Нобунага. Об этом говорит тот факт, что одновременно с ним активизировались силы Адзай и Асакура. Кэннэ известил их о своём выступлении за несколько дней до его начала. В состав 30-тысячной армии Адзай и Асакура сразу же влились отряды повстанцев Икко из провинций Оми и Этидзэн. Их армия прошла через западную часть Оми и встала лагерем севернее столицы. Находившийся рядом храмовый комплекс Энряку тоже получил письмо от Кэннэ и поддержал участников анти-

нобунагской коалиции. Узнав о выдвижении противника, Нобунага отправил навстречу Адзай и Асакура отряд под командованием Мори Ёсинари и своего младшего брата Нобухару. Двадцатого сентября в окрестностях замка Сакамото произошли бои, в результате которых посланцы Нобунага потерпели поражение и погибли.

Воззвание духовного лидера храма Исияма привело к тому, что за десять дней, с 6 по 16 сентября, число противников Нобунага возросло в несколько раз. Соотношение сил в районе фортов Нода и Фукусима изменилось не в его пользу, и инициатива перешла к противнику. Повстанцы действовали напористо и агрессивно. Двадцатого сентя-

Командир отряда

против Нобунага поднялись огромные силы и скоро его правлению придёт конец. Подстрекаемые сторонниками Кэннё горожане начали объединяться и нападать тех, кто был связан с Нобунага и сёгуном Ёсиаки, поджигать и грабить их дома. Ситуация в столице выходила из-под контроля, и для защиты замка Нидзё Нобунага отправил Сибата Кацуиэ и Акэти Мицухидэ. Прибыв на место и ознакомившись с ситуацией, они доложили Нобунага, что обстановка в городе сложная и требует его присутствия. Пришлось снимать осаду с фортов Нода и Фукусима и срочно идти в столицу. Поздно вечером 23 сентября Нобунага прибыл в Киото. Готовые капитулировать триумвиры Миёси счастливо избежали поражения.

Верный своей наступательной тактике, Нобунага уже на следующий день двинулся к Сакамото, на позиции Адзай и Асакура. Однако его противники не решились на прямое столкновение и отступили, укрывшись за стенами храма Энряку. Расположенный на горе Хиэй высотой 850 метров, храм был хорошо защищён и представлял собой серьёзное сооружение. До этого Нобунага не имел конфликтов с руководством храма и воевать с ним не собирался, хотя за последние два года подписанные им указы лишили храм Энряку части земельных угодий. Пригласив на встречу десять высокопоставленных священнослужителей, Нобунага попытался с ними договориться, предложив на выбор три варианта: 1) храм Энряку поддерживает Нобунага, за что получает обратно все потерянные земли; 2) храм сохраняет нейтралитет и не получает от этого никакой выгоды, но и ущерба не несёт; 3) храм поддерживает противников Нобунага, и в этом случае будет уничтожен. Не дав сразу ответа и обещав подумать, священники удалились. Последующее молчание означало, что они выбрали третий вариант.

Двадцать пятого сентября армия Нобунага взяла в кольцо гору Хиэй у подножия и перекрыла подступы

к храмовому комплексу. С учётом его размеров осада не могла быть полной, поэтому затянулась на долгих три месяца. Для привыкшего к оперативности Нобунага столь долгое противостояние стало настоящим испытанием. Он несколько раз пытался спровоцировать противника на решающий бой, но осторожный Асакура Ёсикагэ всякий раз избегал обострения.

За три месяца произошло лишь одно вооружённое столкновение — у форта Катада на южном берегу озера Бива (современный город Оцу). Крупное поселение рядом с фортом было известно своими судостроительными мастерскими, оно имело особый статус и не подчинялось местным военачальникам. Через два месяца после начала осады Нобунага получил из Катада тайное послание от местных командиров с предложением занять форт и отправил туда тысячу человек во главе с Сакаи Масанао. Отследив этот манёвр, Асакура Ёсикагэ отправил в Катада в несколько раз больший отряд, и 26 ноября у форта произошёл бой, в котором с обеих сторон погибло более тысячи человек. Отряд Асакура одержал победу и овладел фортом, а Сакаи Масанао погиб.

Незадолго до этого Нобунага получил сообщение о гибели своего родственника в провинции Исэ. Повстанцы Икко вместе с присоединившимся к ним Роккаку Дзётэй большими силами атаковали форт Кокиэ в дельте Нагасима, который защищал Ода Нобуоки, двоюродный младший брат Нобунага. Двадцать первого ноября форт был захвачен, и Нобуоки покончил жизнь самоубийством. Повстанцы из дельты Нагасима пополнили список личных врагов Нобунага, которых он поклялся уничтожить.

Вокруг храма Энряку положение оставалось прежним: противник занял круговую оборону, на провокации не поддавался, а для штурма гигантского храмового комплекса у Нобунага не хватало сил. Приближалась зима, и надо было как-то выходить из ситуации. Потерпев по-

ражение у форта Катада, Нобунага начал переговорный процесс. Двадцать восьмого ноября сёгун Ёсиаки встретился с регентом двора Нидзё Харуёси и попросил его выступить посредником. Девятого декабря храм Энряку получил предписания от сёгуна и императора прекратить боевые действия и заключить мир. В храме к тому времени уже стала ощущаться нехватка продовольствия, а надвигающаяся зима обещала сильно затруднить Асакура Ёсикагэ возвращение в провинцию Этидзэн, поэтому предложение было оперативно принято. Тринадцатого декабря стороны подписали мирное соглашение и обменялись заложниками — со стороны Нобунага своих детей предоставили Сибата Кацуиэ и Удзиэ Наомото, а бездетный сёгун Ёсиаки отправил к Ёсикагэ сына своего соратника Мицубути Фудзихидэ. Таким образом, выполнение соглашения было гарантировано с трёх сторон. Приложив некоторые усилия, сёгун убедил присоединиться к нему и храм Энряку.

По договору северная часть провинции Оми была поделена на три части. Одна треть осталась в распоряжении Адзай, две трети — у Нобунага. В письме к Асакура Ёсикагэ Нобунага гарантировал неприкосновенность земель Асакура, Адзай и их вассалов, а также невмешательство в дела Исияма хонган. Со своей стороны Ёсикагэ дал такие же гарантии.

Нобунага первым оставил свои позиции у горы Хизэй, а через день, убедившись в его уходе, отправились по домам и его противники. Осеннее противостояние 1570 года у стен храма Энряку известно как «кампания в Сига» (*Сигано дзин*) по названию уезда в западной части провинции Оми. С сентября по ноябрь 1570 года объединённые силы Адзай и Асакура имели позиционное преимущество, но пассивная оборонительная тактика их лидеров позволила Нобунага выйти из трудной ситуации. Действия первой антинобунагской коалиции продолжались три месяца

и завершились перемирием. Её главными участниками были триумвиры Миёси, кланы Адзай и Асакура, храмы Исияма и Энряку. Нобунага поддерживали его союзник Токугава Иэясу и ряд военачальников из столичных провинций, а также сёгун Асикага Ёсиаки и императорский дом, формально занимавший нейтральную позицию.

Провинция Оми

Перемирие соблюдалось около трёх месяцев, но в феврале 1571 года столкновения в северной Оми возобновились, причём поводом к этому послужило невоенное действие: большой специалист по работе с людьми Киносита Токитиро склонил к измене хозяина форта Саваяма и вассала Адзай. На его ликвидацию был выслан вооружённый отряд, но командир Нобунага сумел отразить нападение и удержать Саваяма. Нобунага отправил ему подкрепление, и противостояние с Адзай возобновилось с новой силой.

В мае 1571 года Нобунага предпринял попытку отомстить повстанцам Икко в дельте Нагасима за гибель своего брата Нобуоки и потерю форта Кокиэ осенью прошлого года. Собрав 50-тысячное войско, он вместе с Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори выступил на юг провинции Исэ и 12 мая атаковал форт Нагасима, главное укрепление в районе дельты, однако потерпел поражение и был вынужден вернуться ни с чем. Перед нападением на форт отряд Нобунага, как обычно, поджёг прилегающие к нему поселения, но во время отхода подвергся нападению повстанцев. Во время боя и последовавшего отступления тяжёлое ранение получил командовавший этой операцией Сибата Кацуиэ. Майский поход Нобунага в дельту Нагасима закончился неудачей.

В июле Нобунага выделил среди своих полководцев Акэти Мицухидэ, передав ему в управление уезд Сига в провинции Оми и тысячу *рё* золотом на реконструкцию замка Сакамото. К тому времени Мицухидэ служил ему всего 4 года, но в плане поощрения опередил таких военачальников, как Сакума Нобумори, Сибата Кацуиэ и Киносита Токитиро, находившихся рядом с Нобунага более 15 лет. Последний получил аналогичное поощрение три года спустя. По свидетельству Луиса Фройса, замок Сакамото, перестроенный и укрепленный руками Акэти Мицухидэ, в 1570-х годах стал вторым по известности после Адзути.

Летом 1571 года Нобунага начал подготовку к карательной операции против храма Энряку, переход которого на сторону противника поставил его в трудное положение прошлой осенью. Однако тут было над чем подумать. Храм Энряку, располагавшийся на священной горе Хиэй, представлял собой город в городе. Он был основан в конце VIII века крупнейшим буддийским просветителем Сайтё и в течение восьми столетий оставался одним из главных религиозно-просветительских центров страны. В лице многочисленных последователей школы Лотоса храм имел тысячи сторонников по всей стране; его разрушение могло вызвать массовое недовольство и увеличить число врагов Нобунага. Даже ближайшие соратники сомневались в целесообразности операции и пытались отговорить Нобунага от разрушения Энряку, но у них ничего не получилось.

Ранним утром 12 сентября 1571 года 30-тысячная армия вошла в город Сакамото, расположенный у подножия горы Хиэй. Этот крупнейший в западной Оми торговый-транспортный центр был тесно связан с храмом Энряку и фактически им управлялся. В городе проживало много монахов, поэтому карательная акция началась с него. Город был подожжён с разных сторон и вскоре превратился в

руины. Сгорел и расположенный на его окраине синтоистский храм Хиэ вместе с алтарём (*микоси*), в котором, как считалось, обитают души предков. Уничтожение святыни, используемой горожанами во время массовых религиозных праздников, повергло их в суеверный ужас.

Расправившись с городом, воины Нобунага начали подниматься на вершину горы, убивая всех, кто попадался им на пути. На территории храма насчитывалось более 500 зданий и проживало несколько тысяч человек. Здесь также всё было сожжено, а обитатели, включая женщин и детей, убиты. Огнём были уничтожены храмовые школы, моленные залы и кельи монахов, сгорела и обрушилась пагода Компонтю, главное сооружение на территории храмового комплекса. Согласно *Токицугу кёки*, в результате карательной операции погибли от трёх до четырёх тысяч горожан и монахов, сам Нобунага впоследствии говорил о трёх тысячах. Разгром продолжался два дня, 12 и 13 сентября; на второй день армия прочёсывала окрестные леса, находя и убивая тех, кому удалось бежать. Огромное число жертв среди мирного населения и ужас, вызванный уничтожением святыни, превратили эту акцию в одно из самых резонансных дел, которые Нобунага совершил за свою жизнь. Разрушение храма действительно умножило число его врагов и сильно затруднило путь к власти. Реакция сёгуна Ёсиаки на это событие неизвестна, но с учётом его 10-летнего буддийского стажа вряд ли он одобрял действия своего покровителя. Убеждённый буддист Такэда Сингэн, узнав о гибели храма Энряку, заявил, что Нобунага — «не человек, а воплощение дьявола», хотя в то время ещё состоял с ним в союзе. Ровно через год он начнёт войну против Нобунага.

После разгрома, учинённого на священной горе Хиэй, Нобунага вернулся в Киото и как ни в чём не бывало встретился с придворной аристократией. Здесь следует напомнить, что японский император в течение веков был

не столько монархом в европейском понимании, сколько главным жрецом и первосвященником, поэтому уничтожение одного из крупнейших храмов страны касалось его самым непосредственным образом. Однако в дневниках придворных аристократов о событиях сентября 1571 года не содержится никаких оценочных суждений. Лишь в *Оюдono никки* (Записки из ванной комнаты) одна из придворных дам выразила сожаление по поводу гибели великолепного храма.

Оставшиеся после храма земли Нобунага раздал своим полководцам, принимавшим участие в карательной операции, — Акэти Мицухидэ, Сакума Нобумори, Сибата Кацуиэ и Накагава Сигэмаса. Это позволило ему упрочить свои позиции в западной части провинции Оми, важной с точки зрения контроля над столицей.

Понимая, что император не может не осуждать его последние действия, Нобунага с удвоенной энергией взялся за его материальное обеспечение. Начавшаяся три года назад реконструкция императорского дворца продолжалась до конца 1571 года, и, пока она шла, Нобунага позаботился о продовольственном снабжении двора. Летом он предоставил жителям Киото краткосрочный рисовый заём, который нужно было возвращать ежемесячно с процентами. Квартальным старостам и купцам было разослано положение о правилах возврата. За нарушения по срокам или объёму выплат имущество должников конфисковывали, а их самих жестоко наказывали. Собранные таким образом 520 коку риса²⁶ составили продовольственный фонд императорского двора. Столица в то время была поделена на 127 жилых кварталов, во главе каждого стоял староста. Распределив между ними рис, Нобунага обязал старост начать с января следующего года выдачу горожанам рисовых займов под 30% годовых. Основной запас риса стал

²⁶ Один коку = 150 кг.

оборотным фондом, а процентная прибавка должна была поставляться на склад для текущего потребления. Таким образом, император ежемесячно получал на свои нужды 13 коку риса (1950 кг). Кормили его, конечно, горожане, но организовал снабжение Нобунага. Все его действия в тот период были направлены на защиту и поддержание императорского дома и зависящей от него придворной аристократии.

Во время приездов в столицу Нобунага, не имевший здесь своей резиденции, останавливался обычно в храмах Мёкаку или Хонно, поэтому сёгун Ёсиаки предложил ему поселиться в усадьбе одного из аристократов, предварительно её перестроив и укрепив. Эта усадьба располагалась рядом с его собственной, и Ёсиаки полагал, что такое соседство будет полезным для обоих. Нобунага согласился и поручил строительство своим соратникам Мураи Садакацу и Симада Хидэмицу. К лету следующего года усадьба была готова, но ещё через 10 месяцев сгорела во время очередных боёв в столице.

Начало 1572 года Нобунага провёл в Гифу в спокойной обстановке, но спокойствие это было обманчивым. Сёгун Ёсиаки продолжал исподволь подыскивать союзников, а триумвиры Миёси и Коса Кэннэ поддерживали между собой контакты и переписывались с другими военачальниками, стараясь привлечь их к борьбе с Нобунага. Провинция Этидзэн, северная часть Оми и южная часть столичного района оставались оплотом его противников. В южной Оми позиции Нобунага тоже были не очень прочны, и он отправил туда Сакума Нобумори и Сибата Кацуиэ с заданием взять несколько фортов, а местному населению разослал текст присяги, которую нужно было подписать кровью и прислать обратно.

Своей первоочередной задачей он по-прежнему считал ликвидацию наиболее опасных кланов Адзай и Асакура. Пятого марта Нобунага отправился на границу между про-

винциями Оми и Этидзэн и сжёг там несколько поселений вокруг фортов Ёго и Киномото. Это был обычный способ вызвать противника на бой, но ни Адзай, ни Асакура на провокацию никак не прореагировали. Не добившись своей цели, Нобунага 9 марта вернулся в Гифу. Через три дня он выехал в Киото и провёл там следующие два месяца на строительстве новой столичной усадьбы.

В апреле 1572 года служившие Нобунага военачальники Миёси Ёсицугу и Мацунага Хисахидэ напали на форт Катано в провинции Кавати, принадлежавший другому его командиру, Хатакэяма Акитака. Узнав, что Нобунага выслал против них 20-тысячную армию, мятежники вернулись в свои домашние замки и заняли там оборону. По пути в провинцию Кавати люди Нобунага перехватили гонца Асакура Ёсикагэ, направлявшегося к Миёси Ёсицугу, и казнили его. Этот случай показал, что союзники Нобунага за его спиной продолжают контактировать между собой и строят собственные планы. Мацунага Хисахидэ, Коса Кэннэ и сёгун Ёсиаки по отдельности переписывались с Такэда Сингэн. В письме от 13 мая 1572 года Ёсиаки с радостью сообщал, что Такэда Сингэн присягнул ему на верность и вскоре «мир и спокойствие в столице» будут восстановлены. Это означало, что вскоре Нобунага должен быть изгнан из Киото.

Предыдущий 1571 год оказался для Нобунага неудачным, и весной он обратился к сёгуну с просьбой организовать через императора смену девиза правления, принятого два года назад. Над Нобунага сгущались тучи, но это уже не огорчало сёгуна Ёсиаки как прежде, когда все победы и поражения они делили на двоих. Их пути разошлись, и теперь ослабление Нобунага означало усиление Ёсиаки, поэтому неудивительно, что просьба о смене девиза правления не была им выполнена — эпоха Гэнки продолжалась.

К лету 1572 года Киносита (Хидэёси) Токитиро, активно работавший с вассалами Адзай в северной Оми, сумел

привлечь на свою сторону нескольких местных командиров, и Нобунага получил возможность предпринять новый поход против Адзай Нагамаса. Собрав 50-тысячную армию, он 19 июля вышел из Гифу. Его сопровождали все ближайшие полководцы — Сакума, Сибата, Киносита, Нива, Хатия. В походе принял участие и 15-летний сын Нобутада (1557–1582), для которого он должен был стать боевым крещением. В отличие от своего собственного боевого крещения, Нобунага взял сына на серьёзное мероприятие, ибо кампания против Адзай обещала быть трудной.

Подойдя к замку Одани, Нобунага построил в двух километрах от него укреплённый лагерь Торагодзэяма и начал готовиться к штурму. Адзай Нагамаса укрепил оборону и привычно обратился за помощью к Асакура Ёсикагэ. Задача союзника состояла в том, чтобы занять позицию недалеко от лагеря Нобунага и, когда он пойдёт на штурм Одани, нанести ему удар в спину. Этот манёвр назывался *годзэмэ* (атака с тыла) и считался важнейшим элементом оборонительной тактики. Без надежды на *годзэмэ* шансы окружённого гарнизона приближались к нулю.

Подкрепление от Асакура численностью 15 тысяч человек прибыло 28 июля. Домашний замок Адзай стоял на горе, а рядом с ним и чуть выше располагался вспомогательный форт Одзуку. Из него как на ладони был виден замок Одани и все подступы к нему, по которым бойцам Нобунага предстояло идти на штурм. Ввиду важности этого форта около 500 человек из отряда Асакура присоединились к его гарнизону, усилив таким образом его защиту. После всех этих манёвров вокруг замка Одани сложилась ситуация позиционного равновесия, при которой любой шаг одной из сторон ухудшал её положение; Нобунага имел численное преимущество, но не мог идти на штурм из опасения быть атакованным сзади, а его противники заняли оборону на господствующих высотах и тоже ничего не предпринимали.

Через 10 дней в лагере Асакура произошёл внутренний конфликт, и несколько командиров со своими людьми перешли на сторону Нобунага. Среди них были Мазба Ёсицугу с двумя взрослыми сыновьями, Тода Нагасигэ, Томита Яроку и Кэя Иносукэ. Численное преимущество Нобунага ещё больше возросло, но в тактическом плане ситуация оставалась прежней — ни одна из сторон не могла ничего предпринять, не ухудшив своего положения. Видя, что операция затягивается, Нобунага попробовал спровоцировать штаб Асакура на решающий бой. Отправив туда Хори Хидэмаса, он передал командующему операцией вызов на бой в оскорбительном тоне, но и этот выпад остался без ответа. Так же как и два года назад, во время противостояния в уезде Сига, штаб Асакура демонстрировал приверженность к выжидательной, оборонительной тактике с использованием защитных укреплений. Позиционное противостояние продолжалось ещё месяц, после чего стало понятно, что и на этот раз Нобунага не удастся переломить ситуацию. Шестнадцатого сентября он свернул операцию и вернулся в Гифу, оставив на месте Киносита Токитиро защищать форт Торагодзэяма. Второй поход против Адзай также закончился безрезультатно, если не считать перешедших на сторону Нобунага нескольких командиров Асакура и построенных вблизи замка Одани вспомогательных укреплений, которые могли пригодиться в будущем.

Конфликт с сёгуном

Всё это время до Нобунага доходила информация о том, что в столице не всё в порядке. Самые разные люди сообщали ему, что издаваемые сёгуном указы и принимаемые им решения вредят репутации власти и увеличивают

число недоброжелателей. В конце сентября 1572 года он отправил военному правителю письмо с длинным перечнем обвинений и упреков. Оно состояло из 17 параграфов, поэтому известно как «Порицание из 17 пунктов» (*Дзюнанакадзё икэнсё*). Судя по всему, Нобунага решил использовать этот документ не только в отношениях со своим подопечным, но и для публичной демонстрации своей приверженности к «справедливому правлению», поскольку текст «Порицаний» был разослан в несколько мест. Письмо Нобунага целиком воспроизводится в «Хронике Дзинкэн» (*Дзинкэнки*), получил его и Такэда Сингэн. Документ даёт некоторое представление о принципах управления, которыми руководствовался Нобунага, поэтому есть смысл привести его полностью.

1. Невзирая на мои неоднократные просьбы взять на себя заботу о благополучии императорского дома, поручение сие Вами не исполняется, что достойно сожаления.
2. Вы продолжаете отправлять в провинции письма с просьбами присылать Вам лошадей и амуницию. Сие также неблагоприятно. Я просил Вас обращаться ко мне при всякой надобности и обещал полное своё содействие, Вы же в нарушение своего слова продолжаете тайные сношения, что достойно порицания.
3. Горько мне оттого, что вассалы, что служат Вам преданно в правительстве, обойдены Вашими милостями, а люди новые и происхождения низкого пребывают в благополучии.
4. Огорчения мои множатся столичными слухами о несогласии между мною и Вами. Люди говорят, что Вы вывозите из города богатства и ценности.
5. Отняв часть земель у храма Камо, вы передали их Иванари Томомити²⁷, с коим поддерживаете негласные

²⁷ Один из «триумвиров Миёси», противник Нобунага.

контакты. Достойно ли сёгуна даровать милости подобным образом?

6. Негоже и то, что верные мне люди, пусть и ранга невысокого, терпят от Вас нужду и притеснения.
7. Кто служит Вам честно и преданно (Кандзэ, Ёсида, Уэно), не получают жалованья в достатке, дабы прокормить свои семьи. Просил я Вас умерить их слёзные жалобы и оказать содействие, но тщетно; каково теперь мне перед ними?
8. Рассудив жалобу Авая из провинции Вакаса, я согласился с его претензией и просил Вас удовлетворить её; сие также не исполнено.
9. Погибший из-за глупой ссоры Коидзуми оставил в присутственном месте меч, поясной кинжал и другие вещи. Присвоив их себе, Вы дали пищу слухам о жадности сёгуна. Пристало ли так поступать правителю?
10. Идя навстречу многим пожеланиям, просил Вас оказать содействие в просьбе к императору сменить девиз правления Гэнки, столь неудачный для нас. Но даже малых денег Вы на это не нашли, что глубоко прискорбно.
11. Что до взыскания, наложенного на Карасумару Мицуясу²⁸ и его сына Мицунобу, то гнев Ваш я могу понять. Однако же просил я Вас сменить его на милость и простить отца, но Вы взяли с него деньги и лишь потом простили.
12. Из разных мест шлют Вам подношения, Вы копите богатства, в то время как император нуждается. Как мне это понимать?
13. Акэти Мицухидэ сдал Вам собранный в столице земельный налог, но Вы его конфисковали, сказав, что земля принадлежит храму Энряку.

²⁸ Придворный аристократ пятого ранга.

14. В лето прошлого года Вы продали амбарный рис. Сие воистину диковинно — не доводилось мне доселе слышать, чтобы сам сёгун торговал. И помнить надобно: запасы риса вселяют мир в души горожан.
15. Вы расточительствуете с молодой прислугой в опочивальне, за это горожане зовут Вас «порченным правителем».
16. Глядя на Вас, и вассалы Ваши предаются стяжательству, что порождает слухи о скором бегстве сёгуна из столицы. Пристало ли правителю так себя вести?
17. Из-за безмерной Вашей жадности уже и крестьяне называют Ваш замок «нечестивым домом»; об этом также следует подумать.

Несмотря на вежливые обороты речи, содержание письма не оставляет сомнений — это выговор начальника нерадивому подчинённому. В «Порицаниях» серьезные обвинения в адрес сёгуна (невнимание к императорскому дому, пренебрежение репутацией правителя, жадность, несправедливость) чередуются с мелкими претензиями по конкретным делам. Вероятнее всего, 15-й сёгун правил не лучше и не хуже своих предшественников, но это совершенно не устраивало Нобунага. В этом смысле письмо говорит о его авторе не меньше, чем об адресате. Оно показывает, что Нобунага, у которого к тому времени сложились твёрдые принципы и представления о том, что должен и чего не должен делать правитель, в лице Ёсиаки столкнулся с совершенно другим типом характера, и этот тип его не устраивал. В силу влияния, которое имел сёгун, Нобунага в нём нуждался, но его ставленник оказался ниже тех задач, для которых был предназначен, и плюсы от его нахождения в должности нивелировались минусами правления, что доставляло Нобунага немало хлопот и огорче-

ний. Судя по тексту письма, наибольшее недовольство Нобунага вызывали корыстолюбие и недальновидность сёгуна. Долготерпение не входило в число достоинств Нобунага, и текст «Порицаний» показывает, что в момент его написания он не думал о последствиях. Зная дальнейший ход событий, некоторые историки приписывают Нобунага желание порвать с Ёсиаки отношения и объявить ему войну, но более вероятным кажется спонтанный, возможно, продиктованный неблагоприятной ситуацией выброс эмоциональной энергии.

Однако независимо от целей, которые преследовал Нобунага, составляя «Порицания», документ произвел на сёгуна тяжёлое впечатление и глубоко его оскорбил. Это был уже не тот молодой и неопытный Ёсиаки, который 4 года назад величал своего благодетеля «отцом». Он освоился во власти и понял преимущества своего положения, у него появились личные вассалы и определённый авторитет; многие крупные военачальники, в том числе Такэда Сингэн, присягнули ему на верность. Возможный разрыв с покровителем, который продолжал им командовать и делать выговоры, уже не представлялся сёгуну полной катастрофой. Он стал более самостоятельным и менее терпимым к постоянному контролю. Судя по всему, отношения с Нобунага перестали устраивать Ёсиаки задолго до «Порицаний», и это было известно многим. Например, Такэда Сингэн в письме к соратнику Мацунага Хисахидэ писал: «Сёгун глубоко оскорблён отношением Нобунага и намерен избавиться от него» (*Мусю бунсё*, Хроника Мусаси). Письмо было написано 12 мая 1571 года, и это значит, что Такэда Сингэн знал о недовольстве сёгуна отношениями с Нобунага почти за полтора года до появления «Порицаний».

Второй кризис

Через несколько дней после того, как сёгун ознакомился с «Порицаниями», Такэда Сингэн с 25-тысячной армией вышел из провинции Каи и двинулся на запад. Конечно, это не более чем временное совпадение — понятно, что решение о походе было принято гораздо раньше. Он начался 3 октября 1572 года. Конечная цель похода не была объявлена, но это вполне мог быть столичный район, где разворачивались основные события. Не вызывало сомнений, что поход направлен против Нобунага, до недавнего времени состоявшего в союзе с Такэда.

До 1571 года их отношения носили вполне дружеский характер. Нобунага начал переписываться с «тигром из Каи» ещё в молодые годы, когда воевал с родственниками за провинцию Овари. Тогда и чуть позднее, во время противостояния с Имагава, он искал расположения Такэда Сингэн и писал ему подчёркнуто почтительные письма. По мере усиления Нобунага хозяин провинции Каи стал проявлять больше заинтересованности в сближении. Процесс завершился установлением в 1565 году военного союза и браком племянницы Нобунага со старшим сыном главы дома Такэда. Однако через два года племянница умерла во время родов, и кланы Ода и Такэда для поддержания отношений договорились о помолвке Нобутада, старшего сына Нобунага, с Мацухимэ, одной из младших дочерей Сингэн. Военный союз удалось сохранить, и после успешного похода Нобунага на столицу отношения партнёров стали равноправными. Сингэн тоже использовал союз с Нобунага в своих целях, победив в 1568 году соседний клан Имагава и поделив его земли с Токугава Иэясу.

Первая серьёзная трещина в их отношениях появилась после разгрома храма Энряку в сентябре 1571 года. Убеждённый буддист Такэда Сингэн решительно осудил уничтожение святыни и вступил в переписку с против-

никами Нобунага, а через полгода получил письмо от Коса Кэннэ, в котором тот прямо призвал его выступить против узурпатора и обидчика буддийского духовенства. Вероятнее всего, это письмо было не единственным. Кроме буддийского учения Такэда Сингэн и Коса Кэннэ были связаны и родственными отношениями — они были женаты на родных сёстрах. Нобунага об этом знал и после выступления Кэннэ попытался сохранить союз со своим восточным партнёром, написав ему, что вместе с сёгуном продолжает усилия, направленные на примирение домов Такэда и Уэсуги, о чём его ранее просил Сингэн. Однако ответа уже не получил — Такэда сделал свой выбор и присоединился к противникам Нобунага.

Его первой целью стали провинции Тотоми и Микава, владения Токугава Иэясу. Ещё недавно они действовали сообща, с двух сторон напав на Имагава Удзидзанэ и вынудив его бросить всё и бежать к своему родственнику Ходзэ. Однако теперь ситуация изменилась, и они стали противниками. В случае победы над Токугава Такэда Сингэн выходил на границу владений Нобунага.

Такэда Сингэн
(фрагмент гравюры)

Боевые действия в провинции Тотоми начались взятием нескольких фортов, в том числе стратегически важного Футамата. Многие местные командиры, имевшие союзные отношения с Токугава, сразу перешли на сторону Такэда, а его передовой отряд под командованием Акияма Нобутомо вошёл в провинцию Мино и захва-

тил форт Ивamura. Не потерпев ни одной неудачи, Такэда Сингэн укрепился на землях Токугава и создал хороший плацдарм для дальнейшего движения на запад.

Имевшиеся в распоряжении Токугава ресурсы не позволяли ему оказать полноценного сопротивления вторжению такого масштаба — численность всех его вассалов и союзников в двух провинциях не превышала 10 тысяч человек, поэтому он обратился к Нобунага за помощью и получил от него подкрепление в виде 3-тысячного отряда под командованием Сакума Нобумори, Хиратэ Хирохидэ и Мидзуно Нобумото. Нобунага посоветовал ему отступить с основными силами на запад и занять оборону в замке Окадзаки. Такэда начал кампанию в неурочное время, накануне зимы, и приближающиеся холода ставили его в довольно жёсткие временные рамки. Но Иэясу счёл для себя унижительным отступать перед лицом противника из своего главного замка и не принял совет. С восемью тысячами собственных воинов и тремя тысячами подкрепления он решил дать бой Такэда в восточной части своих владений. Уступая противнику в численности, он избрал защитную тактику — занял оборону в замке Хамамацу и укрепил окружавшие его вспомогательные форты.

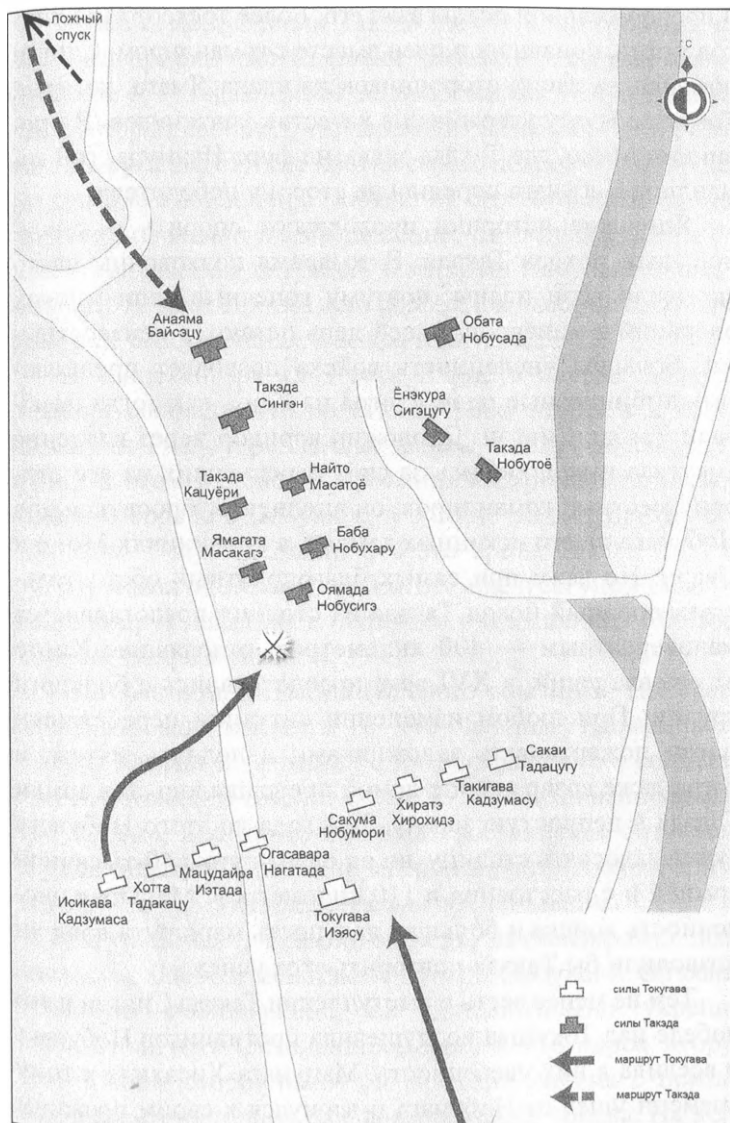
Такэда Сингэн был на 20 лет старше Токугава Иэясу и гораздо опытнее в военных делах, поэтому подготовил обманный манёвр. Приказав провести рекогносцировку местности, он с основными силами встал лагерем неподалёку от замка Хамамацу, всем видом показывая, что готовится к штурму. Однако утром 22 декабря он резко изменил план: походным маршем демонстративно прошёл мимо Хамамацу и стал удаляться на север. Это было неожиданно и непонятно, потому что противоречило одному из главных тактических правил — на марше не подставлять противнику спину. Отследив движение Такэда и убедившись, что он не оставил в тылу засаду, Иэясу после некоторых колебаний решился выйти из замка и начать

преследование. Это было рискованно, но пропустить противника без боя он тоже не мог. Во-первых, в этом случае Сингэн выходил к домашним провинциям Нобунага, что ставило под вопрос надёжность Токугава как союзника. И во-вторых, пассивность на своей территории подрывала воинскую репутацию Иэясу — вассалы следили за его решениями и оценивали их.

Армия Такэда продолжала походным маршем уходить на север. Поднявшись на широкое плато Микатагахара, она пересекла его и начала спуск на противоположной стороне. Иэясу шёл по тому же маршруту. Дойдя до противоположного края плато, он лицом к лицу столкнулся с армией Такэда, выстроившейся в боевой порядок. Его обманный манёвр удался, и Токугава пришлось принимать бой на открытом пространстве, к которому стремился Такэда, имевший более чем двукратное превосходство в силах. На плато Микатагахара Токугава Иэясу потерпел сокрушительное поражение и остался в живых лишь благодаря тому, что Сингэн не стал штурмовать замок Хамамацу, куда бежал Иэясу. В письме своим сторонникам Сингэн сообщал, что в тот день Токугава потерял больше тысячи человек убитыми.

Подкрепление, присланное Нобунага, не спасло ситуацию, а его командиры никак себя не проявили. Мидзуно Нобумото со своим отрядом бежал с поля боя в самом его начале и укрылся в замке Окадзаки, так что впоследствии его даже подозревали в сговоре с противником. Сакума Нобумори в этом не подозревали, но и он тоже ничем себя не зарекомендовал. Третий командир, Хиратэ Хирохидэ, погиб во время общего отступления, преследуемый конницей Такэда.

Разгромив Токугава, Такэда Сингэн остался в провинции Тотоми и встретил Новый год в форте Осакабэ, а затем возобновил боевые действия. В январе 1573 года он окружил форт Нода в центральной части провинции Микава

Бой на плато Микатагахара

и после месячной осады взял его. Более трёхсот защитников форта, попавших в плен вместе с командиром, Сингэн обменял на своих сторонников из клана Ямага, которых Токугава Иэясу удерживал в качестве заложников. В провинции Мино, где Такэда захватил форт Ивамура, три командира Нобунага перешли на сторону победителя.

Японские историки продолжают спорить о конечной цели похода Такэда. В то время полководцы часто скрывали свои планы, поэтому конечные цели многих операций и манёвров по сей день остаются неизвестными. Большая численность войска позволяет предполагать амбициозные цели «тигра из Каи», как тогда называли Такэда Сингэн. Проложив коридор через владения Токугава и усилившись за счёт перешедших на его сторону местных командиров, он вполне мог бросить вызов Нобунага на его исконных землях, в провинциях Мино и Овари. Но даже при самых благоприятных обстоятельствах военный поход Такэда на столицу представляется маловероятным — 400 километров, отделявшие Киото от его владений, в XVI веке преодолевались с большим трудом. При любом изменении ситуации перебежчики могли пожертвовать заложниками и поднять мятеж, и тогда даже возвращение домой превращалось для армии Такэда в непростую задачу. За 4 года до этого Нобунага сумел завоевать столицу, но он сделал это с 40-тысячной армией и с расстояния в 110 километров. Меньшая численность войска и большая дальность маршрута вряд ли позволили бы Такэда повторить этот успех.

Тем не менее весть о выступлении Такэда Сингэн и его победе над Токугава воодушевила противников Нобунага и вселила в них уверенность. Мацунага Хисахидэ к тому времени ушёл от Нобунага и вернулся к своим прежним союзникам, триумвирам Миёси. В своём дневнике он писал, что уже недалёк тот день, когда Нобунага будет изгнан из столицы.

Узнав о выступлении Такэда Сингэн и его победах на востоке, принял окончательное решение и сёгун Ёсиаки. В январе 1573 года он разослал противникам Нобунага письма, в которых сообщал, что переходит на их сторону и с оружием в руках выступает против своего покровителя. Общее ухудшение отношений с Нобунага и его «Порицания», безусловно, повлияли на это решение, но главным фактором стала критическая ситуация, в которую Нобунага попал в конце 1572 года. Против него снова сложилась целая коалиция, ещё более мощная, чем два года назад.

В конце января 1573 года Кэннэ в письме Асакура Ёсикагэ сообщал, что повстанцы Икко построили неподалёку от Гифу укреплённые форты и ведут боевые действия в этом районе. В провинции Оми они помогают Адзай в борьбе с Нобунага, а в Эттю воюют против его союзника Уэсуги Кэнсин. Всё это время Такэда Сингэн поддерживал постоянную связь с Кэннэ и сёгуном Ёсиаки, координируя действия повстанцев в провинциях Микава, Тотоми, Овари и Мино.

Потеряв в лице Такэда сильного союзника, Нобунага активизировал контакты с его давним противником Уэсуги Кэнсин и заключил с ним соглашение о совместных действиях. В течение осени 1572 года он написал ему три письма, в которых изложил своё видение ситуации, осудил действия Сингэн и заверил нового союзника, что никогда не простит клану Такэда предательства.

Сёгун Ёсиаки, в свою очередь, активизировал подготовку к боевым действиям против Нобунага. Объявив трудовую мобилизацию, он дополнительно укрепил свою столичную резиденцию, завёз в неё порох и оружие. Своим сторонникам он разослал письма с призывом явиться в столицу для формирования войска. На него откликнулись Икэда Томомаса и Сиокава Нагамицу из провинции Сэццу, Найто Дзёан и Уцу Ёрисигэ из Тамба. Общая численность сторонников сёгуна достигла 5 тысяч

человек. В район разрушенного храма Энряку Ёсиаки отправил своих людей для постройки укреплений, и вскоре там началось строительство фортов Исияма и Имакатата. Гарнизон для их защиты предполагалось набрать из вассалов Адзай Нагамаса, сторонников храма Энряку и повстанцев Икко в провинции Оми. Всё это происходило в конце января — начале февраля 1573 года.

Узнав о военных приготовлениях Ёсиаки, Нобунага попытался с ним договориться и отправил в столицу своего посланника. Несмотря на жёсткую критику сёгуна, полный разрыв отношений не входил в его планы. Чтобы удержать Ёсиаки от активных действий, Нобунага задействовал и военную силу, и дипломатию. В конце февраля он отправил отряды Сибата Кацуиэ, Акэти Мицухидэ, Нива Нагахидэ и Хатия Ёритака с заданием разрушить форты Исияма и Имакатата. Бои за Исияма начались 24 февраля и продолжались три дня; форт Имакатата был взят 29 февраля за один день. Столь быстрый успех объяснялся тем, что укрепления не успели достроить, а ожидаемое пополнение от Адзай и повстанцев к ним так и не подошло. Потеряв 500 человек убитыми и более тысячи ранеными, люди сёгуна сдали укрепления, которые были тут же сожжены. Таким образом, план Ёсиаки по созданию укреплённого района в уезде Сига был сорван.

Сразу после этого Нобунага отправил к сёгуну своего представителя с предложением прекратить противостояние и заключить мир, приняв в заложницы дочь Нобунага. Судя по всему, он был уверен, что Ёсиаки согласится, потому что в адресованном Хосокава Фудзитака письме от 23 февраля писал: «Сёгун выступил против меня, и мы обсудили ситуацию. Думаю, что решение будет найдено. [Я] отправил к нему Бан Наомаса²⁹, чтобы сообщить свои соображения, и получил от Ёсиаки ответы, со многими

²⁹ Один из вассалов Нобунага.

из которых согласен. ...[Я] отправил [к нему своего] заложника. Благодаря этому беспорядки в столице утихли, надеюсь, что сёгун тоже переменит своё отношение» (Танигути, 2013). Однако Ёсиаки «своего отношения не переменял», и к нему была отправлена ещё одна делегация во главе с Мураи Садакацу. Но и она не добилась результата. Февраль подходил к концу, и сёгун надеялся, что скоро в столичном районе появится Такэда Сингэн, поэтому не видел смысла в том, чтобы договариваться с Нобунага. Поняв, что дипломатия не действует, Нобунага начал готовиться к силовой операции.

Тем временем на востоке ситуация резко изменилась. Взятие форта Нода в провинции Микава и форта Ивамура в провинции Мино стали последними успехами Такэда Сингэн. После этого у него обострилась застарелая болезнь, и состояние полководца стало быстро ухудшаться. Военный совет принял решение прервать операцию и возвращаться домой. Такэда Сингэн умер 12 апреля в пути, в замке Комамба (провинция Синано), на 53-м году жизни. Причиной смерти стало внутреннее кровотечение в органах дыхания, вызванное либо старым ранением, либо онкологическим заболеванием. Последние дни именитого полководца были омрачены тревогой за судьбу клана, остававшегося в окружении враждебных соседей Уэсуги, Ходзё, Ода и Токугава. Как выяснилось позднее, опасения были не напрасны. Сингэн завещал хранить свою смерть в тайне три года и заготовил для этого 800 чистых листов бумаги, заверенных его личной печатью. В течение нескольких месяцев после смерти главы клана на них издавались его указы. Одно из таких посмертных распоряжений, датированное июнем 1573 года, хранится сегодня в семейном музее Такэда. Унаследовавший пост главы дома Такэда Кацуёри выполнил завещание отца — официальная панихида по нему действительно состоялась тремя годами позднее, в апреле 1576 года.

Такэда Сингэн. Портрет

Такэда Сингэн оставил заметный след в японской истории. В молодости он завоевал сердца своих вассалов нестандартным для той эпохи способом — вниманием и заботой о людях. Его отец, отличавшийся крутым нравом, пробовал силой навести порядок среди своих подчинённых, постоянно выяснявших между собой отношения, но проиграл

и в 1541 году был изгнан из дома. Молодой наследник, занявший место отца, извлёк для себя урок и пошёл другим путём — в 21 год он принял буддийский сан, сменил светское имя Харунобу на монашеское Сингэн и, выполняя заветы Будды, начал творить добро. За несколько лет построил в провинции лечебницы на горячих источниках, чтобы его воины могли быстрее залечивать раны. Сегодня около двадцати источников в префектурах Нагано и Яманаси (бывшая провинция Каи) входят в число самых известных в Японии, и их посетители знают, когда и кем они были построены. Сингэн договаривался с храмами о снижении сумм пожертвований для своих вассалов и исто-во, по несколько раз в день молился о спасении их жизней на поле боя. О его молитвенном усердии ходили легенды: за некоторых своих командиров он молился до ста раз. И вскоре репутация молодого главы клана начала работать на него — местные предводители, с которыми не мог справиться его отец, один за другим начали переходить к нему на службу. Вскоре вокруг него сложилась группа, известная как «двадцать четыре командира Такэда» (*Такэда нидзюёнсё*), с которыми Сингэн прошёл через

Памятник Такэда Сингэн

крупнейшие сражения. Слухи о популярности хозяина провинции Каи распространились далеко за пределами его владений. К столетию со дня его смерти потомки васалов дома Такэда организовали сбор средств на памятник великому полководцу. В семейном музее хранится список тех, кто сдал деньги, — в нём 592 фамилии, и это кое о чём говорит.

Ликвидация сёгуната

Какое-то время смерть Такэда Сингэн удавалось скрывать. Ни союзники, ни противники не могли понять, почему его армия, так удачно начавшая свой поход, на полпути повернула обратно. Вероятно, Нобунага получил какую-то информацию раньше своих противников, потому что его союзник Токугава почти сразу после смерти Сингэн начал боевые действия на подконтрольных ему территориях. А если что-то знал Токугава, то знал и Нобунага.

Впрочем, военную операцию против сёгуна он начал ещё до смерти Такэда Сингэн. С 10-тысячным отрядом Нобунага вышел из Гифу 25 марта и направился к столице. Через 4 дня были на месте. Город полнился противоречивыми слухами. Одни говорили, что Такэда Сингэн вот-вот войдёт в Киото с огромным войском и власть Нобунага на этом закончится. Другие утверждали, что с войском придёт не Сингэн, а Нобунага, и тогда в тыл ему ударит Асакура Ёсикагэ. Третьи убеждали, что воевать в столице никто не будет, потому что здесь император, так что волноваться нечего. Однако 27 марта гонцы принесли весть, что Нобунага действительно уже на полпути к Киото, и в городе началась паника, многие жители из него бежали.

Двадцать девятого марта Нобунага подошёл к столице и встал лагерем на её окраине. Разместившись в храме Тионъин, он отправил к сёгуну своих посланцев и в последний раз предложил помириться. Ёсиаки занял оборону в замке Нидзэ и на следующий день ответил тем, что приказал сжечь усадьбу Мураи Садакацу, столичного наместника и близкого соратника Нобунага.

В конфликте с сёгуном важное значение имела позиция военачальников, занимавших важные посты в *бакуфу*, поэтому Нобунага первым делом постарался привлечь их на свою сторону. На следующий день в его ставку прибыл близкий соратник сёгуна Хосокава Фудзитака (1534–1610) и Араки Мурасигэ (1535–1586), крупный военачальник из провинции Сэццу. Оба дали Нобунага присягу верности и получили от него по мечу в подарок. За счёт новых союзников войско Нобунага увеличилось ещё на 5 тысяч человек. Перед началом боевых действий его представитель посетил императора, передал ему денежное пожертвование и от имени Нобунага заверил, что покой его дома не будет нарушен.

В дневнике приближённого ко двору синтоистского священника Ёсида Канэми (1535–1610) есть запись о

том, что 1 апреля Нобунага пригласил его к себе и расспросил, что думают о правлении 15-го сёгуна император, аристократия и столичные жители. Канэми ответил, что репутация у сёгуна плохая и многие им недовольны. Этот ответ, казалось, удовлетворил Нобунага (*Канэми кёки*). Отмеченный в дневнике эпизод говорит о стремлении Нобунага ещё раз убедиться в том, что он поступает правильно, применяя военную силу против законного правителя. Эти сомнения были не напрасны. Забегая вперёд, скажем, что конфликт с сёгуном действительно осложнил положение Нобунага и оттолкнул от него многих союзников. В столичном районе так поступили Мацунага Хисахидэ, Миёси Ёсицугу и некоторые другие военачальники. Перейдя в лагерь Ёсиаки, они повернули оружие против Нобунага.

Накануне операции жители столицы собрали деньги и через квартальных старост передали их Нобунага с просьбой пощадить их дома. По одним сведениям, Нобунага эти деньги взял, по другим — отказался, но судьба Верхнего и Нижнего города, двух частей Киото, сложилась по-разному. Нижний город, где жили в основном простые сословия, он не тронул, а Верхний приказал сжечь. Состоятельные купцы и влиятельные горожане, населявшие эту часть столицы, за три с половиной года правления Ёсиаки установили тесные контакты с чиновниками *бакуфу* и во всём поддерживали сёгуна, так что рассчитывать на их поддержку Нобунага не приходилось.

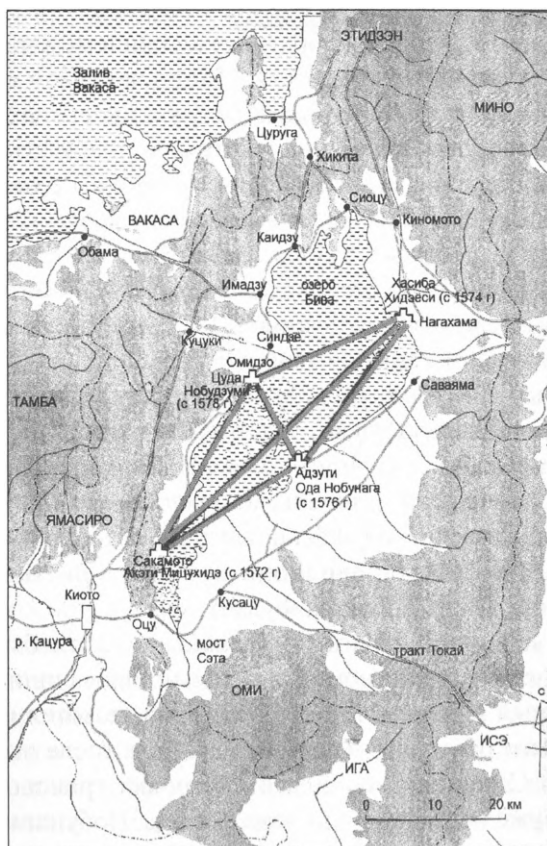
Второго апреля 1573 года Верхний город был подожжён одновременно с четырёх сторон. За два дня пожаров в нём было уничтожено от 6 до 7 тысяч домов. Раздуваемый ветром огонь распространился на пригороды столицы, в них сгорело ещё 50 деревень. Были сожжены и разграблены храмы, святилища, убито множество жителей. Грабили не только солдаты Нобунага, но и городские мародёры — у всех подряд отнимали деньги, ценности,

одежду, чайные принадлежности, всё, что можно продать. Пойманных жителей пытали, заставляя признаваться в связях с сёгуном и его окружением, а затем убивали. В записях Луиса Фройса говорится о мучениях, которым подвергали и буддийских, и синтоистских священников. В этой вакханалии в Верхнем городе нетронутым остался лишь императорский дворец, за безопасностью которого Нобунага следил лично.

Разорив Верхний город, он снова послал к сёгуну делегацию с предложением заключить мир и снова получил отказ. Четвёртого апреля замок Нидзё был окружён, рядом с ним началось строительство осадного лагеря. Это подействовало, и Ёсиаки согласился на переговоры. По поручению императора посредником выступила группа аристократов во главе с регентом Нидзё Харуёси. Мирное соглашение было подписано 7 апреля, и на следующий день Нобунага, не удостоив сёгуна личной встречи, покинул столицу. По пути домой он разрушил форт Намадзуэ в провинции Оми, принадлежавший вассалу его давнего недруга Роккаку Дзётэй, и сжёг буддийский храм Хякусай, который оказывал ему поддержку. Вынужденный подписать мирное соглашение сёгун Ёсиаки не рассчитывал, что оно продлится долго, и ещё какое-то время продолжал надеяться на помощь Такэда Сингэн и писал ему письма.

Участившиеся поездки Нобунага в столицу заставили его подумать о том, как сократить время на переезды. На дорогу от Гифу до Киото даже у всадника уходило два дня с ночевкой, поскольку приходилось огибать озеро Бива с юго-восточной стороны. Водный путь через озеро мог намного сократить это время, и Нобунага распорядился построить большое транспортное судно. На работу ушло полтора месяца. Пятого июля судно длиной 54 метра и шириной 13 метров, рассчитанное на 100 гребцов, было спущено на воду в Саваяма. Гигантский по тем временам транспорт, поражавший размерами современников, мог

взять на борт до 5 тысяч человек, в то время как самые большие из существовавших судов вмещали не более 60 человек. Идея водного пути в столицу не в последнюю очередь объяснялась тем, что побережье озера Бива полностью перешло под контроль Нобунага и стало безопасным — выходившие к озеру земли были розданы его родственникам и ближайшим вассалам.

Военно-транспортная инфраструктура
Нобунага на озере Бива

В отличие от Нобунага сёгун Ёсиаки, несмотря на мирное соглашение, не чувствовал себя в безопасности. Через неделю он вызвал к себе чиновника *бакуфу* по имени Найто Дзёан и объявил, что хочет перебраться из столицы в более надёжное место. Соратнику с большим трудом удалось отговорить сёгуна от этой затеи — бегство из столицы могло окончательно подорвать его репутацию и ослабить единство противников Нобунага. Скрепя сердце, Ёсиаки согласился с доводами подчинённого.

В июне 1573 года он обратился к крупному западному *даймё* Киккава Мотохару (1530–1586) с просьбой выслать большую партию риса, что может служить косвенным признаком подготовки к боевым действиям. Документальных свидетельств намерений сёгуна в это время не осталось, но события июля того же года дают основания предполагать, что возвращаться к союзу с Нобунага он не собирался. Соблюдая условия мирного договора и демонстрируя готовность следовать указаниям Нобунага, сёгун в то же время готовился к продолжению борьбы.

В начале июля он всё-таки выполнил своё намерение и покинул столицу, укрывшись в замке Макиносима, расположенном на юге провинции Ямасиро. Его сопровождали 3,5 тысячи вассалов. Это означало конец перемирия и начало боевых действий. Распорядителем столичной резиденции Ёсиаки он оставил чиновника *бакуфу* Мицубути Фудзихидэ, брата Хосокава Фудзитака.

Все усилия Нобунага по сохранению хотя бы видимости согласия с сёгуном окончательно провалились. Его подопечный ему не доверял, опасался и не хотел иметь с ним ничего общего. Ровно через два дня после этого демарша в Саваяма закончилась постройка транспортного судна, и уже на следующий день, 6 июля, Нобунага погрузился на него и впервые отправился в столицу водным путём. Высадившись на противоположном берегу, он через принадлежавший Акэти Мицухидэ замок Сакамото при-

был в Киото 7 июля. Никогда ещё 5-тысячный отряд не добирался от Гифу до Киото так быстро — за два дня. Уже через три дня после отъезда сёгуна из столицы, о котором все много говорили, замок Нидзё был взят в кольцо, и эта оперативность не могла не произвести впечатления

на горожан. Помня о печальных событиях трёхмесячной давности, Мицубути Фудзихидэ сдал сёгунскую резиденцию без сопротивления.

Дождавшись остальных своих полководцев, Нобунага с 70-тысячной армией двинулся к замку Макиносима, где укрылся сёгун. Ёсиаки выслал навстречу вооружённый отряд, но он был разбит силами двух командиров, Сакума Нобумори и Хатия Ёритака. Большая часть войска Нобунага прибыла к Макиносима 16 июля и начала подготовку к штурму. Он начался рано утром 18 июля и продолжался весь день. К вечеру Ёсиаки прекратил сопротивление и сдался, отправив в качестве заложника своего приёмного сына по имени Гидзин, которому едва исполнился год. Нобунага сохранил мятежному сёгуну жизнь, заявив, что хочет «ответить милостью на злонамеренность» (*урами ни он дэ мукуиру*). Он, конечно, понимал, что после всего случившегося Ёсиаки уже никогда и ни в чём его не поддержит, но из двух зол приходилось выбирать меньшее — убийство законного правителя, назначенного императорским указом, превратило бы Нобунага в заурядного мятежника, рвущегося к власти.

Военный транспорт Нобунага
(макет)

Двадцатого июля 1573 года сёгунат Асикага как орган государственного управления прекратил своё существование, а вместе с ним закончился и 237-летний период правления сёгунов Асикага, известный как эпоха Муромати. Последний, 15-й сёгун Асикага Ёсиаки после изгнания формально сохранил свой титул и прожил ещё 26 лет, но уже без каких-либо властных полномочий. Высшую воинскую должность он занимал 4 года и 9 месяцев. Последнего сёгуна Асикага силой оружия привёл к власти Ода Нобунага, этим же оружием он его и изгнал. Ёсиаки навсегда остался врагом своего бывшего покровителя и ещё около десяти лет занимался организацией сопротивления, рассылая письма крупным военачальникам. Из Макиносима он был под конвоем отправлен к своему родственнику Миёси Ёсицугу в провинцию Кавати, где провёл следующие 4 месяца. В ноябре того же года он перебрался в провинцию Кию, а затем — в западную провинцию Бинго, под защиту Мори Тэрумото.

Первое, что сделал Нобунага после возвращения в столицу, — попросил императора сменить эпоху и девиз правления. С изгнанием 15-го сёгуна закончилась введённая по его инициативе эпоха Гэнки, которая принесла Нобунага много трудностей и разочарований. Длившийся почти пять лет период двоевластия также подошёл к концу — теперь Нобунага стал единовластным хозяином в столице, и это следовало отразить в календаре. Император удовлетворил его просьбу и издал указ, в соответствии с которым 1573 год был объявлен первым годом эпохи Тэнсё (буквально «небесная справедливость»). Она продлилась 9 лет и закончилась в 1582 году со смертью Нобунага.

Долгожданная победа

Закончив дела в столице, Нобунага 4 августа вернулся к себе в Гифу. За последние полгода военно-политическое соотношение сил изменилось в его пользу, и противники это сразу почувствовали. Работа Киносита Токитиро с местными командирами в северной Оми дала результат — несколько вассалов и союзников дома Адзай перешли на сторону Нобунага. Восьмого августа к ним присоединился Ацудзи Садаюки, владения которого располагались совсем рядом с замком Одани. Это был шанс: Нобунага получил возможность пройти по северному тракту, связывающему Оми с провинцией Этидзэн, и, заняв на нём позицию, отсечь Адзай от подкрепления Асакура. Через 4 дня после этого сообщения Нобунага отправился в поход с 30-тысячной армией. Все главные его полководцы — Сакума Нобумори, Сибата Кацуизэ, Такигава Кадзумасу, Киносита (Хидэёси) Токитиро, Нива Нагахидэ, Хатия Ёритака — были с ним.

Адзай Нагамаса начал подготовку к обороне. Казнив 10-летнего заложника дома Ацудзи, он отправил гонца к Асакура с просьбой зайти в тыл Нобунага. Союзник оперативно откликнулся и с 20-тысячным отрядом вышел на помощь. Ота Гюити в своей хронике записал: «всего с 20 тысячами». Дело в том, что сначала глава клана Асакура хотел отправить в Оми своего племянника Кагэакира, но тот сказался больным, и ему пришлось идти самому. От участия в походе отказался также один из ключевых вассалов Уодзуми Кагэтака, а вместе с ним и подчинённые ему командиры. Разлад в лагере Асакура был вызван рядом сомнительных решений, которые глава дома принимал в последнее время, поэтому ему пришлось идти на выручку союзнику в неполном составе.

Асакура Ёсикагэ хорошо помнил прошлогоднюю ситуацию, когда умело выбранная им позиция на двух го-

сподствующих высотах лишила Нобунага свободы манёвра и вынудила уйти ни с чем. На этот раз полевая ставка Асакура и основные силы расположились в лесу, в местечке Киномото, а два небольших отряда, как в прошлом году, заняли высокогорный форт Одзуку, из которого просматривались все манёвры Нобунага, и прикрывавший к нему подступы форт Ёнояма. Расположившись позади Нобунага, Ёсикагэ приготовился атаковать его в спину, если он пойдёт на штурм замка Одани.

Лагерь Нобунага находился южнее, между Одани и позицией Асакура. Однако на этот раз он действовал не так, как в прошлом году. Вечером 12 августа начался сильный дождь с ветром, и Нобунага, взяв с собой только личную гвардию, пошёл на штурм форта Одзуку, который защищали около 500 человек. Это немного напоминало ситуацию 19 мая 1560 года, когда он с небольшими силами неожиданно атаковал ставку Имагава Ёсимото. Своего старшего сына Нобутада он на штурм не взял, поручив ему охрану укрепленного лагеря Торагодзэяма.

Не ожидавшие нападения во время тайфуна защитники форта Одзуку были застигнуты врасплох и не смогли оказать сопротивления. Захватив форт и множество пленных, Нобунага на месте принял ещё одно неожиданное решение — сохранил всем жизнь и отпустил к своим. Одновременно с этим он под прикрытием непогоды отправил другой отряд штурмовать второй вспомогательный форт Ёнояма. Он был взят так же стремительно той же ночью. И здесь всех пленных по приказу Нобунага отпустили живыми.

Оба штурма были проведены скрытно в ночных условиях и не были обнаружены наблюдателями Асакура, что позволило Нобунага избежать атаки с тыла. А после захвата вспомогательных фортов нужда в сокрытии манёвров отпала; наоборот, следовало максимально деморализовать противника сообщением о потере сразу

двух укреплений за одну ночь в надежде на то, что он дрогнет. Основные силы Асакура стояли примерно в пяти километрах, и какое-то время там могли не знать о падении фортов, поэтому противника нужно было как можно быстрее информировать о поражении. Потеряв Одзуку и Ёнояма, силы Асакура оставались на открытом пространстве без единого укрепления, и Нобунага рассчитывал, что это вынудит главу клана срочно сменить позицию и отойти на более безопасное расстояние. Он воевал с Асакура Ёсикагэ уже четвёртый год и кое-что о нём узнал. За год до этого, когда они несколько недель стояли здесь друг против друга, Нобунага так и не удалось спровоцировать Ёсикагэ на решающий бой — его противник проявил редкую выдержку и осторожность. В тот раз ему это помогло, но если эти качества возобладают и сейчас, то Нобунага получит возможность нанести ему удар в спину на марше. Отпустив пленных, он приказал своим командирам максимально усилить дозоры — не спускать глаз с лагеря Асакура и быть в полной боевой готовности, чтобы выступить сразу, как только противник начнёт передислокацию.

Его расчёт полностью оправдался. Асакура Ёсикагэ действительно был осторожным и предусмотрительным полководцем, лихая атака и бурный натиск не входили в число его тактических приоритетов. Кроме того, среди командиров Асакура и до этого не было полного единства, а известие о потере двух фортов за одну ночь ещё больше их разобщило и посеяло сомнения в успехе операции. Некоторые не самые близкие союзники Асакура сначала перестали выполнять приказы главнокомандующего, а затем и вовсе перешли на сторону Нобунага. Но это произошло чуть позже, в последующие два дня.

Асакура Ёсикагэ узнал о падении фортов Одзуку и Ёнояма рано утром 13 августа и, как предполагал Нобунага, сразу же отдал приказ сменить позицию и

отойти. Вечером 13 августа под прикрытием темноты его армия снялась с места и двинулась на север по главному тракту. Было ли это простой передислокацией сил или возвращением домой — не известно. Дозорные Нобунага, которым было приказано следить за движением факелов в лагере Асакура, момент отступления пропустили, и Нобунага узнал о нём с большим опозданием. Отдав приказ начать преследование, он в типичной для себя манере не стал ждать своих полководцев и бросился в погоню с личной гвардией. Вслед за ним снялись с места и основные силы. Они нагнали главнокомандующего через несколько километров, у горы Дзидзан, где был сделан короткий привал.

Собрав старших командиров, Нобунага устроил им разнос за то, что упустили момент отхода противника. Сибата Кацуиэ, Киносита Токитиро, Нива Нагахидэ и другие командиры слушали его брань молча, и лишь Сакума Нобумори осмелился возразить: «Вы хоть и ругаетесь, но командиров лучше, чем мы, у вас всё равно никого нет...» Реплика вывела Нобунага из себя: «Это ты, что ли, лучший? Ты ещё и гордиться собой вздумал?» По-видимому, возражение допустившего оплошность подчинённого по настоящему взбесило Нобунага, потому что через семь лет, когда он разжалует Сакума Нобумори и отправит его в пожизненную ссылку, в приказе наряду с другими преступлениями он припомнит ему и этот эпизод.

Нобунага нагнал отступавшего Асакура примерно в 8 километрах от Киномото, у перевала Тонэдзака. Здесь произошло самое кровопролитное сражение этого похода, в котором погибли пятеро родственников Асакура Ёсикагэ и большинство его старших командиров. Позднее Нобунага писал о трёх тысячах взятых голов, его сын Нобутада — о двух, но с учётом обычая преувеличивать свои достижения можно предполагать, что реальные потери Асакура составили от одной до двух тысяч человек.

В бою у перевала Тонэдзака на стороне Асакура сражался и Сайто Тацуоки, давний противник Нобунага из провинции Мино. Он тоже погиб, как и многие другие командиры. Сам Ёсикагэ остался в живых и бежал в форт Хикита. Когда 15 августа он добрался до своего домашнего замка Итидзёдани, его сопровождали лишь 10 человек из ближайшего

*Бегство Асакура
и бой при Тонэдзака*

окружения, остальные разбежались по дороге. Весть о поражении опередила главу клана, и оставленный для защиты домашнего замка гарнизон тоже рассеялся. Ёсикагэ хотел на месте покончить с собой, но ближайшие родственники уговорили его попробовать набрать войско из повстанцев Икко, которых в провинции Этидзэн было очень много. На следующий день Ёсикагэ по совету своего племянника Кагэакира перебрался в расположенный рядом храм Тоун. Племянник договорился с вооруженным отрядом храма о совместных действиях против Нобунага, но на следующий день монахи перешли на сторону победителя и напали на самого Ёсикагэ; главе клана пришлось бежать в соседний храм Кэнсё. Поняв, что всё кончено и пора спастись самому, племянник связался с Нобунага и 20 августа с двумя сотнями подчинённых атаковал последнее убежище родного дяди. Преданный всеми, Ёсикагэ покончил жизнь самоубийством.

Глава дома Асакура в одиннадцатом поколении умер на 41-м году жизни, положив конец воинской династии,

более ста лет правившей провинцией Этидзэн (современные префектуры Исикава и Фукуи). Его мать, жена и трое детей также были убиты. Племянник Кагэакира отвёз голову дяди в ставку Нобунага и присягнул ему на верность. Его примеру последовали и другие оставшиеся в живых вассалы Асакура. Нобунага приказал отправить голову Ёсикагэ в Киото и выставить на всеобщее обозрение.

Штурмовать замок Итидзёдани было поручено Сибата Кацуиэ. Жители приамковского города побросали в колодцы всё ценное, что не могли унести, и бежали в окрестные леса ещё до его прихода, а многие домочадцы и прислуга Асакура покончили с собой, бросившись в те же колодцы. Пожары в городе продолжались трое суток.

На разгром 20-тысячной армии Асакура ушла неделя. Завершив операцию, Нобунага вернулся к замку Одани, которому теперь неоткуда было ждать помощи. Молодой глава клана жил с семьёй в Главной усадьбе (*Хоммару*), а его отец — в Малой (*Комару*). Обе усадьбы состояли из нескольких слитых в единый комплекс строений и имели собственную линию обороны и автономные системы жизнеобеспечения. Какое-то время они могли самостоятельно защищаться даже после падения внешней крепостной стены, поэтому штурм разделился на несколько этапов. Командовал им Киносита (Хидэёси) Токитиро. Сначала нападавшие захватили стрелковую башню Кёгоку между Главной и Малой усадьбами, разделив таким образом гарнизон замка на две части. Сделав половину дела, Киносита предложил Адзай Нагамаса сдаться, но глава клана ответил, что встретит свою судьбу, как подобает воину. На семейном совете его жена Оити, младшая сестра Нобунага, изъявила желание умереть вместе с ним, но муж возразил, что она должна жить ради трёх маленьких дочерей. На время, пока в замке шёл семейный совет, боевые действия были прекращены. Оити выполнила пожелание мужа и покинула Главную усадьбу вместе с детьми.

Сестра и племянницы Нобунага

Штурм замка начался в тот же день с Малой усадьбы. Отец главы клана, 47-летний Адзай Хисамаса, защищался сколько мог, а затем покончил жизнь самоубийством. На следующий день состоялся штурм Главной усадьбы, которую с личной гвардией и родственниками защищал Нагамаса. Первого сентября и он совершил *сэппуку*, положив конец истории воинского дома Адзай. Его единственного наследника, 9-летнего сына Мампуку, старейшины Адзай попытались спасти, заранее отправив в безопасное место, но по приказу Нобунага мальчик был найден и казнён 17 сентября того же года.

Длившаяся три с половиной года война Нобунага с кланами Адзай и Асакура закончилась, и обширные территории к северо-востоку от столицы сменили своих хозяев. Распорядителем трёх уездов в северной Оми, ранее принадлежавших клану Адзай, стал Киносита Токитиро. В 36 лет

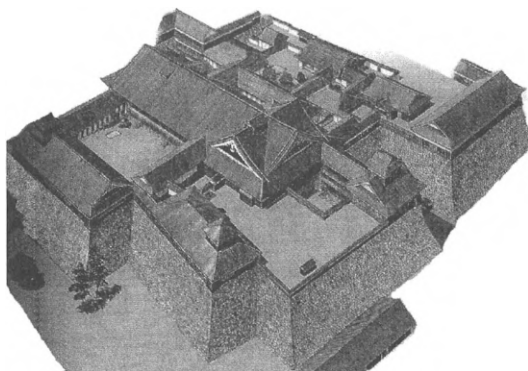
Адзай Хисамаса

он впервые стал *даймё* в полном смысле этого слова и по случаю столь знаменательного события сменил имя и фамилию на Хасиба Хидзэси. Новая фамилия была составлена из иероглифов *ха* и *сиба*; первый был взят из фамилии Нива Нагахидэ³⁰, а второй — из фамилии Сибата Кацуиэ. Этим этикетно-дипломатическим жестом Хидзэси выразил своё уважение к старшим и более именитым соратни-

кам, с которыми он сравнился в знаках отличия. Нобунага при раздаче наград не очень-то обращал внимание на происхождение своих полководцев, оценивая лишь их эффективность и практические результаты, но сами они внимательно следили за поощрениями и, конечно, конкурировали между собой. Что касается красивого воинского имени Хидзэси, то крестьянский сын Киносита Токитиро и раньше несколько раз им подписывался, а теперь решил взять себе окончательно.

Распорядителем провинции Вакаса стал Нива Нагахидэ, а в соседней с ней Этидзэн с назначением сложилась трудная ситуация. Отправлять туда кого-то из своих полководцев Нобунага опасался — жившая более ста лет по своим законам провинция чужака всё равно бы не приняла. Нужен был кто-то из местных и в то же время преданных Нобунага людей, а таких не было. В последний момент на его сторону перешли многие старейшины и родственники главы клана, носившие фамилию Асакура, — Кагэакира, Кагэтакэ, Кагэмори, Кагэясу. Всем им Нобунага сохранил прежние

³⁰ Иероглиф «крыло» имеет два равноценных чтения — *ва* и *ха*.

Главная усадьба (Хоммару) крупного замка

уделы и принял на службу, но доверять им провинцию было опасно. Не найдя оптимального решения, Нобунага остановился на Маэба Ёсицугу, уроженце Этидзэн, уступившем по своему статусу представителям дома Асакура. Но он первым два года назад перешёл на сторону Нобунага и успел на деле доказать свою преданность. Понимая, что бывшим руководителям клана Асакура будет трудно подчиняться Маэба Ёсицугу, Нобунага поручил присматривать за провинцией ближайших соседей Хасиба Хидэёси и Нива Нагахидэ.

Ситуация в провинции дополнительно осложнялась местной спецификой. Этидзэн и соседняя с ней провинция Кага были известны как крупнейший оплот повстанцев Икко, последователей учения Чистой земли. В Этидзэн находилось святилище Ёсидзаки, привлекавшее паломников со всей страны; из них формировались многочисленные и хорошо вооружённые отряды. Мало где в Японии они так часто и так успешно воевали с самураями. Война, которую Нобунага вёл с храмом Исияма хонган, не обещала спокойной жизни ни одному из его наместников в провинции Этидзэн.

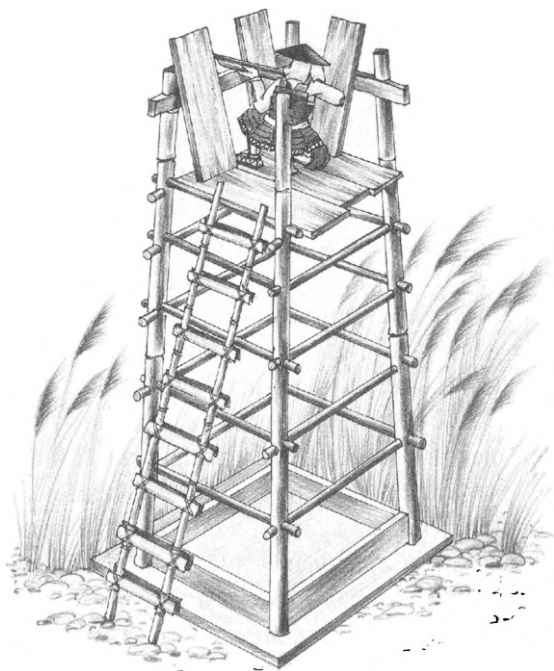
Южный поход

Проведя назначения и распределив новые земли, Нобунага в начале сентября вернулся в Гифу, но здесь ему сразу пришлось заниматься завоёванной ранее провинцией Исэ — там активизировались повстанцы. Из дельты Нагасима, где их позиции были особенно сильны, сопротивление Нобунага начало распространяться на север провинции. Основную массу повстанцев составляли крестьяне, но были среди них рядовые самураи и даже командиры среднего ранга, всем сердцем воспринявшие буддийское учение.

Двадцать четвёртого сентября Нобунага с большой армией направился в дельту Нагасима, сердце мятежного района. Его полководцы разделились на несколько групп и атаковали форты повстанцев в западной части дельты. Военская подготовка и численное превосходство нападавших делали своё дело — повстанцы терпели одно поражение за другим. Уничтожив укрепления в западной части дельты, армия Нобунага переместилась в её центральный район, но здесь выполнить задачу полностью не удалось из-за накладок с подходом боевых судов. Приближались холода, и Нобунага решил ограничиться достигнутым. Оставив Такигава Кадзумасу контролировать район, он 25 октября с основными силами отправился в обратный путь. Однако повстанцы не считали, что боевые действия закончились, и на узкой горной дороге напали на его колонну. Сильный дождь и ветер сделали огнестрельное оружие бесполезным, и в ущелье завязалась жестокая рукопашная схватка. Арьергардные части Нобунага под командованием Хаяси Синдзиро были почти полностью уничтожены — сам командир и его ближайшее окружение также погибли. Нобунага удалось вывести основные силы из-под удара, но повстанцы сумели нанести ему напоследок болезненный укол, поставивший под сомнение успех

всей операции. Ненависть к этим фанатикам, готовым умереть, по его мнению, неизвестно за что, ещё больше утвердилась в сердце Нобунага.

Неотложного внимания требовало и положение в столичных провинциях. После разрыва с сёгуном Ёсиаки там оставалось немало поддержавших его военачальников из числа бывших союзников Нобунага, и с ними нужно было разбираться: кого можно — вернуть на службу, кого нет — ликвидировать. Первым в списке оказался Миёси Ёсицугу (1549–1573) из провинции Кавати. Он был женат на младшей сестре сёгуна и приходился ему родственником, поэтому безоговорочно поддержал его в конфликте с

Стрелковая вышка

Нобунага. Именно к нему в замок Вакаэ и был отправлен Ёсиаки после поражения в Макиносима. Ещё недавно клан Миёси играл заметную роль в жизни столицы, и Ёсицугу, возглавивший его после своего энергичного и честолюбивого предшественника Нагаёси, не желал сдавать завоёванные позиции. Однако победы Нобунага, одержанные в удачном для него 1573 году, сделали своё дело. Ещё до начала боевых действий старейшины Ёсицугу вступили в переговоры с Нобунага, и когда его армия подошла к замку Вакаэ, открыли главные ворота. Преданный своим окружением, 24-летний Миёси Ёсицугу 16 ноября убил сначала жену и трёх маленьких сыновей, а затем себя. Сёгуна Ёсиаки в замке Вакаэ к тому времени уже не было — он бежал двумя неделями раньше. Нобунага его не преследовал.

В соседней провинции Ямато оставался ещё один крупный перебежчик, Мацунага Хисахидэ (1510–1577), тоже поддержавший сёгуна в конфликте с Нобунага. После гибели Миёси Ёсицугу он лишился внешней поддержки и оказался в безнадёжной ситуации, но неожиданно получил от Нобунага предложение добровольно сдаться и вернуться к нему на службу. Великодушное отношение к изменнику объяснялось просто: капитуляция и возвращение Мацунага на службу должны были стать примером для других военачальников, вставших на сторону сёгуна в его конфликте с Нобунага. В отличие от молодого главы клана Миёси, 63-летний Хисахидэ был известным и авторитетным военачальником, а его замок Тамонъяма с большой коллекцией картин, фарфора и чайного антиквариата был известен далеко за пределами провинции. Такого человека гораздо полезнее было иметь в союзниках. Мацунага Хисахидэ принял предложение и 26 декабря 1573 года сдал замок без боя. В феврале следующего года на церемонии в Гифу он и его старший сын были публично прощены и вернулись на службу к Нобунага. Эта тактика себя

оправдала — вслед за Хисахидэ ещё несколько военачальников из столичного района сдались Нобунага и прислали заложников.

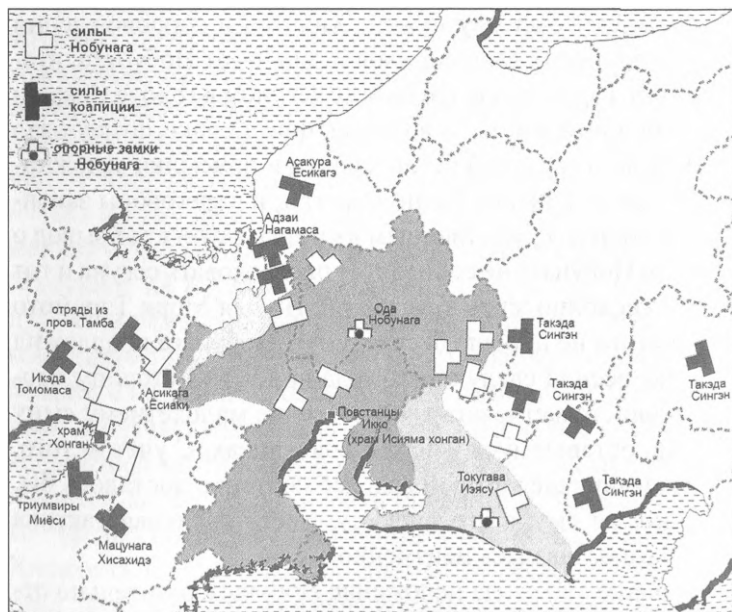
Сёгун Ёсиаки тем временем продолжал искать союзников, которые помогли бы ему вернуться в столицу и восстановить сёгунат. С этой просьбой он обратился к Мори Тэрумото (1553–1625), молодому руководителю крупного клана в западной части страны. Просьба поставила Тэрумото в трудное положение: с одной стороны, он присягал в своё время на верность сёгунату, а с другой — не хотел ссориться с Нобунага. На семейном совете Мори было принято компромиссное решение — призвать всех помириться и обратиться к Хасиба Хидэёси с просьбой убедить своего начальника вернуть сёгуна в столицу.

Нобунага встретил посредничество Мори вполне благосклонно и согласился на переговоры с Ёсиаки — сёгун по-прежнему был ему нужен. Хидэёси в сопровождении двух буддийских священников (один — от Нобунага, второй — от Тэрумото) встретился с сёгуном в городе Сакаи и обсудил с ним вопрос о возвращении. Ёсиаки потребовал от Нобунага гарантий безопасности и присылки заложника, но эти условия не были приняты, и переговоры закончились ничем. Единственным их результатом стал вывод о том, что Нобунага не собирается преследовать сёгуна и тот может спокойно жить в изгнании. Но для Мори Тэрумото инициатива не прошла бесследно — Нобунага предложил ему уже весной следующего года прибыть в столицу, чтобы засвидетельствовать своё почтение малолетнему сыну Ёсиаки, оставшемуся у него в заложниках. С учётом того, что мальчику шёл второй год, всё почтение досталось бы, конечно, не ему, а его опекуну. Наступательная тактика Нобунага оставалась неизменной.

В конце 1573 года положение Нобунага разительно отличалось от того, что было год назад. Выступление против него Такэда Сингэн в союзе с Адзай и Асакура, ак-

тивизация сёгуна Ёсиаки и Коса Кэннэ, их союзников на юге и на западе столичного района поставили Нобунага в труднейшее положение. Через год главные участники второй антинобунагской коалиции были либо мертвы, либо изгнаны, и она прекратила своё существование. Нельзя не отметить, что эту победу Нобунага поделил с её величеством госпожой удачей — она избавила его от войны с Такэда Сингэн, а с остальными противниками он справился сам.

Чрезвычайно успешный для него 1573 год Нобунага проводил в замке Гифу, в кругу своих вассалов и союзников. После окончания новогоднего церемониала, когда большинство гостей разъехались, он устроил банкет для ближайшего окружения. Его биограф сообщает, что торжество проходило в просторном зале, где вдоль стены

Вторая антинобунагская коалиция

были выставлены черепа его главных противников — Асакура Ёсикагэ, Адзай Нагамаса и его отца. По свидетельству Ота Гюити, черепа были декоративно обработаны и покрыты лаком с позолотой. В этом эпизоде часто усматривают тщеславие и мстительность Нобунага, однако некоторые историки сомневаются в достоверности сведений, касающихся декоративной обработки голов. Дело в том, что такого обычая в Японии никогда не существовало, а глумиться над побеждённым врагом всё-таки было не принято. Зато имел место другой обычай: после кремации рядом с останками устраивалась трапеза с ритуальными танцами. Считалось, что таким образом живые ублажают дух умершего и помогают ему приобщиться к миру богов. Этот обряд считался вполне пристойным и не оскорблял память покойного. Не исключено, что нечто подобное произошло и в замке Гифу. Ни до, ни после января 1574 года Нобунага не делал ничего похожего.

Провинция Этидзэн

В начале года оправдались опасения Нобунага относительно провинции Этидзэн — там начались волнения. Через четыре месяца после разгрома Асакура и перехода провинции под контроль Нобунага противостояние, возникшее между его назначенцем Маэба Ёсицугу и хозяином замка Футю Тода Нагасигэ переросло в открытые столкновения. Враждебно настроенные к Нобунага повстанцы Икко поддерживали Нагасигэ и вместе с ним напали на замок Итидзэдани, в котором поселился Ёсицугу. Наместник пробовал защищаться, но потерпел поражение и покончил жизнь самоубийством. После этого Нагасигэ устранил ещё одного крупного военачальника, перешедшего на сторону Нобунага, и провозгласил себя хозяином

провинции. Это оттолкнуло от него повстанцев и часть союзников, не желавших идти на прямой конфликт с Нобунага, и Нагасигэ остался лишь с небольшой группой сторонников. Этой ситуацией воспользовался лидер храма Исияма хонган. Разослав командирам повстанческих отрядов письма, он приказал им объединиться и взять власть в свои руки. По его плану в провинциях Кага и Этидзэн нужно было создать самоуправляемую буддийскую республику. Командующим военной операцией он назначил Ситири Ёритика (1517–1576), предводителя повстанцев из провинции Кага. Самурай низкого ранга, Ёритика в своё время был замечен Кэннэ и стал одним из его близких соратников. С 20-тысячным ополчением Ёритика вошёл в провинцию Этидзэн и напал на Тода Нагасигэ, нанёс ему поражение и вынудил совершить самоубийство. Вассалы Нобунага во главе с Асакура Кагэакира попытались оказать сопротивление повстанцам, но потерпели поражение; Кагэакира и его семья тоже погибли.

Таким образом, в середине февраля 1574 года провинция Этидзэн перешла под контроль повстанцев, последователей учения Чистой земли. Её управителем стал присланный из Исияма сподвижник Кэннэ по имени Симоцума Райсё, а распоряжаться уездами были назначены командиры повстанческих отрядов. Однако мир на этой беспокойной земле так и не воцарился. Почти сразу начались конфликты между командирами повстанцев и присланным из Исияма наместником Симоцума Райсё. Никто из них не обладал военной силой и политическим авторитетом, необходимыми для управления провинцией, и на её землях то тут то там вспыхивали вооружённые стычки.

Нобунага знал об этой ситуации, но заниматься ею не мог — в конце января на территорию провинций Мино и Тотоми с большими силами вторгся Такэда Кацуёри, и на это нужно было реагировать в первую очередь. Он

ограничился распоряжением укрепить расположенные на границе с Этидзэн форты и перебазировать морской флот в Цуруга, ближе к месту будущей операции по возврату провинции. Такэда Кацуёри тем временем расширял зону вторжения и окружил сначала форт Акэти в провинции Мино, а затем — форт Такатэндзин в Тотоми. Нобунага начал собирать силы для отправки на помощь, но не успел — оба форта пали раньше.

Весной 1574 года его занимала ещё одна проблема — как заполнить вакуум, образовавшийся после упразднения сёгуната. Вакансия на вершине воинской пирамиды нарушала привычный для самурайской элиты вековой порядок вещей; в системе власти не хватало высшего звена, и этот институциональный пробел нужно было хотя бы частично заполнить. Несмотря на всё своё влияние, Нобунага не мог сам занять этот пост. Это было бы воспринято воинским сообществом как узурпация власти, более двух столетий передававшейся по наследству, и привело бы к росту недовольства, увеличению числа противников Нобунага и их консолидации. Ум прагматичного политика подсказывал ему, что раз уж тандема с сёгуном не получилось, то лучше оставить всё как есть и продолжать наращивать свою военную силу и политическое влияние, а звания и должности оставить пока в покое.

Один из эффективных способов самовозвышения состоял в сакрализации своего образа, и Нобунага решил им воспользоваться. В императорском святилище Сёсоин храма Тодай в Нара хранился срез священного сандалового дерева (*рандзятай*), привезённого из Китая в VIII веке. В течение семи столетий он служил реликвией и талисманом императорского дома, одним из атрибутов его власти. Обладание священной реликвией возвышало императора над простыми смертными и символизировало его божественное происхождение. Получить кусочек реликвии в личное пользование можно было только с его личного

разрешения; за восемь столетий оно выдавалось считанное число раз. Первым его получил в XII веке Минамото Ёримаса (1104–1180), а в последний раз оно было выдано восьмому сёгуну Асикага в 1465 году. Последние 108 лет к срезу никто не прикасался, и даже для того, чтобы взглянуть на него, требовалось разрешение императора. Теперь приобщиться к святыне решил Ода Нобунага. Обладание ею должно было подчеркнуть его политический статус и властные полномочия.

В начале марта 1574 года Нобунага отправил Цуцун Дзюнкэй и Бан Наомаса в храм Тодай за разрешением на доступ к святыне. За это храму было обещано возвращение изъятых ранее земельных угодий. Ответ храма состоял в том, что он не будет возражать, если Нобунага получит согласие владельца реликвии — императора Огимати. В канцелярию двора от имени Нобунага был сделан запрос, и император, конечно, не смог отказать.

Семнадцатого марта Нобунага прибыл в столицу и остановился в храме Сёкоку, рядом с хранилищем реликвии. Через 11 дней произошло церемониальное извлечение святыни со сломом сургучных храмовых печатей, и Нобунага стал счастливым обладателем деревянного бруска длиной 5,4 см. Его вассалы с величайшим почтением и предосторожностями вынесли срез из хранилища и в присутствии Нобунага отпилили кусочек святыни.

Название священного среза (*рандзятai*) записывалось сложнейшими многокомпонентными иероглифами, в которых были скрыты три составных элемента (*то дай дзи*), составлявших название храма, которому была оказана честь хранить императорскую реликвию. Графическое сокрытие названия храма гармонировало с физическим сокрытием самой святыни и подчёркивало ореол сакрального таинства, окружавший императора. Приобщение Нобунага к реликвии стало заметным событием в жизни столицы и привлекло внимание общественности. Теперь

его противникам стало ещё труднее — они воевали против человека, с которым император поделился самым сокровенным.

Храм Исияма хонган

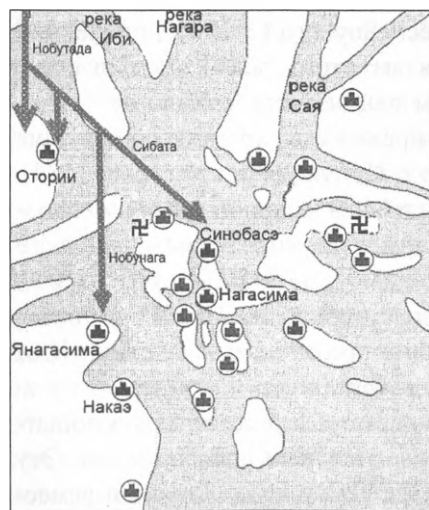
Осенью 1573 года Нобунага заключил с храмом Исияма хонган мирное соглашение, однако долго оно не продлилось. Конфликт с сёгуном и его последующее изгнание лишь усилили враждебность Кэннэ, а приобщение Нобунага к императорской святыне добавило решимости бороться до конца. Примерно такие же чувства испытывали и остальные противники Нобунага. Уже через три дня после приобретения священного среза сторонники сёгуна, объединившись с повстанцами, захватили форт Накадзима в провинции Сэццу, а вслед за ними против Нобунага выступили военачальники Юса Нобунори (1524–1574) из провинции Кавати и Миёси Ясунага (?–1585), последний родственник триумвиров из этого дома. Активизацию противников в столичном районе нельзя было оставлять без ответа, и Нобунага отправил туда крупное соединение во главе с Сибата Кацуиэ и Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584). Объединённые силы Юса и Миёси заняли оборону в форте Такая в провинции Кавати, и через несколько дней в его окрестностях состоялся решающий бой. Он продолжался несколько часов и не принёс победы ни одной из сторон. Один из двух командующих противника, 50-летний Юса Нобунори, в этом бою был убит.

Летом 1574 года Нобунага предпринял вторую попытку подавить очаг сопротивления в дельте Нагасима. Эту местность населяли рядовые самураи, крестьяне и ремесленники, многие из которых воевали против него в отрядах повстанцев. Дельта Нагасима, образованная устьями

рек Кисо, Иби и Нагара, представляла собой крупный торговый центр с населением около 30 тысяч человек и развитым самоуправлением. Европейские миссионеры называли её «крестьянской республикой». Объединенные учением Чистой земли, её обитатели отличались местным патриотизмом, религиозной сплочённостью и ненавистью к Нобунага. Он воевал с ними уже четвёртый год и никак не мог победить — ряды повстанцев постоянно пополнялись.

На этот раз Нобунага собрал всех своих полководцев, кроме Хасибэ Хидзэси, Икэда Цунэоки и Кавадзири Хидэтака, выполнявших в тот момент другие задания. Одним из отрядов уже командовал его 17-летний сын Нобутада. Узнав о приближении 70-тысячного войска Нобунага, почти всё население района сосредоточилось в пяти крупных фортах — Нагасима, Синобасэ, Отори, Янагасима и Накаэ.

Военная операция в районе дельты началась 14 июля. Свои силы Нобунага разделил на три части: Сибата Ка-

Второй поход в дельту Нагасима

цуиэ и Сакума Нобумори двинулись в центр, старший сын Нобутада остался в резерве на западе, а сам Нобунага вместе с Нива Нагахидэ и личной гвардией атаковал укрепления повстанцев на севере. Окружив переполненные форты, армия Нобунага начала обычную подготовку к штурму. Третьего августа пал Отори, 12-го — Си-

нобасэ. Часть их обитателей сумела спастись и бежать в три оставшихся форта. Их штурмовать не стали в расчёте на то, что запасы провизии в них быстро закончатся и форты будут вынуждены капитулировать. Осада длилась полтора месяца. Во второй половине сентября защитники начали умирать от голода и болезней. Двадцать девятого сентября комендант главного форта Нагасима предложил сдать укрепление в обмен на сохранение жизни всем его обитателям. Его план состоял в том, чтобы перебраться под защиту крепостных стен расположенного рядом храма Исияма. Нобунага принял предложение о капитуляции и пообещал безопасность, но, как только осаждённые вышли из форта и начали грузиться в лодки, их начали расстреливать из луков и аркебуз. После нескольких залпов в атаку пошли пехотинцы, и началось массовое истребление измождённых беглецов. Всего было убито более тысячи человек. Около восьмисот повстанцев, разорвав на себе одежду, с воплем бросились в отчаянную контратаку. На берегу реки Иби завязалась рукопашная схватка, в которой противники рвали друг другу горло зубами. Смяв нападавших, повстанцы прорвали окружение и бежали в храм Исияма. Эта неожиданная контратака нанесла Нобунага серьёзный урон — в бою погибли несколько его родственников, командовавших собственными отрядами: дядя Нобуцугу, двоюродные братья Нобухиро, Хидэнари, Нобунари, а также муж младшей сестры Садзи Нобуката. Вне себя от ярости Нобунага поклялся уничтожить всё население ненавистного района.

Оставшиеся два форта Наказ и Янагисима штурмовать не стали; их обнесли деревянной изгородью, обложили соломой и подожгли. Набрав силу, пламя перекинулось на стены фортов, и 20 тысяч их обитателей погибли в дыму и огне. Нобунага сдержал клятву — никогда до этого он не убивал столько людей за один раз. Второй поход в дельту Нагасима завершился военной победой, хотя досталась она недёшево.

В это же время командиры Нобунага продолжали борьбу с повстанцами в столичных провинциях Сэццу и Кавати. Уже в ходе боевых действий на сторону мятежников перешёл Итами Тадатика (1552–1600), молодой военачальник из провинции Кавати, и Нобунага пришлось отправить отряд на захват его замка. Он был взят в ноябре того же года, переименован из Итами в Ариока и передан командовавшему этой операцией Араки Мурасигэ.

Вернувшись из Нагасима, Нобунага занялся обустройством дороги, связывавшей его замок Гифу со столицей. С безопасностью маршрута вопрос был более или менее решён, теперь предстояло заняться самой дорогой. Нобунага приказал расширить тракт, сделать его удобнее и проложить новый участок, чтобы сократить расстояние. Работы начались в следующем 1575 году, и после их окончания путь от Гифу до Киото стал короче на 12 километров. В то время считалось, что необустроенные и труднопроходимые дороги на своих землях служат дополнительным препятствием для противника, поэтому ими специально не занимались. По этой же причине не строи-

Лодочный мост

ли постоянных мостов, а на речных переправах связывали вместе лодки и на них клали временный деревянный настил, после этого сразу снимавшийся. Во время дождей и паводка реки разливались, и даже на своей территории порой приходилось ждать по несколько дней, пока спадёт вода. Военные походы из-за этого часто затягивались, а иногда даже срывались, но безопасность была важнее удобства.

Нобунага думал по-другому. Проводя много времени в разъездах, он требовал от местных распорядителей, чтобы дороги на их территориях были хорошо обустроены. Поделив все дороги на три категории, он для каждой установил размер: 6 метров в ширину для первой категории, 4,2 метра — для второй и 1,8 метра — для третьей. Большинство дорог, по которым ходили и ездили в то время, относилось к третьей категории.

Несколько лет спустя Луис Фройс писал, что Нобунага приказал отремонтировать и обустроить дорогу от Адзути до Киото, так что она стала ровной, прямой и чистой. По обеим сторонам её были высажены деревья, в жару дающие путнику тень. На деревьях висели веники, которыми местные жители должны были её подметать, а вдоль дороги выстроены небольшие домики, где можно было отдохнуть и перекусить. Европейский миссионер отмечал, что при Нобунага путешествия стали менее опасными и более удобными (Фройс, 1977).

Переломный год

Конец 1574 и начало 1575 года выдались спокойными. Весной 1575 года Нобунага проводил много времени в столице, занимаясь организационными делами и налаживая контакты с аристократией. Число вопросов, которые

ему приходилось решать самому, после упразднения сёгуната резко возросло.

В марте у Нобунага состоялась любопытная встреча с сыном Имагава Ёсимото, некогда главного врага дома Ода. Пятнадцать лет назад, когда Ёсимото напал на провинцию Овари, его 22-летний сын Удзидзанэ оставался дома. После гибели отца он возглавил клан и постарался удержать его от развала, но не преуспел. В 1568 году Суруга, домашнюю провинцию Имагава, захватил Такэда Сингэн, а в следующем году Токугава Иэясу напал на замок Какэгава в провинции Тотоми, где укрывался Удзидзанэ. Военная удача и здесь отвернулась от него; Удзидзанэ сдал замок и перебрался под защиту своего тестя Ходзё Удзиясу. Воинский клан Имагава как боевая единица перестал существовать, но его глава остался в живых и вместе с семьёй поселился во владениях Ходзё.

В марте 1575 года Нобунага отправил Удзидзанэ письмо с предписанием явиться в столицу — утративший силу, но родовитый воинский клан следовало привлечь на свою сторону. Так Нобунага встретился с сыном своего врага, победа над которым принесла ему известность. Встреча состоялась в столичном храме Сёкоку и носила вполне мирный характер. Удзидзанэ привез в подарок Нобунага известную картину и принял участие в турнире по *кэмари*³¹. Судя по сохранившимся записям, сын Имагава Ёсимото играл в мяч гораздо лучше, чем воевал.

Весной 1575 года Нобунага в числе прочих дел занимался подготовкой большого похода против храма Исияма хонган. Боевые действия планировались на осень, но в столичном районе у главы храма Кэннэ было много сторонников, поэтому готовиться следовало заранее. В этом районе Нобунага опирался на поддержку трёх крупных

³¹ Игра в кожаный мяч. Участники делятся на две команды и соревнуются, кто дольше удержит мяч в воздухе, ударяя по нему ногой.

военачальников: Араки Мурасигэ (провинция Сэццу), Хосокава Фудзитака (западная часть Ямасиро и восточная часть Тамба) и Бан Наомаса (Ямато и южная часть Ямасиро). Из противников в столичном районе оставался Миёси Ясунага (?–1585), дядя самого известного представителя этой фамилии Миёси Нагаёси (1522–1564). Два года назад он тоже поддержал сёгуна Ёсиаки и с тех пор держался обособленно. Перед нападением на храм Исияма его следовало либо привлечь на свою сторону, либо ликвидировать. Его домашний замок Такая находился в провинции Кавати.

Шестого апреля Нобунага вышел в поход против Миёси Ясунага с большой армией, набранной в восьми провинциях — Вакаса, Оми, Мино, Овари, Исэ, Танго, Тамба и Харима. Точная её численность неизвестна. В одном источнике называется цифра в 100 тысяч человек, но это может быть преувеличением — собирать такое войско против одного военачальника не имело смысла. Важно то, что Нобунага, как обычно, обеспечил себе подавляющее численное превосходство, не оставлявшее сомнения в исходе операции. Она продолжалась три недели — с 7 по 28 апреля 1575 года. Взяв вспомогательный форт Симбори, Нобунага окружил домашний замок Миёси Ясунага и предложил ему капитуляцию с последующим переходом к себе на службу; не видя альтернативы, хозяин провинции Кавати согласился.

Этот вариант был выгоден обеим сторонам: Нобунага знал, что назначение новых управителей в покорённые провинции часто сопровождается конфликтами и мятежами местных командиров, враждебно настроенных к новой власти. На их подавление уходило много сил и времени. В тактическом плане выгоднее было подчинить себе крупного военачальника вместе с его вассалами и таким образом сохранить сложившуюся систему управления. В этом случае территория переходила под контроль Нобунага,

а новый союзник своими людьми пополнял его армию. Кроме того, имел значение и авторитет противника. Опытный 53-летний военачальник, представитель известной в стране фамилии, Миёси Ясунага как союзник усиливал Нобунага. По итогам апрельской кампании 1575 года половину провинции Кавати получил Бан Наомаса, а Миёси Ясунага остался хозяином её второй половины.

Малая родина клана Миёси находилась на острове Сикоку, где с ним конкурировал дом Тёсокабэ, к тому времени начавший набирать силу и взявший под контроль всю провинцию Тоса. Примирение Миёси с Нобунага вынудило главу клана Тёсокабэ искать пути сближения с Нобунага, чтобы избежать с ним столкновения. Это было реально, потому что владения Ода и Тёсокабэ не имели общих границ, оба клана расширялись, и заключение удалённого союза отвечало их интересам. Вскоре такой союз был заключён, и в июле 1575 года наследник дома Тёсокабэ в день своего совершеннолетия получил имя Нобутика, в котором иероглиф *нобу* был взят из имени Нобунага. В дальнейшем клан Тёсокабэ действовал успешно и сумел подчинить себе большую часть острова Сикоку. Нобунага, не имевший пока интересов на острове, против этого не возражал.

Ещё в конце апреля, когда заканчивалась операция в провинции Кавати, к Нобунага обратился за помощью Токугава Иэясу — против него активизировался Такэда Кацуёри (1546–1582), возглавивший клан после смерти отца. Созданная Такэда Сингэн военная организация сохранила свою боеспособность и по-прежнему оставалась одной из сильнейших в стране. Продолжая дело отца, Кацуёри ещё год назад, весной 1574 года, с 25-тысячной армией возобновил боевые действия на землях Ода Нобунага и Токугава Иэясу. Легко захватив форты Ивамура и Акэти в провинции Мино, он двинулся на юг и осадил стратегически важный форт Такатэндзин в провинции Тотоми, дававший контроль над

главным региональным трактом. Такэда Сингэн подступался к нему ещё в марте 1571 года, но потерпел неудачу. Его сын повторил попытку 5 мая 1574 года и после полуторамесячной осады захватил труднодоступный высокогорный форт. Нобунага, занятый борьбой с повстанцами в провинции Этидзэн и дельте Нагасима, выслал под-

Тёсокабэ Мототика

крепление с большим опозданием, и оно не успело к 18 июня, когда Такатэндзин перешёл в руки Такэда. Встретившись с Токугава, Нобунага компенсировал союзнику потерю важного укрепления двумя мешками золота, на которые посоветовал закупить побольше провианта, ибо война с Такэда обещала быть долгой.

Весной 1575 года Такэда Кацуёри продолжил боевые действия захватом фортов Асукэ, Нода и Ёсида, а затем с 15-тысячной армией подошёл к форту Нагасино, который стоял на маршруте, связывавшем Окадзаки и Хамамацу, два домашних замка Токугава Иэясу. Форт защищали около 500 человек во главе с Окудайра Нобумаса (1555–1615), 20-летним зятем Токугава. Взяв в кольцо Нагасино, Такэда Кацуёри отправил несколько отрядов на штурм соседних вспомогательных фортов Усикубо и Нирэнги, чтобы лишить осаждённых поддержки извне. Он был уверен, что сможет завершить дело, начатое отцом, — 20 мая в письме одному из своих союзников Кацуёри писал, что перекрыл тыловые коммуникации Токугава и лишил его свободы манёвра, поэтому надеется покончить и с ним, и с его союзником Нобунага.

*Поход Такэда Кацүёри в Мино
и Тотоми (1574)*

Форт Нагасино был окружён 21 апреля, и вскоре рядом с ним был выстроен осадный лагерь Тоби-гасуяма. Первого мая Кацүёри, не вступая в переговоры с Окудайра Нобумаса, отдал приказ о штурме. Отец и сын Окудайра ещё два года назад были его союзниками, но перешли на сторону

Токугава. Их заложники были казнены, и теперь им оставалось стоять насмерть. Нападавшие несколько раз шли на штурм, но наталкивались на плотный огонь и отступали.

Всё это время Токугава Иэясу ждал помощи от Нобунага, воевавшего в провинции Кавати. Он смог выйти на помощь только через месяц после получения просьбы, 13 мая, и уже на следующий день прибыл с головным отрядом в Окадзаки. Одновременно с ним появился и гонец из осаждённого форта Нагасино по имени Тории Сунээмон. Он сам вызвался совершить побег из окружённого форта, чтобы сообщить Иэясу, что рисовые кладовые на территории форта сгорели и в нём начался голод. Говорят, что Сунээмон хорошо плавал и сумел выбраться из форта по канализационному ходу, выведенному в реку. Узнав о прибытии подкрепления, он попросил разрешения вернуться в форт и сообщить радостную весть соратникам. На обратном пути Сунээмон был схвачен и рассказал противнику, что объединённые силы Нобунага и Иэясу вскоре будут здесь. Согласно общепринятой версии, ему предложили сделку: он дезинформирует гарнизон форта, что подмоги не будет и надеяться не на что, а ему за это

сохранят жизнь. Сунээмон согласился, и его доставили к крепостной стене, чтобы он прокричал нужную информацию. Однако боец сообщил соратникам правду — что помощь уже на подходе и нужно продержаться совсем немного, за что был казнён и стал героем эпохи.

Этот сюжет изложен в источниках, написанных спустя десятилетия после описываемых событий и оставляет много вопросов. Например, непонятно, как Сунээмон планировал вернуться в окружённый форт, из которого с таким трудом выбрался. Или почему защитники форта должны были поверить словам попавшего в плен товарища и сдать укрепление. Единственное, что не вызывает сомнения, — это сам побег отважного пехотинца и последующее присвоение его семье самурайского статуса.

Дождавшись основных сил, Нобунага подошёл к форту Нагасино и 18 мая встал лагерем в 4 километрах от него. Общие силы Иэясу и Нобунага насчитывали 36 тысяч человек, что давало им более чем двукратное преимущество. Нобунага расположил их в линию с севера на юг длиной около 2 километров. Войско состояло из трёх частей, которыми командовали Нобунага, его старший сын Нобутада и Иэясу. Построение было выполнено в защитном варианте, при котором идти вперёд предлагалось противнику. Между линией пехоты и рекой Рэнго возвышалось заграждение протяжённостью в 2 километра — вкопанные в землю деревянные колья, скреплённые между собой горизонтальными брусками. Изнутри они подпирались наклонёнными под углом заточенными кольями, острые концы которых выступали наружу. Между кольями были оставлены просветы для лучников и аркебузирова, а перед заграждением выкопан ров. Всю эту работу 30 тысяч пехотинцев выполнили за два дня.

Армия заняла позицию и стояла неподвижно, не принимая никаких действий. Штаб Такэда тоже выжидал два дня и не сближался с противником, но 20 мая было

принято решение начать подготовку к сражению. Утром следующего дня армия Такэда выдвинулась вперёд и встала на левом берегу реки Рэнго. Противников разделяло около 500 метров. Через некоторое время со стороны Такэда протрубили боевые раковины, и его воины бросились в атаку.

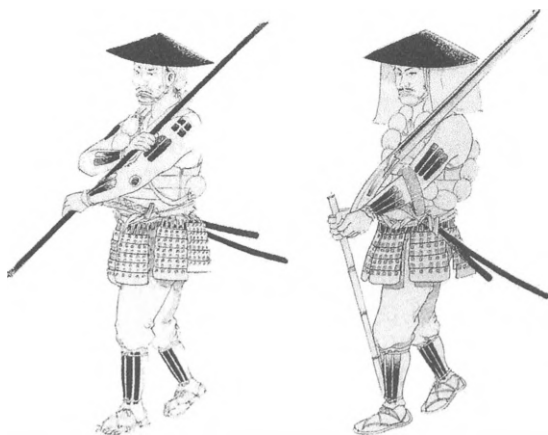
Первым пошёл вперёд эшелон под командованием Ямагата Масакагэ (1529–1575), одного из четырёх главных полководцев Такэда. Попад под шквальный ружейный огонь, он был наполовину уничтожен и отброшен назад. Его сменил Такэда Нобукадо (1528–1582) — с тем же результатом. Третью волну атакующих возглавил Обата Норисигэ (1517–?), но и ему не удалось вклиниться в ряды противника. В этом сражении Нобунага использовал разработанную европейцами за пятьдесят лет до этого военную тактику. Выстроившись в три шеренги, его аркебузиры по очереди выходили на огневую позицию, давали залп и отходили назад. Пока они перезаряжали аркебузы, вторая и третья шеренги делали ещё два залпа. По данным Ота Гюити, Нобунага подготовил к этому бою тысячу аркебуз, Одзэ Хоан в *Синтёки* называет цифру в три раза больше³². В любом случае в сражении при Нагасино было использовано рекордное для того времени число единиц огнестрельного оружия. До Нобунага ни один военачальник не имел на поле боя столько аркебузирова одновременно.

В тот день ему повезло с погодой: 21 мая ярко светило солнце, запальные фитили не гасли, и стрелки быстро перезаряжали оружие. Даже знаменитая конница Такэда не смогла преодолеть плотный ружейный огонь; грохот залпов накрыл равнину Ситарагахара, заглушая крики шедших в атаку пехотинцев. За третьей волной нападающих последовали четвёртая и пятая — с тем же резуль-

³² Хроника Одзэ Хоан — более поздний, вторичный источник, поэтому несовпадения принято трактовать в пользу работы Ота Гюити.

татом. Отдельные группы прорывались за заграждение, но эти прорывы глохли в глубине обороны. Убедившись в бесплодности лобовых атак, Кацуёри попытался обойти противника с флангов, но и этот манёвр был отражён конницей объединённых сил.

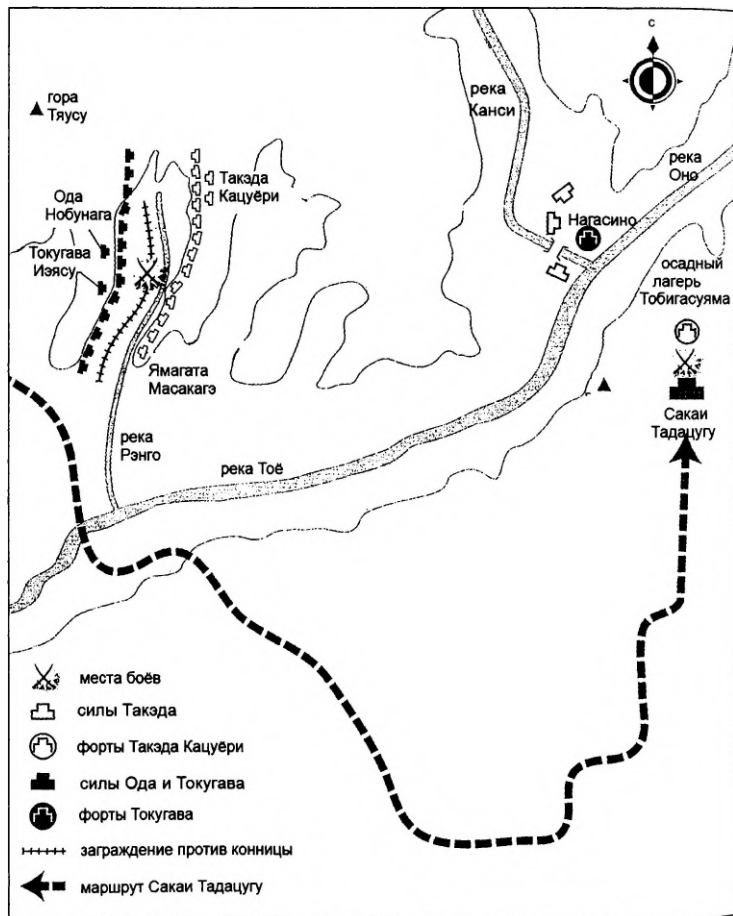
Вскоре после начала сражения из лагеря Тобигасуяма в штаб Такэда примчался гонец с плохой вестью: укрепление уничтожено, а его защитники рассеяны. Сработала ещё одна уловка Нобунага. Вечером накануне сражения он под покровом темноты отправил 4-тысячный отряд с заданием скрытно занять позицию возле осадного лагеря противника и сразу после начала основного боя идти на штурм. Командующим этой операцией он назначил одного из лучших командиров Токугава по имени Сакаи Тадацугу (1527–1596), дав ему в помощь свою личную гвардию и 500 аркебузирова. Такэда оставил в Тобигасуяма три тысячи человек, так что нападавшие имели лишь небольшое численное преимущество, но фактор внезапности сыграл свою роль. Кроме того, к отряду Сакаи присоеди-

Пехотинец с пикой (слева) и аркебузой (справа)

нился вышедший из форта Нагасино осаждённый гарнизон. За несколько часов лагерь Тобигасуяма был сожжён и разрушен; армия Такэда лишилась своего единственного укрепления — теперь ей было некуда отступать.

Основной бой продолжался до двух часов дня и закончился полным поражением Такэда. Когда потери пре-

Сражение при Нагасино

высыли половину личного состава, его воины начали отступать, а затем побежали. Преследовавшая их конница Нобунага завершила разгром. Сам Кацуёри уцелел, но 54 его командира остались лежать на поле боя. Многие из них служили клану Такэда в нескольких поколениях и были известны далеко за пределами района Канто. В бою при Нагасино погибли такие крупные полководцы, как Ямагата Масакагэ (1529–1575), Найто Масатоё (1522–1575), Цутия Масацугу (1544–1575), Санада Нобуцуна (1537–1575). Армия Такэда потеряла убитыми и ранеными около 10 тысяч человек (две трети личного состава), в то время как потери Нобунага составили около 6 тысяч (одна шестая часть). Эти цифры говорят о масштабе и ожесточённости сражения.

В работах по истории междоусобных войн сражение при Нагасино называют примером победы огнестрельного оружия над конницей, но это и упрощение, и преувеличение одновременно. Даже если допустить, что Одзэ Хоан прав и у Нобунага была не одна, а три тысячи аркебузиров, то и в этом случае они составляли всего лишь одну двенадцатую часть его войска. Точно так же знаменитая конница Такэда была немногочисленной по сравнению с массой рядовых пехотинцев, хотя точное соотношение неизвестно. Как и в большинстве других сражений того времени, его судьба решилась усилиями рядовых бойцов, сошедшихся на поле боя. В тактическом плане победу Нобунага обеспечили три фактора: 1) более чем двукратное превосходство в силах; 2) грамотный тактический план с применением защитных заграждений и ударом по тыловому лагерю противника; 3) умелое использование преимуществ огнестрельного оружия. По значимости факторы следуют именно в таком порядке.

Строго говоря, алгоритм действий аркебузиров Нобунага точно неизвестен — они либо стреляли по очереди, сменяя друг друга на линии огня, либо каждый стрелок

имел одного или двух заряжающих, которые лишь подавали ему оружие. Эти два варианта представляются наиболее вероятными. Но никто из участников боя записей не делал, поэтому техника стрельбы до сих пор неизвестна.

Как бы то ни было, но в бою при Нагасино клан Такэда потерпел тяжелейшее поражение, от которого не сумел оправиться. Гибель старших командиров и большей части войска подорвали влияние именитого воинского дома. Это поражение стало первым шагом к гибели и забвению, которые постигнут клан Такэда через семь лет.

На том месте, где 440 лет назад сражались воины Ода, Токугава и Такэда, сегодня находится небольшой городок Синсиро (префектура Айти) с населением 52 тысячи человек. Его жители помнят о тех событиях и каждый год отмечают не один, а несколько праздников, связанных с тем, что произошло здесь 21 мая 1575 года.

После этой победы Нобунага восстановил контроль над всеми укреплениями в провинции Мино, захваченными ранее Такэда Кацуёри. За исключением форта Ивамуре, которым владел Акияма Нобутомо (1527–1575). Поручив его своему сыну Нобутада, Нобунага вернулся в Гифу. На осаду Ивамуре ушло ещё пять месяцев, в течение которых гарнизон несколько раз совершал вылазки и вступал в бой с силами Нобутада. К началу ноября запасы продовольствия подошли к концу, и гарнизон предпринял отчаянную попытку прорвать окружение, но потерпел неудачу. Через несколько дней, 14 ноября, Нобунага получил сообщение, что Такэда Кацуёри вышел на помощь осаждённым, и начал готовиться к походу, но вскоре выяснилось, что информация была ложной. Через неделю, 21 ноября, комендант Акияма Нобутомо предложил сдать форт в обмен на сохранение жизни его защитникам. Нобутада согласился и отправил хозяина форта вместе с семьёй в замок отца, где Нобутомо, его жена и трое детей были казнены. Такэда

Кацуёри лишился своего последнего укрепления в провинции Мино.

Нобунага широко оповестил общественность о своей победе над давним противником и через месяц отправился в столицу, где ему был устроен пышный приём. Храм Сёкоку, где он остановился, ежедневно посещали придворные аристократы и военачальники всех рангов. Основное содержание визитов составляли поздравления по случаю победы и обмен подарками. Нобунага не устал повторять своим гостям, что его победа будет способствовать миру и спокойствию в столице и что все его усилия направлены на благополучие императорского дома. В рамках праздничных мероприятий при дворе был устроен очередной турнир по игре в мяч (*кэмари*), на котором виновнику торжества от имени императора была поднесена ритуальная чашка сакэ. Всё это показывало столичной общественности, что император Огимати и Ода Нобунага — союзники, действующие в интересах государства. Нобунага получил предложение повысить свой придворный ранг и должность, но отказался, попросив вместо этого поощрить званиями своих полководцев. Император согласился и пожаловал им престижные придворные титулы, которыми в древности владели родовитые аристократы: Мацуи Юкан, наместник Нобунага в Сакаи, получил титул *Кунайкё но Хоин*, Акэти Мицухидэ — титул *Корэто Хюга но Ками*, а Нива Нагахидэ — титул *Корэдзуми*. Нобунага отблагодарил императора щедрым подношением, а нескольким высшим аристократам пообещал отремонтировать усадьбы.

Обсуждение громкой победы Нобунага принесло результаты — в начале июля несколько независимых военачальников из столичного района изъявили желание перейти к нему на службу и дали клятву верности. После столичных торжеств Нобунага вернулся в Гифу и занялся подготовкой к походу в провинцию Этидзэн, больше года назад отобранную у него повстанцами. Как уже говори-

лось, между наместником Кэннэ и местными командирами начался конфликт, и с осени 1574 года в Этидзэн продолжались боевые столкновения. Наводить здесь порядок нужно было в первую очередь, поскольку Этидзэн граничила с Мино, домашней провинцией Нобунага.

На подготовку нового похода ушло полтора месяца. Как и год назад перед кампанией в дельте Нагасима, Нобунага провел масштабную мобилизацию среди местного населения и собрал более 100 тысяч человек. Он связался также с руководителями буддийских школ Сингон и Тэндай, враждовавших со школой Дзёдо, и заручился их поддержкой. Нашёл он противников Кэннэ и в его собственном лагере. Мобилизовав таким образом все резервы, Нобунага 2 августа выступил против мятежников. Его армия выдвигалась в Этидзэн несколькими маршрутами. Сам он начал свой путь из Гифу, а Акэти Мицухидэ и Хасиба Хидэёси прибыли морем и высадились на побережье.

В штабе повстанцев, среди которых было немало бывших вассалов Асакура, решили встретить Нобунага на горном перевале Киномэ, делившем провинцию на северную и южную часть. Это было резонно, поскольку за перевалом уже не было серьёзных укреплений, которые могли бы остановить Нобунага. На перевале было построено несколько новых фортов и усилены гарнизоны ранее существовавших. Как показали дальнейшие события, командиры повстанцев не отличались особой сплоченностью и имели претензии к наместнику Кэннэ, поэтому многие из них в первые же дни перешли на сторону Нобунага.

Боевые действия начались в середине августа. Разделившись на несколько групп, силы Нобунага атаковали передовые укрепления повстанцев, захватили их и сожгли. Первые поражения привели к массовому дезертирству из остальных фортов — защитники бежали из них ещё до начала штурма. Разными путями беглецы пробирались в главный город провинции Футю, где их уже ожида-

ли прибывшие морским путём Хасиба Хидзёси и Акэти Мицухидэ. Сюда же стремились разрозненные остатки гарнизонов, которые оказали Нобунага сопротивление, но потерпели поражение. Отряды повстанцев по 300–500 человек, ежедневно входившие в город со всех сторон, легко уничтожались.

Нобунага со своим штабом разместился в крупном замке Цуруга, и его полководцы отправляли туда по 500–600 отрубленных голов ежедневно. Рекорд был установлен 17 августа, когда за один день было доставлено более 2 тысяч голов. Захваченных в плен отправляли туда же под конвоем и устраивали массовые казни. Точное число погибших повстанцев во время этой операции неизвестно, но только за пять дней, с 15 по 19 августа, было убито и взято в плен более 12 тысяч человек. Общие же потери местного населения за всё время боёв, по разным оценкам, составили от 30 до 40 тысяч человек. В письме, адре-

Переноска голов

сованном Мураи Садакацу, Нобунага писал: «Город Футю завален трупами, и мне очень хотелось бы показать вам эту картину». Так же как в дельте Нагасима, война с повстанцами шла на физическое уничтожение. Однако убивали далеко не всех — потребность в рабах оставалась высокой, поэтому несколько десятков тысяч человек были отправлены в уезды и провинции командиров Нобунага.

Судьба местных руководителей сложилась по-разному. Присланный из Исияма хонган наместник Симоцума Райсё, переодевшись простолюдином, бежал в ближайший порт, но по дороге был убит. Поддержавший его в момент мятежа Асакура Кагэтакэ без сопротивления сдал Нобунага форт Кадзао, но тем не менее был казнён. До этого они с Нобунага не раз встречались на поле боя: Кагэтакэ командовал силами Асакура в сражении на реке Анэ, защищался в бою при Тонэдзака и в последний момент сумел бежать, но в августе 1575 года история их отношений закончилась. Полевой командир повстанцев Ситири Ёритика и его помощник Вакабаяси Нагато бежали в соседнюю провинцию Кага и там продолжили сопротивление.

Двадцать третьего августа в замке Итидзёдани состоялось подведение итогов. Уже во второй раз Нобунага пришлось воевать за возвращение захваченных ранее земель — сначала в провинции Исэ (1568 и 1574 года), а теперь в Этидзэн (1573 и 1575 года). В обоих случаях повторные кампании были более масштабными и требовали больших усилий. И там, и там противник был один и тот же — местные повстанцы, за которыми стояли храм Исияма хонган и сёгун Ёсиаки. Было очевидно, что нужно создавать более надёжную систему управления на покорённых территориях. Двадцать второго августа в письме Мураи Садакацу Нобунага сообщал, что вернул себе провинцию Этидзэн и должен будет задержаться здесь на некоторое время. Извещая о ходе событий своего намест-

ника в Киото, Нобунага ещё раз напоминал императору и столичной элите о своих успехах. Вскоре из столицы в Футю прибыла представительная делегация во главе с посланником наследного принца Кадзюдзи Харэтоё и доверенным лицом Нобунага Ёсида Канэми. Её визит означал одобрение и полную поддержку со стороны императора.

Столицу провинции Нобунага перенёс из Футю в Китаносё (современный город Фукуи в одноимённой префектуре). Здесь состоялась победная церемония *ронко косё* с награждением отличившихся полководцев и распределением земель. Её главным героем стал 53-летний Сибата Кацуиз, служивший Нобунага уже 18 лет. Он был назначен главным управителем Этидзэн и поселился в замке Китаносё. В систему управления провинцией Нобунага внёс несколько новых элементов. Из восьми её уездов два были переданы в совместное управление трём командирам — Мазда Тосииз, Сасса Наримаса и Фува Мицухару. Они получили уделы с доходом по 100 тысяч *коку* риса каждый и должны были помогать Сибата держать беспокойную провинцию под контролем. Формально они ему подчинялись, но фактически выполняли распоряжения Нобунага и должны были присматривать за своим начальником, а также друг за другом. Тремя годами позднее Нобунага отправил их на подавление мятежа Араки Мурасигэ без какого-либо согласования с Сибата Кацуиз, что показывает, кому они на самом деле подчинялись. Самым крупным городом в двух уездах был Футю (современный город Наоэцу), поэтому этих трёх полководцев стали называть триумвирами из Футю (*Футю но саннинсю*). Эта система управления просуществовала пять лет и распалась в 1580 году.

Расставив людей на руководящие посты, Нобунага составил для них инструкцию (*Окитэ дзёдзё*)³³, которой они

³³ Известны также под названием *Этидзэн куниокитэ* (Правила провинции Этидзэн).

должны были следовать. Из неё видно, что хозяином провинции Нобунага считал себя, а своих назначенцев рассматривал как временных управляющих. Они были обязаны обеспечивать порядок на вверенных землях, но всеми ресурсами и доходами он распоряжался сам. Нобунага также имел право в любой момент переместить своего назначенца в другой уезд или провинцию, и в этом состояло принципиальное отличие от прежней феодальной системы, при которой воинские кланы считали свои вотчины неотъемлемой собственностью, передаваемой по наследству. В эпоху Муромати ни император, ни сёгун не могли лишить их владений, их можно было потерять только в борьбе с другими кланами. Нобунага же исходил из того, что всеми завоёванными территориями, как и служившими ему полководцами, он имеет право распоряжаться по своему желанию.

Ниже приводятся девять правил, которые Нобунага составил для своих назначенцев в Этидзэн.

1. Любые дополнительные налоги с крестьян сверх существующих запрещены. В случае крайней нужды обращаться ко мне. Запросы подавать по мере необходимости.
2. Распорядители земель не могут расширять их самовольно. Все дела должны решаться мирно и по согласию. Во всем надлежит соблюдать бдительность, а пуще всего заботиться об укреплении фортов. Распределять земли между вассалами следует по справедливости.
3. Споры подданных рассуждать честно, односторонне выгодные суждения недопустимы. При отсутствии согласия дело передавать мне.
4. Угодья, ранее принадлежавшие аристократическим домам и храмам, вернуть прежним хозяевам. Считать оными тех, кто имеет жалованную грамо-

- ту с печатью. При возвращении уделов соблюдать справедливость.
5. На всех моих землях нет дорожных застав, то же учредить и здесь.
 6. Управителю столь крупной провинции надлежит вникать в дела без небрежения. Первая забота — обустроенность укреплений; главное внимание запасам оружия, амуниции и провианта, хоть на пять, хоть на десять лет вперёд. Сбирать налоги без личной корысти и радеть о благонравии; избегать публичных зрелищ и телесных удовольствий, будь то юноши или девушки.
 7. Соколиную охоту запретить. Однако можно использовать ловчих птиц при строительстве фортов для улучшения обзора, а также разрешать охоту детям для забавы.
 8. Два-три удела оставить в резерве без назначения. Сие надобно для поощрения достойных вассалов, ибо без знания о награде их служба станет показною и ничего не будет стоить. Вплоть до раздачи уделы остаются под моей властью.
 9. Что бы ни случилось, во всем следовать моим указаниям. Но не должно применять их во вред, равно как и прикрывать ими свои неблагоприятные дела, ссылаясь на меня. Если исполнение указания кажется трудным, его следует тут же прояснить, а приняв, выполнять неукоснительно. Недопустимо покорствовать передо мною внешне, проявляя при этом небрежение делами в надежде скрыть сие, но подлинная преданность и уважение необходимы. Кто идёт вместе со мной, того ждёт слава и успех.

(Синтё коки)

В соседней провинции Кага повстанческие отряды чувствовали себя ещё увереннее, чем в Этидзэн. Полевые

командиры правили там более 80 лет, и за это время Кага стала крупным региональным центром повстанческого движения. Понимая, что повстанцы не смирятся с потерей Этидзэн и после его ухода возобновят боевые действия, Нобунага отправил своих командиров в Кага с заданием захватить её южную часть, граничившую с Этидзэн. Эта задача была быстро выполнена, и уезды Энума и Номи перешли под его контроль. Теперь нужно было назначить в них наместника. Им стал Янада Хиромаса, один из командиров личной гвардии Нобунага. Ему предстояла непростая задача — удерживать территорию небольшими силами в 4–5 тысяч человек.

Как и следовало ожидать, сразу после ухода основных сил Нобунага повстанцы активизировались и начали строить укрепления вдоль границ уездов Энума и Номи. Сведений о том, как проходили здесь боевые действия, не сохранилось, но, судя по всему, дела у Янада Хиромаса шли неважно, потому что через год после назначения Нобунага отозвал его в Гифу, а контроль над двумя уездами перепоручил Сибата Кацуиэ. Борьба с повстанцами продолжалась.

Захват двух уездов в южной части провинции Кага имел ещё одно следствие — он насторожил Уэсуги Кэнсин, владения которого граничили с Кага на востоке. В тот момент он состоял с Нобунага в союзных отношениях, но его расширение на восток поставило их под угрозу.

Вернувшись из Этидзэн в конце сентября, Нобунага вскоре выехал в столицу. Его последние победы заметно снизили активность сил, противостоящих ему в столичном районе, и одна из причин заключалась в прекращении поставок риса, которым их снабжали плодородные провинции Этидзэн и Кага. Лишившись запасов, Коса Кэннэ перед наступлением холодов выступил с предложением заключить перемирие. Переговоры прошли при посредничестве Мацуи Юкан и завершились 21 октября подписа-

нием очередного мирного соглашения. Обе стороны понимали, что оно временное, но у всех были свои резоны.

В процессе этих переговоров Нобунага впервые проявил интерес к придворным рангам, и в начале ноября император направил ему приглашение посетить дворец для участия в ритуальной церемонии. Как и всё связанное с сакральным правителем, посещение дворца обозначалось специальным термином (*сёдэн*, буквально «восхождение в обитель») и возвышало его над простыми смертными. Удостоенных этой чести называли «взошедшими» (*дэндзёбито*) в противовес остальным «земным» (*дзигэ*). После крупных побед, одержанных Нобунага в 1575 году, внимание монарха выглядело заслуженным.

На церемонии Нобунага был удостоен полного третьего ранга, получил должность императорского советника (*дайнагон*) и воинское звание «великого правого полководца» (*удайсё*). Эти регалии соответствовали тем, которыми в своё время был отмечен первый военный правитель Японии Минамото Ёритомо (1147–1199). Нобунага в ответ одарил императора золотом и шёлковыми тканями и расширил земельные владения несколько высшим аристократам. Вероятно, с этого момента можно начинать отсчёт в создании системы высшей политической власти Нобунага. Поддерживая императора и придворную знать, он подчёркнуто позиционировал себя в качестве их защитника и покровителя, выступая от их имени. Такую же позицию он занял по отношению к крупнейшим храмам. Распоряжение землёй составляло основу его экономической власти, и в этом смысле она ничем не отличалась от системы правления сёгунов эпохи Муромати. Главное отличие состояло в военной силе, которую Нобунага сосредоточил в своих руках и с помощью которой планировал расширяться дальше. В письме, адресованном крупному восточному военачальнику Датэ Тэрумунэ (1544–1585), Нобунага писал, что восемь восточных провинций рано

или поздно ему покорятся, что говорит о его неиссякаемом честолюбии.

В ноябре того же года Нобунага издал серию указов, в которых гарантировал высшей знати её прежние земли и выделил новые. Именитые аристократы один за другим потянулись к нему с благодарственными визитами и подарками. Наибольший годовой доход в 300 *коку* риса получил входивший в «большую пятёрку» аристократический дом Коноэ, боковая ветвь Фудзивара, остальные же довольствовались более скромными доходами — от 10 до 100 *коку*. Не очень много по сравнению с тем, что имели воинские кланы, но обнищавшие аристократы были рады и этому. Не забыл Нобунага и про тех, кто нёс службу в императорском дворце, — про прислугу и мастеровых. Они тоже получили от него минимальный именной доход, который мог оформляться указом, — 3 *коку* риса. Всего таким образом было распределено земель с общим доходом более двух тысяч *коку*. Большая часть угодий, доставшихся императорскому дому, находилась в провинции Ямасиро и раньше принадлежала чиновникам *бакуфу*; эти земли управлялись лично сёгуном, а после его изгнания перешли в распоряжение Нобунага. На этом этапе продвижения к власти Нобунага ещё не демонстрировал стремления к единоличному лидерству в ущерб отношениям с императором и придворной аристократией, он встраивался в уже существующую систему правления.

Что касается аристократической верхушки во главе с императором, то их больше всего интересовали две вещи — сохранение семейных привилегий и мир в столице, поэтому они готовы были мириться с любым военачальником, который обеспечил бы им эти условия. Нобунага это хорошо понимал — ликвидировав сёгунат, он приложил много усилий, чтобы заменить его системой личной власти и при этом не ущемить интересов высшей аристократии.

Замок Адзуту

Получив повышение при дворе, Нобунага передал полномочия главы семьи своему 18-летнему сыну Нобутада (1557–1582). Наследник с 15 лет выходил на поле боя и последние три года участвовал во всех военных походах. Нобунага уже несколько раз доверял ему отдельные операции, и сын с ними справлялся. Заменяв отца на посту главы семьи, Нобутада стал управителем провинций Мино и Овари и переехал в замок Гифу, а Нобунага временно поселился в освободившемся замке Сакума Нобумори.

Новый 1576 год он начал со строительства сразу двух резиденций. Одну он приказал построить в столице, где проводил теперь всё больше времени, а другую — в южной части провинции Оми, на берегу озера Бива. Столичную усадьбу он начал строить по соседству с регентом Нидзё Харуёси (1526–1579), поэтому за ней сразу закрепилось название «новая усадьба Нидзё» (*Нидзё госиндзо*). В дальнейшем Нобунага останавливался в ней нечасто и в 1579 году подарил наследному принцу Санэхито, после чего её название снова изменилось — она стала именоваться «новым дворцом Нидзё» (*Нидзё сингосё*). Её строительство продолжалось 30 месяцев и было завершено в ноябре 1578 года.

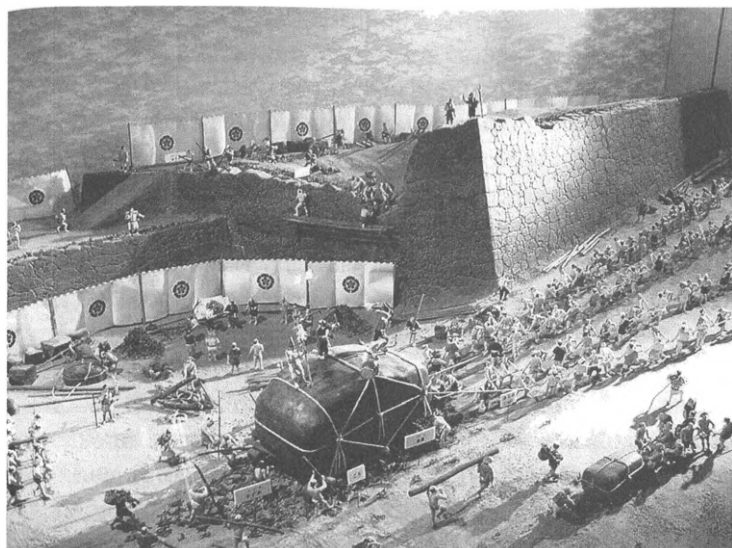
Но главный проект Нобунага развернулся на горе Адзуту, где он решил возвести невиданное до сих пор по масштабам сооружение. На её вершине издавна располагался форт Адзуту, а у подножия — призамковый город на несколько тысяч жителей и храм Дзёраку, в котором Нобунага часто останавливался на ночлег по пути в столицу. Форт принадлежал в своё время Роккаку Дзётэй и находился на середине пути между Гифу и Киото, в 52 км от столицы. Отсюда водным путём до неё можно было добраться за один день. Кроме того, Адзуту располагался в

центре подконтрольной Нобунага территории, на пересечении региональных трактов Хаппу, Хоккоку, Накасэн и Токай, которые связывали столицу с северо-восточными провинциями. Во время боевых действий против Адзай, Асакура и храма Исияма Нобунага часто пользовался преимуществами его расположения. Немаловажное значение имел также пояс безопасности, окружавший район горы Адзути: на востоке — домашняя провинция Мино (старший сын Нобутада), на севере — владения Хасиба Хидэёси, на западе — Акэти Мицухидэ, на юге — провинция Исэ (третий сын Нобутака).

Указ о строительстве нового замка был издан в январе 1576 года. Ответственным за его исполнение стал Нива Нагахидэ, он же должен был обеспечить трудовую мобилизацию. Гора Адзути имела в высоту 110 метров и довольно крутые склоны. С точки зрения безопасности это было хорошо, но для большого строительства — плохо, потому что для крепостных стен и фундамента по склонам приходилось поднимать огромные валуны. Согласно источникам, самый большой из них, знаменитый «змеи-

Расположение Адзути

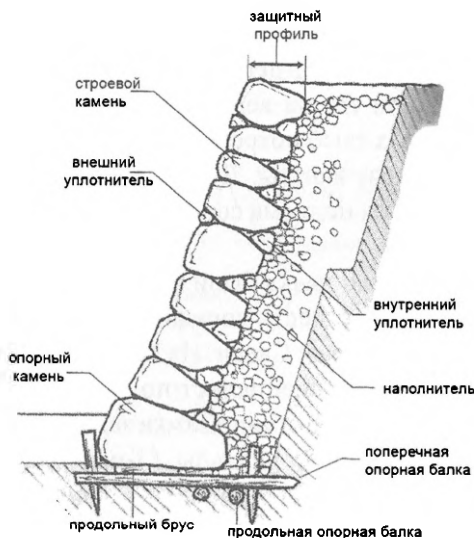
На строительстве замка

ный камень» (*дзяиси*), имел несколько метров в диаметре и весил более 100 тонн; десять тысяч человек ручными лебёдками тащили его на вершину горы трое суток. Для подъёма каменных глыб потребовалось сплести специальные, особо прочные канаты. Луис Фройс писал, что один из валунов во время подъёма сорвался и раздавил полторы сотни человек.

На строительство замка были мобилизованы все плотники и каменщики из шести соседних провинций, а также из городов Киото, Нара и Сакаи. Из Китая был специально приглашён известный специалист по укладке кровельной плитки. Сначала на территории замка заложили каменный фундамент для Главной усадьбы (*Хоммару*), затем для Второй и Третьей усадеб (*Ниномару*, *Санномару*). В центре замкового комплекса возвышалось его самое высокое строение, Главная пагода (*Тэнсю*, буквально «владыка неба»). Такие пагоды были обязательным элементом лю-

бого крупного замка; в мирное время они символизировали статус хозяина, а в военное служили штабом и последним рубежом обороны. В последующие три столетия эта структура оставалась неизменной для резиденций всех правителей от Тоётоми Хидэёси до 15-го сёгуна Токугава.

От строителей требовалась работа высочайшего качества. Они обтёсывали и укладывали каменные блоки так, чтобы между ними не проходила шёлковая нить. Ведущие к замку дороги в целях безопасности сделали узкими и извилистыми. Основное строительство продолжалось три с половиной года, и 8 сентября 1579 года состоялась церемония открытия, на которой Нобунага награждал строителей шёлковыми кимоно. Масштаб сооружения впечатлил даже европейских миссионеров. Органтино писал, что замок Адзуты «является, вероятно, одним из самых величественных строений, известных христианскому миру».

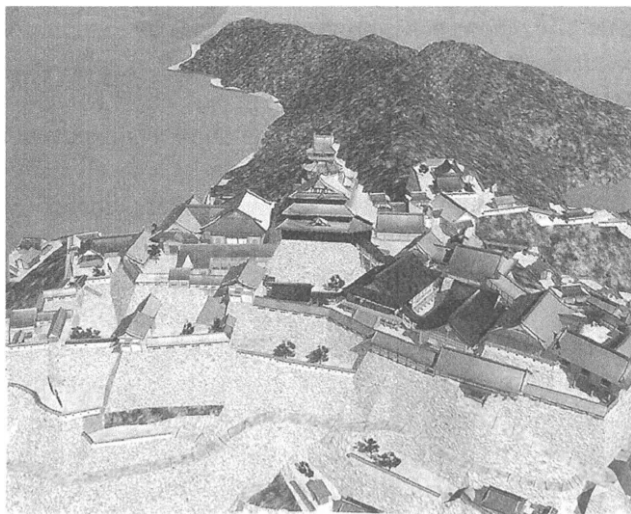

Профиль каменной стены

Именно с этого времени Нобунага стали называть словом «уэсама» (превосходительство, сиятельство), которое впоследствии станет общепринятым обращением к главному военному правителю.

Личные покои Нобунага располагались в Главной пагоде. Она возвышалась на 30 метров, что примерно соответствует высоте 10-этажного дома, и имела семь ярусов — один подземный и шесть надземных. Место для пагоды было выбрано на каменистом фундаменте горного склона, способном выдержать массивное строение. Внутренняя планировка, убранство и оформление Главной пагоды были выдержаны в классическом китайском стиле, характерном для того времени.

Основные жилые помещения располагались на первых трёх этажах. На первом насчитывалось девятнадцать комнат, на втором — четырнадцать, на третьем — десять.

Замок Адзуты
(музейная реконструкция)

Ота Гюити пишет, что первый этаж имел 20 *кэн*³⁴ в длину и 17 в ширину (36 и 31 м соответственно); его общая площадь составляла 1116 квадратных метров. По периметру его поддерживали 204 колонны (*Синтё коки*).

Здесь же находился зал для проведения чайных церемоний. Внутренние помещения были убраны шёлковыми тканями и лакированной деревянной плиткой *уруси* в исполнении лучших мастеров. Два верхних этажа Главной пагоды, пятый и шестой, фактически представляли собой картинную галерею — их стены были украшены множеством картин на религиозно-исторические темы. Их сюжеты отражали философию всех трёх основных учений — Будды, Конфуция и Дао. Для художественного оформления замка были приглашены лучшие мастера того времени, в том числе знаменитый пейзажист Кано Эйтоку (1543–1590), создавший собственную школу росписи по золоту и считающийся одним из лучших художников Японии всех времён. Верхний, седьмой этаж Главной пагоды был выдержан в золотых тонах и венчал собой всё это художественное великолепие. Золотые драконы, обрамлявшие портреты китайских правителей и мудрецов во главе с Конфуцием, демонстрировали художественный вкус и просвещённость хозяина замка.

Не исключено, что великолепием своего нового замка Нобунага хотел частично компенсировать отсутствие формальных оснований на высшую власть. Он словно говорил своим гостям: «У меня нет звания сёгуна, но я силён, умён и образован, у меня лучшие мастера и произведения искусства, и никто не может в этом со мной сравниться». Это предположение косвенно подтверждается тем, что вскоре после открытия замка Нобунага сделал вход в него свободным — тех, кто видел его великолепие, уже не нужно было убеждать в величии его хозяина, и он хотел, что-

³⁴ Один *кэн* = 1,81 метра.

бы таких было как можно больше. Один из европейских миссионеров писал, что «поскольку это великолепное сооружение построено им [Нобунага], чтобы показать своё собственное величие, он позволил его видеть всем, кто пожелает» (Ламерс, 2012).

В последующие три года в призамковом городе Адзуту проводились конные парады и праздники, собиравшие зрителей со всей округи, многолюдные турниры по борьбе *сумо*, званые чайные церемонии с использованием старинного антиквариата и многое другое. По оценкам европейских миссионеров, в 1581 году население города составляло около 5 тысяч человек.

Строительство Главной пагоды было закончено в 1579 году. Для торжественной церемонии астрологи выбрали благоприятный день по лунному календарю — он выпал на 11 мая и совпал с днём рождения Нобунага. В этот день в замке была организована выставка священных реликвий, в том числе древних китайских манускриптов, предназначенных для передачи императорскому дому. Затем гостям устроили экскурсию по замку с рассказом о его внутреннем

Замок Адзуту (гравюра)

устройстве. Все приглашённые должны были оставить в специальной шкатулке пожертвование с пожеланием строению долгой и счастливой судьбы. Важной частью церемонии открытия стал большой конный парад.

Во время праздничных мероприятий Нобунага обнародовал новый указ, кардинальным образом менявший жизнь его вассалов. Им предписывалось покинуть свои домашние резиденции и вместе с семьями поселиться в призамковом городе Адзути. Для управления оставленными землями они должны были назначить наместников из числа ближайших вассалов. Задачи, которые ставил перед собой Нобунага, требовали от подчинённых ему командиров постоянного присутствия и готовности отправиться в поход в любой момент. Этот указ стал первым шагом к превращению феодалов-землевладельцев в наёмных командиров, которые служат там, где приказано. Нобунага лишь начал этот процесс, а завершился он через сто лет, в годы правления третьего сёгуна Токугава, когда бывших *сэнгоку даймё* стали называть *хатиуэ даймё*³⁵.

На церемонии открытия замка Нобунага представил гостям павильон *Миюкинома*, выделявшийся роскошью отделки и напоминавший очертаниями императорский дворец в Киото. О существовании этого павильона стало известно сравнительно недавно, в конце XX века, когда небольшой научно-исследовательский институт в префектуре Сига начал раскопки на горе Адзути. В 1989 году было установлено, что павильон находился в западном крыле главной башни, к нему вела прямая широкая дорога, по-видимому, главная в замковом комплексе. В центре павильона располагался убранный шёлком и украшенный золотом императорский зал, вызывавший благоговейный трепет у посетителей замка.

³⁵ *Хатиуэ* — черенок, саженец. Перемещаемый с места на место *даймё* подобен саженцу, переносимому на новую почву.

Идея построить гостевую резиденцию для «сына неба» была весьма смелой для того времени. По китайской традиции японский император был окружён ореолом сакральной таинственности, и простые смертные не могли видеть его лица, художественные и скульптурные изображения также

Центральная лестница
в замке Адзуты

были запрещены. Дворец, в котором он жил, был изолирован от суетного и брэнного мира, император покидал его крайне редко и только в ритуальных целях. Во время выездов он мог останавливаться лишь в храмах, имевших особые отношения с императорской династией, а на светских мероприятиях появлялся ещё реже. Дерзость Нобунага заключалась ещё и в том, что по общему для всех восточных народов ритуалу низший должен посещать высшего, но не наоборот. Хроники императорского дома сохранили упоминания о единичных исключениях из этого правила: в начале XV века император Гокомацу освятил своим присутствием резиденцию 3-го сёгуна Асикага Ёсимицу (1358–1408), а во второй половине того же столетия император Гоцутимикадо посетил 8-го сёгуна Ёсимаса. Подобные визиты совершались так редко, что память о них хранилась долго. По-видимому, Нобунага это не смущало — он многое делал впервые, и гостевая резиденция для императора стала одним из таких прецедентов.

И ещё одна небольшая, но важная деталь. Императорский павильон *Миюкинома* располагался в основании

Главной пагоды, а покои Нобунага — несколькими ярусами выше. И если бы император когда-нибудь стал гостем Нобунага, то ему пришлось бы смотреть на хозяина замка снизу вверх. Дело в том, что в Японии все жилища с незапамятных времён строились так, что личные комнаты первого лица располагались на верхнем уровне. Поэтому где бы ни находился император, никто и никогда не мог быть выше его головы. В замке Адзуты это правило было нарушено, и вряд ли случайно.

Реализовать свою задумку на практике Нобунага не удалось — император Огимати так и не побывал у него в гостях. Принять у себя императора сумел Тоётоми Хидэёси в 1588 году, пригласив на открытие своей новой резиденции Дзюракутэй только что вступившего на престол внука Огимати, императора Гоёдзэй.

Однако жизнь замка Адзуты оказалась недолгой. Он опустел и был заброшен уже через три года после торжественного открытия, в день гибели Нобунага. Через год после его смерти в расположенный неподалёку форт Хатиман вселился племянник начавшего своё восхождение к власти Тоётоми Хидэёси, и пятитысячное население Адзуты за три года постепенно переместилось на новое место. Таким образом, любимое детище Нобунага просуществовало всего 9 лет, считая с начала строительства. Со временем на месте замка остался лишь небольшой буддийский храм Сокэн, но и он сгорел в конце эпохи Токугава. Сегодня у подножия горы располагается небольшой посёлок Адзуты с населением в 3600 человек, это меньше, чем в 1581 году. А Гифу, прежний замок Нобунага, сохранился как город с тем же названием; сегодня это столица одноимённой префектуры с населением более 400 тысяч человек.

Третий кризис

В начале 1576 года противники Нобунага снова активизировались, и главную роль в этом сыграл сёгун Ёсиаки. Перебравшись в провинцию Бинго, он обратился за помощью в восстановлении сёгуната к Мори Тэрумото (1553–1625), и его просьба была внимательно выслушана. Узнав об активизации бывшего союзника, Нобунага распорядился полностью разрушить его столичную резиденцию, а все хранившиеся в ней документы отправить в Адзути. Приказ был выполнен 13 апреля. Разрушение замка Нидзё всколыхнуло сторонников сёгуна и стало поводом для возобновления боевых действий в столичном районе — уже на следующий день духовный лидер повстанцев Коса Кэннэ разорвал мирное соглашение с Нобунага и приказал атаковать его позиции.

После побед над повстанцами в дельте Нагасима и провинции Этидзэн Нобунага решил, что теперь самое время заняться их идейной цитаделью, храмом Исияма хонган. Собрав своих полководцев Акэти Мицухидэ, Араки Мурасигэ, Хосокава Фудзитака и Бан Наомаса, он приказал им атаковать и взять штурмом обнесённый рвами и высокими стенами город-храм, но его защитники встретили нападавших плотным огнём из сотен аркебуз, и атака захлебнулась. За время перемирия повстанцы сумели укрепить свои позиции. Во-первых, в устье реки Кидзу ими было построено несколько новых фортов, что позволило взять под контроль водные подступы к замку. Во-вторых, гарнизон Исияма хонган численно возрос и пополнился новыми защитниками, в основном за счёт повстанцев из района Сайка.

Отряды Бан Наомаса и Миёси Ясунага, отправленные на штурм соседнего вспомогательного форта Мицудэра, были атакованы с тыла 10-тысячными силами повстанцев. С большим трудом им удалось вырваться из ловушки и

отступить в форт Тэннодзи, но большая часть отряда Бан Наомаса, принявшего на себя основной удар, погибла вместе с командиром. Воодушевлённые победой повстанцы их преследовали и окружили форт Тэннодзи, а затем начали подготовку к штурму. Угроза его падения была вполне реальной, потому что Тэннодзи строился как вспомогательный осадный форт и не имел серьёзных укреплений. В хронике *Тодайки* (Записи о нынешних временах) говорится, что из-за отсутствия внешнего ограждения людям Нобунага приходилось укрываться за тушами убитых быков.

Узнав о разгроме у форта Мицудэра, находившийся в столице Нобунага бросился спасать ситуацию. Пятого мая он с сотней гвардейцев прибыл в форт Ваказ, и на следующий день туда подошли срочно вызванные им командиры с небольшим отрядом в три тысячи человек. Седьмого мая у форта Тэннодзи завязался бой, в котором повстанцы имели большое численное преимущество. По схеме, разработанной Нобунага, вновь прибывший отряд соединился с гарнизоном осаждённого Тэннодзи и зажал противника с двух сторон. Сам Нобунага сражался наравне со всеми и получил небольшое ранение в ногу, но сумел одержать трудную победу. Повстанцы дрались яростно и не щадили себя — для них Нобунага был узурпатором, вероломно нарушившим прошлогоднее мирное соглашение. Несмотря на сравнительно небольшое число участников, в бою у форта Тэннодзи было пролито много крови — согласно хронике, в ставку Нобунага доставили 2700 отрубленных голов. Повстанцы записей не вели, поэтому потери Нобунага неизвестны, но, вероятнее всего, они тоже были немалыми.

Отразив дерзкий выпад повстанцев, Нобунага вернулся к своей основной цели — ликвидации Исияма хонган. На этот раз сопротивление было решено сломить длительной осадой. Так же как два года назад в дельте Нагасима, во-

*Отчёт о сражении и представление голов
(гравюра)*

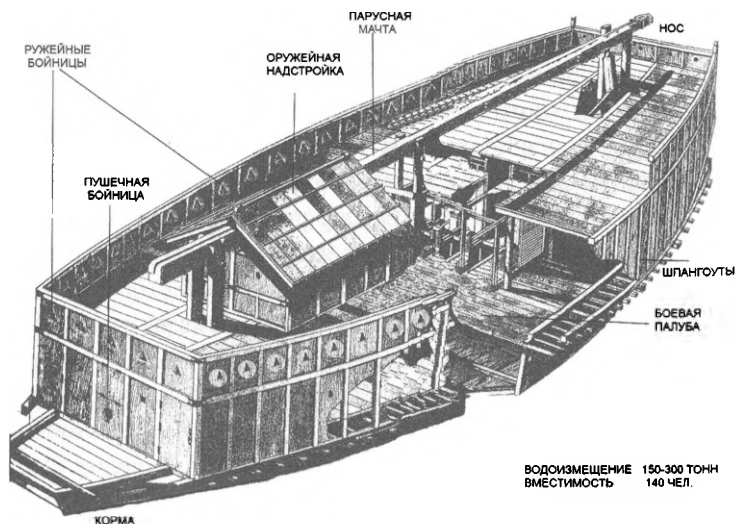
круг Исияма была выстроена цепь из десяти фортов, чтобы блокировать сухопутные подступы к нему. На реке, в районе форта Сумиёси, встала флотилия из провинции Идзуми, насчитывавшая несколько сотен судов. Осаду обеспечивало войско под командованием военачальников из семи разных провинций; общее командование операцией Нобунага возложил на опытного полководца Сакума Нобумори.

Вместо погибшего Бан Наомаса пост управляющего провинцией Ямато занял 27-летний Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584). Организовав работу штаба и отдав необходимые распоряжения, Нобунага вернулся в Адзути, где продолжил руководить строительством замка.

Попавший в плотную осаду лидер Исияма хонган обратился за помощью к сёгуну Ёсиаки, а тот — к Мори Тэрумото. Прежде всего осаждённым было необходимо продовольствие, и доставить его можно было только морем. Среди вассалов Мори самый большой флот имел воинский дом Мураками, столетиями промышлявший во Внутреннем море торговлей и пиратством. Собирая в проливах и на морских заставах пошлину, флотоводцы

Мураками оказывали мореходам и купцам лоцманские услуги, брали под защиту их суда, а иногда и просто грабили. По приказу Мори Тэрумото они загрузились рисом и взяли курс на залив Осака. Тринадцатого июля 1576 года около 800 парусно-гребных ладей под командованием Мураками Мотоёси, Кодама Нарихидэ, Авая Мотоёси и Номи Мунэацу вошли в залив и направились к устью реки Кидзу. Навстречу выдвинулись 300 боевых судов Нобунага, и в тот же день в акватории залива Осака состоялся морской бой, ставший первым прямым столкновением между Ода Нобунага и Мори Тэрумото.

Он закончился убедительной победой флотоводцев Мори, которые не только превосходили противника численно, но и были лучше подготовлены и вооружены. Во время боя они активно пользовались зажигательными стрелами и пороховыми ядрами (*хороку*), которые с помощью пращи могли метать на большое расстояние. Большая

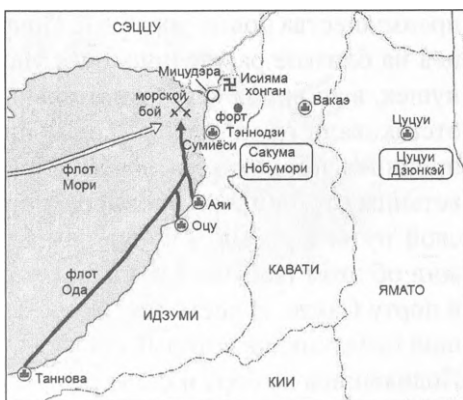

Боевая ладья XVI века (флот Мори)

часть флота Нобунага была сожжена этим оружием и потоплена, а флот Мори, не потеряв ни одного судна, беспрятственно поднялся по реке и доставил продовольствие осаждённому храму Исияма. В этом бою погиб командующий флотом Манабэ Симэнохёэ и ещё несколько старших командиров Нобунага. Первое боевое столкновение с Мори Тэрумото внесло полную ясность в его отношения с Нобунага — он стал его врагом.

После этого тактическая ситуация с осаждённым храмом Исияма надолго законсервировалась и приняла глубоко позиционный характер — сухопутные подступы к нему были по-прежнему перекрыты, но защитники получали всё необходимое морским путём и неплохо себя чувствовали. Флот Мори и лодки повстанцев из района Сайка ещё несколько раз появлялись в заливе Осака; помощь осаждённым начал оказывать и Уэсуги Кэнсин из провинции Этиго. Его переход на сторону противников Нобунага ознаменовал собой создание ещё одной, уже третьей по счёту антинобунагской коалиции.

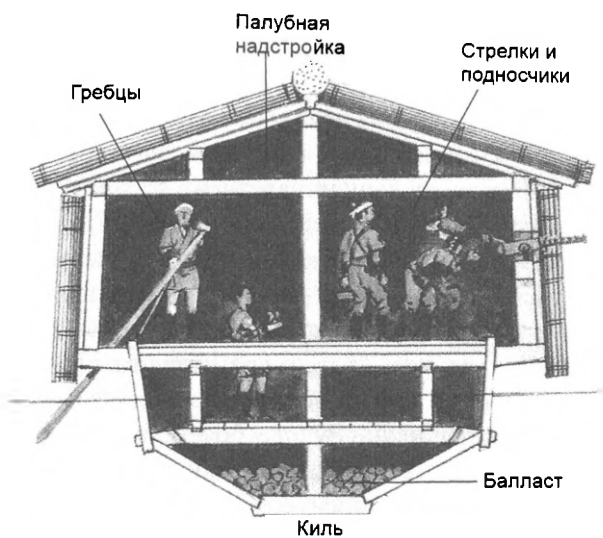
Болезненное поражение на море заставило Нобунага подумать о создании собственного флота. За несколько лет до этого ему на верность присягнул Куки Ёситака (1542–1600), военачальник из провинции Сима, имевший небольшой собственный флот. С учётом специализации Нобунага поручил ему заняться постройкой крупных кораблей, которые могли бы

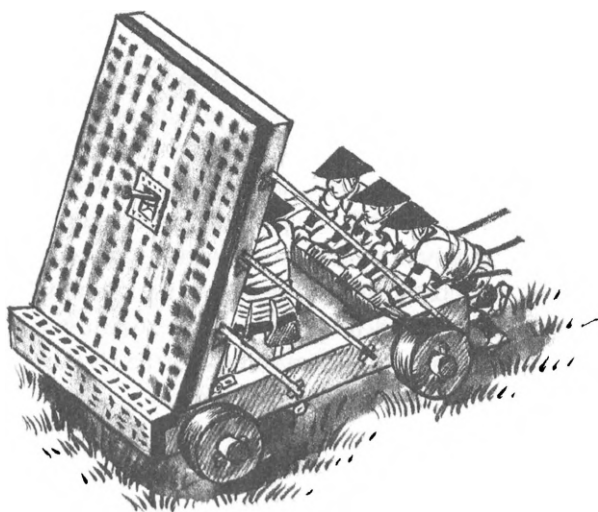
Морской бой в устье Кидзу (1576)

противостоять зажигательному оружию противника. Через два года 7 таких кораблей были спущены на воду; они имели 32 метра в длину и 11 в ширину. По тем временам это были огромные галеоны, размерами превосходившие всё, чем располагал Мори Тэрумото. Кроме размеров они имели ещё одно новшество — борта и палубные надстройки кораблей были обшиты металлическими пластинами, предохранявшими корпус от возгорания. До этого в качестве обшивки использовались деревянные планки толщиной в 6–10 см; они хорошо защищали от обстрела, но были уязвимы для зажигательных стрел. За бортовой броней каждого корабля были укрыты по три пушки — две по бортам и одна на корме. Невиданные доселе бронированные корабли оказались в диковинку не только японцам, но и европейским миссионерам, ранее не слышавшим ни о чём подобном.

В июне 1578 года бронированные корабли Нобунага в сопровождении обычных судов прошли морским путём из провинции Исэ в залив Осака и направились к Сакаи. По пути они были атакованы повстанцами из района Сайка, завязался морской бой. Куки Ёситака, возглавлявший флотилию, действовал хладнокровно и умело использовал преимущества новых кораблей. Подпустив лодки повстанцев на близкое расстояние, он в упор расстреливал их из пушек, в то время как зажигательные стрелы противника отскакивали от металлической обшивки его кораблей, не причиняя им никакого вреда. Потеряв часть флота, повстанцы отступили, и бронированный караван продолжил свой путь. Прибыв в пункт назначения, командир доложил об этом Нобунага и в начале сентября принимал его в порту Сакаи. В честь такого события был устроен большой праздник, на который собралось множество горожан. Поднявшись на борт и осмотрев украшенные боевой символикой корабли, Нобунага остался доволен и наградил своего флотоводца.

Боевая ладья в разрезе

Передвижная защитная платформа

Прибытие бронированных кораблей усилило позиции Сакума Нобумори и осложнило положение осаждённого храма Исияма. В ноябре того же 1578 года гружённый рисом флот Мураками вновь появился в заливе Осака. Шесть бронированных кораблей в сопровождении нескольких сотен обычных ладей вышли навстречу флоту Мураками, состоявшему из 600 боевых единиц. Бой начался в 8 часов утра и закончился к 2 часам дня. Куки Ёситака использовал тактику, опробованную в стычке с повстанцами Сайка полгода назад — сближаясь с противником, расстреливал его из корабельных пушек, в то время как зажигательные ядра противника на этот раз оказались бессильны против металлической обшивки. В ходе боя морякам Нобунага удалось вывести из строя флагманский корабль противника, на котором находился его командующий, и флот Мураками повернул назад. В ходе преследования Куки Ёситака сумел нанести ему дополнительный урон. К середине дня второе морское сражение в устье реки Кидзу завершилось победой флота Нобунага; ни один из его бронированных кораблей не пострадал.

Доминированию флота Мори Тэрумото в заливе Осака был положен конец, однако это не привело к перелому в осаде храма Исияма, которая продолжалась уже третий год. За всё это время Сакума Нобумори не провёл ни одной наступательной операции; нападавшие держали пассивную осаду, а защитники замка так или иначе получали всё необходимое извне и не предпринимали боевых вылазок. Нобунага, недовольный ходом дел, в апреле 1578 года отправил своего старшего сына Нобутада с заданием активизировать боевые действия и спровоцировать противника на открытый бой, но у него тоже ничего не получилось — повстанцы твёрдо придерживались оборонительной тактики и не выходили из-за крепостных стен.

Но вернёмся к событиям 1576 года. После первого сражения в устье реки Кидзу Нобунага вернулся в Адзути и

возобновил строительство замка, но вскоре ему пришлось снова заняться провинцией Исэ. Там в семье Китабатакэ уже семь лет находился его второй сын Нобукацу. В 1569 году глава дома подписал с Нобунага мирное соглашение и принял в семью его 11-летнего сына, чтобы по достижении совершеннолетия передать ему клан. Через 6 лет Китабатакэ Томонори выполнил обещание, но положение Нобукацу в чужом доме внушало Нобунага опасения, и осенью 1576 года он вступил в сговор с Фудзиката Томотоси, одним из вассалов Китабатакэ. Фудзиката поднял мятеж, в результате которого вся семья Китабатакэ была убита. Провинция Исэ перешла под контроль Нобунага, а список крупных военачальников пополнился новым именем — Китабатакэ Нобукацу; несведущему человеку было трудно догадаться, что это родной сын Ода Нобунага.

Сайка и Нэгоро

В снабжении осаждённого храма Исияма большую помощь оказывали его сторонники из провинции Кии в южной части одноимённого полуострова (современные префектуры Вакаяма и Мие). За исключением дома Хатакэяма, союзника Нобунага, в провинции не было крупных воинских кланов, но эта местность наряду с дельтой Нагасима, провинциями Кага и Этидзэн входила в число крупнейших самоуправляемых областей. Главную военную силу здесь составляли вооружённые отряды храмового комплекса Нэгоро (буддийская школа *Сингон*) и так называемые «люди из Сайка»³⁶ (*сайкасю*). Провинция Кии

³⁶ Район Сайка — пять уездов в северо-западной части провинции Кии. «Люди из Сайка» имели общее вероисповедание, развитую торговлю и ремёсла, собственные силы самообороны. Сегодня Сайка — один из районов города Вакаяма.

жила по своему уставу с элементами самоуправления: руководящие должности занимали не только самураи, но и выходцы из крестьян; во время боевых действий в районе объявлялась всеобщая мобилизация и т. п. В храме Нэгоро жили около шести тысяч монахов, ему подчинялись две с половиной тысячи более мелких храмов в разных уголках страны. В лучшие годы его вооружённые силы насчитывали до 10 тысяч человек, а военными операциями руководил местный предводитель Судзуки Магоити (1534–1589), о происхождении которого ничего не известно. Это была серьёзная сила, с которой приходилось считаться даже крупным воинским кланам. Совокупный годовой доход храма Нэгоро составлял от 500 до 700 тысяч *коку* риса, на его землях процветали ремесло и торговля. Ремесленники храма одними из первых наладили производство пушек, аркебуз и пороха, поэтому его отряды были хорошо вооружены. Они регулярно участвовали в боях и контролировали несколько фортов, расположенных вдоль реки Когги и на берегу залива Осака. После разрыва Нобунага с сёгуном Ёсиаки вооружённые монахи встали на сторону последнего. Таким образом, на полуострове Кии против Нобунага воевали последователи двух буддийских школ — храма Исияма (*Дзёдо*, учение Чистой земли) и храма Нэгоро (*Сингон*, учение Истинного слова).

Второго февраля 1577 года Нобунага получил сообщение, что контролируемые повстанцами форты Микарами и Сугинобо изъявили желание перейти на его сторону. Он командовал большой сбор, и через 11 дней набранная в пяти провинциях 100-тысячная армия вышла в поход. Заехав по пути в столицу, Нобунага присоединился к ней 13 февраля. Зная по предыдущему опыту, как тяжело воевать с повстанцами, он мобилизовал силы, в несколько раз превосходившие возможности противника. Перед выступлением, как обычно, была проведена разведка с целью выяснить, кто готов без боя перейти на сторону Нобунага. Из пяти деревень в районе

Сайка три согласились на переговоры, а из четырёх старших командиров храма Нэгоро один твёрдо пообещал Нобунага своё содействие. Это было уже неплохо.

Войдя в провинцию Кию, Нобунага стал осторожно продвигаться на юг вдоль побережья. Двадцать второго февраля его войско приблизилось к форту Сидати и здесь разделилось на две части. Первая группа, в которую вошли отряды Сакума, Хасиба, Араки и Хори, взяла местных проводников и через горный перевал двинулась в район Кодзайка, где в Мирокудзисан занял оборону Судзуки Магоити. Вторая в составе Такигава, Акэти, Нива, Хосокава и Цуцуи двинулась туда же, но другим маршрутом, вдоль моря. Выйдя к реке Кодзайка, первая группа попробовала с ходу переправиться через неё, но в этот момент была атакована повстанцами. Заранее поставив в районе переправы несколько укреплений, они встретили противника плотным ружейным огнём. От реки пришлось отступить и занять оборону. На несколько дней боевые действия на этом направлении прекратились.

Вторая группа вышла к цели обходным путём и окружила форт Накано. Двадцать восьмого февраля он был взят, и соединение продолжило движение к главной цели — замку Сайка, защищаемому предводителем повстанцев Судзуки Магоити. Из первой группы отдельный отряд был отправлен к храму Нэгоро с заданием обеспечить его капитуляцию. Первого марта Нэгоро был окружён, но о боевых действиях за него в источниках ничего не го-

Нобукацу, второй сын Нобунага

ворится. Известно только, что через две недели стороны подписали мирное соглашение. Ота Гюити в своей хронике называет этот документ «помилованием», которое Нобунага даровал местным повстанцам, однако содержащееся в нём обещание Нобунага «хорошо относиться к храму Исияма» не позволяет говорить о его безоговорочной победе. Взяв несколько фортов и переманив часть местных командиров на свою сторону, Нобунага мог этим удовлетвориться. Но главные укрепления повстанцев — форты Мирокудзисан, Сайка и Нэгоро — ему взять не удалось, что даёт некоторым историкам основания говорить об относительном успехе этого похода.

Вернувшись в Адзути в конце марта, Нобунага занялся организацией жизни в приамковом городе. В июне 1577 года его представления об основных правилах городской жизни были изданы в форме «Уложения» (*Садамэ*), состоявшего из 13 статей.

1. Адзути объявляется «свободным городом» (*ракусси*). В связи с этим монополия торговых гильдий и торговые пошлины отменяются.
2. Торговцам, доставляющим товары в столицу и обратно по тракту Накасэн, изменить маршрут и следовать отныне через Адзути, однако без принуждения их к выгрузке здесь товаров.
3. Трудовая повинность (*фусинъяку*) отменяется, но во время моих походов и выездов в столицу все должны быть готовыми оказать посильное содействие.
4. Дорожные пошлины на перевозку людей и грузов (*тэммаяку*) отменяются.
5. При вынесении приговоров по случаям поджога глава семьи освобождается от ответственности, если не знал о преступлении и не имел к нему отношения. За пожар, возникший по неосторожности, глава семьи должен быть выслан; при этом

- наказание должно быть соразмерным нанесённому ущербу.
6. За нарушение, совершённое действительным или приёмным членом семьи, его глава не несёт ответственности, если он не знал о деле и не принимал в нём участия.
 7. Человек, купивший краденую вещь по незнанию, освобождается от наказания, но похищенное следует вернуть владельцу.
 8. Залоговые обязательства (*токусэй*) в Адзути отмене не подлежат.
 9. Все приезжие имеют равные права с постоянными жителями города и не могут облагаться дополнительными пошлинами. Любые поборы, производимые от моего имени, незаконны и должны быть немедленно пресечены.
 10. Торговые сделки должны производиться по обоюдному согласию без ссор и применения силы. Изъятие собственности у третьих лиц по залоговым обязательствам (*кунидзити*, *токородзити*) запрещается, равно как и принудительная покупка или продажа товара, принудительная аренда и пр.
 11. При появлении в городе людей, собирающих какие-либо пошлыны, об этом следует немедленно сообщать управляющим Фукудзума Хидэкацу и Кимура Такасигэ, которые обязаны провести расследование.
 12. Жители Адзути освобождаются от любого вида семейных податей и повинностей; сие, однако, не распространяется на повинности, назначенные мною моим прямым вассалам, живущим в городе.
 13. Торговля лошадьми должна производиться только в Адзути.

Эта реформа Нобунага известна под названием *ракуити ракудза* (буквально «освобождение рынков и освобождение

от гильдий»). Уложение показывает стремление Нобунага сделать Адзуту городом нового типа, куда будут стекаться люди и товары. Хозяйственно-экономический эффект от его нововведений оценить трудно, поскольку они действовали всего пять лет. Как уже говорилось, в 1583 году город переехал к расположенному неподалёку форту Хатиман, и там правила *ракуити ракудза* уже не действовали.

Уэсуги Кэнсин

В первой половине 1577 года отношения Нобунага с храмом Исияма хонган вошли в стадию полувоенной неопределённости. Командовавший операцией Сакума Нобумори продолжал вести пассивную осаду храма, а его защитники так же пассивно оборонялись, получая всё необходимое от своих сторонников. Боевые действия затихли, и война приняла позиционный характер.

В июле на призывы сёгуна Ёсиаки о помощи откликнулся Уэсуги Кэнсин (1530–1578) из провинции Этиго (современная преф. Ниигата). Многолетний противник Такэда Сингэн, он был знаком с Нобунага с 1564 года и поддерживал с ним переписку. В начале 1570 года Кэнсин проигнорировал распоряжение Нобунага прибыть в столицу, но на их отношениях это не сказалось — они остались нейтрально-дружескими. А после того, как Такэда Сингэн в 1572 году выступил против Нобунага, кланы Ода и Уэсуги договорились о совместных действиях против него. В 1574 году Нобунага отправил Кэнсин в подарок декоративную ширму (*Ракутю ракугайдзу*) с изображением столицы и её пригородов.

Как уже отмечалось, первая трещина в их отношениях появилась после захвата силами Нобунага южной части провинции Кага в августе 1575 года. Взяв под контроль

два южных уезда, он вплотную приблизился к границам владений Уэсуги Кэнсин. Возникшей напряжённостью воспользовался сёгун Ёсиаки, весной 1576 года отправив к Уэсуги посланника с просьбой оказать содействие в борьбе с Нобунага. Хозяин провинции Этиго был убеждённым буддистом и сторонником сёгуната. До принятия буддийского сана он носил имя Тэрутора, в котором первый слог указывал на вассальную зависимость от 13-го сёгуна Ёситэру. Личные убеждения и наметившееся столкновение интересов с Нобунага в провинции Кага побуждали Уэсуги поддержать сёгуна. Письмо, отправленное Нобунага в провинцию Этиго 13 июня 1576 года, стало последним в их переписке.

В японской литературе Уэсуги Кэнсин называют одним из немногих полководцев эпохи междоусобиц, не стремившихся к территориальным завоеваниям. В его многолетнем противостоянии с Такэда Сингэн, возможно, так оно и было, но после смерти соперника Кэнсин начал действовать как все, прибирая к рукам земли ослабевших соседей. В середине 1570-х годов объектом его внимания стали провинции Эттю и Ното.

Захватив в сентябре 1575 года два уезда в южной Кага, Нобунага вступил в конфликт с местными повстанцами, более 80 лет контролировавшими провинцию. После ухода его основных сил они активизировались и начали наступление по всему фронту. В течение следующего года несколько фортов, ранее перешедших на сторону Нобунага, были ими захвачены. Поняв, что его назначенец не справляется, Нобунага в сентябре 1576 года отозвал его из провинции Кага и передал его полномочия Сибата Кацуиэ. Но все его ресурсы не превышали десяти тысяч человек, поэтому особыми успехами Кацуиэ тоже не мог похвастаться.

Присоединившись к противникам Нобунага, Уэсуги Кэнсин начал продвигаться на запад, захватывая форты в провинции Эттю и привлекая на свою сторону местных

предводителей. Катализатором экспансии стала ситуация в семье губернатора Хатакэяма, владевшего провинциями Ното и Эттю. В 1566 году старейшины изгнали главу клана и его старшего сына из замка Нанао и сделали наследником 12-летнего Хатакэяма Ёсинори, при котором взяли власть в свои руки. В 1574 году 20-летний Ёсинори умер, и его место занял 18-летний брат Ёситака, но и он ушёл из жизни через два года — по одной из версий, оба были отравлены. Теперь три влиятельных вассала — Юса Цугумицу, Тё Цунацура и Нукуи Кагэтакэ — стали опекунами при малолетнем сыне Ёситака. Все эти события ослабили дом Хатакэяма и привлекли к нему внимание сильного соседа. Не желая упускать шанс, Уэсуги Кэнсин осенью 1576 года вышел в завоевательный поход и подошёл к Нанао, домашнему замку Хатакэяма. Следуя обычной для того времени тактике, он сначала окружил его, а затем приступил к ликвидации близлежащих вспомогательных фортов, чтобы лишить главное укрепление поддержки извне. В марте 1577 года ему пришлось прервать

Уэсуги Кэнсин
(фрагмент гравюры)

поход и срочно возвращаться в домашнюю провинцию Этиго, на которую напал соседний клан Ходзё, воспользовавшись отсутствием хозяина. Отразив нападение и одержав победу над Ходзё, Кэнсин в июле 1577 года вернулся к замку Нанао и начал подготовку к решающему штурму.

До этого момента старейшины дома Хатакэяма действовали

совместно, но перед лицом новой угрозы их мнения разделились. Юса Цугумицу выступал за то, чтобы сдать замок, сохранить его и перейти на сторону Уэсуги, а Тё Цунацура предлагал укрепить оборону и обратиться за помощью к Ода Нобунага. Не придя к единому мнению, группировки начали действовать самостоятельно. Тё Цунацура отправил младшего брата в Адзуту с просьбой о помощи, и Нобунага, взвесив все обстоятельства, решил дать Уэсуги решающий бой. Имея союзников в замке Нанао, он вполне мог рассчитывать на успех. Восьмого августа 1577 года из Этидзэн в провинцию Ното отправилась 35-тысячная армия под командованием Сибата Кацуиэ. В помощь ему были приданы Такигава Кадзумасу, Хасиба Хидэёси, Нива Нагахидэ, Акэти Мицухидэ, Маэда Тосиэ и Сасса Наримаса. Сам Нобунага планировал присоединиться к операции на её заключительном этапе, чтобы принять личное участие в победе над серьёзным противником.

Сибата Кацуиэ шёл на восток через провинцию Кага, где продолжались бои с повстанцами, поэтому продвигался медленно, по пути атакуя и сжигая их форты. Девятого августа Уэсуги Кэнсин отправил гонца к предводителю повстанцев Ситири Райсю и пообещал ему свою полную поддержку. Раньше он сам воевал с повстанцами, но теперь перед лицом серьёзной угрозы заключил с ними союз. Как показали дальнейшие события, это был правильный шаг — противодействие местного населения сильно затруднило положение армии Нобунага.

В этом походе между командующим операцией Сибата Кацуиэ и Хасиба Хидэёси произошёл конфликт, о сути которого не сохранилось никаких сведений. Известно только, что в результате размолвки Хидэёси отказался от дальнейшего участия в походе, забрал своих людей и вернулся в провинцию Оми. Он сделал это самовольно, но в дальнейшем не был наказан, что позволяет предположить наличие каких-то оснований для столь необычного и опасного для

карьеры поступка. Одна из вероятных версий состоит в том, что Хидэёси возражал против того, как Сибата организовал продвижение большого войска — вслепую, без разведданных и контактов с местным населением. Между Хидэёси и Кацуиэ действительно существовали серьёзные различия в подходе к организации боевых действий; впоследствии они проявлялись ещё не раз, в том числе и в очном сражении между ними. После конфликта Сибата Кацуиэ продолжил поход и в итоге потерпел поражение, что может служить косвенным оправданием неизвестной нам позиции Хидэёси. Этот эпизод обойдён молчанием и в *Синтё коки* — Ота Гюити лишь вскользь замечает, что Хидэёси впоследствии «получил выговор».

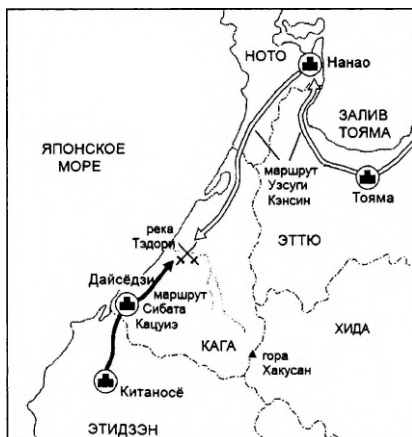
После ухода Хидэёси положение Сибата Кацуиэ осложнилось, но он продолжил операцию. Через 45 дней после её начала в окружённом замке Нанао произошло событие, кардинально изменившее расклад сил. В ночь на 15 сентября 1577 года сторонник союза с Уэсуги старейшина Юса Цугумицу поднял вооружённый мятеж, в результате которого обратившийся за помощью к Нобунага Тё Цунацура, его семья и все сторонники были убиты. В тот же день замок Нанао был сдан и перешёл под контроль Уэсуги Кэнсин. Развивая успех, он вошёл в провинцию Ното и захватил форт Суэмори, а затем пересёк границу провинции Кага и двинулся навстречу Сибата Кацуиэ. Все вассалы и сторонники Юса Цугумицу влились в его войско. Кэнсин был уверен, что Нобунага идёт вместе со своей армией, и хотел сразиться с ним в благоприятной для себя ситуации.

Сибата Кацуиэ узнал о падении замка Нанао на середине пути, сразу после переправы через реку Тэдори. Ситуация изменилась, и нужно было решать, что делать дальше. Одно дело — идти на помощь хорошо укреплённому замку, и совсем другое — атаковать этот замок, когда он уже занят противником. Тем более что войско находится на чужой территории и во враждебном окружении. По

результатам обсуждения на военном совете было решено возвращаться в Этидзэн.

Уэсуги Кэнсин нагнал его и напал 23 августа, во время переправы через реку Тэдори, разлившуюся после прошедшего тайфуна. О самом сражении мало что известно; единственное упоминание о нём содержится в письме Уэсуги Кэнсин, сохранившемся в *Рэкидай коан* (Старинные летописания). В нём Кэнсин пишет, что в бою на реке Тэдори противник потерял более тысячи человек убитыми, еще несколько сотен утонули во время бегства. И добавляет, что победа далась ему неожиданно легко — при таком положении дел победить Нобунага в столице будет не так уж трудно. С учётом обычного для того времени преувеличения своих успехов к этим сведениям следует относиться осторожно, но в целом победа Уэсуги в бою на реке Тэдори не вызывает сомнений. Во многом она была обеспечена поддержкой со стороны местных повстанцев.

Нобунага не принимал участия в этом походе, но поражение, безусловно, нанесло удар по его репутации и воодушевило его противников, ожидавших, что Уэсуги Кэнсин разовьёт успех и двинется на столицу. Эти ожидания не были беспочвенными — Уэсуги Кэнсин чаще других военачальников воевал в осенне-зимний период: из 26 его походов за пределы провинции Этиго, данные о которых сохранились в семейном архиве, больше половины начинались в конце года и заканчивались в на-

Поражение на реке Тэдори

чале следующего, причём некоторые из них длились по 6–8 месяцев (Фудзики, 2003). В удалённой и бедной ресурсами провинции Этиго крестьяне собирали один урожай в год, поэтому осенне-зимний период вынужденного безделья у них был особенно длинным. Отправлявшиеся в поход мужчины переходили на казённое довольствие; это сокращало число голодных ртов в крестьянских семьях и увеличивало их шансы дотянуть до следующего урожая. Большое значение имел также климатический фактор. В провинции Этиго снег, выпадавший рано и в большом количестве, служил естественной защитой от нападения извне, а в бесснежном и более тёплом районе Канто поздней осенью как раз заканчивался сбор второго урожая. Перевалив через горный хребет, войско Уэсуги оказывалось на сухой равнинной местности, где воевать было легко, а пищевых ресурсов вдоволь; в случае победы все возвращались домой с богатой добычей. Во многих доку-

Крестьянин

ментах провинции Этиго говорилось о том, что поздней весной и летом крестьян нельзя отвлекать от работы, а вербовать среди них новых последователей буддийского учения и привлекать в боевые походы следует в осенне-зимний период.

Однако Уэсуги Кэнсин, к большому огорчению противников Нобунага, не стал развивать успех и после победы на реке Тэдори вернулся в свою домашнюю провинцию. В конце года он объявил всеобщую мобилизацию и начал подготовку к большому походу. Выступление было назначено на 15 марта, и за 10 дней до начала похода в Касугаяма, домашнем замке Уэсуги, собрались все его вассалы и союзники. Согласно семейной хронике, 9 марта после занятий по стратегии и тактике состоялся торжественный ужин. Сидевший во главе стола Уэсуги Кэнсин ненадолго вышел из зала, а через некоторое время прислуга обнаружила его лежащим на полу без сознания. В той же хронике говорится о том, что глава дома, следуя буддийскому запрету, не ел мяса, но любил острые и солёные блюда, обильно сдобренные всевозможными пряностями. И обожал сакэ, качеством которого славилась его провинция. В семейном музее до сих пор хранится позолоченная пиала солидного размера, в которую ему наливали этот напиток, — 12 см в диаметре и 6,3 см в высоту (около 700 мл). По словам приближённых, Кэнсин пил сакэ даже в седле во время конных переходов. Глава дома, имевший по тем временам очень высокий рост (около 180 см), страдал от гипертонии и лишнего веса. В 40 лет он перенёс первый инсульт, и с тех пор левая половина тела плохо его слушалась, но это не мешало ему вести воинский образ жизни. Второй инсульт, случившийся за неделю до начала похода, оказался фатальным — через 4 дня 48-летний Уэсуги Кэнсин умер, не приходя в сознание. В какой-то степени он повторил судьбу Такэда Сингэн — победив полководцев Нобунага на поле боя, проиграл противнику, против которого был бессилён.

Уэсуги Кэнсин

Ода Нобунага снова повезло — судьба убрала с его пути ещё одного сильного соперника. Уэсуги Кэнсин известен тем, что за всю жизнь не только ни разу не был женат, но даже не имел наложниц, и все его дети были приёмными. В то время считалось, что чем больше детей у главы дома, тем выше его шансы на успех, поэтому полное отсутствие отно-

шений Уэсуги Кэнсин с женщинами вызывает много вопросов, на которые и сегодня нет единого ответа. Помимо сугубо личных причин, связанных со здоровьем, высказывается предположение о строгом соблюдении полководцем догм буддийской школы Сингон, отрицательно относившейся к женскому началу. После внезапной смерти главы клана в нём началась борьба за власть между приёмными сыновьями Кагэкацу и Кагэтора, и война с Нобунага отошла на второй план. В этой борьбе победил Кагэкацу и занял место отца, но прошло ещё какое-то время, прежде чем ему удалось консолидировать клан и восстановить его боеспособность.

На западном направлении

Во время похода в провинцию Кага в столичном районе произошло ещё одно неприятное для Нобунага событие — 18 августа 1577 года ему изменил крупный вое-

начальник и влиятельный союзник Мацунага Хисахидэ (1510–1577). За четыре года до этого он поддержал сёгуна в его конфликте с Нобунага и проиграл. Будучи окружённым в своём замке Тамонъяма осенью 1573 года, он должен был умереть, но из тактических соображений Нобунага сохранил ему жизнь и взял на службу. И вот через 4 года Хисахидэ вновь восстал. На момент измены он вместе со своим 34-летним сыном Хисамити участвовал в осаде Исияма хонган и оставался за старшего в Тэннодзи. Приказав поджечь осадный форт, он с восемью тысячами воинов оставил позицию и ушёл в замок Сигисан, где жил последние четыре года. Воюя на стороне Нобунага, Мацунага Хисахидэ продолжал поддерживать контакты с его противниками и после того, как стало известно, что Уэсуги Кэнсин присоединился к антинобунагской коалиции, последовал его примеру. Союз и в самом деле выглядел внушительно: Мори Тэрумото на западе, Уэсуги Кэнсин на востоке, Коса Кэннэ и Мацунага Хисахидэ в центре. Как и остальные члены коалиции, Мацунага рассчитывал на столичный поход Уэсуги и полагал, что до его прихода вполне сможет продержаться в своём домашнем замке.

Зная жизненный путь 67-летнего Мацунага Хисахидэ, Нобунага писал, что «с этим стариком, известным своими выходками, нужно быть всегда начеку». Действительно, жизнь этого крупного полководца была отмечена крутыми поворотами: в своё время он участвовал в заговоре против главы клана Миёси, которому служил, а чуть позже — в убийстве 13-го сёгуна Асикага Ёситэру, уже вместе с руководителями этого клана. В 1560-х годах он воевал против выходца из Ямато Цуцуи Дзюнкэй, а затем сражался вместе с ним и триумвирами Миёси против Нобунага, проиграл и перешёл к нему на службу.

Капитулировав перед Нобунага 4 года назад, Мацунага потерял принадлежавшую ему провинцию Ямато и домашний замок Тамонъяма, один из лучших в центральной

части страны. Отныне он должен был подчиняться другим полководцам Нобунага, гораздо менее богатым и знатым, чем он сам. Вероятнее всего, в этой ситуации было много обстоятельств, задевавших гордость полководца, прожившего долгую жизнь и много повидавшего. В том числе и то, что Нобунага приблизил к себе его конкурента и соперника, 27-летнего Цуцуи Дзюнкэй, и передал ему его провинцию Ямато. Это произошло в мае 1577 года, за 4 месяца до измены, и могло стать последней каплей. По возрасту Цуцуи Дзюнкэй годился ему во внуки, и последние 10 лет их связывали сложные отношения, в которых старший военачальник всегда играл ведущую роль. Теперь же молодому конкуренту достались его бывшие владения, а ему самому — роль полководца второго плана в системе власти Нобунага. Вполне возможно, что всё это сыграло свою роль.

Мацунага Хисахидэ вообще был интересной личностью. Хорошо знал классическую поэзию, был умен, честолюбив и харизматичен. Изучал медицину, увлекался приготовлением лекарственных снадобий, интересовался взаимоотношениями полов и даже написал для своих вассалов трактат о семейной гигиене и правильной половой жизни. Его замок Тамонъяма был известен архитектурными особенностями далеко за пределами провинции Ямато.

Измена союзника не представляла для Нобунага сиюминутной угрозы, но в свете возможного похода на столицу Уэсуги Кэнсин требовала внимания, поэтому он сразу же отправил в Сигисан своего посланника Мацуи Юкан с поручением выяснить, в чём причина недовольства и что можно сделать для его устранения. Но Мацунага для себя уже всё решил и не захотел ничего обсуждать.

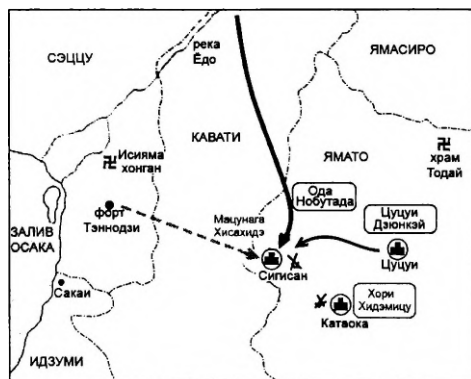
Получив донесение, что Уэсуги Кэнсин после победы на реке Тэдори повернул обратно и в ближайшее время в столице не появится, Нобунага решил использовать полученное время для решения возникшей проблемы.

Первыми жертвами измены Мацунага стали два его внука, мальчики 11 и 12 лет. Они жили в Киото, в усадьбе Мураи Садакацу. Ота Гюити пишет, что столичный наместник, получив приказ казнить заложников, вызвал мальчиков к себе и велел им на следующий день хорошо одеться и быть готовыми ехать к Нобунага, чтобы просить о помиловании. По свидетельству биографа, Садакацу получил от мальчиков учтивый и на удивление спокойный ответ в том смысле, что в сложившейся ситуации это вряд ли поможет. «Ну, тогда напишите прощальные письма родителям». Со словами «а что можно написать в таком случае?» мальчики отклонили и это предложение градоначальника. Единственный, кто получил от них записку, был Сакума Нобумори, в замке которого они прожили большую часть времени в качестве заложников: «Спасибо вам за доброе к нам отношение» (*Синтё коки*). Их казнили на следующий день в столичном квартале Рокудзё кавахара при большом стечении народа. По свидетельству очевидцев, мальчики держались с большим достоинством: повернувшись на запад, сложили на груди маленькие ладони и помолились в последний раз, после чего сами подошли к палачу.

Мацунага Хисахидэ в этот день находился в 30 километрах от Киото, в замке Сигисан. Первыми к нему подошли отряды Хосокава Фудзитака, Акэти Мицухидэ и Цуцуи Дзюнкэй. Сибата Кацуиэ и Хасиба Хидэёси были ещё в пути, и пока они не прибыли, командиры Нобунага получили приказ ликвидировать двух союзников Мацунага, укрывшихся в соседнем форте Катаока. Штурм начался первого октября; он запомнился тем, что в нём участвовали два сына Хосокава Фудзитака. Старшему Тадаоки в тот момент было четырнадцать, а младшему Масаоки — двенадцать лет. Согласно источникам, братья в первых рядах ворвались в форт и проникли в главную башню. Сначала они обстреливали сверху защитников из луков и аркебуз, а затем спустились вниз и присоединились к остальным

нападавшим. Оба мальчика остались живы, и Нобунага их лично наградил.

После падения Катаока можно было приступить к главной операции. В первых числах октября к замку Сигисан подошли Сибата Кацуиз, Хасиба Хидэёси, Нива Нагахидэ и Сакума Нобумори; общая численность нападавших достигла 40 тысяч человек, защитников было в пять раз меньше. Командовать штурмом Нобунага назначил своего старшего сына Нобутада. Предав огню призамковые поселения, командиры Нобунага 10 октября пошли на штурм замка с четырёх сторон. Бой продолжался несколько часов. Мацунага Хисахидэ исчерпал лимит капитуляций и на этот раз не собирался вступать ни в какие переговоры. Он всю жизнь коллекционировал чайный антиквариат, и перед штурмом Нобутада предложил ему спасти от гибели знаменитый заварный чайник Хирагумо, который очень хотел иметь Нобунага, но обречённый военачальник отказался его передавать. Когда стало ясно, что конец близок, он вместе с сыном Хисамити закрылся в главной пагоде замка, поджёг её изнутри и подорвал себя порохом. Коллекционный чайник он поставил рядом, и антикварное изделие погибло вместе с хозяином. Выбрав

Мятеж Мацунага Хисахидэ

пороховой заряд, бывший хозяин провинции Ямато покончил с собой нетрадиционным способом — он стал первым, кто предпочёл provenному самурайскому мечу новомодный атрибут огнестрельного оружия.

Дата и обстоятельства смерти Мацунага Хисахидэ стали источником множества слухов и мистических толкований. Ровно 10 лет назад, 10 октября 1567 года, он вместе с триумвирами Миёси участвовал в разгроме храма Тодай и считался главным виновником того, что в ходе нападения вместе с храмовым алтарём сгорела огромная статуя Большого Будды. Гибель Мацунага в огне ровно через десять лет, день в день, была сочтена верующими небесным знаком и в соответствии с учением неизбежной карой за святотатство. Совпадение двух дат стало предметом бурных обсуждений и было отмечено во многих дневниках и летописях.

Сам Нобунага не принимал участия в событиях у замка Сигисан. К тому времени он перестал выезжать на конкретные операции, предпочитая раздавать такие поручения своим полководцам. Сибата Кацуиэ в основном действовал на северо-востоке, Акэти Мицухидэ — на северо-западе, Сакума Нобумори — на юге, старший сын Нобутада — на юго-востоке. Если на каком-то участке ситуация обострялась, остальные командиры откладывали свои дела и перебрасывались в горячую точку, а затем по мере возможности возвращались на место. Самым спокойным оставалось пока западное направление (район Тюгоку), за которое в последнее время отвечал Хасиба Хидэёси. Здесь начиналась зона влияния дома Мори из провинции Аки, боковой ветви сёгунов Минамото.

Непосредственные контакты Нобунага с кланом Мори начались сразу после восстановления сёгуната в 1568 году. Его тогдашний глава Мори Мотонари (1497–1571) поздравил Нобунага с утверждением в столице и уже через несколько месяцев попросил оказать содействие в борьбе с домом Ямана, владевшим соседними провинциями Инаба и Тадзима. Имевший трёх взрослых сыновей Мори Мотонари в то время быстро усиливался, и дружба с честолюбивым выходцем с востока представлялась ему пер-

спективной. Их интересы пока не пересекались, поэтому удалённый союз обещал выгоду обоим. Нобунага откликнулся на просьбу и отправил на помощь Мори вооружённый отряд.

Получив назначение в район Тюгоку, Хасиба сразу же отправил приветственные послания главе дома Мори Мотонари (1497–1571) и трём его сыновьям. Сообщая о своём назначении, он обращался к ним как к своим союзникам. В последующие полтора года контакты Нобунага с домом Мори продолжались, причём чаще с просьбами обращался Мотонари, воевавший со своими соседями Ямана и Амаго на острове Хонсю и кланом Отомо на Кюсю. Помощь Нобунага, имевшего влияние на сёгуна Ёсиаки, требовалась ему в самых разных ситуациях — как для заключения перемирий, так и для принуждения к уступкам. Взамен Нобунага получил право на военное присутствие в новом для себя районе Тюгоку, а также взял под контроль портовый город Сакаи и серебряные рудники Икуно в провинции Тадзима.

Кобаякава Такакагэ

В военном отношении Мори Мотонари действовал успешно и сумел присоединить к своим владениям большую часть четырёх провинций — Суо, Нагато, Идзумо и Ивами. В 1571 году он умер в возрасте 74 лет, и его пост унаследовал 18-летний внук Тэрумото (1553–1625), а двое младших сыновей главы дома, Киккава Мотохару (1530–1586) и Кобаякава Такакагэ (1533–1597), стали при нём главными советниками. Нобунага продолжал поддерживать

отношения со всеми троими, регулярно сообщая им о своих успехах и получая от них такие же известия. В одном из сохранившихся в архиве писем содержится просьба Мори Тэрумото к Нобунага о содействии в окончательном разгроме домов Ямана и Амага (*Кобаякава бунсё*). Нобунага от этой просьбы уклонился, но внешнюю доброжелательность отношений постарался сохранить.

Киккава Мотохару

Продвигаясь на восток, Мори Тэрумото сначала взял под контроль провинции Биттю и Бидзэн, затем в феврале 1574 года овладел крупным замком Тоттори в провинции Инаба, а вскоре и вся она оказалась в его власти. Занятый проблемами на южных и северо-восточных границах своих владений, Нобунага на это отреагировал спокойно. В ноябре 1575 года Кобаякава Такакагэ поздравил его с назначением на должность Правого министра и в январе 1576 года получил в ответ благодарственное письмо и дорогие подарки — хороший меч и породистого скакуна. Но этот обмен любезностями стал последним в их дружбе.

Главную роль в охлаждении отношений сыграл сёгун Ёсиаки. После изгнания из столицы он два с половиной года укрывался в провинции Кии, а в феврале 1576 года переехал во владения Мори, в портовый город Томо (провинция Бинго). Мечтая о возвращении в столицу, он издал указ о восстановлении сёгуната, а при личной встрече с Мори Тэрумото попросил у него содействия в реализации этого плана. К тому времени сёгунские указы (*гонайсё*) оставались таковыми лишь по форме, а по сути превра-

тились в прошения, и каждый военачальник сам решал, как ему на них реагировать. Ёсиаки и раньше обращался за помощью к Мори Тэрумото, но руководство клана воздерживалось от активных действий, не желая обострять отношения с Нобунага. Но когда в первой половине 1576 года положение Нобунага в центральном районе ухудшилось, дом Мори принял решение выступить против него. Их первым прямым столкновением стал морской бой в устье реки Кидзу 13 июля 1576 года, в котором Нобунага потерпел поражение.

К западу от столицы располагались провинции Харима и Тадзима, неподконтрольные Мори Тэрумото, но в их западной части у него были союзники. Через две недели после штурма замка Сигисан и гибели Мацунага Хисахидэ отвечавший за западное направление Хидэёси вошёл в провинцию Харима и остановился в замке Химэдзи, принадлежавшем его военному советнику Курода (Ёситака) Камбэй (1546–1604).

Морской бой

Многие местные военачальники после восстановления сёгуната объявили себя союзниками Нобунага и участвовали в боевых действиях на его стороне, но после изгнания 15-го сёгуна расклад сил во власти сильно изменился, и их лояльность оказалась под вопросом. Хидэёси разослал всем письма с предложением подтвердить свои союзнические обязательства в обмен на сохранение имеющихся землевладений. Многие так и сделали. Среди них были влиятельные в провинции Харима военачальники Кодэра Масамото (1529–1584), Саймура Масахиро (1562–1600) и Бэссё Нагахару (1558–1580). Хидэёси объехал всех союзников, взял с них письменные клятвы и собрал заложников. Все они приняли на себя обязательства участвовать в боевых действиях на стороне Хидэёси по первому требованию. Таким образом, первый этап освоения территорий к западу от столицы прошёл мирно и завершился за две недели — к 10 ноября большая часть провинции Харима перешла под контроль Хидэёси.

Но его предложение приняли не все. Клану Акамацу и Укита, связанные союзными отношениями с домом Мори, остались ему верны и приготовились воевать. Их земли находились на западе провинции и граничили с владениями Мори Тэрумото. Пополнив армию новыми союзниками, Хидэёси двинулся к её западной границе, а своего двоюродного брата Хидэнага отправил с отрядом в 3 тысячи человек в соседнюю провинцию Тадзима. Он знал, что и там большинство военачальников подтвердят свои союзнические обязательства, поэтому дал брату небольшое сопровождение. Основной контингент ему предстояло набрать на месте из числа союзников.

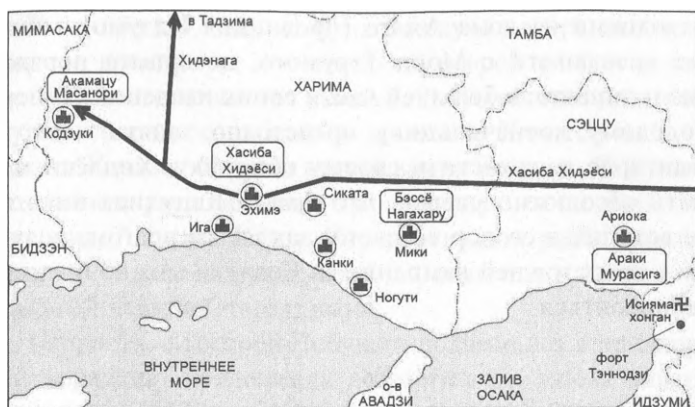
В Тадзима пост военного губернатора занимал молодой военачальник Ямана Акихиро (1559–1627). До 1576 года он был лоялен Нобунага, но после его разрыва с Мори Тэрумото оказался между двух огней и занял выжидательную позицию. Возможности номинального хозяина про-

винции были сильно ограничены его четырьмя вассалами, каждый из которых проводил собственную политику. Войдя в провинцию Тадзима, Хидэнага атаковал форты Ивасу и Такэда, принадлежавшие двум военачальникам из четырёх, и после нескольких дней боёв взял их. В конце ноября большая часть провинции Тадзима признала власть Нобунага.

Хидээси тем временем вышел к западной границе провинции Харима и 27 ноября окружил замок Кодзуки, домашнюю резиденцию губернатора Акамацу Масанори. Тот обратился за помощью к своему союзнику Укита, и 30 ноября 3 тысячи человек под командованием Укита Наоиэ (1529–1582) появились у стен замка. Бой начался в тот же день после обеда. Силам Хидээси численностью в 30 тысяч человек противостоял гарнизон Кодзуки и отряд Укита, в общей сложности около 7 тысяч человек. Несмотря на более чем четырёхкратное превосходство нападавших, бой получился упорным и кровопролитным — согласно отчёту, в ставку Хидээси было свезено 690 голов противника. После этого бои продолжались ещё два дня. Второго декабря гарнизон предпринял отчаянную вылазку и атаковал ставку Хидээси, но успеха не добился.

Видя, что дело идёт к концу, Акамацу Масанори вечером того же дня собрал своих приближённых и объявил, что выполнит свой долг и умрёт вместе с семьёй. Говорят, что своему *кайсяку*³⁷ он предложил конкретный план действий: передать его голову Хидээси в обмен на сохранение жизни остальным обитателям замка. А если он не согласится, то убить его на месте. Вслед за главой клана покончили с собой старейшины, ближайшие родственники и прислуга. Третьего декабря 1577 года Хидээси вошёл в замок Кодзуки.

³⁷ Ассистент при ритуальном самоубийстве.

Захват провинции Харима

Добиться помилования для его обитателей не удалось — после захвата замка в нём было убито ещё более тысячи человек. Голову военного губернатора Хидэеси отправил Нобунага вместе с докладом о том, что провинция Харима покорена. Впереди были решающие сражения с Мори Тэрумото, поэтому Хидэеси приказал собрать всех взятых в плен женщин и детей и распять их на крестах вдоль границы с провинциями Бидзэн и Мимасака. В те годы Хидэеси не отличался особой жестокостью, но в замке Кодзуки изменил своему правилу. Не исключено, что кроме политики устрашения, которая могла облегчить ему задачу, свою роль сыграло и взыскание Нобунага, наложенное на него за конфликт с Сибата Кацуиэ во время похода в провинцию Кага. Он знал, что его начальник любит безоговорочные победы и беспощадность к противнику. Хидэеси действительно хорошо справился со своей задачей — провинции Харима и Тадзима были завоёваны им менее чем за полтора месяца.

В замок Кодзуки Хидэеси назначил комендантом главу клана Амаго Кацухиса (1553–1578), а его военным советником — Яманака Юкимори (1545–1578). Оба были

выходцами из дома Амаго (провинция Идзумо), много лет воевавшего с Мори Тэрумото, потерпели поражение и лишились большей части своих владений. Теперь молодому военачальнику предстояло занять место в авангарде и отомстить своему обидчику. Хидэёси мог быть абсолютно уверен, что Амаго Кацухиса никогда не вступит в сговор со своим заклятым врагом, поэтому в предстоящей кампании за Кодзуки можно было не беспокоиться.

Придворные титулы

В 1576–1577 годах отношения Нобунага с императором складывались более чем благоприятно. В первой половине 1576 года они несколько раз обменялись подарками, а в конце года Огимати пожаловал Нобунага полный третий ранг и должность Внутреннего министра (*найдайзин*). В благодарность император получил щедрое денежное пожертвование, а несколько высших аристократов — новые земли. Это было очень кстати, потому что их доходы не шли ни в какое сравнение с воинским сословием. Например, регент двора (*кампаку*) Коноэ Сакихиса имел самый большой среди аристократов годовой доход в 300 *коку* риса, а наименьшая учётная ставка составляла 5 *коку*. Для сравнения: после победы над повстанцами в провинции Этидзэн Маэда Тосиё и Сасса Наримаса, которые в то время были вассалами Нобунага второго уровня и подчинялись Сибата Кацуиэ, получили земли с доходом в 100 тысяч *коку* риса — в 330 раз больше, чем самый высокопоставленный аристократ. Победителей турниров по борьбе *сумо* Нобунага награждал доходом в 3 *коку* риса, сопоставимым с прожиточным минимумом аристократа 5-го ранга, низшего среди придворной знати.

В ноябре 1577 года Нобунага получил очередное придворное повышение — неполный второй ранг и должность Правого министра (*удайдзин*). Торжества по этому случаю совпали с победным докладом Хидэеси из провинции Харима. Узнав о взятии замка Кодзуки, Нобунага в отличном расположении духа отправился на охоту во владения Токугава Иэясу. Перед отъездом распорядился вручить Хидээси награду, когда он появится в Адзути, — заварный чайник Отогодзэгама.

Скорость, с которой Нобунага поднимался в придворной иерархии, продолжала возрастать — уже в январе следующего 1578 года император присвоил ему полный второй ранг. Но в начале апреля того же года Нобунага внезапно отказался от всех придворных должностей и званий. Это решение оказалось неожиданным для всех, и его причины во многом остаются неясными и сегодня. При дворе в тот же день состоялось совещание высших сановников, на котором обсуждалась сложившаяся ситуация. В сопроводительном письме Нобунага объяснил свой отказ тем, что объединение страны ещё далеко от завершения и не все его противники сложили оружие. Заверив императора, что будет готов занять высокую должность после окончательной победы, Нобунага попросил передать его нынешние регалии своему старшему сыну Нобутада.

Относительно причин отказа существуют три версии. 1) Желание дистанцироваться от официальной иерархии и создать собственную систему власти. 2) Утомительность и бесполезность дворцового ритуала, в котором Нобунага пришлось бы участвовать, для чего ему нужно было регулярно приезжать в столицу. 3) Суеверное нежелание состоять в должности Правого министра, которую в своё время занимал шестой сёгун Асикага Ёсинори (1392–1441), убитый в результате заговора. Каждая из этих версий имеет право на существование, но с учётом личности Нобунага первая и вторая кажутся более вероятными. Тем не менее

ни одна из них не находит явных подтверждений в его последующих поступках, поэтому вопрос о причинах отказа по-прежнему остаётся открытым.

В целом придворная карьера первого объединителя Японии выглядела следующим образом. До марта 1574 года Нобунага имел более чем скромный провинциальный ранг *дандзё но дзё*, унаследованный им от отца, но за два месяца до своего 40-летия получил полный четвертый ранг младшей ступени. Абсолютное большинство аристократов, искавших расположения Нобунага, превосходили его в этом отношении. Впрочем, и этот четвертый ранг был присвоен ему задним числом, чтобы устранить несоответствие, вскрывшееся полтора года спустя. В ноябре 1575 года император решил пожаловать ему третий ранг и должность придворного советника (*кэн дайнагон*), но тут выяснилось, что у Нобунага нет минимально необходимого придворного статуса и сразу присваивать ему третий ранг нельзя. Поэтому было решено задним числом оформить присвоение ему сначала четвёртого, а затем третьего ранга и назначение на должность советника. Таким образом, фактически Нобунага не имел никакого придворного статуса вплоть до ноября 1575 года.

Дальнейшее его продвижение выглядело следующим образом:

4 ноября 1575 года — неполный третий ранг и должность советника (*кэн дайнагон*).

7 ноября 1575 года — должность Великого правого полководца (*удайсё*).

21 декабря 1576 года — полный третий ранг и должность Внутреннего министра (*найдайджин*).

16 ноября 1577 года — неполный второй ранг.

20 ноября 1577 года — должность Правого министра (*удайджин*)

6 января 1578 года — полный второй ранг.

9 апреля 1578 года — отказ от придворных должностей и званий.

Для сравнения: в 1552 году находившийся в то время на подъёме крупный военачальник Амаго Харухиса (1514–1561) из провинции Идзумо был утверждён сёгун-ом в должности управителя восьми провинций. По этому случаю ему был присвоен неполный пятый ранг младшей ступени, начальный уровень, с которого начинались придворные привилегии. Представителям воинского сословия придворные ранги и звания всегда присваивались вслед за военными победами, и в этом отношении продвижение Нобунага в придворной иерархии в 1570-х годах вполне соответствовало его заслугам и статусу.

На встречу нового 1578 года Нобунага пригласил в замок Адзуты, строительство которого подходило к завершению, двенадцать ближайших соратников и устроил для них большую чайную церемонию. Она проходила в Главной пагоде замка с использованием самых знаменитых чайных аксессуаров. Это было ещё одно управленческое новшество Нобунага: до него подчинённых командиров награждали только материально — землевладениями, деньгами, оружием или лошадьми. Нобунага первым ввёл нематериальное поощрение в виде приглашений на чайные церемонии и разрешений на их проведение, которые он раздавал своим

Ода Нобунага
(гравюра)

наиболее успешным полководцам. Приглашение на церемонию, состоявшуюся 1 января 1578 года, получили: его старший сын Нобутада, Акэти Мицухидэ, Нива Нагахидэ, Хасиба Хидэёси, Такигава Кадзумасу, Араки Мурасигэ, Хосокава Фудзитака и некоторые другие. Выходцы из провинции Овари и давние соратники Нобунага Сибата Кацуиэ и Сакума Нобумори на это мероприятие приглашены не были. Первый потерпел в сентябре поражение на реке Тэдори от Уэсуги Кэнсин, а второй не смог добиться перелома в осаде Исияма хонган.

За три дня до окончания года, 29 января, в городе Адзутти случился крупный пожар. Он начался в доме лучника по имени Фукуда Ёити, прибывшего на службу без семьи. Его жильё загорелось во время приготовления ужина на открытом огне. Узнав, что лучник живёт без семьи

Хижина крестьянина

и сам готовит еду, Нобунага приказал провести расследование, которое выявило, что среди его наёмных воинов таких «временно холостых» ещё 120 человек, причём половина служат в его личной гвардии. Нанимавшиеся на службу оставляли свои семьи в деревнях по необходимости — воинского жалованья не хватало, поэтому женщины и дети должны были работать в поле и вести хозяйство. Узнав, что не только Фукуда Ёити, но и многие другие воины прибыли в Адзути без семей, Нобунага отправил в Гифу гонца с распоряжением для старшего сына Нобутада — отправить в Овари отряд и сжечь все жилища его воинов. Приказ был выполнен: дома сожгли, урожай уничтожили, а жён с детьми переселили к мужьям в Адзути. Всех провинившихся Нобунага отправил на строительство новой дороги, а по его окончании объявил, что все прощены (*Синтё коки*).

Северо-западное направление — Тамба и Танго

К северо-западу от Киото располагалась обширная провинция Тамба, а ещё севернее — выходившая к Японскому морю Танго. Нобунага занялся ими ещё осенью 1575 года, сразу после победы над повстанцами в провинции Этидзэн. Ответственным за это направление был назначен Акэти Мицухидэ. В Тамба у него были давние партнёры, влиятельные местные кланы Хатано и Бэссё, состоявшие между собой в родственных отношениях. Хатано Хидэхару (1541–1579) в своё время служил клану Миёси, но в 1568 году после восстановления сёгуната присягнул на верность Нобунага и стал его союзником. Исторически провинциями Тамба и Танго правил воинский дом Иссики, но к середине 1570-х годов его от-

теснили бывшие вассалы Найто, Хатано и Акаи, ставшие главной силой в регионе. Военный губернатор сохранил под своим контролем лишь часть провинции Танго.

Перед началом кампании Нобунага разослал местным военачальникам предписания с именной красной печатью. Им предлагалось подтвердить готовность выполнять распоряжения Нобунага и оказать содействие Акэти Мицухидэ в подавлении сопротивления. Конкретно Мицухидэ была поставлена задача наказать местные кланы Найто и Уцу, которые ранее должны были прибыть со своими вассалами в распоряжение Хосокава Фудзитака, но не выполнили приказ. Числились за ними и другие преступления, и Нобунага воспользовался этим, чтобы подчинить себе провинцию.

Акэти Мицухидэ начал боевые действия в октябре, чтобы к зиме всё закончить. Хатано Хидэхару, один из самых влиятельных командиров провинции, некоторое время колебался, кого ему поддержать — удалённого союзника Нобунага или своих земляков, но в конце концов выбрал первое. Клан Найто и Уцу не смогли оказать серьёзного сопротивления, и восточная часть Тамба довольно быстро перешла под контроль Акэти Мицухидэ. Однако в западной части провинции военачальник в ранге *сюгодай* Акаи Наомаса (1529–1578) отказался от сотрудничества с посланником Нобунага и приготовился к сопротивлению. Под его влиянием Хатано Хидэхару изменил своё первоначальное решение и в январе 1586 года неожиданно нанёс удар по позициям Акэти Мицухидэ, заставив его отступить. Вслед за Хатано Хидэхару на сторону Акаи перешли его вассалы и союзники, и соотношение сил в провинции настолько изменилось, что Акэти Мицухидэ был вынужден уйти из неё. Таким образом, захватить Тамба с первого раза не получилось.

В конце февраля Акэти пришёл сюда снова, но опять ненадолго — Нобунага почти сразу отозвал его для уча-

Второй этап операции по её захвату начался в октябре 1577 года, а кульминация — осада замка Ягами — пришлась на март следующего 1578 года. Домашний замок Хатано Хидэхару располагался на горе высотой 200 метров и был хорошо укреплён. Подчинённые Акэти Мицухидэ командиры действовали по обычной схеме: обнесли его рвом и земляной насыпью, поставили на ней ограду и сторожевые посты с круглосуточным дежурством. Затем сожгли окрестные поселения и разрушили форты, чтобы лишить осаждённых поддержки извне. В марте того же 1578 года умер Акаи Наомаса, главный организатор сопротивления и непримиримый противник Нобунага. Его смерть подорвала моральный дух соратников, но они продолжали борьбу ещё более года.

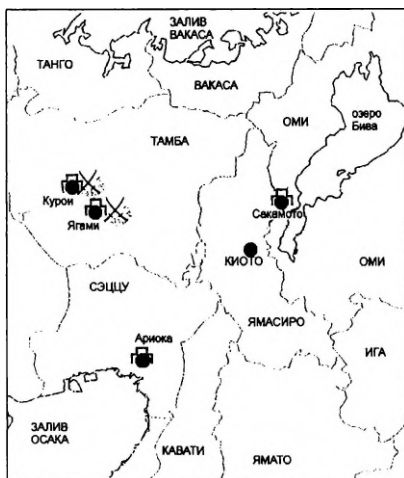
Через месяц после начала осады замка Ягами Акэти Мицухидэ был снова отозван Нобунага для участия в других операциях и вернулся в провинцию Тамба только в мае следующего года, после падения форта Хигами, который защищал родственник Хатано Хидэхару. Воодушевлённые этой победой, воины Мицухидэ усилили обстрел замка Ягами и попытались взять его штурмом, но истощённый осадой гарнизон держался на удивление стойко. Четвёртого апреля 1579 года Акэти Мицухидэ в письме своему соратнику Вада Ядзюро писал: «Замок Ягами скоро падёт. От голода там умерло 400 или 500 человек. Люди бледные и опухшие. Думаю, через 5–10 дней можно будет идти на штурм» (Танигути, 2002).

Захватив замок, нападавшие действительно обнаружили в нём множество умерших от голода защитников, но это не повлияло на готовность братьев Хатано стоять до конца. Как часто бывало, не выдержало их ближайшее окружение — через 14 месяцев после начала осады несколько старших командиров подняли мятеж, в результате которого Хатано Хидэхару и его младший брат были схвачены и выданы Акэти Мицухидэ. Первого июня 1579 года

замок Ягами пал и его долгая осада завершилась. Братья Хатано были отправлены в Адзути и казнены как изменники.

В связи с осадой замка Ягами произошло недоразумение, попавшее затем во многие литературные источники. Несколько десятилетий спустя, в начале XVII века, была написана биография Тоётоми Хидэёси, в которой говорилось о том, что Акэти Мицухидэ заключил соглашение с Хатано Хидэхару о капитуляции в обмен на гарантии безопасности для всех защитников замка и отправил к нему свою мать в качестве заложницы. А Нобунага, нарушив обещание своего полководца, казнил братьев, и мать Мицухидэ в отместку тоже была убита. После этого Мицухидэ якобы взял замок штурмом и уничтожил весь его гарнизон, но при этом затаил на Нобунага обиду, которая и стала главной причиной его измены три года спустя. Неизвестно, как этот сюжет попал в биографию Хидэёси, но он был выдуман, причём много лет спустя после реальных событий, хотя некоторые японские и зарубежные историки ссылаются на него в своих работах.

После падения замка Ягами Акэти Мицухидэ провёл ещё несколько удачных операций, и к концу октября 1579 года провинции Тамба и Танго были покорены. В Танго ему пришлось сломить сопротивление военного губернатора Иссики Ёсимити (?–1579); ранее он тоже состоял в союзе с Нобунага, но

Захват провинции Тамба

при захвате провинции пошёл тем же путём, что и Акаи Наомаса. Как уже говорилось, клан военного губернатора к тому времени сильно ослабел, поэтому Ёсимити не смог оказать серьёзного сопротивления и в итоге покончил жизнь самоубийством. Таким образом, захват провинций Тамба и Танго проходил в несколько этапов и в общей сложности длился более четырёх лет. По его результатам Тамба была передана в управление Акэти Мицухидэ, а Танго — его ближайшему соратнику Хосокава Фудзитака (1534–1610), который помогал ему все эти годы.

Череда измен

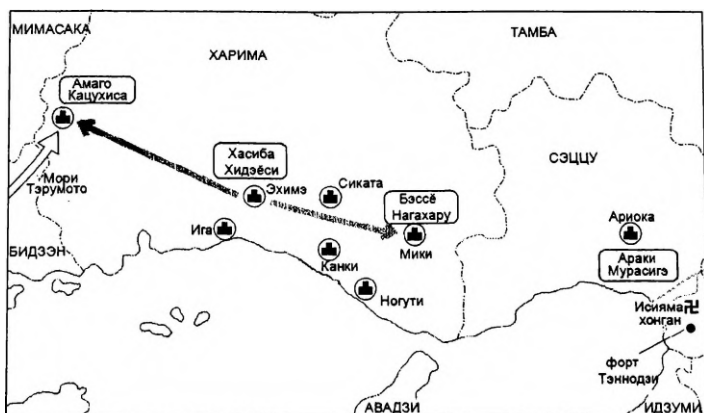
Измена Хатано Хидэхару отняла у Нобунага много сил и времени и замедлила его продвижение на запад. Но она оказалась не единственной.

Осенью 1577 года крупные военачальники провинции Харима получили от Нобунага точно такое же предписание, как в соседней Тамба. Многие сразу подтвердили свою лояльность Нобунага и стали его союзниками. Был среди них и Бэссё Нагахару (1558–1580), 19-летний глава воинского клана из восточной части провинции. Он возглавил семью в 12 лет и в 1575 году, когда ему исполнилось семнадцать, встретился с Нобунага и присягнул ему на верность. В ходе завоевания провинций Тадзима и Харима осенью 1577 года дом Бэссё, боковая ветвь клана Акамацу, сыграл важную роль, убедив многих военачальников перейти на сторону Нобунага. Но не прошло и полугода, как Бэссё Нагахару собрал своих вассалов и сообщил им, что разрывает отношения с Нобунага и будет с ним воевать. Это произошло в феврале 1578 года, вероятнее всего, под влиянием Хатано Хидэхару, старшего брата его жены. Ещё одной причиной недовольства Бэссё Нагахару

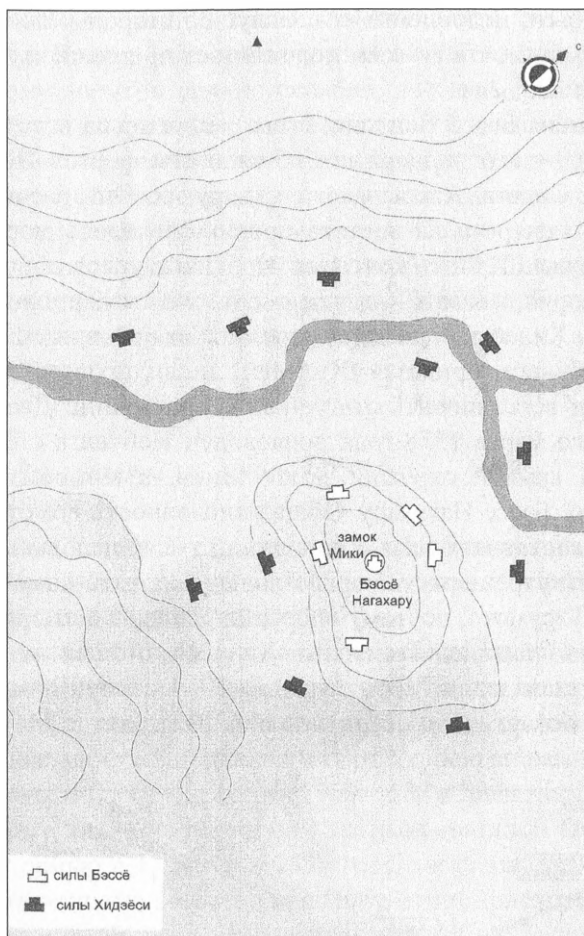
могла быть недооценка его заслуг со стороны Нобунага и необходимость во всём подчиняться присланному сюда Хасиба Хидэеси.

Измена Бэссё Нагахару была равносильна восстанию в тылу — его поддерживали коменданты фортов Ногуты, Канки, Сиката, Ага и некоторых других. Они располагались в центре и на востоке провинции, вдоль морского побережья. Из-под контроля Нобунага ушла обширная территория, а замок Кодзуки вместе с Химэдзи, опорным замком Хидэеси, оказались отрезаны от основных сил.

Нобунага приказал Хидэеси ликвидировать мятеж Бэссё и восстановить статус-кво в провинции. Двадцать девятого марта 1578 года полководец Нобунага с 27-тысячной армией окружил замок Мики, в котором занял оборону Бэссё Нагахару. Общая численность его сторонников составляла семь с половиной тысяч человек, а выход к Внутреннему морю позволял получать помощь от Мори Тэрумото, поэтому операция обещала быть долгой. Воспользовавшись тем, что Хидэеси отошёл к замку Мики, глава клана Мори отправил 30-тысячную армию на захват Кодзуки. Его осада началась 18 апреля 1578 года.

Повторный поход в Харима

Осада замка Мики

И Нобунага, и Хидэёси понимали, что Кодзуки, важнейший форпост на границе с владениями Мори, отдавать нельзя. Хидэёси с основными силами должен был идти ему на выручку, но в этом случае у него в тылу оставался Бэссё Нагахару. И Хидэёси остался на месте. Прошло

два месяца. Замок Кодзуки ещё держался, но от защищавшего его Амаго Кацухиса пришло сообщение, что запасы продовольствия кончаются, а вместе с ними и силы защитников. Хидэеси запросил у Нобунага разрешение идти на выручку, но получил отказ. Считая, что время для прямого столкновения с Тэрумото ещё не пришло, он приказал продолжать осаду Мики. Замок Кодзуки и его гарнизон были принесены в жертву. Третьего июля он пал, Амаго Кацухиса покончил с собой, а его главный советник Яманака Юкимори был захвачен и отправлен в ставку Мори Тэрумото. Взявший замок Киккава Мотохару рассудил, что начальник штаба может пригодиться в борьбе с Нобунага, и сохранил ему жизнь, однако Мори Тэрумото с этим не согласился и приказал убить пленника по дороге.

Потеря Кодзуки активизировала и ожесточила борьбу на востоке Харима. Армия Хидэеси окружила и начала осаду форта Канки по соседству с Мики. На заключительном этапе его защитники предложили сдать укрепление в обмен на сохранение жизней, но Нобунага приказал пленных не брать, и в начале июля гарнизон Канки был полностью уничтожен. Эта расправа оказала деморализующее влияние на защитников соседнего форта Сиката, и он сдался сразу, как только был окружён. Комендант форта Кусихаси Масакорэ отправил к Нобунага заложников и присягнул ему на верность. Осада главного замка Мики тем временем продолжалась.

В октябре того же года Нобунага получил ещё одно неприятное известие — вслед за Хатано Хидэхару и Бэссё Нагахару от него ушёл Араки Мурасигэ (1535–1586). Во время конфликта с сёгуном Ёсиаки он принял сторону Нобунага и с тех пор служил ему верой и правдой, за что был назначен управителем провинции Сэццу. В последнее время он входил в состав сил, осаждавших храм Исияма, а в начале октября вместе с Хидээси участвовал в осаде замка Мики. Важный союзник с годовым доходом в 370 тысяч

коку риса, Араки Мурасигэ был известен как большой знаток и любитель чайной церемонии, коллекционер антикварных ценностей, пользовавшийся уважением самого Рикю Сэн, основателя известной чайной школы. Разрешение на проведение собственной чайной церемонии Мурасигэ получил от Нобунага даже раньше, чем Хидэёси.

О причинах его измены в источниках ничего не говорится, поэтому о них можно судить только по реконструкции предшествующих событий. На первом, удачном для Нобунага этапе завоевания провинции Харима Мурасигэ своим авторитетом склонил к переходу на его сторону многих местных военачальников, за что получил от Нобунага благодарность и щедрое вознаграждение. Но главнокомандующим операцией был назначен Хидэёси, а Мурасигэ должен был выполнять его указания. Вероятно, свою роль сыграли и давние связи Мурасигэ с кланом Мори, а также его глубокое почтение к сёгунату и большое число последователей учения Чистой земли в его окружении.

Араки Мурасигэ (гравюра)

Хозяин провинции Сэццу поддерживал хорошие отношения с лидером движения Кэннё и несколько раз выступал посредником в его переговорах с Нобунага. По некоторым сведениям, его близкий соратник Накагава Киёхидэ тайно поставлял продовольствие в окружённый храм Исияма, в то время как его начальник этот храм осаждал. И вероятнее всего, Мурасигэ об этом знал. По мнению неко-

торых историков, именно боязнь разоблачения стала одной из главных причин измены.

Мори Тэрумото, сёгун Ёсиаки и Коса Кэннэ несколько месяцев вели с Мурасигэ переписку, уговаривая его порвать с Нобунага и присоединиться к коалиции. В октябре 1578 года он наконец согласился. Оставив свою позицию в осадном лагере у замка Мики, он с 10 тысячами воинов ушёл в свой замок Ариока и занял оборону. Вслед за ним от Нобунага ушли ещё несколько военачальников из столичного района.

Не желая терять влиятельного союзника, Нобунага отправил к нему делегацию из трёх человек во главе с Акэти Мицухидэ, на дочери которого Мурасигэ был женат. Тот ответил, что он не испытывает вражды к Нобунага и не имеет собственных честолюбивых планов. Обнадёженный ответом Нобунага отправил к Мурасигэ следующего посланника с предложением прибыть в Адзути, подтвердить вассалитет и оставить в заложниках мать. После этого он сможет вернуться на службу, и инцидент будет исчерпан. Два младших сына Мурасигэ уже находились у Нобунага в заложниках, и, колебавшись, он согласился поехать в Адзути вместе со старшим сыном. Однако по дороге с ним встретились трое ближайших соратников Мурасигэ во главе с тем самым Накагава Киёхидэ, и в его замке Ибараки состоялся трудный разговор. Соратники были категорически против поездки. Их главный аргумент состоял в том, что Нобунага не прощает измен и живыми от него Мурасигэ с сыном не вернутся. Увидев, что военачальник колеблется, предъявили ультиматум: если он всё же примет предложение Нобунага, то они от него уйдут. С тяжёлым сердцем и плохими предчувствиями Мурасигэ вернулся в свой замок Ариока.

Нобунага не сдавался. Третьего ноября он выехал в столицу и оттуда снова отправил посланника к Мурасигэ. На этот раз им стал Курода (Хамбэй) Ёситака, началь-

ник штаба и правая рука Хидэёси. Однако хозяин замка Ариока уже принял окончательное решение и не стал с ним разговаривать, приказав бросить прибывшего в подземелье. В Киото до Нобунага стали доходить слухи о том, что Мурасигэ поддерживает постоянную связь с Кэннэ и планирует заключить с ним союз. Вскоре слухи подтвердились: Мурасигэ был женат на дочери Акэти Мицухидэ и в знак разрыва отношений отправил её к отцу. Таким образом, усилия Нобунага оказались напрасны, он не сумел вернуть своего полководца.

Араки Мурасигэ действительно заключил военный союз с Кэннэ и подписал договор из трёх пунктов, в котором пообещал бороться до победного конца, то есть до изгнания Нобунага из столицы. Так в районе Тюгоку сложилась очередная коалиция противников Нобунага, в которую вошли сёгун Ёсиаки, Мори Тэрумото, храм Исияма хонган, Хатано Хидэхару, Бэссё Нагахару и Араки Мурасигэ. Теперь в качестве первоочередной задачи к осаде храма Исияма добавилась ликвидация изменников Хатано, Бэссё и Араки.

В последнее время Нобунага редко выезжал на операции местного значения, но для Араки Мурасигэ сделал исключение, отправившись с 30-тысячной армией к его замку Ариока. Он был хорошо укреплен, и большое численное превосходство ещё не гарантировало успеха. Возведение осадных сооружений началось 14 ноября, а пока они строились, Нобунага разослал гонцов к вассалам Мурасигэ, которые его поддержали. Первым стал крещёный христианин Такаяма Укон (1552–1615). Предложив ему союз, Нобунага пообещал выдать разрешение на постройку христианских церквей в любом месте. А в случае отказа пригрозил издать указ о полном запрете христианской деятельности. Для ревностного католика, принявшего христианство в 12 лет, это был действенный аргумент. Араки Мурасигэ держал у себя заложников Такаяма, но

судьба веры оказалась важнее — пожертвовав жизнями родных, Такаяма Укон заключил союз с Нобунага.

Через 10 дней к нему присоединился двоюродный брат Накагава Киёхидэ (1542–1583), ещё один влиятельный командир из провинции Сэццу. Укрепления, принадлежавшие бывшим союзникам Араки Мурасигэ, перешли под контроль Нобунага и стали опорными пунктами в подготовке штурма, а сами военачальники присягнули ему на верность и заняли место в рядах нападавших. Довольный Нобунага по этому случаю вручил им по двадцать *рё* золотом, а их старейшинам — по четыре *рё* (*Синтё коки*). Ещё месяц назад Такаяма Укон и Накагава Киёхидэ убеждали своего начальника, что Нобунага нельзя доверять, теперь же они оказались на его стороне. Их примеру последовали ещё несколько военачальников местного уровня, и к концу ноября большая часть провинции Сэццу оказалась под контролем Нобунага. Теперь во время штурма Ариока он мог не опасаться удара в спину, а у Мурасигэ не осталось надежд на помощь извне.

Восьмого декабря Хори Хидэмаса и Мамми Сигэмото повели свои отряды на штурм Ариока, но его гарнизон ответил плотным ружейным огнём, и атака захлебнулась. Один из двух командиров, Мамми Сигэмото, в этом бою был убит. Распорядившись усилить изоляцию замка и перейти к осаде, Нобунага вернулся в Адзуту.

В новогоднюю ночь защитники Ариока совершили дерзкую вы-

Измена Араки Мурасигэ

лазку и атаковали один из осадных фортов, который с тремя тысячами воинов защищал старший сын Нобунага. Застигнутый врасплох, Нобутада понёс большие потери в живой силе и лишился лошадей и провианта, который забрали с собой нападавшие. После этого в осадном лагере была введена жёсткая дисциплина и повышены меры предосторожности.

На западном направлении, где воевал Хасиба Хидэёси, положение противников Нобунага постепенно ухудшалось. Благодаря морской блокаде ему удалось перекрыть снабжение храма Исияма и замка Мики, и положение осаждённых гарнизонов серьёзно осложнилось. Давление на лагерь противников Нобунага нарастало, и первым не выдержал Укита Наоиэ (1529–1582) из провинции Бидзэн. Хидэёси ещё в апреле 1577 года предлагал ему перейти на сторону Нобунага, но тогда Наоиэ уклонился от прямого ответа, хотя оставил позиции и вернулся в Окаяма, сославшись на болезнь. Полтора года спустя он сам связался с Хидэёси и сообщил, что готов принять его предложение, но хотел бы сначала получить гарантии от Нобунага. Хидэёси доложил об этом своему командующему, но тот потребовал, чтобы западный военачальник лично прибыл к нему в Адзути. Глава клана Укита отказался, и Нобунага пришлось заключить с ним союзный договор без личной встречи. В марте 1579 года Укита Наоиэ уже участвовал в нападении на союзный Мори Тэрумото форт Мишубоси в провинции Мимасака.

Переход военачальника, контролировавшего почти всю провинцию Мимасака и западную часть Харима, резко усилил позиции Хидэёси. Связанный осадой замка Мики, он не мог продвигаться на запад своими силами, и эта задача была поручена Укита Наоиэ, самому боеспособному на тот момент командиру в районе Санъё³⁸. В дальнейшем

³⁸ Район в западной части острова Хонсю, обращённый к Внутреннему морю.

все боевые действия против Мори Тэрумото в Харима и Мимасака он вёл сам, практически без поддержки со стороны Нобунага или Хидзёси. Война за провинцию Мимасака длилась три года, и её присоединение к владениям Нобунага — личная заслуга 50-летнего главы клана Укита.

Сам Нобунага всё это время находился в Адзути. Весной 1579 года здесь произошло значимое публичное событие — религиозный диспут между двумя крупнейшими буддийскими школами. Поводом для его организации послужил инцидент в приамковом городе Адзути с проповедником учения Чистой земли. Прибывший из восточных провинций монах по имени Рэйё Гёкунэн своей проповедью вызвал недовольство богатого и влиятельного горожанина Оваки Дэнсукэ, торговавшего в Адзути солью. Будучи ярым приверженцем учения Лотоса (школа Нитирэн), Оваки Дэнсукэ вступил с проповедником в словесную перепалку, которая закончилась избиением монаха. Школа Чистой земли (Дзёдо) подала Нобунага жалобу на купца, а руководители Нитирэн в ответ потребовали провести публичный диспут и поклялись доказать на нём истинность своего учения. Школа Нитирэн, опиравшаяся на средние и верхние слои городского населения, выделялась среди других буддийских течений особой неприимимостью и агрессивной вербовкой последователей. Воспользовавшись конфликтной ситуацией, её лидеры решили публично доказать несостоятельность своих идейных противников и изъявили готовность умереть, если им это не удастся. Нобунага сначала воспринял идею публичного диспута без энтузиазма, ссылаясь на то, что без чётких правил определить победителя будет трудно, но затем согласился и назначил независимых судей и наблюдателей, которые должны были обеспечивать порядок во время мероприятия. Публичные прения состоялись в мае 1579 года в Дзёгонъин, одном из храмов города Адзути.

Относительно причин, предопределивших результат диспута, в источниках содержатся разные сведения — от не вполне корректной словесной уловки представителя школы Чистой земли, поставившей в тупик оппонента, до прямого подкупа главного арбитра со стороны Нобунага, — но все авторы единодушны в том, что в итоге школа Нитирэн проиграла и была сурово наказана. По окончании диспута все её представители были задержаны и отправлены на необитаемый остров, где содержались до тех пор, пока не был уплачен штраф в 2600 *каммон* серебром³⁹. На храмы Нитирэн в портовом городе Сакаи были наложены ещё большие штрафы. Школа Лотоса хотя и считалась самой богатой в стране, но даже для неё это были огромные деньги. Три главных участника диспута с её стороны, включая зачинщика первой ссоры Оваки Дэнсукэ, были казнены по приказу Нобунага. Тринадцать крупнейших храмов Нитирэн прислали ему подписанные кровью клятвы, в которых признали своё поражение в богословском споре и отказались от любых форм преследования своих идейных противников. В результате диспута одна из трёх главных буддийских школ была разорена и опозорена на всю страну, а её влияние среди последователей сильно подорвано. Считается, что Нобунага использовал диспут в политических целях, а его главным мотивом послужила неприязнь к буддийскому духовенству, особенно к самой богатой и влиятельной его части. Воспользовавшись ситуацией, Нобунага нанёс удар по одному из своих конкурентов в борьбе за власть и влияние.

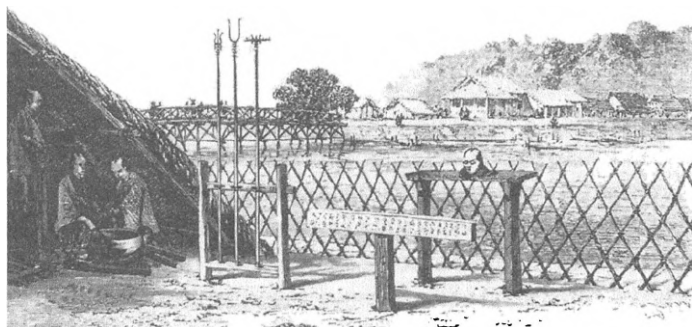
Между тем Араки Мурасигэ, продержавшись в осаждённом замке Ариока 10 месяцев, тёмной сентябрьской ночью бежал из него с несколькими приближёнными к своему старшему сыну в расположенный неподалёку

³⁹ Более 200 млн иен (около 2 млн долларов США) в пересчёте на современные деньги.

форт Амагасаки. За время осады его положение сильно ухудшилось. Несмотря на неоднократные просьбы, Мори Тэрумото так и не прислал ему подкрепление. Двое из трёх ближайших соратников, которые в своё время удержали его от встречи с Нобунага, сами перешли к нему на службу. Такигава Кадзумасу, руководивший осадой Ариока, за это время переманил на свою сторону ещё нескольких подчинённых Мурасигэ и сжёг усадьбы всех его старших командиров в призамковом городе.

К 15 октября 1579 года всё было готово для решающего штурма, и защищавшие Ариока старейшины во главе с Араки Кусаэмон вступили в переговоры с Такигава Кадзумасу. Он передал им условия Нобунага: Мурасигэ капитулирует и сдаёт Ариока, Амагасаки и Ханакума; в этом случае всем защитникам укреплений, включая его близких и дальних родственников, будет сохранена жизнь. Старейшины дома Араки 19 ноября открыли главные ворота замка Ариока и отправились в Амагасаки на встречу с Мурасигэ. Ему сообщили, что в данный момент все, кто был в замке, превратились в заложников и их жизни зависят от его решения. Все участники ситуации ожидали, что военачальник последует неписаному правилу и ценой своей жизни спасёт десятки родственников и сотни подчинённых. Но он поступил по-другому. Переговоры в Амагасаки не дали результата, и четверо старейшин, понимая, что за этим последует, бежали из форта.

Массовая казнь заложников состоялась 13 декабря. По современным меркам, это было убийство ни в чём не повинных женщин и детей, а по законам XVI века — публичный позор Араки Мурасигэ. Описывая казнь, Ота Гюити заметил, что ему «никогда не доводилось слышать», чтобы полководец спасал свою жизнь ценой жизни своих близких. Для казни были отобраны 122 человека, в том числе матери, жены, сестры и дети тех, кто служил Мурасигэ. Место выбрали рядом с фортом Амагасаки — чтобы тела

Голова казнённого

казнённых были оттуда хорошо видны. Женщин специально одели в яркие кимоно, а затем вместе с детьми распяли на крестах и убили. По описанию очевидцев, их душераздирающие крики ещё долго звучали в ушах тех, кто присутствовал на казни. Среди казнённых заложников были и члены семьи Араки Кусаэмон, бежавшего после провала переговоров в Амагасаки. Перед казнью он вернулся с повинной и предложил себя вместо жены и детей, но было поздно.

Тридцать шесть родственников самого Мурасигэ, включая беременную дочь, Такигава отправил в столицу, где их провезли по городу и казнили в квартале Рокудзё кавахара. Затем наступила очередь рядовых защитников Ариока. Пехотинцев и членов их семей, также ставших заложниками, набралось 388 человек. Их собрали в четырёх домах, обложили соломенными вязанками и сожгли. Таким образом, отказ Араки Мурасигэ выполнить свой воинский долг стоил жизни пяти с половиной сотням заложников.

Теперь, когда он потерял всё, ему оставалось лишь идти до конца. Вместе со старшим сыном Мурасигэ ещё три месяца держал оборону в Амагасаки и Ханакума, но когда в марте 1580 года храм Исияма хонган помирился с

Нобунага, надеяться ему стало не на что. Бывший хозяин провинции Сэццу бежал во владения Мори Тэрумото, взяв с собой лишь любимые чайные принадлежности. Летом 1580 года форты Амагасаки и Ханакума пали, и Нобунага полностью восстановил контроль над провинцией Сэццу.

Так и не сумев расправиться с изменником, Нобунага ещё долго преследовал всех, кто имел к нему хоть какое-то отношение. После случившегося Араки Мурасигэ оставил военное дело и стал рядовым мастером чайной церемонии. Многие его презирали и награждали соответствующими кличками. После смерти Нобунага в 1582 году он переехал в Сакаи, где продолжал заниматься чайной церемонией, общаясь со знаменитым Рикю Сэн. Мурасигэ возненавидел христианское учение и с помощью ложного доноса попытался отомстить предавшему его христианину Такаяма Укон, но был разоблачён. Он пережил Нобунага на 4 года и умер в городе Сакаи на 52-м году жизни. Любопытно, что незадолго до смерти отставного военачальника Хасиба Хидэёси простил ему все грехи и призвал к себе на службу. Говорят, что осуждаемый всеми поступок Мурасигэ он объяснил верностью клятве, которую тот дал Кэннэ и Мори Тэрумото.

В январе 1580 года Хидэёси продолжал осаду замка Мики, начавшуюся почти почти два года назад. После того как в сентябре 1578 года его снабжение морским путём прекратилось, положение в замке стало постепенно ухудшаться. Решив, что гарнизон уже не может активно обороняться, Хидэёси попытался взять его штурмом, но защитники оказали сопротивление и отразили атаку.

За это время Бэссэ Нагахару несколько раз обращался за помощью к Мори Тэрумото, но разделявшие их 200 километров затрудняли отправку подкрепления. Это удалось сделать только в сентябре 1579 года. Усиленный повстанцами отряд Мори напал на форт Хирата, препятствовавший поставке провианта осаждённым. Его захват

позволял пробить брешь в осаде и организовать коридор для снабжения. После короткого, но упорного боя форт Хирата был захвачен, а его комендант Тани Мориёси убит. Оставив у замка Мики часть войска, Хидэёси с основными силами атаковал потерянный форт и отбил его у противника. Согласно его отчёту, Мори потерял в том бою 800 человек убитыми. После ухода Хидэёси вооружённую вылазку против осадного лагеря предпринял гарнизон Мики в надежде захватить оружие и продовольствие нападавших. Однако истощённым воинам Бэссё Нагахару не хватило сил, и они отступили, не добившись цели.

Осада замка Мики продолжалась. В последующие четыре месяца боевых действий в его окрестностях не велось. В начале января 1580 года Хидэёси активизировался — его воины захватили расположенный рядом вспомогательный форт Мияноуэ и начали обстреливать из него защитников Мики из луков и аркебуз. Осада длилась уже почти два года, а последние пять месяцев замок был полностью блокирован, поэтому голод в нём достиг невероятных масштабов. Там давно были съедены все лошади, кошки и собаки, не осталось ни травы, ни коры на

Бегство Араки Мурасигэ

деревьях, люди пухли и умирали от голода, а оставшиеся в живых даже ходили с трудом. В семейном архиве Бэссё сохранились записи: «те, кто ещё жив, полностью истощены и не могут надеть доспехи», «лишь боевой дух живёт в теле, а руки и ноги не слушаются», «ни одного бойца не осталось, вдоль стен лежат трупы» (Бэссё Нагахаруки).

На фоне отчаяния и безнадёжности Бэссё Нагахару 15 января передал Хидээси письмо с предложением: он сам, его младший брат Томоюки и дядя Ёситика готовы убить себя и сдать замок в обмен на сохранение жизни оставшимся. Хидээси предложение принял и передал осаждённым бочонок сакэ, чтобы отпраздновать соглашение.

Семнадцатого января 1580 года Бэссё Нагахару собрал членов семьи, старейшин и объявил им решение о капитуляции. Сначала он убил своего двухлетнего сына, потом жену, а затем с помощью ассистента покончил с собой. Его 20-летний брат Томоюки поступил так же. Зная, что головы побеждённых будут положены к ногам Нобунага, их дядя позаботился, чтобы с его головой этого не произошло. Он велел адъютантам разрубить своё тело на куски и сжечь. Его жена облегчила мужу задачу, взяв на себя заботу о семье — умертвила троих детей, а затем перерезала себе горло.

Длившаяся 22 месяца (с марта 1578 по январь 1580 года) осада замка Мики стала одной из самых длительных и самых тяжёлых за весь период междоусобных войн; она известна под названием *Мики но хосигороси* (голодомор Мики). Автор «Хроники годов Тэнсё» (*Тэнсёки*) отмечает, что командовавший осадой Хидээси в высшей степени похвально отзывался о том, как Бэссё Нагахару и его младший брат Томоюки действовали в трудной ситуации.

В апреле мае 1580 года Хидээси продвинулся ещё дальше в глубь провинции Харима и захватил форты Ага и Тёдзуй, принадлежавшие союзникам Бэссё Нагахару. После этого контроль над провинцией был почти полно-

стью восстановлен, а её земли поделены между старшими командирами, участвовавшими в её захвате. Хидэеси издал указ о прощении всех долгов и недоимок, отмене принудительных поставок риса по фиксированным ценам и принял меры для восстановления разрушенного боями района. Для безопасности вспомогательные форты противника были разрушены, а ставка Хидэеси перенесена в замок Эхимэ. Отсюда ему предстояло продвигаться дальше на запад.

Победа над Бэссё Нагахару и повторный захват провинции Харима стали завершающим этапом в борьбе с участниками третьей антинобунагской коалиции. Всего за десять лет такие коалиции создавались трижды. Первая сформировалась осенью 1570 года, в неё входили кланы Миёси, Асакура, Адзай, храм Энряку и повстанцы в дельте Нагасима. Вторая коалиция в частично обновлённом составе начала складываться осенью 1572 года. К прежним противникам Асакура и Адзай на северо-востоке добавились сёгун Ёсиаки в центре, храм Исияма хонган на юге и Такэда Сингэн на востоке. Образование третьей коалиции относится к 1576 году. В неё входили сёгун Ёсиаки и клан Мори на западе, храм Исияма хонган на юге и Уэсуги Кэнсин на востоке. Начавшаяся война с Мори Тэрумото привела к серии измен и мятежей со стороны союзников Нобунага в районе Тюгоку, на подавление которых в общей сложности ушло 4 года.

Мир с Исияма хонган

К началу 1580 года Акэти Мицухидэ захватил провинции Тамба и Танго и тем самым решил задачу, поставленную на северо-западном направлении. Хасиба Хидэеси сделал то же самое на западном фронте, взяв под контроль

провинции Харима, Тадзима и Мимасака. И лишь на юге Сакума Нобумори никак не мог преодолеть оборону храма Исияма хонган. Боевые действия здесь затянулись и перешли в хроническую вялотекущую фазу, а затем вообще прекратились. Война с храмом Исияма и его последователями в общей сложности продолжалась уже десять лет, с 1570 года. За это время стороны несколько раз заключали перемирия, но затем возобновляли боевые действия. В удалённых районах у Нобунага ещё оставались сильные противники: на востоке — Уэсуги и Такэда, на западе — Мори, Тёсокабэ и Симадзу. С ними предстояло воевать, и в этих условиях было бы неразумно оставлять в тылу такого упорного и последовательного противника, как лидер храма Исияма хонган.

Несмотря на то что позиции Кэннэ в осаждённом храме оставались довольно прочными, после побед Нобунага в центре страны военной помощи ему было ждать неоткуда. По состоянию на начало 1580 года Нобунага имел возможность сосредоточить большие силы и взять штурмом храм Исияма, но эта победа не прекратила бы сопротивление повстанцев на местах, поэтому он выбрал другой путь. Для достойного выхода из сложившейся ситуации нужен был авторитетный посредник, и Нобунага через своего представителя обратился к императору. Его просьба была принята, и вскоре посланники двора передали сторонам предписание императора прекратить войну и восстановить мир в столичном районе. За последние 10 лет это был уже четвёртый случай, когда Нобунага использовал авторитет императорского дома в своих целях. Впервые это произошло осенью 1570 года во время осады храма Энряку, во второй раз — в апреле 1573 года в ходе конфликта с сёгуном Ёсиаки, в третий — в ноябре 1578 года в противостоянии с тем же Кэннэ.

Следуя волеизъявлению монарха, Нобунага сделал лидеру храма Исияма хонган следующие предложения. Он

прекращает боевые действия, признаёт полномочия и суверенитет храма, отказывается от преследования его сторонников в провинциях, а Кэннэ Коса в срок до 20 июля 1580 года покидает храм Исияма вместе со своими последователями. В дальнейшем Нобунага пообещал вернуть повстанцам уезды Энума и Номи в провинции Кага, а также всех удерживаемых им заложников и захваченное в боях храмовое имущество. В качестве компенсации за Исияма хонган он пообещал также передать храму принадлежавшие ранее Араки Мурасигэ форты Амагасаки и Ханакума в провинции Сэццу.

Кэннэ принял эти условия и согласился на переговоры, хотя требование уйти из Исияма вызвало возражения у многих его сторонников, включая старшего сына Кёнё (1558–1614). Не доверяя обещаниям Нобунага, они выступили против заключения с ним каких-либо соглашений и потребовали продолжения боевых действий. Так и не сумев их убедить, Кэннэ приступил к переговорам, которые продолжались ещё несколько недель и завершились подписанием мирного договора в марте 1580 года. Нобунага передал лидеру повстанцев подписанное кровью семистатейное обязательство и получил в ответ текст из пяти пунктов, уточнявший некоторые детали. В начале апреля Кэннэ вместе со своими сторонниками покинул Исияма хонган и перебрался в Сагимори (провинция Кии). Перед отъездом он разослал своим сторонникам письма с извещением об окончании войны с Нобунага и требованием прекратить боевые действия на местах.

Возражавший против договорённостей сын лидера разорвал отношения с отцом, отказался признавать мирный договор и покинуть Исияма. Решив возглавить борьбу с Нобунага, он начал действовать самостоятельно. Вместе с ним в Исияма остались самые непримиримые единомышленники. За десять лет войны с Нобунага Кэннэ разослал своим сторонникам около 70 посланий

с разного рода призывами и инструкциями; его сын превзошёл отца, отправив более 70 писем в провинции только за апрель 1580 года. Активную поддержку оказал ему сёгун Ёсиаки, потерявший в лице Кэннё своего главного союзника. Противоположные по смыслу распоряжения отца и сына поставили в замешательство руководителей повстанцев на местах и привели к хаосу; где-то последовали мирным предписаниям отца, где-то — воинственным призывам сына.

На переговоры с Кёнё ушло ещё три месяца. Сначала Нобунага отправил к нему своих представителей и потребовал выполнения условий подписанного договора, но слова не подействовали. Тогда он напомнил об удерживаемых заложниках, подтянул к Исияма дополнительные силы и назначил последнюю дату, когда повстанцы должны были покинуть Исияма, — 10 августа. Одновременно с ультиматумом он отправил Кёнё грамоту, в которой объявлял о полной амнистии для всех участников сопротивления в случае выполнения его требований. Под угрозой применения силы лидер сдался и отправил в Адзути заложников, а сам со своими сторонниками 2 августа поки-

*Город-замок Исияма хонган
(художественная реконструкция)*

нул замок и направился к отцу в Сагимори. Однако после этого отношения отца и сына окончательно разладились и больше уже не восстановились. С лета 1580 года последователи учения Чистой земли раскололись на два лагеря.

На следующий день после ухода Кёнё из Исияма хонган в нём начался сильнейший пожар. Он продолжался трое суток и полностью уничтожил цитадель повстанцев, много лет укрывавшую противников Нобунага. Вероятнее всего, пожар был устроен по приказу Кёнё.

Через три года на этом месте началось строительство нового замка, которое продолжалось 16 лет. Трудом строителей, число которых временами доходило до ста тысяч человек, здесь было возведено грандиозное сооружение, своим величием затмившее даже замок Адзуты. Это был проект Хидэёси, в трудной борьбе завоевавшего право называться наследником Нобунага. Выстроенный им замок впоследствии много раз горел, разрушался и вновь отстраивался, но он существует и сегодня. Это замок Осака, вокруг которого со временем разросся одноимённый город с населением в 2,6 млн человек, торговая столица современной Японии. Десятки тысяч посещающих его туристов узнают из путеводителей, что замок был заложен в 1583 году Тоётоми Хидэёси и много лет оставался самым неприступным укреплением в стране. О том, что с 1496 по 1580 год на этом месте стоял храм Исияма хонган, путеводители обычно не сообщают. Выстроенный Хидэёси замок впоследствии стал настолько известным, что в некоторых работах по истории Японии храм Исияма в последние годы его существования именуется замком Осака — современникам так понятнее.

Через неделю после пожара, уничтожившего многолетнюю цитадель повстанцев, Нобунага приехал посмотреть, что осталось от города-храма, с которым он воевал 10 лет. Самая долгая его война наконец завершилась, но победы в ней он одержать не смог. По её итогам были

сделаны оргвыводы. Сакума Нобумори, отвечавший за осаду Исияма последние пять лет, был сурово наказан. Свои претензии к нему Нобунага изложил в документе, состоявшем из 19 пунктов. Их суть сводилась к тому, что Сакума Нобумори и его старший сын Нобухидэ (1556–1632) все пять лет вели себя пассивно и заботились лишь о собственном благополучии, не уделяя должного внимания выполнению поставленной задачи. За это отец и сын были разжалованы, лишены всех владений и отправлены в монастырь на горе Коя. Затем Нобунага сослал их ещё дальше на восток, в монастырь Кумано. Через полтора года 52-летний Сакума Нобумори заболел и умер, после чего Нобунага снял опалу с его сына и вернул на службу.

Кроме отца и сына Сакума понесли наказание ещё несколько полководцев Нобунага. Андо Моринари и его сын Садахару были сосланы по подозрению в том, что поддерживают тайные контакты с кланом Такэда. За год до этого по аналогичному обвинению Нобунага приговорил к самоубийству старшего сына Токутава Иэясу. А Хаяси Хидэсада попал в немилость за эпизод 24-летней давности. Нобунага припомнил ему, что во время вооружённого столкновения со сторонниками младшего брата Нобукацу в 1556 году Хидэсада, воевавший тогда на стороне брата, стрелял в него из лука. Конечно, это был формальный повод — на самом деле Нобунага был недоволен действиями своего вассала в последнее время. Этот случай показывает, что первый объединитель Японии имел хорошую память и ничего не забывал. Разослав опальные указы, Нобунага в том же августе 1580 года наградил за боевые успехи двоюродного брата Икэда Цунэоки (1536–1584), отдав ему большую часть провинции Сэццу.

Мирный договор между Нобунага и храмом Исияма содержал отдельный пункт о прекращении боевых действий в провинции Кага, поэтому сразу после его подписания Нобунага отдал Сибата Кацуиэ соответствующее распо-

ряжение. Но мир здесь долго не продержался. Получив от сына лидера приказ продолжать борьбу, повстанцы вновь активизировались. Во второй половине 1580 года боевые действия в провинции Кага возобновились с новой силой и продолжались до ноября.

Одним из центров местного повстанческого движения служил храм Оямагохо, укрепленный не хуже любого замка. Семнадцатого ноября 1580 года Сибата Кацуиэ взял его штурмом и уничтожил двух руководителей повстанцев, Вакабаяси Нагато и Судзуки Ёсиаки, вместе с семьями. Их головы были отправлены в Адзути и предъявлены Нобунага. Позднее на месте храма был построен форт Ояма, в котором поселился Сакума Моримаса (1554–1583), ставший управителем провинции Кага. Со временем форт Ояма превратился в город Канадзава с полу-миллионным населением; сегодня это административный центр префектуры Исикава на побережье Японского моря.

Ещё один крупный очаг сопротивления находился в районе Торигоэ. Здесь Сибата Кацуиэ действовал по-другому — пообещав пойти на уступки, он пригласил руководителей повстанцев на переговоры, где они попали в засаду и были убиты. В конце ноября 1580 года Сибата доложил Нобунага, что лидеры повстанцев мертвы, а сопротивление в провинции Кага подавлено. Вместе с докладом он отправил в Адзути 19 голов руководителей повстанцев и членов их семей. Этот эпизод стал последним в много-летней войне Нобунага с приверженцами учения Чистой земли.

Впоследствии на месте форта Торигоэ был построен храм, расположенный сегодня в черте города Хакусан (префектура Исикава) с населением 110 тысяч человек. Известный на всю страну местный праздник Икко икки проводится в Торигоэ каждый год 8–9 июня и собирает десятки тысяч участников. Жители городка хранят память о своих земляках, воевавших против Ода Нобунага.

Усмирив повстанцев в провинции Кага, Нобунага направил своих командиров в соседние с ней провинции Ното и Эттю. Обе они находились под контролем клана Уэсуги, но успешными действиями им удалось оттеснить противника. Хозяином стратегически важного замка Нанао стал его соратник Маэда Тосиэ (1539–1599), а в Тояма въехал Сасса Наримаса (1536–1588); оба получили задание готовить почву для решающего похода против Уэсуги.

Парады в столице

Удачно завершившийся 1580 год следовало широко отпраздновать. Пятнадцатого января, в Праздник огня (*сагитё*), Нобунага устроил в Адзути большой военный парад. Он выехал на него в экзотическом одеянии — верхом на лучшем скакуне, в широкополой чёрной шляпе, подаренной ему европейскими миссионерами. Брови его были густо покрашены, поверх *хаори* без рукавов накинута тигровая шкура. Позади в установленном порядке следовали родственники, ближайшие вассалы и союзники. Парадным строем с зажжёнными факелами конная процессия обогнула подножие горы Адзути и прошла через весь город, произведя большое впечатление на его жителей.

Мероприятие прошло с успехом, и Нобунага решил в ближайшее время повторить его в столице, увеличив масштаб и значимость. Был составлен подробный список участников парада с указанием времени их выхода и места в процессии. Столичный парад состоялся через полтора месяца на городской площади восточнее императорского дворца. Начался он рано утром 28 февраля 1581 года. На нём присутствовали император с семьёй и

вся столичная знать — аристократы, учёные, астрологи, духовенство. Почётных гостей разместили на специально построенной для этого трибуне. Сила и величие военного правителя страны подавались с большой помпой. Он сам располагался в голове колонны в расшитых золотом пышных одеяниях, а перед ним двигался отряд примерно в сто человек, состоявший из адъютантов и телохранителей. Свита Нобунага также выделялась дорогими шёлковыми одеждами. Следом за головным отрядом шли конюшие, ведя в поводьях украшенных дорогой сбруей и накрытых шёлковыми попонами скакунов, полученных Нобунага в подарок. Говорят, что для парада он приказал собрать лучший китайский шёлк и драгоценности, какие только можно было найти на подвластных ему землях. Роскошные, производящие на людей впечатление атрибуты власти он считал её неотъемлемым признаком и уделял им большое внимание. При этом Нобунага любил повторять, что пользуется изделиями из золота, серебра и лучших сортов шёлка, специально изготовленными для правителей Китая и Индии, тем самым приравнивая себя, сына провинциального предводителя, к великим заморским правителям. Не исключено, что в полководческом воображении 46-летнего Нобунага уже рисовались картины его будущего величия, выходящего за пределы Японии. Свой наряд он украсил вставленным за пояс букетом искусственных цветов, специально изготовленных для него мастерскими императорского дворца. Как пишет Ота Гюити, во время парада жители столицы видели в нём живое воплощение синтоистского божества и падали перед ним ниц (*Синтё коки*). Из ближайших сподвижников Нобунага лишь Хасиба Хидэеси не смог принять участие в шествии, поскольку воевал вдали от столицы. Однако он прислал Нобунага и ближайшим соратникам письменные поздравления и выразил сожаление, что не может присутствовать на столь замечательном мероприятии.

В параде, который продолжался почти весь световой день, приняла участие вся столичная элита. Среди 100 тысяч пеших и конных воинов, прошедших маршем по улицам Киото, были не только вассалы Нобунага, но и крупные аристократические дома, имевшие собственные вооружённые отряды. Парадное шествие прошло с большим успехом. Слухи о том, как всё было роскошно и торжественно, распространились далеко за пределами столицы. Многократно повторяемая в них мысль о том, что хозяином страны стал Нобунага, полностью соответствовала его целям и задачам. Через 5 дней в столице был организован ещё один небольшой парад с участием 500 всадников. Массовые мероприятия так понравились Нобунага, что в том же году, в начале августа, он снова пригласил всех военачальников столичного района в Адзути и там устроил ещё одно конное шествие.

Среди японских историков нет единого мнения о целях, которые преследовал Нобунага организацией парадов в столице. Высказываемое некоторыми из них предположение о давлении на императора с целью вынудить его уйти в отставку вряд ли соответствует действительности. В конце 1580 года скончалась мать наследного принца Санэхито, и император обратился к Нобунага с просьбой организовать соответствующее её статусу поминальное мероприятие, требовавшее немалых средств. Вероятнее всего, Нобунага, хорошо понимавший значение массовых зрелищ, использовал эту возможность в своих целях. С одной стороны, он оказывал императорскому дому важную услугу и подчеркивал своё единение с ним, а с другой — демонстрировал всем свои возможности. Оба фактора имели пропагандистское значение и работали на политическое будущее Нобунага. Не случайно император предложил ему занять высокую должность Левого министра сразу после второго парада, 9 марта 1581 года. Таким образом двор обычно выражал признательность.

На главном параде 28 февраля присутствовали и европейские миссионеры, которым Нобунага явно благоволил. Он принял их в храме Хонно, где стал останавливаться после передачи замка Нидзё наследному принцу Санэхито. Участвовавший в этой аудиенции Алессандро Валиньяно показал Нобунага привезённого с собой африканца, облик которого вызвал в Киото большой ажиотаж. По свидетельствам очевидцев, среди желавших посмотреть на невероятно чёрного человека возникла давка, в которой погибло несколько горожан. Нобунага тоже с первого раза не поверил в подлинность африканца и приказал хорошо его вымыть, после чего показать ещё раз. Убедившись, что он не вымазан тушью, правитель назвал африканца именем Ясукэ и взял к себе на службу. Кроме сына солнечной Африки европейцы подарили Нобунага ещё несколько заморских диковин: песочные часы, очки и обитый бархатом стул. В том же 1580 году Нобунага разрешил европейцам открыть в Адзути христианскую духовную семинарию, которую потом посещал, чтобы послушать, как звучат виола и орган. Нобунага стал одним из первых японцев, узнавших о том, что Земля круглая. Во время встречи с европейцами в 1579 году он впервые увидел глобус и попросил их показать, каким маршрутом они прибыли в Японию. А получив объяснения, «хлопнул в ладоши с чрезвычайно довольным видом» (Фройс, 2006). По поводу того, что Земля круглая, он ничего не сказал.

Нобунага поддерживал деятельность европейских миссионеров более 10 лет. Разрешение построить христианские церкви в Киото и Адзути стали самыми значимыми признаками его расположения, после которых их деятельность заметно оживилась. Отношение Нобунага к религии и её институтам определялось в первую очередь политической целесообразностью. В этом смысле неизвестное в Японии христианство казалось ему полезным противовесом традиционным религиям, с представителями которых ему при-

ходилось бороться. Кроме того, через европейцев можно было получать полезные технические новинки и знания, чрезвычайно интересовавшие Нобунага. Он быстро понял, что кроме занятых вещей вроде часов и глобуса европейцы умеют делать действительно полезные вещи. Например, придумывать огнестрельное оружие и вскрывать фурункулы. В 1570 году европейский лекарь сделал такую операцию Мацуи Юкан, чем сильно удивил японцев.

Что касается императора, то как главный жрец и первосвященник он всеми силами поддерживал традиционные религиозные институты и препятствовал распространению европейского учения. За его подписью был издан рескрипт о запрете христианской деятельности, и европейские миссионеры оказались вне закона, после чего Луис Фройс был вынужден обратиться за помощью к Нобунага, но тот не захотел обострять отношения с императором на второстепенном для него направлении и дал европейцу уклончивый ответ.

В следующем, 1581 году Нобунага пришлось исправлять ошибку двухлетней давности, сделанную его сыном Нобукацу. После ликвидации главы клана Китабатакэ, куда Нобунага отдал своего второго сына, его положение в чужом доме упрочилось, и в сентябре 1579 года он предпринял самостоятельный поход в соседнюю провинцию Ига. Она выгодно располагалась на пересечении торговых путей и граничила с провинциями Ямато, Ямасиро, Оми и Исэ. К тому же она оставалась единственной неподвластной Нобунага провинцией в центральной части страны, и Нобукацу эту недоработку решил исправить. В XV веке в Ига доминировал воинский дом Никки, но после смуты годов Онин (1476–1477) он утратил своё влияние и, хотя формально сохранил губернаторский ранг *сюго*, фактически стал одним из местных феодалов среднего уровня, поделивших провинцию между собой. Крупных военачальников уровня *сэнгоку даймё* в ней не было, зато

мелких — великое множество; на тот момент в маленькой провинции Ига насчитывалось 546 замков, фортов, храмов и прочих укрепленных сооружений (Танигути, 2002).

Военачальники, владевшие уделами в северной части провинции, тяготели к дому Роккаку из южной Оми, а южные кланы поддерживали дом Китабатакэ из северной Исэ. Глава дома Никки в 1569 году заключил союз с Нобунага, но на его авторитете это особенно не отразилось, а в 1578 году он ввязался в очередную интригу, проиграл и был вынужден бежать из провинции. В результате в Ига установилось коллегиальное воинское правление — двенадцать местных военачальников создали коллективный совещательный орган (*хёдзё дзюнининсё*) и управляли провинцией по своему разумению. Время от времени они собирались в храме Хэйраку для обсуждения текущих вопросов. Местные вооружённые силы, состоявшие из самураев, крестьян и монахов, не отличались особой дисциплиной и воинскими навыками, поэтому в округе их называли «повстанцами Сококу» (*Сококу икки*). Вот такая своеобразная провинция на границе владений Нобунага в течение долгого времени ухитрялась избегать его тяжёлой руки.

В 1579 году Нобукацу, второй сын Нобунага, которому исполнился к тому времени 21 год, решил проявить воинскую доблесть и сделать отцу подарок. Не поставив его в известность, он собрал своих вассалов и с 10-тысячным отрядом отправился на завоевание соседней провинции. Однако местные предводители, действуя партизанскими методами и умело используя горный рельеф провинции, начали со всех сторон наносить Нобукацу чувствительные удары. Вскоре после начала кампании был убит Цугэ Сабуродзаэмон, ближайший советник и проводник Нобукацу в незнакомой местности. Едва уцелев, несостоявшийся завоеватель вернулся в провинцию Исэ. Узнав об авантюре сына, Нобунага отписал ему гневное письмо, в котором пригрозил отлучить от семьи и лишить права наследования.

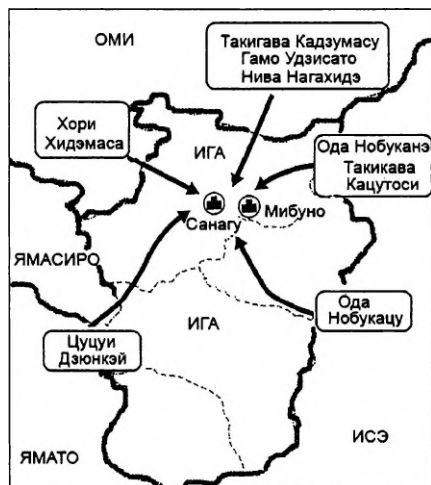
Однако проблема непокорной провинции от этого никуда не делась. Через два года Нобунага получил письмо от главы дома Фукути, одного из тех самых 12 командиров, управлявших провинцией Ига. В августе 1581 года Фукути изъявил желание перейти на службу к Нобунага и предложил свою помощь в завоевании провинции. Через две недели 40-тысячная армия Нобунага выступила в поход. Она состояла из пяти крупных соединений, которые 3 сентября вошли в провинцию с четырёх сторон. Ими командовали Такигава Кадзумасу (северо-восточное направление), Ода Нобуканэ (восточное), Ода Нобукацу (юго-восток), Цуцуи Дзюнкэй (юго-запад) и Хори Хидэмаса (северо-запад). Общее командование Нобунага возложил на своего сына Нобукацу.

Около половины местных командиров сразу перешли на сторону Нобунага, но кое-где прошли ожесточённые бои, сопровождавшиеся уничтожением деревень, храмов и рисовых полей. Местные хроники сохранили имена командиров, оказавших сопротивление и погибших на поле боя. Шестого сентября отряды Такигава, Нива, Хори подошли к фортам Санагу и Мибуно и взяли их в кольцо. Десятого сентября здесь произошло главное сражение всей кампании. Нападавшие пошли на штурм, но были встречены плотным огнём и были вынуждены отступить. Однако той же ночью защитники форта Санагу оставили его и ушли в горы. На следующий день в него вошёл Нобукацу и разместил свой штаб.

Четыре уезда, из которых состояла провинция Ига, были поделены на боевые зоны, и каждый полководец получил своё задание. Затем началось преследование бежавших в горы повстанцев и их уничтожение. Понимая, что десятилетиями жившая без единоначалия провинция будет ожесточённо сопротивляться любой новой власти, Нобунага распорядился пленных не брать. Сам он в этой операции не участвовал, но в письме Нобукацу от 2 октября потре-

бывал уничтожать всех, кто бежал и прячется. Истребление продолжалось несколько недель. Согласно *Рэндзёин кироку* (Хроника [храма] Рэндзё), в ставку Нобукацу ежедневно доставляли по 300–500 голов местных жителей. Цуцуи Дзюнкэй, владения которого граничили с провинцией Ига, многих из них знал и старался сохранять им жизнь. Узнав об этом, Нобунага отправил ему отдельное письмо с красной печатью и напоминанием о том, что «только страхом можно укротить провинцию» (*Тамонъин никки*).

Через месяц после начала похода повстанцы были перебиты на всей территории, и 9 октября Нобунага выехал в провинцию Ига для подведения итогов и раздачи наград. Его сопровождали старший сын Нобутада и племянник Нобудзуми (1555–1582). На следующий день в замке Итиномия, куда он должен был прибыть, собрались все старшие командиры. Готовя место для главнокомандующего, они соревновались, кто лучше его украсит и какие подарки приготовит. Пробыв в Ига четыре дня, Нобунага осмотрел новые земли и распределил их между родственниками:

Захват провинции Ига

три уезда получил второй сын Нобукацу, а четвёртый достался Ода Нобуканэ, двоюродному брату Нобунага. Теперь, когда провинцией управляли его сын и двоюродный брат, за неё можно было не беспокоиться.

Перед началом похода в провинцию Ига Нобунага узнал, что около десяти бывших вассалов Араки

Мурасигэ нашли убежище в монастырском комплексе Конгобудзи на горе Коя. Продолжая преследовать всех, кто имел отношение к предателю, Нобунага отправил в Конгобудзи своих людей с требованием выдать ему беглецов. Основанный в IX веке знаменитым просветителем Кукай главный храм школы Сингон жил по своему уставу, имел собственные вооружённые силы и не очень-то прислушивался к распоряжениям со стороны. Покровительство императорского дома позволяло ему держаться независимо, и многие из тех, от кого отворачивалась судьба, скрывались здесь от преследований.

По некоторым сведениям, посланцы Нобунага живыми с горы Коя не вернулись. К тому времени опальный Сакума Нобумори, сосланный сюда год назад, был переведён ещё дальше на восток, и Нобунага потребовал от храма вернуть его имущество. Передавший это требование гонец также был убит, и Нобунага начал ответные репрессии. По его приказу в разных провинциях были казнены несколько сотен странствующих монахов, прошедших обучение в Конгобудзи. Затем он разослал приказ военачальникам столичных провинций начать подготовку к карательной операции против самого храма на горе Коя. Однако упоминаний о том, что этот поход состоялся, в источниках не сохранилось — Нобунага либо передумал, либо не успел реализовать свой план.

Отношения с императором

С момента своего появления в столице в 1568 году Нобунага неизменно проявлял внимание к императорскому дому и заботился о его благополучии, однако к концу 1570-х годов его отношения с императором стали меняться. Проявлялось это в незначительных на первый взгляд

эпизодах, о которых сообщают источники. Например, в ответ на просьбу европейских миссионеров организовать им аудиенцию у императора Огимати Нобунага заметил, что никакого смысла встречаться с ним нет, когда рядом есть он, реальный правитель страны. Позднее он проигнорировал просьбу императора показать ему картину с изображением замка Адзути, о которой ему много рассказывали. Картина была подарена главе христианской миссии Алессандро Валиньяно (1539–1606) и отправлена в Европу. Для Нобунага было важнее, чтобы о нём и его замке узнали европейские правители. Впоследствии это изображение украсило покои Папы Римского. В дневнике Ёсида Канэми (1535–1610) говорится о том, что при подготовке второго парада в столице Нобунага приказал перенести ограду в юго-восточном углу императорского дворца (*Канэми кёки*). Никто другой не посмел бы этого сделать.

По вопросу об отношениях между Нобунага и императором Огимати японские историки разделились на два лагеря. Одни уверены, что после 1579 года Нобунага оказывал давление на императора и добивался его отставки, другие же склонны считать, что они оставались партнёрами и поддерживали добрые отношения вплоть до смерти Нобунага. Единственный неоспоримый факт состоит в том, что с 1568 по 1582 год эти два человека по воле судьбы оказались рядом и должны были как-то взаимодействовать друг с другом, хотя имели неодинаковый статус и преследовали разные цели. Вероятнее всего, как это часто бывает, в каких-то аспектах они сотрудничали, а в каких-то — соперничали. Об их взаимоотношениях сохранилось слишком мало сведений, и это не позволяет односторонне поддержать какую-либо из двух точек зрения. Высказываемые в их пользу аргументы опираются не столько на сами факты, сколько на их интерпретацию, и именно в этом причина расхождений. Например, предложение Нобунага занять должность Левого министра

9 марта 1581 года сторонники версии противостояния трактуют как защитный шаг императора под давлением, оказанным на него демонстрацией военной силы во время парадов. А сторонники теории сотрудничества считают это предложение всего лишь естественным проявлением благодарности императора за организацию поминального мероприятия. Примерно так же не совпадает трактовка и ряда других фактов, имевших место в действительности.

Если исходить из того, что отношения Нобунага с императорским домом со временем менялись, что вполне естественно, то можно согласиться с предположением о том, что после 1579 года элемент давления на императора со стороны Нобунага усилился — хотя бы в силу его возросшего политического влияния на фоне постоянной военной экспансии. Ряд косвенных обстоятельств хорошо вписывается в это предположение. Например, двумя годами ранее Нобунага уступил наследному принцу свою столичную резиденцию Нидзё и взял на воспитание его сына Гономия (1576–1620). Усыновив внука императора, он сделал первый шаг к породнению с правящей династией. Считается, что Нобунага стремился посадить на трон наследного принца Санэхито, с которым ему было проще справиться, чем с 62-летним Огимати, пережившим нескольких сёгунов. Усыновив Гономия, Нобунага получал шанс в будущем стать отцом императора, что дало бы ему большие новые полномочия и воз-

Император Огимати

мжности. Впрочем, фактов, которые могли бы надёжно подтвердить или опровергнуть эту версию, тоже не существует.

Получив от Нобунага предложение подумать об отставке, император Огимати через месяц ответил, что расположение небесных светил не благоприятствует «обновлению трона», поэтому отречение от власти произойдёт позднее. За этим решением тоже можно усмотреть как противодействие планам Нобунага, так и банальную нехватку средств на церемонию интронизации и строительство новой резиденции для уходящего в отставку императора. И то, и другое вполне могло иметь место. Например, после смерти императора Гоцутимикадо в 1500 году из-за нехватки денег управление двора не смогло организовать похоронную церемонию и восхождение на престол наследника. Да и сам Огимати нашёл деньги на свою интронизацию лишь через три года после того, как взойшёл на престол, в 1560 году. В эпоху Муромати императорская казна по большей части пустовала, и это стало одной из причин того, что во второй половине периода отставка императоров стала редким явлением — последняя состоялась в 1464 году (император Гоханадзоно).

В феврале 1582 года Нобунага обратился к императору с новой просьбой, в которой сторонники конфликтной версии усматривают вызов, — изменить текущий календарь. В то время месяцы состояли из 29 или 30 дней, поэтому в календаре периодически накапливалось «лишнее время», которое сегодня списывается 29 февраля, а в XVI веке добавлялось к какому-либо месяцу года. Такой месяц считался дополнительным и имел особое название (*урудзуки*). Главным календарём страны считался столичный, но его придерживались не везде. В домашних провинциях Нобунага, Мино и Овари, тоже был свой календарь (он назывался *Мисима рэки*), и в 1582 году особый месяц в нём выпадал на декабрь, а в столице — на январь следующего года. Получив от Нобунага запрос по поводу календаря,

император созвал главных астрологов страны и поручил им рассмотреть этот вопрос. После нескольких обсуждений было принято решение оставить в силе столичный календарь. Нобунага никак на это не отреагировал, но во время званого ужина в храме Хонно 1 июня того же года напомнил, что придворные астрологи не сумели предсказать произошедшее незадолго до этого солнечное затмение, и предложил ещё раз подумать об изменении календаря, чем вызвал у своих гостей сильное замешательство. Вернувшись с приёма, Кадзюдзи Харэтоё записал в своём дневнике, что пожелание Нобунага невыполнимо (*Харэтоё коки*).

Изменить текущий календарь действительно было трудно. Он составлялся придворными астрологами и после утверждения императором приобретал силу закона. Предлагая изменить календарь, Нобунага, по сути, вмешивался в жреческие функции императора, распорядителя времени. Сторонники же «мирной версии» усматривают в этом эпизоде не ультиматум, а всего лишь пожелание и совет Нобунага, уверенного в том, что он всё делает лучше и правильнее, чем кто-либо другой.

Ни одна из этих просьб Нобунага не была выполнена — император оставил в силе утверждённый календарь и не уступил трон наследному принцу. В 1586 году 34-летний Санэхито заболел и умер, и Огимати после 29 лет правления назначил своим наследником 15-летнего внука Катахито, ставшего 107-м императором Гоёдзэй (1571–1617).

Провинции Инаба и Биттю

Выполняя поручение Нобунага, Хасиба Хидэёси продолжал боевые действия на западном направлении, и переход на его сторону крупного военачальника Укита Наоиэ заметно усилил его позиции в районах Санъё и

Тюгоку. Все местные командиры здесь разделились на два лагеря — одна часть поддерживала Ода Нобунага, другая — Мори Тэрумото. За два с половиной года Хидэеси взял под контроль большую часть провинций Харима, Тадзима и Инаба. Получая от своего полководца доклады, Нобунага неизменно хвалил его за успехи, но каждый раз требовал не терять бдительность и трезво оценивать силу противника — западные провинции оказывали ожесточённое сопротивление.

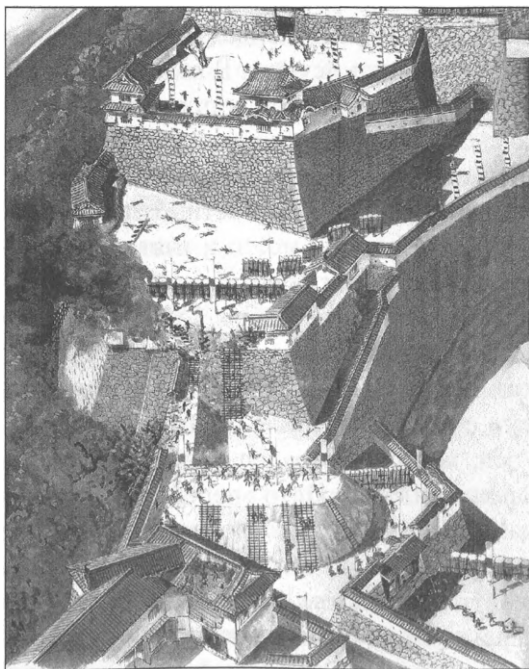
С мая 1580 по октябрь 1581 года боевые действия велись в провинции Инаба. Здесь главная борьба развернулась за стратегически важный замок Тоттори, домашнюю резиденцию военного губернатора Ямана Тоёкуни (1548–1626). Он располагался на горе Хисамацу высотой 263 метра и держал под контролем региональный тракт Санъин. Захват Тоттори стал одной из самых драматичных страниц в истории междоусобных войн.

Двадцать первого мая 1580 года Хидэеси подошёл к замку и окружил его. Ямана Тоёкуни, до этого состоявший в союзе с Мори Тэрумото, сразу перешёл на сторону Нобунага, тем самым сохранив свои владения и контроль над замком. Однако не все в руководстве клана согласились с таким решением, и после ухода Хидээси в нём началась внутренняя борьба. Приближённые губернатора, тесно связанные с домом Мори, начали готовить заговор, во главе которого встали старейшины Морисита Доё и Накамура Харуцугу. Глава клана проиграл борьбу и 21 сентября 1580 года был вынужден бежать в расположение Хидээси. Победившие старейшины отправили гонца к Мори Тэрумото с сообщением о возврате замка и просьбой прислать опытного военачальника для его защиты. В ответ на их просьбу в марте 1581 года в Тоттори был направлен 33-летний Киккава Цунэиз (1547–1581) из провинции Ивами.

Узнав о мятеже старейшин и потере замка, Хидээси начал подготовку к его повторному захвату. В июне, когда

рис ещё не созрел, он отправил в Тоттори своего младшего брата Хидэнага с заданием сжечь окрестные поля и скупить весь прошлогодний рис по завышенным ценам. Таким образом, из урожая прошлого и нынешнего годов в замок Тоттори почти ничего не попало. Зная, что противник не станет штурмовать хорошо укреплённый замок, а попытается взять его осадой, Киккава Цунэиэ своей главной задачей считал продержаться до ноября — после этого холода сильно затруднили бы действия Хидэёси.

Рядом с Тоттори протекала река Сэндай, впадавшая в Японское море, — резервный путь снабжения замка. Её берега защищали форты Маруяма и Кариганэяма, а в устье располагался ещё один форт с небольшим флотом.

Штурм неприступного замка

С этими вспомогательными сооружениями и полуратат-сячным гарнизоном замок Тоттори рассчитывал продержаться до наступления холодов.

Двенадцатого июля Хидэёси с 20-тысячной армией подошёл к горе Хисамацу и окружил её. Как обычно, подготовка к осаде началась со строительно-земляных работ: вокруг горы была отсыпана насыпь и поставлена двойная изгородь с засеками общей протяжённостью около 12 километров. В устье реки Сэндай Хидэёси разместил флотилию под командованием Мацуи Ясуюки, которому были поставлены две задачи: во-первых, не допустить поставок продовольствия в замок Тоттори и, во-вторых, обеспечить снабжение нападавших всем необходимым.

Несмотря на блокаду, Киккава Мотохару отправил в осаждённый замок морской караван с продовольствием; он подошёл к устью реки Сэндай 23 августа и был встречен флотилией Мацуи Ясуюки. В ходе морского боя 65 судов с рисом были потоплены, и продовольствие до замка не дошло.

Нобунага получал от Хидэёси регулярные доклады о ходе операции; в одном из ответных писем он сообщал о намерении прибыть на место и взять командование на себя. Со стороны Мори боевыми действиями руководил Киккава Мотохару. В сентябре 1581 года он отправил на помощь осаждённому замку своего старшего сына Мотонага. Войдя в провинцию Хоки, он неожиданно столкнулся с сопротивлением Нандзё Мотоцугу, хозяина форта Уэси, которого незадолго до этого переманил на свою сторону Хидэёси. Идти вперёд, имея за спиной противника, Мотонага не мог, поэтому был вынужден остановиться и начать осаду форта. На это ушло время, и помощь до Тоттори опять не дошла.

Тем временем ситуация в осаждённом замке ухудшалась. Ещё до начала осады Хидэёси приказал сжечь при-замковый город и казнить часть жителей, чтобы вынудить

их бежать под защиту крепостных стен замка. Из-за этого число его обитателей возросло до трёх с половиной тысяч человек, что должно было ускорить наступление продовольственного кризиса. После начала осады наступил период безделья, и, чтобы скрасить досуг своим воинам, Хидэёси распорядился восстановить в городе торговый квартал с гейшами и чайными домиками. Торговля в дневное время и уличные представления по вечерам должны были ещё больше деморализовать голодающих защитников Тоттори.

Запасы продовольствия в замке закончились раньше, чем можно было ожидать, и уже к концу сентября в нём разразился жесточайший голод, доходивший до каннибализма. Так прошло ещё три недели, и Киккава Цунэиэ наконец передал Хидэёси сообщение, что готов покончить с собой и сдать замок в обмен на сохранение жизни оставшимся. Хидэёси согласился, но потребовал, чтобы вместе с комендантом самоубийство совершили и двое старейшин дома Ямана, год назад выступивших против своего начальника. Цунэиэ возразил — обороной замка командует он, а старейшины лишь выполняют его приказы, поэтому в данном случае не обязаны следовать воинскому кодексу. Впрочем, Морисита Доё и Накамура Харуцугу покончили с собой, не дожидаясь, чем закончатся переговоры. Двадцать пятого октября 1581 года Киккава Цунэиэ совершил *сэппуку*, и главные ворота замка Тоттори распахнулись перед Хидэёси. По воспоминаниям современников, многие из его оголодавших обитателей умерли в первые же дни от переедания.

Киккава Цунэиэ исполнил воинский ритуал, написав перед смертью три коротких письма — своему непосредственному начальнику, отцу и детям. Два последних были написаны 25 октября, в день самоубийства. С учётом того, что его дети ещё не знали иероглифов, адресованное им письмо было написано слоговой азбукой и простыми словами, без трудного слова *сэппуку*.

Господину Киккава Цунэкто

Мы все были готовы к смерти с того момента, как получили приказ выступить на защиту замка Тоттори. Для воина нет большей чести, чем отдать жизнь в борьбе Ода и Мори, двух лучших воинских домов страны. Уверяю Вас, что мы не забыли Вашу заботу и благорасположение, которыми пользовались все эти годы.

Меч Нагамицу⁴⁰ прошу передать моему сыну Камэдзю.

24 октября Цунэиэ

Отцу Киккава Цунэасу

Двенадцатого июля Хасиба Хидэёси подошёл к замку Тоттори с 20-тысячной армией и окружил его. Двести дней и ночей⁴¹ мы держим оборону, боеприпасы и продукты закончились. Я принял решение умереть, чтобы спасти много других жизней. Почитаю для себя честью сделать это во славу воинского дома Киккава.

25 октября Цунэиэ

Моим детям Атияко, Камэдзю, Камэго, Токуго

После 200 дней обороны замка Тоттори я принял решение умереть, чтобы спасти жизни других людей. Считаю для себя счастьем возможность сохранить в чистоте имя нашей семьи.

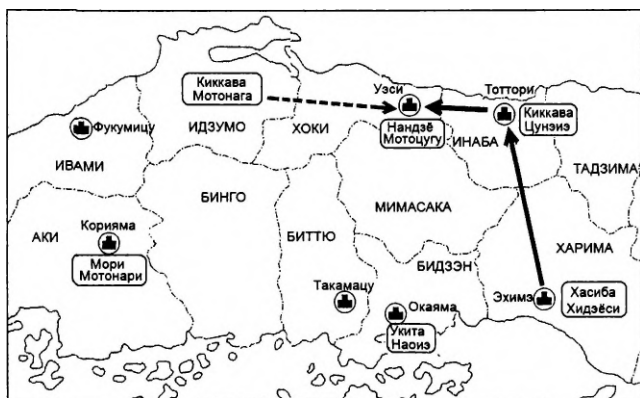
Девятый год Тэнсё, 25 октября Цунэиэ

⁴⁰ Название мечей, изготовленных династией оружейников эпохи Камакура из провинции Бидзэн.

⁴¹ Время со дня прибытия Цунэиэ в Тоттори в марте того же года.

Замок Тоттори был возвращён его бывшему хозяину Ямана Тоёкуни и стал важнейшим опорным пунктом Нобунага в прибрежной зоне района Тюгоку. Вслед за этим ещё несколько фортов сдались и перешли на его сторону; таким образом, провинция Инаба стала пограничной в войне с домом Мори. После Тоттори Хидэёси двинулся в провинцию Хоки, на выручку форту Уэси, осаждённому отрядом Киккава Мотонага. Источники ничего не сообщают о боях за этот форт, известно лишь, что вскоре Мотонага снял осаду и вернулся в провинцию Идзумо. Форт Уэси удалось отстоять, а подконтрольная Нобунага территория в районе Тюгоку расширилась до восточных уездов провинции Хоки.

Из Инаба Хидэёси двинулся на юг, к побережью Внутреннего моря. Здесь его интересовал форт Ивая на острове Авадзи, через который Мори Тэрумото контролировал морские подступы к столичному району. Перед нападением на форт Хидэёси выдал занимавшемуся морскими перевозками купцу по имени Ёитидзаэмон лицензию на свободное перемещение товаров на всех подконтрольных Нобунага территориях, чем сразу завоевал симпатии мест-

Захват провинции Инаба

ных судовладельцев. А месяц спустя он вместе с Икэда Мотосукэ (1558–1584) высадился на остров Авадзи и захватил форт Ивая. Двенадцатого декабря Хидэёси прибыл в Адзуту и доложил Нобунага о своих результатах.

На встречу нового 1582 года в замок Адзуту, как обычно, съехались все вассалы и союзники Нобунага. Пожалуй, никогда ещё воинская знать не собиралась в одном месте в таком количестве. Всех приглашённых предупредили, что для участия в торжествах необходимо приготовить по 100 *мон* (около 8000 иен на современные деньги). В сегодняшней Японии за участие в массовых мероприятиях в большинстве случаев взимаются такие же взносы (*кайхи*, буквально «общественные расходы»). Программу о предстоящем мероприятии, в которой не было бы отдельной графы с таким названием, найти практически невозможно. Начиная от тесной дружеской вечеринки и кончая большой публичной лекцией. Иногда *кайхи* нужны, иногда — нет, но в любом случае потенциальных участников принято извещать о них отдельным пунктом. Тем, кто сталкивался с этим японским правилом, будет любопытно узнать, что его истоки ведут во вторую половину XVI века.

Главная новогодняя церемония проходила в центральной пагоде замка Адзуту. Право первым поздравить Нобунага было предоставлено его старшему сыну Нобутада, за ним это сделали остальные родственники — второй сын Нобукацу, двоюродные братья Нагамасу и Нобуканэ. Вся дальнейшая процедура тоже была строго расписана — Нобунага умело использовал дисциплинирующую силу ритуала.

На Новый год хозяин замка получил много изящных и дорогих подарков, но всех превзошёл Хасиба Хидэёси, доставивший из провинции Харима двести *косодэ*⁴² из лучшего шёлка и множество женских украшений. Он и

⁴² Накидка, разновидность верхнего кимоно.

был объявлен главным героем прошлого года, но не из-за подарков, а благодаря победам, одержанным за два с половиной года боёв в провинциях Харима, Тадзима, Инаба и Хоки. В приветственном слове Нобунага особенно подчеркнул военный и организационный талант своего полководца, дважды проявленный им при захвате замка Тоттори, после которого провинция Инаба перешла под его контроль. Вручая Хидзёси чайный антиквариат и благодарственную грамоту, Нобунага назвал его «выдающимся полководцем, каких не знала история».

Для гостей был заготовлен общий подарок — демонстрация недавно законченного императорского павильона *Миюкинома*. Построенное с учётом пожеланий монарха здание своими очертаниями и убранством напоминало его дворцовые покои. Нобунага было чем гордиться — стены комнат, предназначенных для приёма императора, были покрыты тонким слоем золота, а внутренние раздвижные перегородки *фусума* расписывал самый знаменитый художник того времени Кано Эйтоку (1543–1590). При виде этого великолепия у посетителей замка захватывало дух. Вышеупомянутые взносы в 100 *мон* гостям было предложено внести в качестве пожертвования после осмотра будущих императорских покоев. Эти деньги предназначались императорскому дому.

Получив полагающиеся почести, Хидзёси вернулся из Адзути в район Санъё, где на территории трёх провинций — Бидзэн, Биттю и Мимасака — продолжались боевые действия между Мори Тэрумото и Укита Наоиэ. Пятнадцатого марта 1582 года он выступил из Эхимэ к замку Такамацу, расположенному в 77 километрах к западу, на границе провинций Бидзэн и Биттю. Его 27-тысячная армия состояла из отрядов, набранных в пяти недавно захваченных провинциях — Харима, Тадзима, Инаба, Бидзэн и Мимасака.

Замком Такамацу владел военачальник по имени Симидзу Мунэхару (1537–1582), вассал дома Мори и

ровесник Хидэёси. Следуя обычному правилу, Хидэёси первым делом отправил к нему своих представителей с предложением перейти на сторону Нобунага, пообещав за это две провинции, Биттю и Бинго. Это было более чем заманчивое предложение, но хозяин замка Такамацу учтиво принял посланцев Хидэёси, поблагодарил за честь и отказался.

Восточную границу провинции Биттю от вторжения защищали так называемые «семь пограничных фортов» (*сакаимэ ситидзё*), гарнизоны которых состояли преимущественно из местных крестьян. Потерпев неудачу с Симидзу, Хидэёси начал против них боевые действия, рассчитывая изолировать замок Такамацу и затем взять его штурмом. Первая часть плана была успешно реализована: за неделю боёв, с 25 апреля по 2 мая, все вспомогательные форты перешли под контроль Хидэёси, и теперь можно было приступать к главной задаче.

Замок Такамацу располагался в низине и с трёх сторон был окружён непроходимыми болотами, а с четвёртой защищён заполненным водой рвом и высокой насыпью. Проведя рекогносцировку местности, командиры Хидэёси доложили, что подступы к замку не имеют слабых мест и взять его штурмом будет трудно. Но рядом протекала река Асимори, питавшая болотистую низину, и если её перегородить дамбой, то вода быстро затопит замок. Так родился план «водной атаки» (*мидзудзэмэ*). Говорят, что его предложил Курода (Ёситака) Камбэй (1546–1604), начальник штаба и главный военный советник Хидэёси. Это его 3 года назад Хидэёси отправил на переговоры с восставшим против Нобунага Араки Мурасигэ. Посланник тогда был брошен в подземелье, провёл в нём целый год и чудом остался в живых. Из заточения он вышел полуживым калеккой, который не мог ни ходить, ни стоять. Несмотря на это, Курода Камбэй сохранил ясность ума и впоследствии не раз выручал Хидэёси дельными советами.

Восьмого мая собранные со всех окрестных деревень крестьяне вместе с пехотинцами Хидзёси приступили к строительству дамбы и закончили его через 19 дней. Работали в две смены, почти круглосуточно. Отсыпанная дамба имела 7 метров в высоту и от 10 до 20 метров в ширину, а её длина составила 2,8 километра. На строительстве было занято более 10 тысяч человек и около 30 судов, на которых подвозили грунт и камни.

В процессе строительства начальнику штаба Хидзёси пришлось проявить смекалку и решить несколько инженерных задач. Насыпи в то время делались часто, и для ускорения работ в основание их укладывали соломенные вязанки, которые затем покрывались слоем земли сверху и по бокам. В болотистой местности укладывать вязанки было особенно трудно — они расползались, — поэтому для их удержания в землю с обеих сторон вбивали деревянные колья. Другая проблема возникла с основанием дамбы в русле течения реки. Укладываемый в него грунт и лёгкие вязанки сносило течением, поэтому сначала пришлось сколотить несколько десятков плоскодонных лодок, нагрузить их камнями и затопить, создав таким образом фундамент под дамбу.

Большой объём работы был выполнен в кратчайшие сроки. Согласно источникам, затраты на строительство дамбы составили 635 тысяч *каммон* серебром — это годовой доход крупного военачальника в ранге *сэнгоку даймё*. Для сравнения: 17-летний Хидзёси в первый год службы у Нобунага получал 15 *каммон* в год.

Узнав об угрозе, нависшей над замком Такамацу, Мори Тэрумото вышел ему на помощь с 40-тысячной армией. Свой штаб он разместил в местечке Сарукава, в 20 километрах от замка, а на оперативные действия против Хидзёси отправил Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ («двоих *кава*», как их тогда называли). Узнав о приближении превосходящих сил противника, Хидзёси

запросил у Нобунага подкрепление. Семнадцатого мая находившийся в замке Адзути Акэти Мицухидэ получил приказ собирать отряд и выдвигаться на помощь Хидэёси в провинцию Биттю.

Разгром клана Такэда

В первой половине 1582 года Нобунага успел провести ещё одну масштабную операцию на востоке страны — против клана Такэда. После смерти Уэсуги Кэнсин в марте 1578 года здесь произошли большие изменения в расстановке сил. В борьбу за наследство отца включились два его приёмных сына, Кагэкацу и Кагэтора. Последний состоял в родстве с домом Ходзё и пользовался его поддержкой, но в сложной внутрисемейной интриге Кагэтора проиграл, и отношения Ходзё с победившим Кагэкацу испортились. В сентябре того же года между Уэсуги и Ходзё начались боевые действия.

Что касается Такэда Кацуёри, то поражение от Нобунага в 1575 году под Нагасино нанесло ему тяжёлый удар, но на региональном уровне клан по-прежнему представлял собой силу, с которой нельзя было не считаться. Выполняя завещание отца, Кацуёри заключил союз с Уэсуги Кэнсин против Ходзё, но и здесь действовал не очень удачно. Вообще он уступал отцу по всем параметрам, определявшим жизнеспособность воинского дома. Разница между отцом и сыном была видна всем и не лучшим образом сказывалась на сплочённости вассалов и союзников клана. Особенно сильный удар по авторитету Кацуёри нанесло падение в марте 1581 года труднодоступного форта Такатэндзин, захваченного Токугава Иэясу после долгой осады. Неспособность Кацуёри организовать подкрепление и спасти гарнизон подорвала веру в его пол-

ководческие способности. Все понимали, что десятилетняя вражда домов Ода и Такэда должна была закончиться полномасштабным сражением, и расклад сил здесь был явно не в пользу последнего.

Последний акт драмы начался с измены родственника. В январе 1582 года в тайные переговоры с Нобунага вступил Кисо Ёсимаса (1540–1595), зять Такэда Сингэн и хозяин замка Фукусима. Недовольный своим положением и налоговой политикой Кацуёри, он сообщил Нобунага о своём желании перейти на его сторону. Предложение было принято, и с 1 февраля у Нобунага появился свой человек в лагере противника. Предательство родственника поставило Кацуёри в трудное положение. Замок Фукусима находился у северо-западной границы провинции Синано и вместе с фортами Такато и Мацуо составлял первую линию обороны. Казнив троих заложников Ёсимаса — его мать, 16-летнюю дочь и 12-летнего сына, — Кацуёри с 15-тысячным отрядом выступил в карательный поход.

Двенадцатого февраля навстречу ему из Гифу выступило войско Нобунага под командованием его старшего сына Нобутада. В помощники ему был назначен опытный Такигава Кадзумасу. Основные силы Нобунага должны были нанести удар с западного направления, а Токугава Иэясу — с южного. Клан Ходзё, союзник

Стрельба из пушки (гравюра)

Токугава, тоже выделил отряд в несколько тысяч человек для нападения с юго-востока. Таким образом, удар должен был наноситься с трёх сторон.

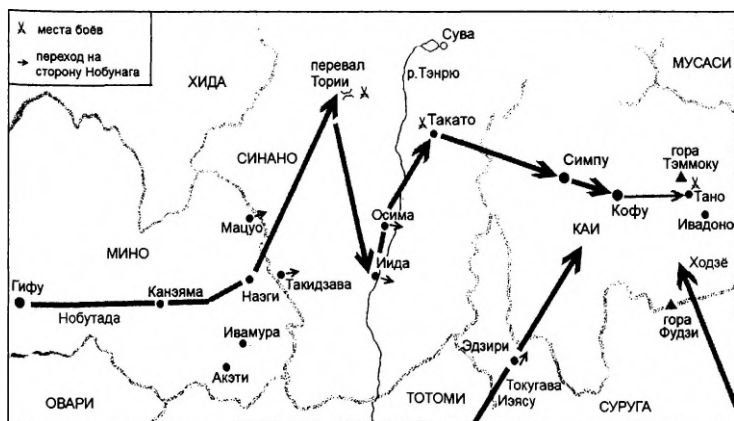
Передовые форты Мацуо и Такидзава, стоявшие на пути основных сил Нобутада, сразу сдались и перешли на его сторону. Их гарнизоны заняли место в авангарде и стали проводниками наступающей армии. Эта капитуляция деморализовала и обратила в бегство защитников соседнего форта Иида. С первым реальным сопротивлением Нобутада столкнулся лишь на пятый день марша, 16 февраля — на перевале Тории ему дал бой отряд Имафуку Масакадзу, но и он закончился не в пользу командира Такэда. Всё это происходило на переднем рубеже обороны, за пределами владений клана.

В провинцию Синано Нобутада вошёл в тот же день, 16 февраля. Заняв опустевший форт Иида, он двинулся к соседнему Осима, куда было выслано подкрепление под командованием младшего брата Такэда Сингэн. Но и его гарнизон, узнав о приближении противника, оставил укрепление и бежал. Тотальное дезертирство и переход местных командиров на сторону Нобунага показывают моральное состояние союзников и вассалов Такэда Кацуёри. Вторым человеком в клане считался его зять Анаяма Байсэцу (1541–1582), муж старшей сестры Кацуёри. Он владел замком Эдзири в провинции Суруга и отвечал за южное направление, но сразу же после начала боевых действий вступил в переговоры с Токугава Иэясу. С тем самым Иэясу, которого он вместе с Такэда Сингэн наголову разбил в декабре 1572 года на плато Микатагахара. Анаяма Байсэцу тогда командовал большим отрядом и был одним из тех, кто ложным спуском с плато заманил Иэясу в ловушку. У Кацуёри в заложниках оставались жена и ребёнок Байсэцу, но он сумел их забрать перед началом переговоров с Иэясу. Узнав о предательстве родственника, Кацуёри срочно вернулся из Сува

в домашний замок Кофу для консолидации обороны, но, согласно *Коранки* (Хроника гибели Каи), от семи тысяч сопровождавших его воинов в Кофу вернулись менее тысячи — остальные разбежались по дороге. Информация о падении фортов и массовом дезертирстве стремительно распространялась и разрушала оборонительные порядки.

Армия Нобутада шла по провинции Синано как по чистому полю. Операция проходила настолько легко, что это встревожило Нобунага — здесь могла быть ловушка. Он писал Такигава, что за старшим сыном нужно присматривать; Нобутада к тому времени исполнилось 25 лет, а его начальнику штаба Мори Нагаёси — 24, и молодые командиры могли обмануться первым успехом.

Первый по-настоящему серьёзный бой произошёл у форта Такато, которым командовал Нисина Моринобу (1557–1582), младший брат главы клана. Подойдя к форту, Нобутада сразу предложил ему сдать укрепление и обойтись без крови, но получил твёрдый отказ. Вместе с перебежчиками армия Нобутада насчитывала к тому времени более 30 тысяч человек, а гарнизон Такато — около 500.

Места боёв

Второго марта нападавшие пошли на штурм, взбираясь по крутым горным склонам. Защитники дрались отчаянно. Согласно источникам, среди них были и женщины. Ота Гюити сообщает о безымянной молодой девушке, стрельбой из лука положившей нескольких нападавших (*Синтё коки*). Упорный бой продолжался весь день и закончился победой Нобутада, но стоил жизни более 800 его воинам. Из пятисот защитников форта в живых осталось менее ста человек; голову покончившего с собой 25-летнего Нисина Моринобу отправили в Адзути.

Падение форта Такато открывало Нобутада прямой путь к Кофу, домашнему замку Такэда, и теперь Кацуёри не было смысла в нём оставаться. На домашнем совете решили перебраться в форт Ивадоно в восточной части провинции, принадлежавший старейшине Оямада Нобусигэ, и организовать там последний рубеж обороны. Рано утром третьего марта глава клана с семьёй и личной охраной направился на восток. Перед выездом он приказал собрать всех заложников в одном помещении и сжечь. Противник приближался, и времени на публичные казни уже не оставалось.

Седьмого марта армия Нобутада вошла в призмковый город Кофу. Там ещё оставались продолжавшие сопротивление родственники и вассалы Такэда. Все они были уничтожены; обширным владениям Такэда в скором времени предстояло сменить хозяев, и на них не должно было оставаться представителей прежнего руководства. В Кофу были убиты Нобуканэ, младший брат Такэда Сингэн, Нобутика, слепой брат Кацуёри, и множество других родственников.

На пути в форт Ивадоно Такэда Кацуёри получил письмо от его хозяина Оямада Нобусигэ, из которого следовало, что он тоже перешёл на сторону Нобунага и не может принять у себя главу клана. Семь лет назад Нобусигэ с тремя тысячами своих воинов участвовал в сражении при Нагасино, и третья часть из них тогда погибла. Теперь же

его служба дому Такэда закончилась. Получив это известие, Кацуёри остановился на полпути и встал лагерем у подножия горы Тэммоку. Его люди на скорую руку установили изгородь и заняли круговую оборону.

В момент выхода из Кофу главу клана сопровождали около шестисот человек, теперь же их оставалось менее ста. Одиннадцатого марта временный лагерь Такэда был обнаружен и окружён одним из отрядов Такигава Кадзумасу. Из-за неравенства сил эту последнюю схватку уже нельзя было назвать боем; личная охрана сопротивлялась сколько могла, но была быстро перебита. За это время Такэда Кацуёри успел покончить с собой, то же самое сделал его 14-летний сын Нобукацу.

Одиннадцатого марта 1582 года воинский дом Такэда, боковая ветвь сёгунов Минамото, прекратил своё существование. Это произошло всего через месяц после начала боевых действий. В письме, адресованном Мацуи Юкан, Нобунага выражал удивление по поводу столь быстрой развязки.

Получив сообщение, что операция близится к концу, он выехал из Адзути 5 марта и в момент гибели Кацуёри ещё находился в пути. Так что можно сказать,

*Такэда Кацуёри с женой
и дочерью (гравюра)*

что ликвидация одного из главных противников Нобунага прошла без его участия; наибольший вклад в победу внесли его старший сын Нобутада и опытные полководцы Токугава Иэясу, Такигава Кадзумасу, Кавадзири Хидэтака.

Восемнадцатого марта в Такато состоялось подведение итогов и распределение земель. Такигава Кадзумасу получил провинцию Кодзукэ и два уезда в провинции Синано, Токугава Иэясу — провинцию Суруга, а Кавадзири Хидэтака (1527–1582) — провинцию Каи. Оставшиеся 4 уезда в провинции Синано достались Мори Нагаёси (1558–1584). Первыми перешедшие на сторону Нобунага Кисо Ёсимаса и Анаяма Байсэцу сохранили свои владения и присягнули ему на верность, а глава клана Ходзё поздравил Нобунага с победой и прислал подарки — боевых лошадей, несколько бочонков сакэ и белых лебедей. Главным распорядителем района Канто был назначен Такигава Кадзумасу.

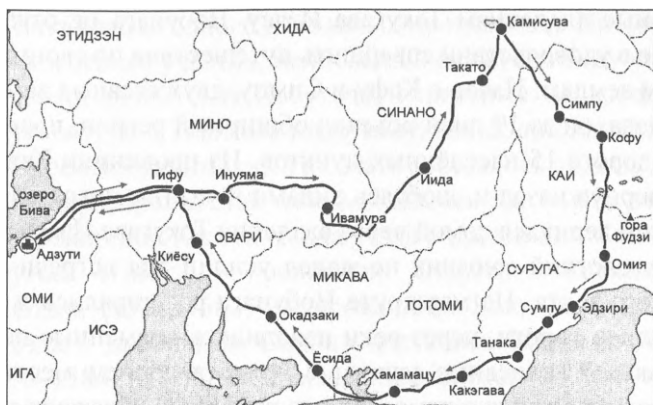
После этого Нобунага провёл в бывших владениях Такэда ещё две недели. Как обычно, перед отъездом он составил для вновь назначенных управителей административное уложение, которым они должны были руководствоваться. Оно состояло из 11 пунктов и содержало примерно те же требования, которые были сформулированы им 7 лет назад в провинции Этидзэн: содержать в порядке форты, запастись провиантом, порох и оружие, вершить праведный суд и заботиться о служилом самурайстве; убирать заставы, не облагать крестьян дополнительными налогами. В отношении бывших вассалов Такэда предписывалось действовать так же жёстко, как против повстанцев в провинции Этидзэн: тех, кто сразу перешёл на сторону Нобунага, взять на службу, остальных — изгнать или уничтожить.

В обратный путь Нобунага отправился в прекрасном настроении — десятилетняя война с домом Такэда закончилась его победой, а подконтрольная территория расширилась сразу на три провинции, по площади примерно

равные владениям Токугава Иэясу. Нобунага не отказал себе в удовольствии совершить путешествие по своим новым землям. Начав с Кофу и Симпу, двух главных замков Такэда, он за 19 дней объехал обширный регион, посетив по дороге 15 населённых пунктов. Из провинции Каи он повернул назад и, любуясь видами Фудзи, южным маршрутом вернулся домой через владения Токугава Иэясу. Его многолетний союзник не жалел усилий для встречи высокого гостя. На маршруте Нобунага расширялись и чистились дороги, через реки наводились временные переправы. Ежедневные ужины с представлением местных художественных и ремесленных раритетов ублажали тело и душу Нобунага. Его победа над Такэда Кацуёри была быстрой и убедительной, всё шло замечательно, и никому не могло прийти в голову, что триумфатору оставалось жить меньше двух месяцев.

В Адзути он вернулся 21 апреля и сразу получил от императора поздравление с победой. Весть о разгроме Такэда широко разнеслась по стране, и сам Нобунага этому способствовал, сообщив о ней всем крупным военачальникам. Он хорошо понимал значение информации, которая быстро распространялась в форме слухов, всегда преувеличивающих успех и величие. Это было важно и для него самого, и для Хидзёси, воевавшего на западе с кланом Мори. К весне 1582 года Нобунага достиг пика своего могущества, и вряд ли кто-то сомневался, что вскоре вся страна будет под его контролем. Из серьёзных противников оставался лишь Мори Тэрумото, контролировавший 8 провинций в западной части Хонсю, и несколько менее сильных кланов на Кюсю и Сикоку. Но ни вместе, ни по отдельности они не могли противостоять силе, которую Нобунага сосредоточил в своих руках.

Двадцать пятого апреля 1582 года посланник и доверенное лицо императора Кадзюдзи Харэтоё (1544–1603) встретился в Киото со столичным наместником Мураи

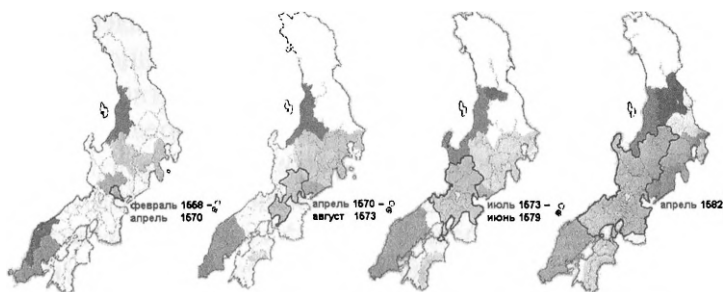
Маршрут Нобунага

Садакацу, и во время этой встречи была высказана мысль, что после блестящей победы на востоке Нобунага достоин любого из трёх высших титулов — Великого министра (*дайдзё дайджин*), регента двора (*кампаку*) или сёгуна. Запись в дворцовой хронике сделана таким образом, что не позволяет установить, от кого именно исходило это предложение — от посланника императора или от наместника Нобунага. Но в любом случае инициатива получила развитие и через неделю была доведена до сведения Нобунага в виде письменного предложения императора.

Если идею озвучил Мураи Садакацу, то, вероятнее всего, он сделал это по собственной инициативе, чтобы сделать приятное своему начальнику. Если же предложение исходило от императора Огимати, то наиболее вероятным кажется предположение о его стремлении интегрировать главного военачальника страны в традиционную систему рангов и должностей. В японской исторической науке долгое время считалось, что инициатива исходила от императора, но в 1991 году Татибана Кёко выдвинула новую версию: по её мнению, с инициативой выступил Мураи Садакацу, причём по распоряжению

Нобунага. Из этого был сделан далеко идущий вывод о его карьерных амбициях. Что кажется крайне маловероятным, поскольку через неделю, когда ему поступило официальное предложение императора, Нобунага никак на него не отреагировал. Если он сам был инициатором этой идеи, то почему проигнорировал её? Главный аргумент сторонников этой версии, что он не сказал ни да, ни нет, чтобы дождаться более удобного момента, выглядит не очень убедительно.

Прозвучавшая во время встречи Мураи Садакацу с посланником императора идея о любой из трёх высших должностей на выбор была реализована уже через неделю — 4 мая придворная делегация во главе с Кадзюдзи Харэтоё прибыла в Адзуту, чтобы сделать Нобунага официальное предложение. Узнав от адъютанта, зачем прибыли высокие гости, хозяин замка ответил, что не готов разговаривать на эту тему, и отказался от встречи с ними. В последнее время он никогда не принимал посланцев императора с первого раза, заставляя их ждать. На этот раз встреча состоялась через два дня, 6 мая. Хозяин устроил для столичных гостей прогулку по озеру Бива и отправил обратно, так и не дав никакого ответа на сделанное ему предложение.

Экспансия Ода Нобунага

Остров Сикоку

Седьмого мая 1582 года Нобунага издал указ о военной операции на острове Сикоку. Это решение имело свою предысторию, которая началась семь лет назад, в 1575 году. Клан Тёсокабэ завершил тогда захват провинции Тоса и нацелился на земли своего соседа Миёси, но перед этим решил заручиться поддержкой Нобунага, который в то время тоже с ним воевал. Заключив военный союз, глава клана Тёсокабэ Мототика (1539–1599) начал боевые действия и за несколько лет захватил большую часть острова, сократив владения Миёси до половины провинции Ава. Всё это время он поддерживал контакты с Нобунага и докладывал ему о своих победах. Через несколько лет последний крупный представитель дома Миёси прекратил борьбу с Нобунага и перешёл на его сторону, после чего у Нобунага не осталось общих с Тёсокабэ противников. Да и сама ситуация к тому времени изменилась: остров Сикоку попал в поле зрения Нобунага в качестве очередной цели для захвата.

В 1581 году он отправил главе дома Тёсокабэ письмо с уведомлением о том, что признаёт за ним право на провинцию Тоса и половину Ава, а остальной частью острова Сикоку он владеет незаконно и поэтому должен от неё отказаться. Это был ультиматум, основанный на праве сильного. Глава клана Тёсокабэ был неприятно удивлён резкой переменой в отношениях с союзником, но однозначного согласия на его требование не дал и автоматически превратился в противника Нобунага. Теперь военное столкновение с ним стало лишь вопросом времени.

Отстранив Акэти Мицухидэ, связанного личными отношениями с главой клана Тёсокабэ Мототика, Нобунага назначил на его место Хасиба Хидэёси. Один из подчинённых ему командиров был отправлен 12 сентября 1581 года на Сикоку в помощь Миёси Ясунага, и это стало первым ша-

гом в подготовке военной операции на острове. В ноябре 1581 года союзники Нобунага захватили несколько фортов на острове Авадзи, подготовив таким образом плацдарм для нападения на Сикоку.

Девятого февраля 1582 года, перед началом кампании против Такэда, Нобунага разослал военачальникам районов Санъё и Тюгоку

приказы, касающиеся боевых действий на западном направлении. Миёси Ясунага предписывалось выехать в провинцию Ава и начать подготовку к приёму экспедиционного корпуса. Таким образом, в мае 1582 года военная операция на острове Сикоку готовилась уже больше восьми месяцев.

Указом от 7 мая 1582 года Нобунага назначил командующим экспедиционным корпусом своего третьего сына Нобутака. В одном из пунктов указа говорилось о том, что Нобутака становится приёмным сыном Миёси Ясунага, берёт его фамилию и возглавляет клан. Таким образом, 24-летний сын Нобунага превращался из Камбэ Нобутака в Миёси Нобутака, а локальный островной конфликт между домами Тёсокабэ и Миёси — в большую войну между Тёсокабэ и Ода. Главными помощниками Нобутака стали опытные командиры Нива Нагахидэ и Хатия Ёритака, а также его двоюродный брат Цуда Нобудзуми. Высадка экспедиционного корпуса и начало боевых действий на острове Сикоку были назначены на 3 июня.

Обращает на себя внимание отсутствие среди старших командиров Акэти Мицухидэ. По идее, он должен

Остров Сикоку в 1575 году

Остров Сикоку в 1582 году

был тоже участвовать в этой операции, так как в течение семи лет служил посредником между Нобунага и главой клана Тёсокабэ, и эти контакты могли очень пригодиться в переговорах о заключении мира или капитуляции. Хасиба Хидэёси служил таким же посредником между Нобунага и Мори Тэрумото и, когда их отношения за-

кончились, возглавил боевые действия на западном направлении. Такигава Кадзумасу, через которого Нобунага общался с домом Ходзё, после гибели Такэда получил провинцию Кодзукэ на границе с их владениями и таким образом оказался на линии, которая в будущем должна была стать передовой. После Мори и Тёсокабэ следующими противниками Нобунага (или партнёрами по переговорам) должны были стать Ходзё и Уэсуги, и Такигава Кадзумасу непременно участвовал бы в этих событиях. Отсутствие Акэти Мицухидэ в руководстве экспедиционным корпусом могло означать, что Нобунага не планировал вступать в переговоры с домом Тёсокабэ.

Последние дни

Пятнадцатого мая в замок Нобунага с визитом вежливости прибыли Токугава Иэясу и Анаяма Байсэцу. После победы над Такэда Кацуёри они отправились в раз-

влекательную поездку по столичному району и не могли проехать мимо Адзути, не поблагодарив Нобунага за полученные земли. Назначенный ответственным за их приём Акэти Мицухидэ организовал доставку из Сакаи и Киото лучших блюд и морепродуктов, и 19 мая во внутри-замковом храме Сокэн состоялся большой званый ужин. Двадцать первого мая гости отправились в поездку по городам Киото, Нара, Сакаи. Акэти Мицухидэ выделил им несколько человек для сопровождения. Двадцать девятого мая Токугава Иэясу и Анаяма Байсэцу прибыли в Сакаи, последний пункт своего путешествия.

Однако ещё до их отъезда из Адзути, 17 мая, Акэти Мицухидэ был освобождён от обязанностей по приёму гостей и получил приказ идти на помощь Хасибэ Хидээси, который в это время вёл осаду замка Такамацу в провинции Биттю. Мори Тэрумото выслал против Хидээси большое войско, и ему потребовалось подкрепление. Получив приказ, Акэти Мицухидэ отправился к себе в Сакамото и начал готовиться к походу.

В последний день месяца, 29 мая, Нобунага рано утром выехал из Адзути и в 4 часа дня прибыл в столицу. Остановился, как обычно, в храме Хонно, принадлежавшем буддийской школе Нитирэн. В поездке его сопровождали лишь адъютанты и прислуга общей численностью около ста человек. Выезд без охраны можно было бы посчитать беспечностью, но не следует забывать, что Нобунага ехал в столицу, которую контролировал его наместник Мураи Садакацу и где у него давно уже не было врагов. Кроме того, там его ждала личная гвардия, с которой он планировал затем отправиться в распоряжение Хидээси для руководства операцией против Мори Тэрумото. В Киото Нобунага намеревался пробыть четыре или пять дней.

Он не был в столице с марта прошлого года, поэтому его приезд вызвал большое оживление в придворных кругах. На следующий день, 1 июня, в гостевом зале храма Хонно

состоялся большой званый ужин, на котором присутствовала вся столичная знать: личные представители императора Каннодзи Цунэмото и Кадзюдзи Харэтоё, великий министр Коноэ Сакихиса, регент двора Итидзё Утимото, правый министр Нидзё Акидзанэ и другие высшие аристократы и священнослужители, всего около 40 человек. Из Хаката прибыл крупный купец Симаи Сосицу, обладатель одного из трёх самых знаменитых чайных наборов того времени. Двумя другими наборами владел Нобунага. Гостям были продемонстрированы художественные раритеты, специально доставленные из замка Адзуты, — чайная утварь, картины, вазы и декоративные ширмы, всего 38 наименований.

Порадовав взоры присутствующих антикварным великолепием, Нобунага пригласил всех к ужину, который закончился поздно вечером. Хозяин приёма был оживлён и гостеприимен. Рассказал о победе над Такэда Кацуёри и ближайших планах по захвату западной части Хонсю и острова Сикоку. По мнению Ота Гюити, Нобунага планировал сам возглавить поход против Мори Тэрумото, чтобы затем сразу переправиться на остров Кюсю и начать там боевые действия против местных кланов, среди которых выделялся дом Симадзу, возглавляемый тремя взрослыми братьями. Гости внимательно слушали и понимали, что перед ними без пяти минут единовластный хозяин страны — ни один из оставшихся противников Нобунага не мог оказать сопротивления его армии, одновременно действовавшей на нескольких направлениях.

В тот вечер Нобунага вновь поднял тему изменения текущего календаря. У него появился дополнительный козырь — 1 июня произошло не предсказанное придворными астрологами солнечное затмение, что лишний раз убедило Нобунага в его правоте. В то время считалось, что затмение указывает на загрязнение светила, и в этом случае следовало принимать меры по защите от него императорского жилища — на время затмения дворец укрывали соломенными

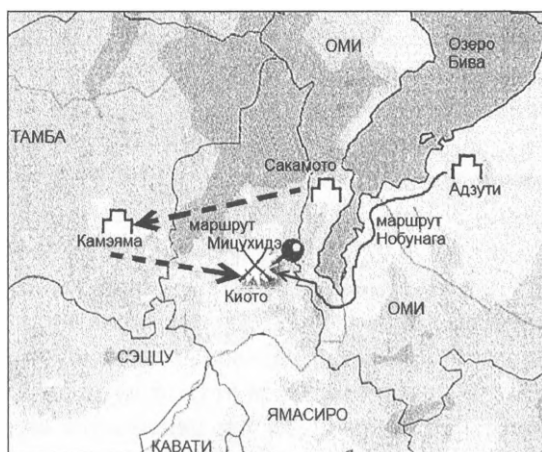
В тот же день в четыре часа дня Акэти Мицухидэ собрал в Камэяма своих командиров и сообщил, что *узэсама* распорядился прибыть в столицу для последнего смотра. В шесть часов вечера 13 тысяч воинов вышли из Камэяма; им предстояло пройти 26 километров, отделявших форт

367

от Киото. Путь до столицы преодолели за несколько часов. Участвовавший в походе пехотинец Хондзё Созмон позднее писал в своём дневнике, что для него изменение маршрута стало полной неожиданностью (*Хондзё Созмон обозгаки*). О действительной цели похода знали лишь четверо ближайших соратников Мицухидэ — Сайто Тосимицу, Акэти Дзиэмон, Фудзита Юкимаса и Мисава Хидэцугу.

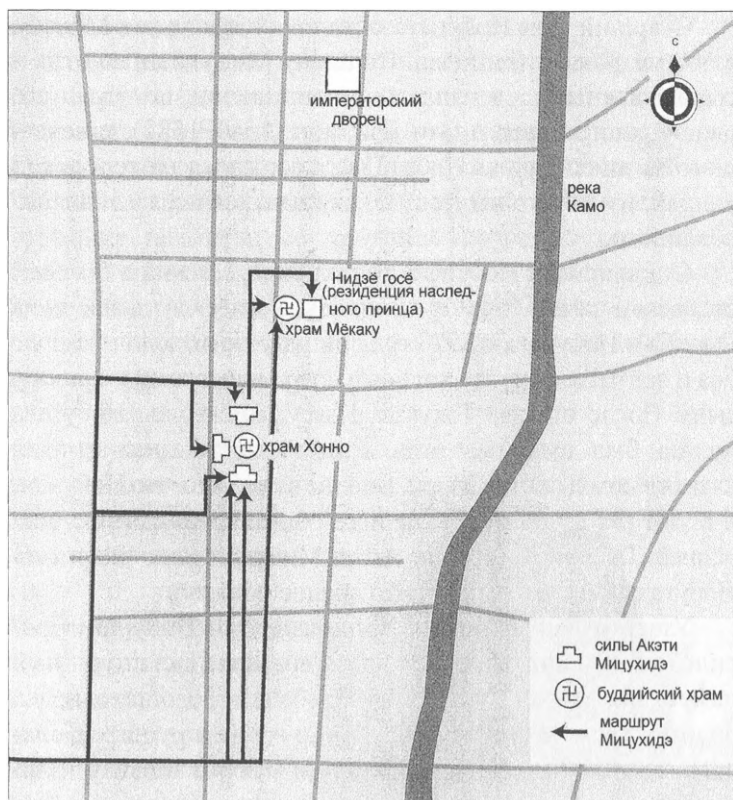
Нобунага проснулся 2 июня в шесть часов утра от какого-то шума снаружи. О том, что произошло в то утро в храме Хонно, известно из хроники *Синтё коки*. Ота Гюити пишет, что первая мысль Нобунага была об очередной городской драке. Но когда послышались выстрелы, его адъютант Мори Раммару сбежал к воротам и доложил, что видел людей Акэти Мицухидэ. Нобунага всё понял. Со словами *дзэхи ни оёбадзу* он взял лук и выбежал во двор. Письменное выражение *дзэхи ни оёбадзу* означает примерно то же, что в современном японском языке *сиё га най* или *сиката га най*. Вариантов перевода может быть несколько: «тут уж ничего

Маршрут Акэти Мицухидэ

не поделаешь», «что есть, то есть», «чему быть, того не миновать» и т. п.

После нескольких выстрелов тетива его лука лопнула, и Нобунага взял в руки копье, но вскоре получил ранение в руку и бросил его. Вернувшись к себе, он сказал служанкам, что их служба окончена, и велел бежать из храма, а сам удалился в спальню и покончил с собой. Как это произошло, кто ему помогал и что сделал с телом, неизвестно. Вероятнее всего, свидетелем последних минут жизни Нобунага был его любимый адъютант Мори Раммару, он

Нападение на храм Хонно

же поджёг покои и спрятал (возможно, расчленил) тело Нобунага. Но Раммару вместе с двумя своими братьями погиб в то же утро, и тайна смерти первого объединителя Японии так и осталась нераскрытой. Всего в коротком бою у ворот храма, длившемся менее часа, было убито около 50 человек из ближайшего окружения Нобунага. Один из нападавших впоследствии вспоминал, что, когда они ворвались на территорию храма, она казалась совершенно безлюдной (*Хондзё Созмон обозгаки*). Что неудивительно: в храме, занимавшем два городских квартала, ночевало менее ста человек.

Старший сын Нобунага остановился в храме Мёкаку, в 600 метрах от Хоннодзи. По плану Мицухидэ, на отца и сына должны были напасть одновременно, но отряд его двоюродного брата Акэти Дзиэмон (1540–1582), отвечавшего за ликвидацию Нобутада, задержался на городских улицах, из-за чего штурм Мёкаку начался позже запланированного.

Старший сын Нобунага последние 6 лет жил в бывшем отцовском замке Гифу и официально являлся главой дома Ода. Сам Нобунага с 1578 года ни разу не выходил на поле боя и всё чаще поручал крупные операции своему старшему сыну. После отъезда Токугава Иэясу из столицы Нобутада должен был дожидаться отца, а затем вместе в нем отправляться в поход против Мори. Вполне возможно, что Нобунага и в этот раз возложил бы на него общее командование операцией. Так что стремление Акэти Мицухидэ ликвидировать Нобутада вместе с отцом было вполне понятно.

Узнав о нападении на Хоннодзи, сын Нобунага бросился на помощь отцу, но у ворот его встретил столичный наместник Мураи Садакацу, усадьба которого находилась рядом с храмом, и сообщил, что он горит и рушится, спастись там уже некого. Тем временем у ворот Мёкаку начали собираться расквартированные в столице гвардейцы Нобутада. Наместник предложил ему покинуть город, но

Нобутада ответил, что при столь масштабном заговоре все дороги, по идее, должны быть перекрыты. Опасаясь попасть в плен, он принял решение остаться в городе и найти укрытие, где в крайнем случае можно было бы покончить с собой. Это была ошибка. Готовивший нападение в глубокой тайне Мицухидэ не собирался перекрывать городские кварталы, и путь к отступлению оставался свободным. Ночевавшие в городе Ода Нагамасу и Мидзуно Тадасигэ в то утро ушли из столицы и благополучно добрались до замка Адзути. Прими Нобутада в тот момент верное решение — и дальнейшие события, связанные с объединением страны, сложились бы иначе.

Храм Мёкаку не имел внешних укреплений, поэтому сын Нобунага с соратниками перешли в расположенную рядом усадьбу Нидзё, второе по значению сооружение после императорского дворца. Последние три года в ней жил наследный принц Санэхито с женой и четырьмя детьми, и горожане называли её «нижним дворцом» (*симогосё*). Усадьба почти сразу была окружена людьми Акэти Мицухидэ, и Мураи Садакацу вступил с ним в переговоры о судьбе наследного принца. Мицухидэ согласился его выпустить и передал, чтобы во избежание недоразумений принц не садился в паланкин, а шёл пешком. Санэхито со своей семьёй и прислугой благополучно покинул ставшее опасным жилище и перебрался к отцу в императорский дворец. Согласно дневнику *Токицунэ кёки*, это произошло

Ода Нобутада

около 8 часов утра. Сразу после этого в Нидзё начался бой.

Вместе с Нобутада оборонялись несколько сотен человек. Несмотря на численное превосходство нападавших, бой получился упорным. Его краткое описание содержится в *Рэндзёин кироку* (Хроника [храма] Рэндзё). В ней говорится, что Нобутада сражался вместе со всеми и что нападавшие были трижды отброшены от главных ворот. После этого они сменили тактику. Рядом с резиденцией наследного принца располагалась усадьба Коноэ Сакихиса. Взобравшись на её крышу, люди Мицухидэ начали сверху обстреливать защитников из луков и аркебуз, и это решило исход боя. Вскоре рядом с Нобутада осталась лишь горстка воинов, и он понял, что пришёл его час. Призвав адъютанта Камата Синсукэ, сын Нобунага с его помощью покончил с собой, предварительно приказав поджечь усадьбу и надёжно спрятать его тело.

К 9 часам утра бой закончился. В усадьбе Нидзё вместе с Нобутада погибли все его адъютанты и телохранители,

а также столичный наместник Мураи Садакацу и два его взрослых сына. Все эти события происходили в двух кварталах от императорского дворца. Мицухидэ приказал прочесать окрестные дома в поисках бежавших и найти тела Нобунага и его сына, но этого сделать не удалось.

Весть о событиях в храме Хонно долетела до Адзути в тот же день — о них сообщил примчав-

Наследный принц Санэхито

шийся на взмыленной лошади гонец. В замке началась паника; все понимали, что через несколько часов Мицухидэ будет здесь. Со смертью Нобунага рухнула вся система его власти, и к вечеру того же дня в призамковом городе запылали усадьбы его командиров. Один из них, Ямадзаки Хидэиэ (1547–1591), сам поджёг свой дом и присоединился к Акэти Мицухидэ. В призамковом городе всё смешалось — начались грабежи и захваты заложников. Луис Фройс писал, что миссионер Органтино и три его товарища бежали из Адзути, но по дороге были схвачены, ограблены и в расчёте на вознаграждение доставлены в Сакамото. Грабители не имели ничего личного против европейских миссионеров — они просто исходили из того, что если Нобунага им покровительствовал, то убивший его Акэти Мицухидэ должен был их преследовать.

Перед отъездом из Адзути Нобунага оставил замок на своего командира Гамо Катахидэ (1534–1584). Узнав о случившемся, комендант первым делом занялся эвакуацией

Верхний и нижний дворцы

родных и близких Нобунага. На следующий день они покинули замок и отправились в принадлежавший Катахидэ форт Хино, захватив с собой продовольствие, лошадей и прислугу. Оборона опустевшего замка была поручена Кимура Такасигэ, коменданту призамкового города.

После 2 июня

Смерть Нобунага мгновенно изменила ситуацию в столице — в Киото в тот же день началась «охота» на его сторонников, быстро перешедшая в массовые беспорядки и грабежи, которые продолжались ещё две недели. Спасаясь от них, многие жители вместе с семьями бежали из города.

Акэти Мицухидэ в тот же день покинул столицу и направился в Адзути, где хранились деньги и ценности Нобунага, но по пути столкнулся с первым сопротивлением. Для переправы через реку Сэта семь лет назад был построен редкий по тем временам стационарный мост длиной 320 и шириной 7 метров. Его контролировал местный командир Ямаока Кагэтака (1525–1585), хозяин форта Сэта. Получив сообщение о событиях в столице и о приближении Акэти Мицухидэ, Кагэтака поджёг мост, затем форт и вместе с братом ушёл в горы. Не имея возможности переправиться через реку, Мицухидэ остановился и приказал начать восстановление моста, а сам отправился к себе в Сакамото. Его войско осталось на месте ожидать окончания работ. Из Сакамото он разослал соратникам письма с сообщением о смерти Нобунага и призывом присоединиться к его армии. Такие же извещения были отправлены руководству кланов Мори и Тёсокабэ. Из ближайших соседей на призыв Мицухидэ откликнулся Такэда Мотоаки, бывший губернатор провинции Вакаса,

свергнутый Нобунага, и главы домов Кёгоку и Ацудзи из северной Оми.

Через три дня мост был восстановлен, и 5 июня войско Мицухидэ переправилось через реку Сэта. В тот же день защищавший замок Кимура Такасигэ вышел ему навстречу и вступил в неравный бой, закончившийся поражением и гибелью всего отряда вместе с командиром. Мицухидэ вошёл в замок Адзути, а его войско расположилось у подножия горы, в наполовину опустевшем призамковом городе. Все найденные в замке деньги и ценности он раздал подчинённым командирам — тем, кто участвовал в столичной операции, и тем, кто только что к нему присоединился. Его новые союзники захватили расположенные поблизости крупные форты Нагахамы и Саваяма, расширив зону безопасности вокруг Адзути. Таким образом, большая часть провинции Оми перешла под его контроль. Всем местным вассалам Нобунага Мицухидэ разослал письма с сообщением об отмене его приказа селиться у подножия горы Адзути, тем самым узаконив их возвращение в свои уделы.

Судя по всему, Мицухидэ больше всего беспокоило северо-восточное направление, за которое отвечал Сибата Кацуиэ. Он считал, что из всех полководцев Нобунага у него больше всех шансов первым подойти к столице и сразиться с ним. Об этом можно судить хотя бы по тому, что защищать замок Нагахамы, стоявший на пути из Этидзэн в Киото, Мицухидэ отправил своего ближайшего соратника Сайто Тосимицу. Хасиба Хидэёси, попавший в трудное положение в провинции Биттю, беспокоил его меньше.

Седьмого июня с поручением от наследного принца в Адзути прибыл синтоистский священник Ёсида Канэми. Он привёз письмо и рулон дорогого китайского шёлка в подарок. В письме принц сообщал Мицухидэ, что в столице продолжают поварные грабежи и просил его навести порядок. Радужно приняв император-

ского посланника, Мицухидэ пообещал ему выполнить просьбу.

Девятого июня он покинул Адзуту и отправился в столицу, оставив замок на своего племянника Акэти Хидэмицу. В пригородном местечке Сиракава его собралась встречать вся придворная знать, но Мицухидэ объехал их стороной, навестил Ёсида Канэми и передал ему 500 *каммон* серебром для императора, по 100 *каммон* для главных столичных храмов и 50 монет — самому посреднику за услуги. Ёсида Канэми в тот же день отвёз деньги наследному принцу и доставил Мицухидэ его благодарственное письмо, в котором ещё раз повторялась просьба навести порядок в столице.

В записях придворных аристократов, сделанных после 2 июня, о гибели Нобунага говорится коротко и в нейтральном плане, а сами они в течение недели несколько раз собирались на званые ужины — свидетельство того, что во дворце не очень печалились по поводу безвременной кончины диктатора. Документальных свидетельств, по которым можно было бы судить об отношении 65-летнего императора Огимати к этому событию, не осталось. Императорский дом обычно занимал нейтральную позицию в военных конфликтах, поэтому Акэти Мицухидэ мог не опасаться решительного осуждения с его стороны. А вот сёгун Ёсиаки, без сомнения, должен был всячески его поддержать. Взяв под контроль столицу, Мицухидэ планировал объединиться с главными противниками Нобунага — кланом Мори на западе и кланом Уэсуги на востоке. Владевший большей частью острова Сикоку клан Тёсокабэ тоже имел все основания присоединиться к этой коалиции. Кроме того, опытный Акэти Мицухидэ знал, что гибель первого лица всегда сопровождается бегством вассалов второго-третьего уровня и периферийных союзников, поэтому не сомневался, что многие местные предводители перейдут на его сторону. Так что его план вовсе не выглядел безнадёжной авантюрой.

Обрадованный известием о смерти Нобунага, сёгун Ёсиаки в тот же день разослал крупнейшим военачальникам региона письма с предписанием срочно прибыть в столицу и поддержать Акэти Мицухидэ. Сам он планировал возвратиться в Киото при первой возможности. Поддержка, которую оказали убийце Нобунага изгнанный сёгун и императорский двор, дала впоследствии основания для предположений об их участии в заговоре, однако эта версия не имеет документальных подтверждений.

Десятого июня Мицухидэ с войском переместился в местечко Хорагатагэ южнее столицы. Вероятнее всего, он планировал соединиться здесь с силами Цуцуи Дзюнкэй для отражения возможной атаки со стороны экспедиционного корпуса под командованием Нобутака, дислоцированного в районе форта Осака (бывший храм Исияма). Главная задача Мицухидэ в тот момент состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону крупнейших военачальников из столичных провинций, но в этом вопросе было много неясного. В частности, неизвестны были намерения Икэда Цунэоки, Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон из провинции Сэццу. Их отряды, входившие в состав экспедиционного корпуса, были готовы к боевым действиям и представляли для Мицухидэ наибольшую ценность. Ещё оставались Нива Нагахидэ из Вакаса и Хатия Ёритака из Идзуми; от их позиции тоже многое зависело.

Особые надежды Мицухидэ возлагал на своего соратника Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584), хозяина провинции Ямато. Они оба служили Нобунага и 10 лет вместе воевали, но Дзюнкэй был на 20 лет моложе Мицухидэ, стоял ниже во внутренней иерархии и выполнял его приказы. Поначалу Дзюнкэй откликнулся на призыв Мицухидэ и отправил к нему свой отряд, однако на следующий день отозвал его обратно. Шестого июня отряд был возвращён в распоряжение Мицухидэ, а девятого снова отозван в Ямато. Не зная, чем закончится мятеж его непосредствен-

ного начальника, Цуцуи Дзюнкэй лавировал, ежедневно меняя решения. Как раз 9 июня Хасиба Хидэёси вышел из Химэдзи в направлении столицы, и стало ясно, что вскоре он будет здесь. Десятого числа Мицухидэ решительно потребовал от Цуцуи Дзюнкэй немедленно прибыть в Хорагатоэ, но подчинённый не сдавался и продолжил свою игру — вначале отказался от встречи с посланником Мицухидэ и приказал задержать его на дальних подступах к своему замку Корияма, а на следующий день согласился принять. И одновременно с этим отправил клятву верности Хасиба Хидэёси. В тот же день, 11 июня, Дзюнкэй собрал своих вассалов и взял с них такую же клятву, подписанную кровью. Однако в лагерь Хидэёси он тоже не спешил и появился там лишь на следующий день после решающего сражения при Ямадзаки. Победитель встретил его довольно холодно, но окончательно рвать отношения не стал, рассудив, что этот бой не последний и лишний союзник не помешает.

Так Мицухидэ в лице Цуцуи Дзюнкэй потерял одного из двух главных своих союзников. Вторая надежда — многолетний боевой соратник и родственник Хосокава Фудзитака (1534–1610), владевший провинцией Танго. Его старший сын Тадаоки был женат на дочери Акэти Мицухидэ. В отличие от Цуцуи Дзюнкэй отец и сын Хосокава сразу дали понять, что осуждают мятеж Мицухидэ и не поддержат его. В доказательство своих намерений они поместили дочь Мицухидэ под домашний арест, а Хосокава Фудзитака письменно известил его, что в знак траура по Нобунага принимает постриг и уходит в монастырь. В доказательство своего решения он вложил в конверт с письмом прядь отрезанных волос. Этот отказ стал для Мицухидэ большим ударом, и 9 июня он отправил соратнику ещё одно письмо, на этот раз просительного содержания, но и оно не изменило его решения. Так за 48 часов до решающего сражения с Хидэёси стало

ясно, что два ближайших соратника Акэти Мицухидэ с совокупным доходом в 300 тысяч *коку* риса (180 тысяч у Цуцуи и 120 — у Хосокава) не поддержат его на поле боя.

Ближе всех к столице в тот момент находился Камбэ Нобутака, третий сын Нобунага. Его штаб располагался в Сумиёси, а его помощники Нива Нагахидэ, Хатия Ёритака и Цуда Нобудзуми занимали соседние форты. Экспедиционный корпус в 14 тысяч человек был готов к отправке на остров Сикоку, но проблема состояла в том, что он был в спешке набран в разных провинциях и не имел единого организационного стержня. Сам Нобутака владел всего лишь двумя уездами в провинции Исэ и не мог обеспечить нужного числа пехотинцев, поэтому по приказу Нобунага их набрали в разных провинциях, в том числе и в Тамба, которой владел Акэти Мицухидэ. Узнав о событиях в храме Хонно, люди из Тамба дезертировали первыми, их примеру последовали остальные, и через два дня от экспедиционного корпуса почти ничего не осталось.

В одночасье лишившийся войска Нобутака обратил свой гнев против Цуда Нобудзуми (1555–1582). Несмотря на разные фамилии, Нобудзуми приходился ему двоюродным братом. Это был сын Нобукацу, родного младшего брата Нобунага, убитого им в 1557 году в замке Киёсу. Причина гнева состояла в том, что Нобудзуми был женат на дочери Акэти Мицухидэ, и Нобутака решил, что двоюродный брат не мог не знать о планах своего тестя, следовательно, тоже состоял в заговоре. Вполне возможно, что на эту мысль его навёл кто-то из недоброжелателей Нобудзуми. Пятого июня Нобутака напал на форт Нода, где располагался штаб его двоюродного брата, и в ходе боя Нобудзуми был убит. Через несколько дней его голова была выставлена в городе Сакаи, а сам он объявлен изменником, хотя не имел никакого отношения к мятежу своего тестя и даже не знал о нём. После этого Нобутака с

остатками экспедиционного корпуса присоединился к армии Хидэёси.

В день гибели Нобунага его полководец Сибата Кацуиэ готовился к штурму замка Уодзу в провинции Эттю, в 350 километрах к северо-востоку от столицы. Его противником здесь был Уэсуги Кагэкацу. На следующий день замок Уодзу пал, и Кацуиэ праздновал победу, но сообщение о смерти Нобунага и здесь всё мгновенно изменило — 8 июня союзники Кацуиэ начали покидать его лагерь, и ему пришлось прекратить операцию. Опасаясь активизации Уэсуги и перехода на его сторону местного воинства, он ещё несколько дней оставался на месте, а затем отправился в обратный путь. Вернувшись в Этидзэн, Сибата провёл дополнительную мобилизацию и смог выступить в столицу только 18 июня, когда там уже всё решилось.

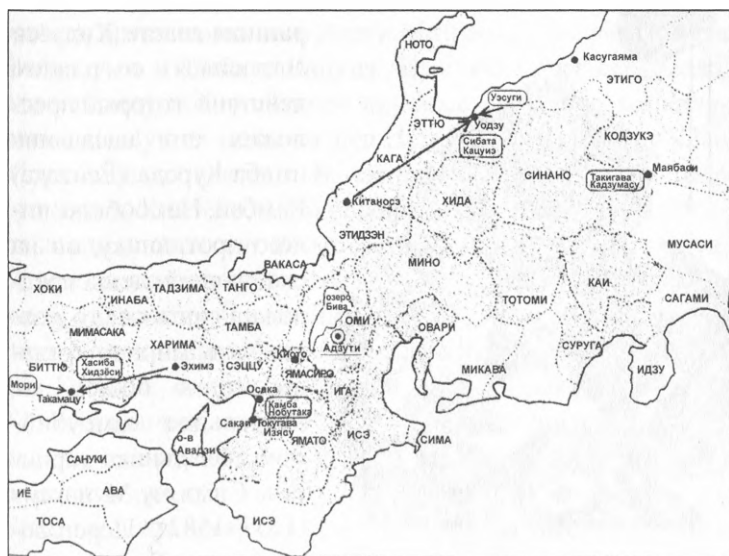
Такигава Кадзумасу, ещё один крупный полководец Нобунага, узнал о его смерти с недельным опозданием, 9 июня. После победы над Такэда Кацуёри он получил в управление провинцию Кодзукэ в 460 километрах от столицы и переехал туда жить вместе с семьёй. Как наместник Нобунага он имел в регионе большие полномочия, но его собственные силы были невелики, и соседний клан Ходзё намного превосходил его по ресурсам. Да и местные военачальники продолжали соблюдать прежние договорённости и не торопились проявлять лояльность новому назначенцу. Сразу после смерти Нобунага клан Ходзё начал боевые действия против Такигава, и 19 июня между ними произошёл бой на реке Канна, в котором Ходзё Удзимаса (1538–1590) одержал убедительную победу.

Токугава Иэясу в день гибели Нобунага находился в 70 километрах южнее столицы, в портовом городе Сакаи, всего лишь с тридцатью приближёнными. В начавшейся неразберихе его главной задачей стало добраться живым до дома. Путь пролегал через небольшую провинцию Ига, недавно покорённую Нобунага и переданную его второму

сыну Нобукацу. После событий 2 июня здесь тоже начались грабежи и охота на сторонников Нобунага, поэтому задача резко усложнилась. Пройдя через провинцию извилистыми горными тропами, Иэясу вышел на побережье и на торговом судне добрался до своего замка Хамамацу. Здесь он собрал все наличные силы и 14 июня вышел в поход на столицу, чтобы отомстить за смерть Нобунага, но через два дня получил сообщение, что 13 июня в бою при Ямадзаки Акэти Мицухидэ потерпел поражение от Хидэёси и погиб. Иэясу тоже опоздал и был вынужден вернуться назад.

Таким образом, Хасиба Хидэёси сумел опередить всех полководцев и союзников Нобунага и отомстить за его смерть. Как это произошло?

Как уже говорилось, он с середины марта вёл боевые действия в провинции Биттю против клана Мори, а по-

Расположение сил Нобунага 2 июня 1582 года

следний месяц держал в осаде замок Такамацу в 200 километрах от столицы. Узнав о том, что на помощь осаждённому замку вышел Мори Тэрумото с 40-тысячной армией, Нобунага отправил Хидэеси подкрепление в лице Акэти Мицухидэ, но, как мы знаем, оно до него не дошло.

Второго июня Мицухидэ отправил гонца к Мори Тэрумото с письмом, в котором сообщил о смерти Нобунага и предложил объединить силы. Положение Хидэеси становилось безнадёжным, и Мицухидэ это прекрасно понимал. Вероятнее всего, он его вообще не опасался, полагая, что Хидэеси не удастся выбраться из ситуации, в которую он попал. Однако по неизвестной причине курьер Мицухидэ вечером 4 июня оказался не у Мори, а в ставке Хидэеси, и он первым узнал о смерти Нобунага. Впрочем, по другой версии, ему сообщил об этом один из

подчинённых командиров, прислав своего человека. На срочно собранном совете Хидэеси согласился с планом действий, который предложил его начальник штаба Курода (Ёситака) Камбэй. Не сообщая ничего противнику, он на следующий день предложил снять осаду и заключить мирное соглашение в обмен на ритуальное самоубийство начальника гарнизона Симидзу Мунэхару (1537–1582). Переговоры о мире Хидэеси вёл уже несколько недель,

*Симидзу Мунэхару с вассалами
(гравюра)*

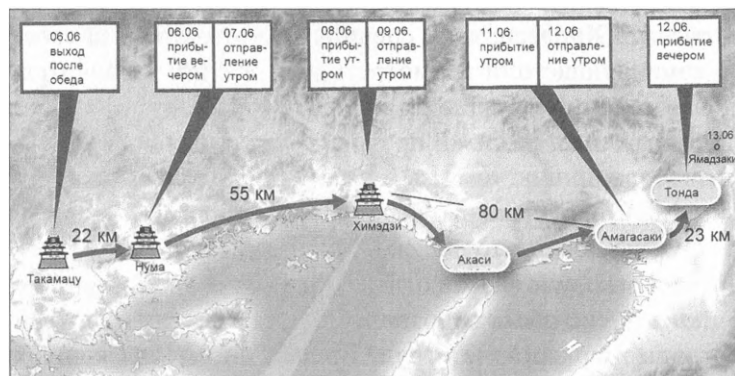
но больше для отвода глаз, чтобы выиграть время до подхода подкрепления. Теперь же он торопился и предложил командирам Мори очень выгодные условия: отказавшись от своих претензий на провинцию Биттю и половину Хоки, он вдобавок пообещал вернуть ранее захваченные провинции Инаба и Мимасака. Столь резкая перемена переговорной позиции могла бы насторожить штаб Мори, но этого не произошло. Предложение Хидэёси было принято, и мирный договор подписали в тот же день, 5 июня, после того как комендант замка Такамацу, выплыв на лодке на середину образованного плотиной искусственного озера, совершил *сэнтуку* на глазах у Хидэёси.

После подписания договора Хидэёси приказал разрушить построенную с таким трудом дамбу, и стороны начали готовиться к отходу. Утром 6 июня штаб Мори получил информацию о событиях в столице, но она была очень неточной. Согласно донесению, Нобунага был убит 1 июня вместе с сыновьями Нобутада и Нобутака в результате заговора, организованного Акэти Мицухидэ, его зятем Цуда Нобудзуми и Сибата Кацуиэ. Из сообщения следовало, что столицу контролируют крупные силы под командованием ведущих полководцев Нобунага, с которыми клан Мори воевать опасался. В такой ситуации разумнее было отпустить Хидэёси, явно спешившего отомстить за своего командующего, и посмотреть, чем всё это закончится. Девятого июня старшие командиры Мори Тэрумото получили от Асикага Ёсиаки предписание немедленно выступить в провинцию Харима и начать боевые действия против Хидэёси, однако оно было проигнорировано.

Убедившись, что войско Мори действительно готовится к отходу, Хидэёси отдал соответствующий приказ и 6 июня после обеда отправился в путь, на всякий случай оставив в арьергарде отряд. Вперёд он выслал конных курьеров с распоряжением расставить в деревнях, через которые проходил маршрут, крестьян с рисовыми лепёш-

ками *моти*. Получая еду прямо из рук, пехотинцы Хидэёси ели на ходу, не останавливаясь. Пройдя таким образом 22 километра, поздним вечером того же дня вошли в форт Нума, освещая дорогу факелами. На следующий день рано утром отправились дальше. В пути Хидэёси нагнал командир арьергарда с сообщением, что войско Мори Тэрумото вернулось в свои владения. Опасность преследования отпала, и теперь можно было идти вперёд без оглядки. В тот день на побережье Внутреннего моря обрушился мощный тайфун, но армия Хидэёси продолжала путь и совершила почти 24-часовой марш-бросок, не останавливаясь даже ночью. Идти в намокших кожаных доспехах было тяжело, поэтому большая часть пехоты сильно отстала, но к утру 7 июня первые отряды вошли в замок Химэдзи, где наконец можно было передохнуть. Пехотинцы, прошагавшие за 18 часов 77 километров, упали и уснули мёртвым сном. На отдых они получили 24 часа.

В замке Химэдзи хранилось 800 *рё* золотом, 750 *каммон* серебром и 85 тысяч *коку* риса. Только здесь Хидэёси сообщил рядовому составу о гибели Нобунага и объявил о своём решении отомстить изменнику. В преддверии сражения все

Маршрут Хидэёси (6–12 июня 1582 года)

хранившиеся в замке деньги были розданы командирам. Это было совсем не лишним с учётом того, что все они в своё время присягали на верность не ему лично, а Нобунага.

Оставив в Химэдзи усиленный гарнизон на случай выступления Мори, Хидэёси продолжил свой путь. Возможно, это одна из баек более позднего сочинения: вечером 8 июня к нему пришёл местный священнослужитель и посоветовал перенести дату выхода из Химэдзи. «Завтра такой день: туда, откуда выходят, больше не возвращаются». На что Хидэёси вроде бы ответил: «Если не вернусь, это будет как раз то, что надо». Действительно, в случае победы над Акэти Мицухидэ ему уже незачем было бы возвращаться в Химэдзи, поэтому вышли в путь, как планировалось, утром 9 июня.

Марш-бросок продолжился на пределе физических возможностей, и через три дня и две ночи, проведённые в фортах Акаси и Амагасаки, Хидэёси вошёл в форт Тонда в окрестностях столицы. За шесть с небольшим суток его армия прошла пешим маршем 180 километров. По скорости этот переход считается одним из рекордов эпохи междоусобных войн.

Вторая и главная задача Хидэёси состояла в том, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше союзников. Ещё в пути он разослал письма своим бывшим соратникам и получил согласие от Икэда Цунэоки, Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон из провинции Сэццу. За несколько часов до сражения к нему присоединились Нива Нагахидэ и Камбэ Нобутака.

Быстрое возвращение Хидэёси стало неожиданностью для Акэти Мицухидэ. Узнав, что противник уже в окрестностях столицы, он отказался от своего намерения провести дополнительную мобилизацию в провинции Кавати — на это уже не было времени. Выдвинувшись навстречу Хидэёси, Мицухидэ встал лагерем у форта Сёрюдзи, в 12 километрах к юго-западу от Киото, что сви-

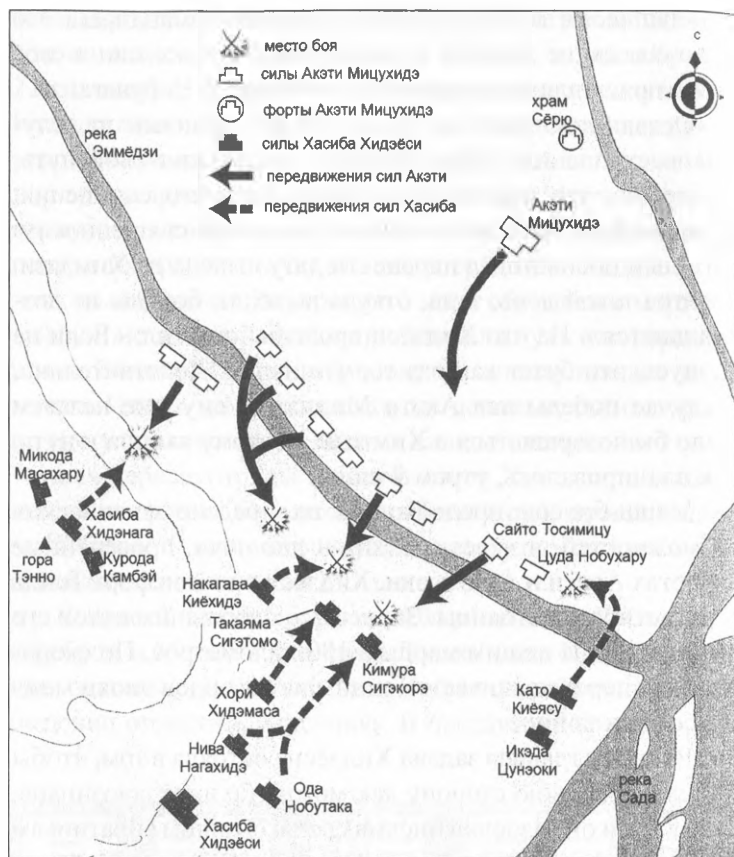

Схема сражения при Ямадзаки

детельствует о его стремлении избавить столицу от ещё одного сражения. Расположившись на границе провинций Сэццу и Ямасиро, он приготовился дать бой Хидэёси в местечке Ямадзаки, у горы Тэнно высотой 270 метров. Гора прикрывала южный вход на равнину, где располагалась столица, а рядом с ней протекала река Ёдо с низкими болотистыми берегами, которые по плану Мицухидэ должны были затруднить манёвры конницы Хидэёси.

В борьбе за более выгодную позицию у горы Тэнно передовые отряды двух армий столкнулись накануне основного сражения, 12 июня. В короткой стычке верх взяли отряды Икэда и Накагава, присоединившихся к Хидэёси всего за сутки до этого. Оттеснив противника, они продвинулись вперёд, дошли до храма Сёрю, расположенного в 600 метрах от ставки Мицухидэ, и подожгли храмовое поселение. Но Мицухидэ, занятый подготовкой к главному сражению, никак не отреагировал на противника, едва не атаковавшего его штаб. Этот успех позволил армии Хидэёси занять перед боем более выгодную позицию, на которой гора Тэнно и река Ёдо стали естественными фланговыми прикрытиями.

Основное сражение состоялось на следующий день, 13 июня. К полудню противники встали друг против друга, разделённые небольшой речкой Эммёдзи в месте её впадения в Ёдо. Точная численность армий неизвестна; считается, что у Хидэёси было от 30 до 36 тысяч человек, у Мицухидэ — около 16 тысяч. В 4 часа дня передовые отряды Мицухидэ атаковали расположившиеся у подножия горы части Хидэёси под командованием Накагава и Микода и начали их теснить. Им была поставлена задача вернуть выгодную позицию на склоне горы, проигранную накануне. Одновременно с этим на северном фланге перешли через Эммёдзи и пошли в атаку части Мицухидэ под командованием Намикава и Мацуда, потеснив Хасиба Хидэнага и Курода Камбэй. Хидэёси некоторое время выжидал, давая бою разгореться. Убедившись, что противник теснит его на северном фланге и, похоже, увлекается успехом, он ввёл в бой 5-тысячный конный резерв на южном крыле. Конница форсировала речку и атаковала 2-тысячный отряд Цуда Нобухару, который начал понемногу отступать. Одновременно с этим по центру атаки вступили в бой свежие силы Нива Нагахидэ, и это решило исход сражения. На этом участке погиб Сайто Тосимицу, бли-

жайший советник и доверенное лицо Мицухидэ, что внесло смятение в ряды его бойцов, и они начали отступать. Видя, что в центре намечается прорыв противника, Акэти Мицухидэ вместе со штабом отступил в храм Сёрю. Сюда же стали подходить и другие отряды, бежавшие с поля боя. Сражение было проиграно.

В небольшом и слабо укрепленном храме Сёрю оставаться было опасно, поэтому Мицухидэ той же ночью ушёл из него с ближайшими соратниками и направился в свой замок Сакамото, но по дороге подвергся нападению местных крестьян, был ранен и покончил с собой. Помогавший ему ассистент *кайсяку* и ещё один соратник сделали то же самое. Место гибели Акэти Мицухидэ сегодня находится в городской черте Киото, это квартал Огурусу в административном районе Фусими. Крестьяне, не знавшие, на кого напали ночью, утром вернулись на место и обнаружили обезглавленное тело Мицухидэ, которое опознали по гербу на доспехах. Его голову позднее нашли в стороне закопанной в землю. Помощники Мицухидэ постарались сделать так,

Гибель Акэти Мицухидэ (гравюра)

чтобы она не досталась противнику, но крестьяне знали эти уловки, и через три дня голова была доставлена Хидэёси и выставлена в Киото рядом с храмом Хонно. Ранее туда же была отправлена голова Сайто Тосимицу.

Семья Акэти Мицухидэ — жена, дочь и 13-летний сын Мицуёси — всё это время оставалась в замке Сакамото. Мальчик был единственным наследником 54-летнего военачальника, до этого у него рождались только дочери. Племянник полководца Акэти Хидэмицу после боя при Ямадзаки вернулся в Сакамото, а через два дня замок был окружён силами Хидэёси. Широко, жена Мицухидэ, раздала прислуге все деньги и ценности, а затем велела Хидэмицу убить её и сына. Выполнив распоряжение хозяйки, он приказал поджечь замок и покончил с собой.

Акэти Мицухидэ потерпел поражение, и его род прекратил существование, хотя изначально его план вовсе не выглядел безнадёжным. Со временем стало понятно, что он совершил несколько ошибок. Первая состояла в том, что он не сумел предъявить столице главные доказательства своего успеха на начальном этапе — головы Нобунага и его старшего сына. В то время самая надёжная информация о результатах боевых действий исходила из столичных кварталов Рокудзё кавахара и Аватагути, где выставлялись головы потерпевших поражение военачальников. Те же, кто их выставлял, становились героями и привлекали новых сторонников. Головы Нобунага и его наследника не были предъявлены столичной общественности, и это сильно сказалось на последующих усилиях Акэти Мицухидэ. В частности, дало возможность его противникам спекулировать не достоверности слухов об их гибели.

Другая ошибка состояла в промедлении с занятием замка Адзути, главной резиденции Нобунага, которая неразрывно ассоциировалась с властью и богатством. Не сумев в тот же день переправиться через реку Сэта, Мицухидэ был вынужден вернуться к себе в Сакамото и рассылать пись-

ма оттуда. Но для рядовых военачальников обращение из Сакамото и обращение из Адзути имели совершенно разный вес. Не говоря уже о том, что в замке Нобунага были сосредоточены большие богатства, на которые могли рассчитывать потенциальные союзники. В конце концов шансы на победу и перспектива щедрого вознаграждения оставались для большинства из них главными критериями при принятии решения. Мицухидэ занял замок Адзути только 5 июня, и эти три дня дорого ему обошлись. За это время Хидэёси узнал о том, что произошло, и сумел свернуть военные действия в провинции Биттю.

Третьим важным фактором стала верность большинства вассалов и союзников Нобунага его стратегии и их готовность поддержать того, кто объявил себя его мстителем. Тот факт, что даже такие близкие соратники, как Хосокава Фудзитака и Цуцуи Дзюнкэй, в решающий момент дистанцировались от Акэти Мицухидэ, говорит о многом. По всей видимости, разница в масштабах личности Нобунага и Мицухидэ сыграла в этом свою роль.

Мятежный полководец сумел добиться гораздо большего в деле установления контактов с императорским домом и столичной аристократией. Судя по его действиям, Мицухидэ сделал ставку на политическую поддержку сёгуна и императорского дома, благодаря которой надеялся привлечь на свою сторону новых союзников и удержать власть. Возможно, ему просто не хватило времени.

Измена века — мотивы

Гибель Ода Нобунага в результате измены ближайшего соратника стала крупным событием, кардинально изменившим расклад сил в воинской элите и вектор, по которому шло объединение страны. Акэти Мицухидэ готовил

операцию в глубокой тайне и через 11 дней погиб, не оставив почти никаких свидетельств, по которым можно было бы судить о мотивах его поступка. В этом одна из главных причин неослабевающего интереса к этой теме со стороны как серьёзных учёных, так и многочисленных любителей исторических тайн. В Японии написаны десятки книг и статей, посвящённых событиям в храме Хонно и причинам, толкнувшим Акэти Мицухидэ на измену. В этих публикациях можно найти любые суждения, на которые только способно воображение человека, столкнувшегося с загадкой.

Достоверных фактов в этом деле не так много. Акэти Мицухидэ родился в 1528 году в провинции Мино в семье местного предводителя среднего ранга. Его отец владел фортom Акэти на юго-востоке провинции, недалеко от границы с Овари. Род Акэти — боковая ветвь воинского дома Токи, который в первой половине XVI века управлял провинцией Мино, пока Сайто Досан не захватил в ней власть. В хронике *Тодайки* (Записки о нынешних временах) содержится упоминание о том, что род Акэти в XVI веке имел невысокий воинский статус и испытывал трудности с пропитанием. В молодости Мицухидэ состоял на службе у Сайто Досан, а когда глава дома поссорился со старшим сыном, он принял сторону отца и после его поражения в 1556 году бежал в соседнюю провинцию Этидзэн к Асакура Ёсикагэ, приходившемуся дальним родственником его матери. Здесь он начал усиленно заниматься стрельбой из новомодного огнестрельного оружия и хорошо его освоил. В 1563 году 35-летний Мицухидэ командовал сотней аркебузиром.

В 1565 году он познакомился с будущим сёгуном Асикага Ёсиаки, а через него — с Ода Нобунага и начал служить им обоим. После восстановления сёгуната в 1568 году Мицухидэ получил должность в *бакуфу*, но во время конфликта между Ёсиаки и Нобунага занял сторону

последнего и с тех пор состоял при нём. К июню 1582 года они знали друг друга 17 лет; Акэти Мицухидэ входил в первую пятёрку полководцев Нобунага, пользовавшихся его полным доверием.

Вплоть до середины XX века главной причиной измены Акэти Мицухидэ считалась личная неприязнь на почве унижений, которым Нобунага якобы подвергал его в последние годы. Эта версия утвердилась на волне слухов, возникших сразу после смерти Нобунага, и впоследствии стала источником новых «воспоминаний», основанных на таких же слухах и пересудах, но уже зафиксированных на бумаге. Со временем тексты, записанные с чужих слов десятилетия, а то и столетия спустя после самого события, стали считаться историческими доказательствами и закрепили эту версию.

Её сторонники приводят пять эпизодов оскорбительного отношения Нобунага к Мицухидэ, из которых более или менее реальным, по-видимому, можно считать лишь один. Он описан у Луиса Фройса и относится к весне 1582 года. Командир среднего звена Сайто Тосимицу одно время служил военачальнику по имени Инаба Иттэцу (1515–1589), но поссорился с ним и ушёл к Акэти Мицухидэ. Потерявший подчинённого Иттэцу попросил Нобунага помочь ему вернуть беглеца, и тот потребовал от Мицухидэ отослать вассала к прежнему начальнику. По свидетельству Фройса, Мицухидэ, у которого с Тосимицу сложились в высшей степени доверительные отношения, возразил Нобунага, чем и вызвал его гнев. Сидевший на циновке Нобунага вскочил и пнул Мицухидэ ногой. Этот эпизод упоминается ещё в одном независимом источнике, что придаёт ему достоверности. Он произошёл за два месяца до событий в храме Хонно, и эта временная близость подкрепила версию о личных мотивах измены.

Что касается остальных четырёх случаев, то все они описывают немотивированные вспышки гнева Нобунага

по отношению к Мицухидэ и, вероятнее всего, были выдуманы позднее⁴³. Если допустить, что они действительно имели место, то придётся признать, что в последние два года Нобунага жесточайшим образом третировал своего полководца, что не очень согласуется с другими известными фактами, в том числе и с ответственнейшим поручением, данным ему за полмесяца до своей гибели.

Во второй половине XX века в Японии появились работы, в которых версия личной неприязни подверглась серьёзной критике, и сегодня число её сторонников невелико. Среди объяснений измены встречается также теория заговора с участием сёгуна Ёсиаки, императора Огимати и даже Хасиба Хидэёси, но все эти версии имеют умозрительный характер и выглядят неубедительно.

Более вероятным мотивом измены кажутся воинское честолюбие и личные амбиции полководца Нобунага, на которые наложились некоторые второстепенные факторы. Акэти Мицухидэ был на 6 лет старше своего начальника, имел богатый жизненный опыт и солидный список боевых заслуг. Был хорошо образован, имел самые тесные среди полководцев Нобунага связи в столичной элите. В течение двух лет он вместе с Мураи Садакацу выполнял обязанности столичного наместника и хорошо знал жизнь главного города страны. Его замок Сакамото располагался в 12 километрах от Киото — сегодня это 10 минут езды на пригородной электричке. Одним словом, Акэти Мицухидэ как никто другой был приближен к обоим центрам власти (Адзуте и Киото) и прекрасно знал её механизм.

Конечно, сама по себе близость к власти и большой жизненный опыт — всего лишь предпосылки, но в решающий момент они сыграли свою роль. В конце мая 1582 года Акэти Мицухидэ получил шанс, какой бывает,

⁴³ Подробнее об этом см. (Прасол, 2014).

наверное, раз в жизни. В его распоряжении оказался полностью экипированный и готовый к выступлению 13-тысячный отряд, причём в тот самый момент, когда Нобунага и его старший сын прибыли в столицу с символической охраной и остановились в городских храмах без внешних укреплений. Расстояние в 25 километров, которое отделяло их от Мицухидэ, преодолевалось за несколько часов. В отличие от Камбэ Нобутака, набиравшего экспедиционный корпус в разных провинциях, у Мицухидэ — свои проверенные командиры, с которыми он воевал не один год и на которых можно было положиться. Все эти немаловажные детали были, безусловно, учтены в его плане.

Присутствовали и другие, второстепенные моменты. Прежде всего это предстоящая операция на острове Сикоку и неизбежная гибель клана Тёсокабэ. Семь лет назад, когда его глава предложил Нобунага военный союз, посредником и гарантом соглашения выступил именно Акэти Мицухидэ. Его советник Сайто Тосимицу состоял в родстве с главой клана Тёсокабэ — их жёны были родными сёстрами. Военный союз был заключён, и следующие шесть лет Мицухидэ курировал это направление, пока летом 1581 года Нобунага не потребовал от Тёсокабэ уступить ему половину завоёванных на острове земель. Получив отказ, он взял курс на силовое решение проблемы, отстранил Мицухидэ и передал его полномочия конкуренту, Хасиба Хидэёси. Глава клана Тёсокабэ через Сайто Тосимицу просил Мицухидэ о содействии, но в сложившейся ситуации тот ничего не мог предпринять. По некоторым сведениям, Тосимицу уговаривал Мицухидэ выступить против Нобунага, но насколько существенным было его влияние, сказать трудно.

В «Военной хронике Акэти» (*Акэти гунки*) содержится упоминание о том, что незадолго до измены, весной 1582 года, Нобунага объявил, что после победы над кланом Мори Мицухидэ должен будет вернуть ему про-

винцию Тамба и уезд Сига в северной части Оми, а взамен получит провинции Идзумо и Ивами на побережье Японского моря. Переезд из столицы в удаленный и чужой район никак не мог считаться поощрением. Это решение Нобунага могло вызвать недовольство честолюбивого полководца и подтолкнуть его к действию. Эпизод с переназначением вполне мог иметь место, поскольку вписывается в стиль руководства Нобунага, но он тоже считается не вполне достоверным, так как не подтверждён документально и упоминается всего один раз, причём в биографии Акэти Мицухидэ, написанной неизвестным автором через 106 лет после его смерти и содержащей ряд выявленных неточностей (Такаянаги, 1958).

Не исключено, что какую-то роль могли сыграть идейно-политические расхождения между двумя военачальниками и разница в их характерах. Нобунага отличался независимым мышлением и не признавал авторитетов, был убеждённым материалистом и жёстким прагматиком, одержимым идеей неограниченной личной

Ода Нобунага
(портрет XIX века)

Акэти Мицухидэ

власти. Не терпел возражений и уклончивых ответов, требовал от вассалов беспрекословного подчинения и результативности действий. При внешнем уважении к традиционным институтам власти использовал их в своих целях, но при этом держался независимо, не стремился к должностям и званиям, создавал собственную систему власти.

Акэти Мицухидэ, наоборот, всю жизнь кому-то служил и выполнял чужие указания. О нём говорили как об уравновешенном, сдержанном и скрытном человеке. Мицухидэ был хорошо образован, почитал богов, религию и предков, преклонялся перед императором, уважал сёгунат и чтил традиции, занимался стихосложением и участвовал в поэтических турнирах. Он и внешне больше походил на учёного-конфуцианца, чем на воина.

Его семейный образ жизни тоже не вписывался в стандарты эпохи. Широко, жена Мицухидэ, в юности переболела оспой, и болезнь оставила следы на её лице. Когда пришло время свататься, отец девушки предложил Мицухидэ младшую сестру Широко, очень на неё похожую, но жених настоял на своём. Широко всю жизнь оставалась ему надёжной опорой и помощником. Хроники донесли до нас упоминание о том, что в трудную для семьи минуту она обрезала и продала свои волосы. Это была немалая жертва, потому что в XVI веке знатную женщину невозможно было представить без длинной косы, поэтому женские волосы ценились, и спрос на них был всегда. Семья Акэти являла собой редчайший по тем временам случай — у Мицухидэ не было ни одной официальной наложницы, в то время как, например, у Токугава Иэясу их было более двадцати. Иметь много наложниц и внебрачных детей считалось необходимым для выживания семьи, но Акэти Мицухидэ в этом смысле отличался от большинства военачальников того времени.

Современники считали Мицухидэ мастером интриги, поэтому неудивительно, что он сумел сохранить свой

план в тайне. Впоследствии удалось обнаружить лишь два косвенных свидетельства его намерений. Первое — это стихотворение, сложенное на поэтическом турнире в синтоистском святилище Атаго 29 мая, за 48 часов до покушения на Нобунага. Его текст известен: *токи ва има амэ га сита сиру сацуки кана*⁴⁴. Многозначность использованных в нём символов и свобода их прочтения, которую даёт жанр *рэнга*, позволяют увидеть в строфе два разных смысла. Первый, лежащий на поверхности, вроде бы относится к предстоящему походу Нобунага против Мори и Тёсокабэ: «Время [правителю] мир покорять, таков этот май». Второй смысл упрятан глубже. Слово *токи* записано иероглифом «время», однако по звучанию совпадает с названием клана Токи, материнской ветви рода Акэти, к которому принадлежал Мицухидэ. Поэтому если отвлечься от написания, то строфа приобретает иной смысл: «[Воины] Токи берут в руки власть, таков этот май». Второе прочтение гипотетично, но если его принять, то получается вполне определённое указание на предстоящую ликвидацию Нобунага и смену власти в стране. Произошедшие через два дня события в храме Хонно заставили современников ещё раз вчитаться в то, что написал накануне Акэти Мицухидэ. Действительно ли он зашифровал свой план в изящной стихотворной форме или это не более чем простое совпадение двух омофоничных иероглифов — каждый решает сам.

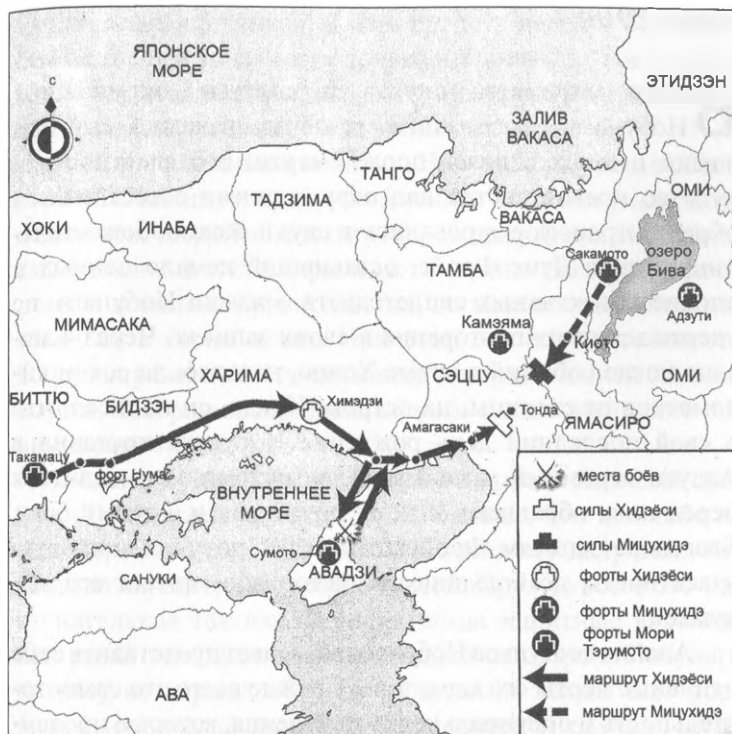
О существовании второго свидетельства стало известно совсем недавно. При разборе семейного архива Уэсути, много лет хранившегося в Токийском государственном университете, было обнаружено письмо, адресованное главе дома Уэсути Кагэкацу и доставленное ему в замок

⁴⁴ *Амэ га сита* — записанное по японским правилам китайское слово *тэнка* (поднебесный мир, страна); глагол *сиру* здесь означает «привести», *сацуки* — «май», *кана* — грамматический показатель.

Уодзу 1 июня, за день до смерти Нобунага. В нём содержалась просьба оказать военную помощь изгнанному из столицы сёгуну Асикага Ёсиаки. Письмо написал и отправил Акэти Мицухидэ. Чтобы добраться от Сакамото до Уодзу (расстояние 350 километров), гонцу потребовалось пять-семь дней⁴⁵. В мае 1582 года было 29 дней — значит, гонец отправился в путь 23–25-го числа. О намерениях самого Мицухидэ в письме ничего не говорится, но это неудивительно — маршрут курьера пролегал через территорию, подконтрольную Нобунага, поэтому послание вполне могло быть перехвачено. Если бы это произошло, то сам факт переписки с противником, не говоря уже о просьбе помочь главному врагу Нобунага, мог бы дорого обойтись его автору.

Обнаружение письменного свидетельства было использовано сторонниками сговора Мицухидэ с сёгуном Ёсиаки для обоснования своей версии, однако у неё есть слабые места. Во-первых, сёгун в это время находился в западной части страны, за двести с лишним километров от столицы, и ничем не мог помочь Мицухидэ. Посвящать же ещё одного человека в сверхсекретный план было слишком рискованно. Во-вторых, даже если бы сёгун и мог чем-то помочь, то Мицухидэ всё равно не успевал согласовать с ним свои действия — он покинул Адзути 17 мая, через неделю отправил гонца к Уэсуги, а ещё через 6 дней уже шёл к столице. Существование предварительного сговора между Мицухидэ и Ёсиаки если и можно признать, то лишь на уровне единства помыслов.

⁴⁵ Определить скорость передвижения конного курьера довольно сложно, но можно воспользоваться одним из документов начала XX века. В уставе Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) 1920 года говорилось, что дневной переход для конного полка составлял в среднем 50 км за 7–8 часов, максимальный — до 100 км. Из этого следует, что на больших переходах скорость всадника не превышала 12–15 км в час. Следует также учитывать, что японские лошади XVI века были меньше и слабее современных.

Выдвижение Хидэёси против Мицухидэ

Отправка письма свидетельствует о том, что Акэти Мицухидэ принял решение о ликвидации Нобунага между 15 и 23 мая. Возможно, он думал об этом и раньше, но все сопутствующие обстоятельства указывают на то, что главным провоцирующим фактором измены, своего рода спусковым крючком стала сама ситуация в лагере Нобунага, сложившаяся во второй половине мая 1582 года. Оказавшись её участником, Акэти Мицухидэ не захотел упускать редкий шанс, позволявший гарантированно устранить Нобунага и занять его место на вершине власти.

Наследие

В силу множества слухов и сплетен, окружавших Нобунага, демонизация его образа началась ещё при жизни и продолжилась после смерти. Его властность и чувство превосходства над окружавшими естественным образом трансформировались в слухи о самообожествлении, и даже Луис Фройс, оставивший немало ценных и вполне объективных свидетельств о жизни Нобунага, не удержался от их повторения в своих записях. Через 4 месяца после событий в храме Хонно, находясь за сотни километров от столицы, на острове Кюсю, он написал, что в свой последний день рождения Нобунага поставил в Адзути огромный камень и велел паломникам молиться перед ним, обращаясь к нему лично как к живому богу. Благодаря записям Фройса этот слух получил широкую известность, но большинство историков считает его выдумкой.

Анализ поступков Нобунага позволяет представить себе основные черты его характера. Прежде всего это самостоятельность и оригинальность мышления, которые проявились у него уже в раннем возрасте. Экстравагантность его поведения в юности, отмеченная биографом, трансформировалась в новаторство молодого командира уже в первые годы на посту главы клана, когда ему пришлось воевать с родственниками. В 1553 году личная гвардия 19-летнего Нобунага впервые применила удлинённые до шести метров копья в бою против Сибата Кацуиз, командовавшего сторонниками младшего брата Нобукацу. Несмотря на численное превосходство противника, тот бой закончился победой Нобунага. Его следующее крупное нововведение относится к 1575 году, когда в сражении при Нагасино он доказал, что при умелом использовании огнестрельное оружие может стать фактором победы. Три года спустя по его приказу были построены семь боевых кораблей с ме-

таллической обшивкой. Таких средств ведения морского боя не знали в то время не только в Японии, но и в Европе. Нобунага стал первым, кто построил крупный транспортный корабль для перевозки личного состава.

Как прагматичный политик, Нобунага учитывал общественное мнение и придавал большое значение репутации отдельных людей и институтов. Поддерживая исторически сложившиеся центры власти в лице императорского дома и военного правительства, он максимально использовал их в своих целях. При этом вся его деятельность была направлена на достижение неограниченной личной власти, которая воспринималась им как несомненное общественное благо.

Большую часть жизни Нобунага провёл на полях сражений и одержал крупных побед больше, чем кто-либо из его современников. Его подход к военному делу имел несколько характерных особенностей. Прежде всего это наступательная тактика. В эпоху, когда защитные укрепления резко усиливали позиции одной из сторон, Нобунага ни разу не держал оборону за стенами замков или фортов — он всегда нападал. Единственный случай, когда он готов был перейти к обороне, относится к сентябрю 1570 года, но тогда объединённые силы Адзай и Асакура не решились развить наступление и сами отступили под защиту крепостных стен храма Энряку, благодаря чему инициатива перешла к Нобунага и он оказался в привычной для себя роли нападающего.

Другой характерной особенностью его тактики было постоянное стремление к численному превосходству. В эпоху холодного оружия преимущество в живой силе имело решающее значение, и Нобунага не жалел усилий для его достижения. Он первым начал создавать регулярную армию, способную воевать круглый год, без оглядки на полевые работы, в которых были заняты нанимаемые им крестьяне. Они составляли большую часть любо-

го войска, и от их численности во многом зависел исход сражения. Беря под контроль высокодоходные портовые города и рудники, Нобунага тратил получаемые средства на выплаты крестьянам-пехотинцам, для которых участие в боевых действиях становилось дополнительным источником дохода. С 1568 по 1578 год под командованием Нобунага было проведено 15 крупных операций и походов, и лишь в трёх из них численность его войска составляла менее 40 тысяч человек, а в девяти случаях она превышала 50 тысяч. За счёт этого численное превосходство почти всегда было на его стороне, а победы, одержанные им с меньшими, чем у противника, силами, можно пересчитать на пальцах одной руки.

Успешнее всего этот полководец действовал на открытом пространстве — в списке таких побед сражения при Окэахадзама, Нагасино, Анэгава, в дельте Нагасима. Осада хорошо укреплённых замков, требовавшая времени и терпения, не входила в число его тактических приоритетов; такие операции он поручал своим командирам.

Ещё одна особенность его тактики — быстрое действие. Нобунага чрезвычайно оперативно реагировал на любой вызов — как только в лагере противника появлялось слабое место, он в кратчайшие сроки собирал войско и отправлялся в поход. Операции, которыми он командовал, отличались скоротечностью: ни одна из них не длилась дольше двух месяцев. Его полководцы могли подолгу осаждать замки, форты или вести бои за контроль над провинциями, но сам Нобунага в длительных кампаниях не участвовал, он руководил ими на расстоянии, занимаясь одновременно другими делами.

Со временем он менялся, менялись также его тактика и дипломатия. В молодые годы Нобунага поддерживал контакты со всеми крупными военачальниками своего региона и породнился со многими из них за счёт политических браков и обменов родственниками. У Нобунага было

более 20 братьев и сестёр, а жена и наложницы родили ему в общей сложности 22 ребёнка — 11 сыновей и столько же дочерей. Обилие родственников позволяло ему вести активную политику в отношениях с другими воинскими домами. К 1570 году, когда Нобунага исполнилось 36 лет, его дети состояли в политических браках с представителями кланов Тояма из Мино, Садзи из Овари, Такэда из Каи, Токугава из Микава, Камбэ, Нагано и Китабатакэ из Исэ, Адзай из Оми, Дзимбо из Эттю. В дальнейшем этот процесс сначала замедлился, а затем и вовсе прекратился — ресурсы, которыми к тому времени располагал Нобунага, позволяли ему обходиться военной силой, без политических браков. Но одно оставалось неизменным — перед нападением он почти всегда предлагал противнику добровольно перейти на его сторону. Так поступали и другие военачальники, но поскольку Нобунага чаще других вёл наступательные действия, то и предложения от него исходили намного чаще.

В некоторых случаях война сразу шла на уничтожение. Примеры — разгром храма Энряку, война с повстанцами в провинциях Исэ и Этидзэн, борьба с кланами Миёси, Асакура, Адзай, Такэда. Несколько раз союзники уходили от Нобунага, нарушив клятву верности. В таких случаях он старался выяснить причину недовольства и вернуть беглецов, и только после провала этих попыток начинал войну на уничтожение. Так было с Мацунага Хисахидэ, Араки Мурасигэ, Бэссё Нагахару. Эти факты не очень вписываются в образ прямолинейного и жестокого средневекового тирана, уничтожавшего всех подряд за малейшее неповиновение. В действительности он мог подолгу уговаривать и даже прощать изменников, если считал это целесообразным для достижения главной цели.

В организации воинской службы главное новшество Нобунага состояло в том, что он попытался оторвать служилых самураев от земельных уделов, доставшихся им

в наследство от отцов и дедов. В современном японском языке есть выражение *иссё кэммэй* (изо всех сил, отчаянно). Его второй элемент *сё* записывается иероглифом «жизнь», а в XVI веке вместо него использовался иероглиф «место» с таким же звучанием. Поэтому выражение *иссё кэммэй* буквально означало «место ценою в жизнь» и указывало на то, что добытое с оружием в руках землевладение — это ценность, сопоставимая с человеческой жизнью. Лишиться его было для самурая глубоким позором, а сменить и переехать на другое место — делом почти невыполнимым. Привязанные к своим уделам самурайские кланы десятилетиями, а иногда и столетиями жили на одном месте. Например, замок Одавара в провинции Сагами почти сто лет оставался семейной резиденцией Ходзё и столицей его обширных владений. За это время в замке сменилось пять поколений, земли клана расширились до 8 провинций, но Одавара оставался всё тем же «местом ценою в жизнь». И когда в 1591 году Тоётоми Хидэёси предложил главе клана Ходзё отказаться от трёх провинций из пяти в обмен на сохранение жизни, тот в совершенно безнадёжной ситуации ответил, что предпочтёт смерть такому позору. Точно так же Такэда Сингэн всю жизнь прожил в своём замке Цуцудзигасаки в провинции Каи, а воинский дом Уцуномия из провинции Будзэн на протяжении четырёх столетий жил на одном и том же месте на острове Кюсю.

Раздавая земли своим вассалам, Нобунага требовал, чтобы они отдавали их в управление наместникам, а сами селились в приамковом городе Адзуты и всегда были у него под рукой. Вассалам это не нравилось, но ослушаться они не смели. Тоётоми Хидэёси впоследствии продолжил эту политику Нобунага, а после его смерти её взял на вооружение Токугава Иэясу, узаконил, систематизировал и распространил на всю страну. В этом смысле Нобунага стал родоначальником новой системы воинских назначе-

ний, которая просуществовала до конца XIX века. Через столетие сёгуны династии Токугава уже были абсолютно уверены в своём праве перемещать удельных князей из одной провинции в другую, из-за чего их стали называть *хатиуэ даймё*⁴⁶, уподобляя саженцам, которые садовник пересаживает с одного места на другое. Вместе с *даймё* переезжали с места на место и его многочисленные вассалы. Эта система назначений сделала постоянные разъезды неотъемлемой частью воинской службы и впоследствии была распространена на все остальные слои населения. Тем, кто знаком с жизнью современной японской семьи и знает, что такое *тансин фунин*⁴⁷, будет небезынтересно узнать, что это важнейшее в жизни любого японца явление также восходит к реформаторской деятельности Нобунага. Любопытно, как личная мобильность первого объединителя страны и его склонность к частым переездам повлияла на становление некоторых особенностей современного японского уклада. Как уже говорилось, в процессе экспансии Нобунага неоднократно приближал свои домашние резиденции к территориям, намеченным для захвата. За свою жизнь он переезжал таким образом пять раз, сменив шесть замков: Сёбата — Нагоя — Киёсу — Комакияма — Гифу — Адзути. Современными крупными городами из них стали лишь два — Нагоя и Гифу.

Нанимавшиеся в армию Нобунага крестьяне и самураи оставляли свои семьи на прежнем месте по необходимости — воинского жалованья на жизнь не хватало, поэтому

⁴⁶ *Хатиуэ* — черенок, саженец.

⁴⁷ Японская система принудительной ротации кадров, при которой сотрудники фирм командированы в другие города и по несколько лет живут в отрыве от семьи (*тансин* — «сам, один», *фунин* — «исполнение обязанностей»). Это частный случай общего правила, в соответствии с которым работники любой японской фирмы или учреждения подвергаются постоянной внутренней ротации, сопровождающейся полным изменением профиля служебных обязанностей.

женщины и дети должны были работать в поле и вести хозяйство. Нобунага же стремился к полной воинской занятости и нанимал в армию только младших сыновей, а на членов его семьи выплачивал отдельную дотацию. Эта традиция, кстати, тоже сохранилась в японском трудовом законодательстве — сегодня любой работодатель в листе выплат отдельной строкой указывает сумму, выделяемую на содержание членов семьи. Мало кто из современных японцев знает, что такая привычная вещь, как дотация на иждивенцев, берёт своё начало в указах Ода Нобунага.

В хозяйственной деятельности первый объединитель Японии запомнился тремя крупными нововведениями — ликвидацией дорожных застав, обустройством дорог и отменой рыночных привилегий для профессиональных гильдий. По сути, все три новшества были направлены на достижение одной цели — оживления хозяйственно-экономической деятельности за счёт облегчения перемещения людей и товаров между провинциями. Как верный ученик Нобунага, Тоётоми Хидэёси продолжил эту политику, но в эпоху Токугава от неё отказались. В мирное время на первое место вышли вопросы безопасности и стабильности, и сеть дорожных застав была не только восстановлена, но и расширена, а перемещение людей было обставлено ещё большим числом запретов и ограничений. Идея отмены привилегий для торгово-ремесленных гильдий также умерла вместе с Нобунага. Среди других его инициатив следует отметить запреты на дополнительные поборы с крестьян, введенные в нескольких административных уложениях.

Полным доверием Нобунага пользовался очень узкий круг приближённых, которых он ценил только за практические результаты, не обращая внимания на их титулы и происхождение. Самым ярким примером такого отношения стал выходец из крестьянского сословия Хасиба (впоследствии Тоётоми) Хидэёси, входивший в пятёрку

главных полководцев Нобунага. В его системе власти к старшим командирам относились те, кто управлял территорией не меньше одного уезда. В эпоху Токугава их стали называть словом *даймё* (буквально «большое имя»), которое во времена Нобунага хождения не имело. Всего их было около 25 человек, представленных по большей части выходцами из провинций Мино и Овари, которые начали служить Нобунага до 1567 года. Исключение составляли лишь двое — Акэти Мицухидэ и Хосокава Фудзитака, пришедшие на службу к Нобунага чуть позднее. Эта группа стала прообразом военных союзников, которых при сёгунах Токугава стали называть *фудай даймё*, а личная гвардия Нобунага (*умамаварисю*) дала начало группе военных аристократов *хатамото* (буквально «подзнамённые»). Таким образом, многие ключевые понятия, утвердившиеся впоследствии в японском обществе и определявшие его жизнь в эпоху Токугава (XVII–XIX вв.), были заложены Ода Нобунага на раннем этапе объединения страны.

Японские и зарубежные историки дают самые оценки его личным качествам. Одни называют его безжалостным средневековым тираном, другие — гениальным политиком и полководцем. Некоторые современные психологи говорят о шизоидном синдроме и эпилептоидном типе личности. Примеры, приводимые в доказательство этих оценок, не всегда достоверны, но вполне возможно, что все их авторы в той или иной степени правы. С одной оговоркой. Поступки и характер Нобунага нередко оцениваются по сегодняшним меркам, что вряд ли правильно. Он был человеком своего времени и жил по законам этого времени. Когда смерть была гораздо ближе к людям, чем сегодня, и её не очень боялись, а вид привязанной к поясу отрубленной головы не вызывал ничего, кроме уважения к тому, кто добыл её на поле боя. Когда измена считалась рядовым приёмом выживания семьи, а за подозрение в измене, пусть и недоказанное, казнили, не вникая в детали.

Живя по законам этого времени, Ода Нобунага сделал то, чего не удавалось сделать никому, — начал объединение страны и выполнил самую трудную, первую его часть. Он прошёл путь от мелкого провинциального предводителя, командовавшего несколькими сотнями пехотинцев, до первого военачальника страны, способного выставить на поле боя более ста тысяч человек. Чтобы пройти такой путь, нужны незаурядные качества. Можно по-разному относиться к тому, что им двигало лишь стремление к ничем не ограниченной личной власти, но не следует забывать, что в эпоху междоусобных войн других мотивов просто не существовало.

Личные качества Нобунага, обусловившие его военный и политический успех, можно коротко сформулировать следующим образом.

1. Острый ум, самостоятельность мышления, творческий подход к решению задач.
2. Быстрое реагирование на угрозы, ярко выраженная склонность к наступательным действиям.
3. Решительность, неистребимое стремление подчинять и доминировать.
4. Жёсткий прагматизм, нацеленность на конечный результат.
5. Любознательность, стремление к новшествам и острым ощущениям.
6. Презрение к выдумкам, суевериям и предрассудкам.
7. Самоуверенность, пренебрежение мнением окружающих.
8. Вспыльчивость, нетерпимость к ошибкам и слабостям подчинённых.
9. Жестокость, беспощадность к врагам.
10. Преданность семейным связям и долговременным союзным обязательствам.

В повседневной жизни Нобунага обычно был спокоен, говорил тихо, хотя обладал зычным командирским голосом. Но время от времени на него что-то находило, и тогда он, как в молодости, совершал поступки, удивлявшие окружающих. Например, во время подавления мятежа Араки Мурасигэ он устроил в открытом поле турнир. Выстроив лучников в шеренгу, приказал им защищаться и бросил на них свою конную гвардию. Посмотрев некоторое время на учебный бой, он со словами «ну, вот и хорошо» прекратил его и отправился на охоту. В 1574 году Нобунага организовал скачки, в которых выставил собственных скакунов против лошадей своих вассалов. Первые, конечно, победили, порадовав хозяина. В биографии Нобунага, написанной Ота Гюити, содержится множество эпизодов такого рода.

Луис Фройс в своих записях отмечал нетерпимость Нобунага к уклончивости и неконкретности во всех проявлениях, и это его наблюдение подтверждается примерами из других источников. В марте 1580 года в одном из храмов провинции Оми объявился монах-чудотворец с красноречивым буддийским именем Мухэн (неограниченность, бесконечность). Рассказывая всем подряд об окружающих его чудесах и таинствах, Мухэн быстро обрёл известность. Слухи о чудотворце дошли до Нобунага, и он захотел с ним встретиться. На вопрос, откуда он родом, Мухэн привычно ответил, что из бесконечности. «Может, ты китаец или индус?» — «Нет, я постигаю истину». Разозлившись, Нобунага пригрозил казнить монаха, если он будет продолжать в том же духе, и лишь после этого узнал, что Мухэн родился в провинции Дэва (современные префектуры Акита и Ямагата). Затем он велел гостю продемонстрировать свои чудотворные способности, а когда тот не сумел, приказал раздеть догола и с веревкой на шее (стандартное наказание для людей монашеского звания) вывести из замка в город. Можно считать, что чудотворец

ещё легко отделался, потому что некоторое время спустя Нобунага узнал, что Мухэн под видом священного ритуала устроил групповую оргию, и велел его казнить.

Считается, что эпоха междоусобных войн была временем самых жестоких наказаний за всю историю страны, когда людей убивали за малейшие проступки. Нобунага в последние годы жизни тоже отличался невероятной жестокостью, причём не только к врагам. Его биограф Ота Гюити описывает случай, произошедший 10 апреля 1581 года. В этот день Нобунага с утра уехал отдыхать на маленький островок Тикубу на озере Бива. Полагая, что он там и заночует, несколько служанок из замка Адзути решили отдохнуть и отправились в соседний храм Куваномии. Вернувшись вечером и узнав, что прислуга самовольно покинула замок, Нобунага приказал казнить женщин. Настоятель храма Куваномии пробовал за них заступиться, но добился лишь того, что вместе с ними казнили и его самого (*Синтё коки*). В письме одного из европейских миссионеров говорится о другом случае расправы над служанкой, которая при уборке комнат Нобунага не осмелилась выбросить недоеденные им

Казнь простолюдина

фрукты. По словам автора письма, он зарубил девушку на месте.

Многие современники отмечали, что Нобунага совершенно не терпел возражений. В 1580 году он разжаловал и отправил в ссылку служившего ему более 25 лет Сакума Нобумори. Главная причина опалы заключалась в неудаче, которую полководец потерпел в ходе многолетней осады храма Исияма хонган, но в указе, перечислявшем его ошибки и провинности, Нобунага не забыл упомянуть и эпизод 7-летней давности, когда в ответ на выговор за оплошность во время боевой операции Нобумори позволил себе возразить начальнику.

В списке личных удовольствий Нобунага главные места занимали чайная церемония, борьба *сумо* и соколиная охота. Получить от него приглашение на чайную церемонию считалось для приближённых большой честью. Турниры по борьбе *сумо* он устраивал в течение всей жизни, но самые крупные — в конце 1570-х годов. В феврале 1578 года на турнире в провинции Оми он собрал 300 участников, а в августе того же года в замок Адзути съехались уже 1500 спортсменов. Четырнадцать победителей получили в награду земли с доходом в 100 *коку* риса и почётное звание прямых вассалов Нобунага. В октябре того же года он организовал не менее крупный турнир по *сумо* в Киото, в замке наследного принца, и созвал на него всю придворную знать. Вид любой схватки, военной или спортивной, буквально завораживал Нобунага.

Его привлекали также породистые лошади, дорогое оружие и доспехи, произведения искусства и чайный антиквариат. Всё это он страстно коллекционировал, и знавшие об этом военачальники присылали ему в подарок лучшее из того, что имели. Нобунага отдаривался китайским шёлком, тигровыми шкурами и прочими раритетами. Неуёмное стремление обладать лучшими произведениями искусства, ради которых он не останавливался ни перед

*Муниципальная школа Хорикава
в Киото*

*Мемориальный камень на месте храма Хонно
(январь 2015 года)*

чем, свидетельствует о желании доминировать не только в военно-политической, но и в культурной жизни страны.

Место Нобунага в истории Японии определяется тем мощным толчком, который он дал объединению раздробленной на уделы страны на начальном этапе. Уже на ранней стадии междоусобных войн проявилась закономерность, которую можно назвать эффектом снежного кома. Подобно тому как катящийся с горы снежок обрастает налипшим на него снегом и увеличивается в размерах, большие отряды притягивали к себе небольших местных предводителей и за счёт этого становились ещё сильнее. И чем больше и мощнее была армия, тем охотнее чужие вассалы переходили на её сторону. В этом смысле можно говорить о том, что наибольшее сопротивление процессу объединения страны было оказано на самом раннем этапе, когда все ещё воевали против всех. Именно эту задачу выполнил Ода Нобунага, к 1582 году объединивший под своим началом 22 провинции в центральной части страны.

Сегодня в Киото на месте храма Хонно, где оборвалась жизнь первого объединителя Японии, располагается современное многоэтажное здание муниципальной школы Хорикава. О том, что раньше здесь стоял буддийский храм, напоминает лишь мемориальный камень, установленный рядом со школьной оградой, на узкой улочке, примыкающей к одной из главных городских магистралей. Место совершенно неприметное, но о том, что произошло здесь ранним утром 2 июня 1582 года, можно прочитать в любом учебнике японской истории.

Литература и источники

На русском языке

- Китагава Д. М. Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2000.
- Ламерс Й. П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия, 2012.
- Носов К. Самураи. Эволюция вооружения. М.: Эксмо, 2013.
- Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М.: Астрель-Корпус, 2012.
- Прасол А. Ф. Гибель Ода Нобунага: причины и обстоятельства // Ниигата кокусай дзёхо дайгаку киё = Известия Ниигатского университета международной культуры и информации. 2014. № 17. С. 30–63.
- Спеваковский А. Б. Самураи — воинское сословие Японии. М.: Наука, 1981.
- Тернбулл С. Самураи. М.: Астрель, 2008.

На японском языке

Источники

- Адзай сандайки* (Хроника трёх поколений Адзай).
- Акэти гунки* (Военная хроника Акэти).
- Асакура симацуки* (Записи о делах Асакура).
- Иезусукай нихон нэмпо* (Известия общества Иисуса из Японии).
- Канэми кёки* (Дневник Ёсида Канэми).

- Киккавакэ бунсё* (Записи дома Киккава).
- Коё гункан* (Военная летопись провинции Каи).
- Микава моногатари* (Летопись провинции Микава).
- Мэйсё гэнкороку* (Записи о деяниях и высказываниях великих полководцев).
- Нихон цусин* (Японские записи, автор Гнекки-Сольдо Органтино).
- Оюдоно но уэ но никки* (Записки из ванной комнаты).
- Сагимори никки* (Дневник Сагимори).
- Синтё коки* (Биография Нобунага, автор Ота Гюити).
- Сисэн кибун* (Повествование о четырёх сражениях).
- Сокэнки* (*Ода гунки*) (Военная хроника Ода).
- Тайкоки* (Записки о великом канцлере).
- Тамонъин никки* (Летопись храма Тамон).
- Татэри Мунэцугуки* (Дневник Татэри мунэцугу).
- Тодайки* (Летопись нашего времени).
- Тоёкагами* (Сказание о Хидэёси).
- Токицунэ кёки* (Дневник [Ямасина] Токицунэ).
- Тэнсёки* (Хроника годов правления Тэнсё).
- Харэтоё коки* (Хроника [Кадзюдзи] Харэтоё).
- Хондзё Созмон обозгаки* (Записи Хондзё Созмон).

Литература

- Вакасаки Кэн, Яманака Сёдзи. Нихон но гассэн 40 = Сорок японских сражений. Тоё кэйдзай симпоса, 2010.
- Вакита Осаму. Ода Нобунага. Тюсэй сайго но хасся = Ода Нобунага — последний средневековый правитель. Тюо синсё, 1987.
- Вакита Осаму. Ода сэйкэн то Муромати бакуфу // Нихонси ронсю = Власть Ода и правительство Муромати // Собрание сочинений по истории Японии. Сэйбундо сьуппан, 1975.
- Икэгами Рёта. Дзусэцу сэнгоку бусё = Воины эпохи *сэнгоку*. Иллюстрированное издание. Синкигэнся, 2010.
- Икэгами Хироко. Ода Нобунага. Ёсикава кобункан, 2012.

- Иматани Акира. Нобунага то тэнно = Нобунага и император. Коданся, 2002.
- Иматани Акира. Сэнгоку даймё то тэнно = Крупнейшие военачальники и император в эпоху междоусобных войн. Коданся гакудзюцу бунко, 2001.
- Исигэ Тадаси. Ода Нобунага но дзико синкакука. Ода сэйкэн но сисотэки кадай. Дэнто то какусин = Самообожествление Ода Нобунага. Концептуальные проблемы власти Ода. Пэриканся, 2004. Серия «Традиции и новаторство».
- Исии Сусуму. Тюсэй бусидан = Средневековые воинские дружины. Коданся гакудзюцу бунко, 2011.
- Канэко Кэнтаро. Курода Дзёсуйдэн = Повествование о Курода Дзёсуй, 1916.
- Канэко Хираку. Ода Нобунага то иу рёкиси: Синтёки но каната э = История по имени Ода Нобунага: неизвестное из семейной хроники. Бэнсэй сёппан, 2009.
- Китадзима Мандзи. Хидэёси но тёсэн синряку = Нападение Хидэёси на Корею. Ямакава сёппан, 2002.
- Кобаяси Тигуса. Тайко Хидэёси то Хидэцугу бохан = Хидэёси и измена Хидэцугу. Тикума сёбо, 1996.
- Кодзима Митихиро. Нобунага то ва нани ка = Кто такой Нобунага? Коданся, 2006.
- Конлан, Томас. Дзусэцу сэнгоку дзидай. Буки, богу, сэндзюцу хякка = Эпоха воюющих провинций. Иллюстрированная энциклопедия вооружений, доспехов и военной тактики / Яп. ред. Овада Тэцуо. Хара сёбо, 2013.
- Куно Масаси. Асикага Ёсиаки сэйкэнрон // Тотиги сигаку 23 = Правление Асикага Ёсиаки // Историография [преф.] Тотиги. 2009. Вып. 23.
- Марусима Кадзухиро Сэнгоку даймё но гайко = Дипломатия эпохи междоусобиц. Коданся, 2013.
- Масухара Исаму. Нобунага нэндайки = Летопись Нобунага. Собунся, 2012.
- Нисигая Ясухиро. Ода Нобунага дзитэн = Энциклопедия Ода Нобунага. Токёдо сёппан, 2000.

- Нисимата Фусао. Сиротори но гундзигаку. Тикудзёся но ситэн кара кангаэру сэнгоку но сиро = Штурм фортификационных сооружений. Замки эпохи междоусобных войн глазами их создателей. Гаккэн, 2013.
- Нукии Масаюки. Хидэёси то татакатта тёсэн бусё = Корейские командиры, воевавшие с Хидэёси. Рокко буккусу, 1992.
- Окуно Такахиро. Асикага Ёсиаки. Ёсикава кобункан, 1960.
- Овада Тэцуо. Акэти Мицухидэ. Пи-Эйч-Пи синсё, 1998.
- Овада Тэцуо. Сэнгоку бусё = Военачальники эпохи междоусобных войн. Тюо коронся, 1981.
- Овада Тэцуо. Сютю коги. Ода Нобунага = Ода Нобунага. Курс лекций. Синтёся, 2003.
- Овада Тэцуо. Хидэёси но тэнка тоицу сэнсо = Хидэёси в сражениях за объединение страны. Ёсикава кобункан, 2006.
- Овада Ясуцунэ. Нобунага сэнгоку рэкиси кэнтэй = Сборник заданий по истории междоусобных войн. Ода Нобунага. Гаккэн, 2012.
- Одзава Томио. Сэнгоку бусё но юигондзё = Завешания воинов эпохи междоусобных войн. Бунгэй сундзю, 2010.
- Ота Гюити. Синтё коки. Гэндайгояку = Хроника Нобунага в переложении на современный язык / Пер. Накагава Тайко. Кадокава, 2013.
- Сасама Ёсихико. Дзусэцу сэнгоку гассэнсю = Эпоха междоусобных войн. Иллюстрированное описание сражений. Гаккэн, 2013.
- Сасама Ёсихико. Дзусэцу нихон сэндзин сахо дзитэн = Иллюстрированная энциклопедия японской боевой стратегии и тактики. Касива сёбо, 2014.
- Сэнгоку бусё, гассэн дзитэн = Полководцы и сражения эпохи междоусобных войн. Исторический словарь / Под ред. Минэгиси Сумио, Катагири Акихико. Ёсикава кобункан, 2005.
- Сэнгоку бусё но рирэкисё = Биографии полководцев эпохи междоусобиц / Куриэтибу суито. Такарадзимаса, 2013.
- Сэнгоку бусё но сибо синдансё = Посмертные диагнозы полководцев эпохи междоусобных войн / Нисии Сидзу. Эксноулидж, 2012.

- Сэнгоку бусиндэн. Рэкиси гундзо сиридзу 66 = Дух воинов эпохи *сэнгоку*. Серия «исторические портреты». Вып. 66. Гаккэн, 2008.
- Сэнгоку гассэн тайдзэн. Гэкокудзё но хонрю то гуңью но такаи. Дзёкан = Полное описание сражений эпохи междоусобных войн. Главные направления меняющейся эпохи и сражения крупнейших полководцев. Вып. 1. Гаккэн, 1997.
- Сэнряку, сэндзюцу, хэйки тайдзэн. Нихон сэngoкxэн = Стратегия, тактика, вооружение. Полное описание эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2011.
- Такасава Хитоси. Син синтё коки. Нобунага но сёгай о сайко суру = Другая версия семейной хроники и новый взгляд на жизнь Нобунага. Сэйунся V2 Solution, 2011.
- Такаянаги Мицуёси. Сэнгоку сэнки 3. Хоннодзи но хэн, Ямадзаки но такаи = Военные хроники периода *сэнгоку*. Инцидент в храме Хонно и сражение при Ямадзаки. Сюндзюся, 1958.
- Танигути Кацухиро. Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн = Именной словарь вассалов Ода Нобунага. Ёсикава кобункан, 2010.
- Танигути Кацухиро. Кэнсё. Хоннодзи но хэн = Расследование: инцидент в храме Хонно. Ёсикава бунко, 2012.
- Танигути Кацухиро. Нобунага но сэйряку = Политика Нобунага. Гаккэн, 2013.
- Танигути Кацухиро. Нобунага но тэнка фубу э но мити = Путь Нобунага к власти. Ёсикава кобункан, 2006.
- Танигути Кацухиро. Ода Нобунага гассэн дзэнроку = Полная хроника сражений Ода Нобунага. Тюо корон синся, 2002.
- Татибана Кёко. Нобунага кэнрёку то тётэй = Система власти Нобунага и императорский двор. Ивада сётэн, 2002.
- Татэмацу Вахэй. Ода Нобунага: Синтё коки кико = Ода Нобунага: дневник путешествия по семейной хронике. Бэнсэй сьуппан, 2010.
- Тэнкабито Нобунага кара Хидзёси э = От правителя Нобунага к Хидзёси // Нихон рэкиси тэмбо дай нанакан = Обзор японской истории. Т. 7 / Под ред. Кувата Тадатика. Обунся, 1981.

- Уранагасэ Такаси. Тюкинсэй нихон кахэй рюцуси. Торикики сюдан но хэнка то ёин = История денежного обращения в Японии в средние века и новое время. Эволюция средств оплаты и её причины. Кэйсо сёбо, 2001.
- Уэда Сигэру. Синсэцу. Хоннодзи но хэн = Новая версия: что случилось в храме Хонно. Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 2012.
- Фройс, Луис. Нихонси = История Японии / Пер. Мацуда Киити, Кавасаки Момота. Т. 1–5. Тюо коронся, 1977.
- Фува Сюнсуке. Курода Камбэй но сёгай = Жизнь Курода Камбэй. Асука сюппанся, 2013.
- Фудзики Хисаси. Дзохётати но сэндзё. Тюсэй но ёхэй то дорэйкари = Рядовые на поле боя. Средневековые наёмники и «охота на рабов». Асахи симбунся, 2003.
- Фудзики Хисаси. Сэнгоку но сахо = Установления эпохи междоусобиц. Коданся, 2008.
- Фудзимото Масаюки. Нобунага но сэнсо. Синтё коки ни миру сэнгоку гундзигаку = Война Нобунага. Военная тактика по летописному источнику Синтё коки. Коданся гакудзюцу бунко, 2003.
- Фудзита Тацуо. Сёгэн хоннодзи но хэн. Сирё дэ ёму сэнгокуси = Свидетельства инцидента в храме Хонно — история междоусобных войн в документах. Яги сётэн, 2010.
- Фудзита Тацуо. Хоннодзи но хэн но гундзо = Инцидент в храме Хонно: действующие лица. Юдзанкаку, 2001.
- Фусао Нисимата. Сэнгоку но гунтай = Воины эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2012.
- Хаттори Тосиро. Эйютати но бёсё синдан. Соно бёки, сэйкаку га нихон но рэкиси о казта = Диагнозы героев: характеры и болезни, изменившие историю Японии. Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 1983.
- Хирано Акио. Токугаваси то Одаси // Токугава кэнрёку но кэйсэй т хаттэн = Дом Токугава и дом Ода // Становление и развитие власти Токугава. Ивата сётэн, 2006.
- Хори Син. Сёкухоки окэнрон = Высшая власть при Нобунага и Хидэёси. Адзэкура сёбо, 2011.

Цумото Ё. Хоннодзи но хэн ва надзэ окотта ка = Причины инцидента в храме Хонно. Кадокава сётэн, 2007.

Ямада Куниаки. Сэнгоку но кацурёку = Выживание в эпоху междоусобиц // Нихон но рэкиси. Сэнгоку дзидай. Хатикан = История Японии. Эпоха междоусобных войн. Т. 8. Сёгакукан, 2008.

Ямамото Хирофуми, Хори Син, Сонэ Юдзи. Ицувари но Хидзёси-дзо о утиковасу = Разрушить ложный образ Хидзёси. Касива сёбо, 2013.

Хронологический указатель

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1534	Май		Рождение Ода Нобунага. Отец: Ода Нобухидэ, мать: Цутида Годзэн, вторая жена Нобухидэ. По разным данным, родился 11, 12 или 28 мая. Детское имя Киппоси. Место рождения — форт Сёбата.
1538	—	4	Захват замка Нагоя отцом Нобунага и переезд.
1540	Июнь	6	Захват отцом Нобунага форта Андзё в провинции Микава.
1542	Август	8	Бой при Адзукидзака с Имагава Ёсимото.
1544	Сентябрь	10	Вторжение Ода Мицухидэ в провинцию Мино и поражение от Сайто Досан.
1546		12	Церемония совершеннолетия Ода Нобунага.
1547	—	13	Поход Нобухидэ в Мино и поражение от Сайто Досан.
	Сентябрь		Поход в провинцию Микава и боевое крещение Нобунага.
	Ноябрь		Нападение Ода Нобутомо на отца Нобунага.
1548	Март	14	Второй бой при Адзукидзака с Имагава Ёсимото.
	Осень		Мирное соглашение с Сайто Досан и помолвка Нобунага с его дочерью Нохимэ.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1549	Февраль Ноябрь	15	Бракосочетание Нобунага и Нохимэ. Первая подпись Нобунага именем Фудзивара.
1552	Март Апрель	18	Смерть отца и вступление Нобунага в права наследования. Бой при Акацука с изменником Ямагути Норицугу.
1553	Январь	19	Самоубийство Хиратэ Масахидэ, наставника Нобунага.
1554	Январь Апрель	20	Захват форта Мураки в провинции Микава. Встреча Нобунага с Сайто Досан.
1555	Апрель Июнь Ноябрь	21	Захват замка Киёсу, перенос домашней резиденции. Инцидент и гибель младшего брата Нобутака. Заговор против дяди Ода Нобумицу и его убийство.
1556	Апрель Июнь Август	22	Конфликт Сайто Досан со старшим сыном и его гибель. Смерть младшего брата Хидэтоси. Выступление против Нобунага младшего брата Нобукацу, его поражение и капитуляция.
1557	Ноябрь	23	Повторный заговор и смерть Нобукацу.
1558	Март Май Июль	24	Нападение на форт Синано и поражение от Мацудайра Иэцугу. Победа в бою против Ода Нобуката из Ивакура. Нападение на замок Ивакура и его захват.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1559	Февраль	25	Посещение столицы и аудиенция у 13-го сёгуна Ёситэру.
1560	Май	26	Победа над Имагава Ёсимото в бою при Окэхадзама.
	Июнь		Вторжение в провинцию Мино и поражение от Сайто Ёситацу.
	Август		Повторное вторжение в Мино и поражение от Сайто Ёситацу.
1561	Апрель	27	Боевые действия в Микава и перемирие с Мацудайра Мотоясу.
	Май		Смерть Сайто Ёситацу. Вторжение Нобунага в провинцию Мино и победа в бою при Морибэ.
1562	Январь	28	Военный союз с Токугава Иэясу.
1563	Март	29	Помолвка дочери Нобунага со старшим сыном Иэясу.
	Весна		Поход в провинцию Мино и поражение Нобунага.
	Июль		Перенос семейной резиденции из Киёсу в Комакияма.
1564	Сентябрь	30	Указ императора о признании Нобунага правителем Овари.
1565	Май	31	Убийство сёгуна Асикага Ёситэру.
	Май		Бегство его младшего брата Асикага Ёсиаки в провинцию Оми.
	Ноябрь		Брак приёмной дочери Нобунага с Такэда Кацуёри.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1566	Апрель	32	Подарки императорскому дому.
	Август		Просьба Асикага Ёсиаки о помощи и согласие Нобунага.
	Август		Поход в провинцию Мино и возвращение из-за разлива реки Кисо.
1567	Весна	33	Поход в северную Исэ (командующий Такигава Кадзумасу).
	Май		Брак дочери Нобунага со старшим сыном Токугава Иэясу.
	Август		Победа над Сайто Тацуоки и его бегство в дельту Нагасима. Переименование Инабаяма в Гифу и торговая реформа в приамковом городе.
	Октябрь		Боевые действия в провинции Исэ и захват нескольких фортов.
	Ноябрь		Поздравления с победой от императора Огимати и Кэннэ. Договорённость с Такэда Сингэн о помолвке его дочери Мацухимэ со старшим сыном Нобунага.
1568	Февраль	34	Назначение Ёсихидэ 14-м сёгуном Асикага.
	Февраль		Победа над кланами Камбэ и Наган в северной Исэ.
	Июль		Встреча в провинции Мино с Асикага Ёсиаки.
	Август		Неудачные переговоры с Роккаку Дзётэй.
	Сентябрь		Поход в столицу и отступление из неё триумвиров Миёси.
	Октябрь		Переход Мацунага Хисахидэ на службу к Нобунага.
	Октябрь		Назначение Ёсиаки 15-м сёгуном Асикага.
	Октябрь		Ликвидация дорожных застав.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1569	Январь	35	Нападение триумвиров Миёси на сёгуна Ёсиаки.
	Февраль		Начало строительства столичной усадьбы для сёгуна.
	Апрель		Встреча с Луисом Фройсом и разрешение христианской миссии.
	Август		Поход в провинцию Исэ.
	Октябрь		Победа над кланом Китабатакэ в провинции Исэ.
1570	Январь	36	Приказ провинциальным военачальникам прибыть в столицу.
	Январь		Предъявление сёгуну Ёсиаки пятистатейного уложения.
	Апрель		Поход в провинцию Этидзэн против Асакура.
	Апрель		Предательство Адзай Нагамаса и бегство Нобунага.
	Июнь		Победа Нобунага и Изясу над Адзай и Асакура на реке Анэ.
	Август		Поход в провинцию Сэццу против триумвиров Миёси.
	Сентябрь		Выступление храма Хонган против Нобунага.
	Ноябрь		Вторжение Адзай и Асакура в провинцию Оми.
	Ноябрь		Нападение повстанцев и гибель Нобуоки, брата Нобунага.
	Декабрь		Перемирие с кланами Адзай и Асакура.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1571	Май	37	Боевые действия в дельте Нагасима против повстанцев.
	Июнь		Поход в провинцию Оми против Адзай Нагамаса.
	Сентябрь		Разгром храмового комплекса Энряку на горе Хизй.
1572	Апрель	38	Поход в Кавати против Миёси Ёсицугу и Мацунага Хисахидэ.
	Май		Казнь посланника Асакура Ёсикагэ.
	Июль		Поход в провинцию Оми против Адзай Нагамаса.
	Сентябрь		Предъявление 17-статейного Порицания сёгуну Ёсиаки.
	Ноябрь		Вторжение Такэда Сингэн в провинцию Мино.
	Декабрь		Победа Такэда Сингэн над Токугава Иэясу в бою при Микатагахара.
1573	Февраль	39	Боевые действия в Оми против сёгуна Ёсиаки и победа над ним.
	Апрель		Поджоги в столице и пригородах, принуждение Ёсиаки к миру.
	Апрель		Смерть Такэда Сингэн.
	Июль		Выступление сёгуна в провинции Ямасиро, его капитуляция и бегство. Смена девиза правления. Назначение Мурай Садакацу столичным наместником
	Август		Победа над Асакура Ёсикагэ.
	Сентябрь		Победа над Адзай Нагамаса.
	Сентябрь		Бои с повстанцами Икко в провинции Исэ и захват замка Яда.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1573	Ноябрь Декабрь	39	Победа над Миёси Ёсицугу. Перемирие с храмом Хонган. Переход Мацунага Хисахидэ на службу к Нобунага.
1574	Январь Март Апрель Июнь Июль Сентябрь Декабрь	40	Вооружённый мятеж в Этидзэн и потеря провинции. Получение в личное пользование императорской реликвии. Вооружённое выступление против Нобунага храма Хонган. Вторжение Такэда Кацуёри в провинцию Тотоми. Военный поход в провинцию Исэ. Победа над повстанцами в дельте Нагасима. Указ о строительстве и ремонте дорог на всех подконтрольных территориях.
1575	Март Апрель Май Август Октябрь Ноябрь	41	Участие в турнире по игре в мяч (<i>кэмари</i>) в храме Сёкоку. Поход в провинцию Кавати и капитуляция Миёси Ясунага. Победа над Такэда Кацуёри в сражении при Нагасино. Возвращение контроля над провинцией Этидзэн. Перемирие с храмом Исияма хонган. Полный третий ранг и должность императорского советника. Назначение старшего сына Нобутада главой семьи.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1576	Январь	42	Начало боевых действий в провинции Тамба (Акэти Мицухидэ).
	Январь		Начало строительства замка Адзути.
	Апрель		Разрушение столичной резиденции сёгуна Ёсиаки.
	Апрель		Вооружённое выступление Кэннэ.
	Май		Боевые действия против храма Хонган.
	Июль		Поражение в морском бою от флота Мори.
	Ноябрь		Назначение на должность Внутреннего министра.
	Ноябрь		Ликвидация главы клана Китабатакэ.
1577	Февраль	43	Военный поход в провинцию Кии.
	Март		Победа над повстанцами Сайка.
	Июнь		Административное уложение для города Адзути.
	Июль		Завершение строительства столичной резиденции <i>Нидзё госё</i> .
	Август		Измена Мацунага Хисахидэ.
	Сентябрь		Вторжение Уэсуги Кэнсин в провинцию Ното.
	Сентябрь		Поражение в бою на реке Тэдори (Сибата Кацуиэ).
	Октябрь		Падение замка Сигисан и гибель Мацунага Хисахидэ.
	Октябрь		Начало кампании в провинции Харима (Хасиба Хидзёси).
	Ноябрь		Назначение Нобунага на должность Правого министра.
	Декабрь		Захват замка Кодзуки в провинции Харима (Хасиба Хидзёси).

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1578	Январь	44	Большой праздник чайной церемонии в замке Адзуты.
	Февраль		Большой турнир по <i>сумо</i> в замке Адзуты.
	Март		Смерть Уэсути Кэнсин.
	Март		Повторный поход Акэти Мицухидэ в провинцию Тамба.
	Март		Начало осады замка Мики (Хасиба Хидэёси).
	Апрель		Отказ Нобунага от всех придворных рангов и должностей.
	Июль		Падение замка Кодзуки и гибель Амаго Кацухиса.
	Октябрь		Измена Араки Мурасигэ.
	Ноябрь		Победа во втором морском бою с флотом Мори.
	Ноябрь		Начало осады замка Ариока (Араки Мурасигэ).
1579	Май	45	Церемония открытия замка Адзуты.
	Май		Религиозный диспут в Адзуты.
	Июнь		Падение замка Ягами и казнь братьев Хатано.
	Август		Убийство жены Токугава Иэясу.
	Сентябрь		Приговор старшему сыну Токугава Иэясу.
	Сентябрь		Поражение Нобукацу, второго сына Нобунага, в провинции Ига.
1580	Январь	46	Падение замка Мики в провинции Харима (Хасиба Хидэёси).
	Март		Окончание войны с храмом Исияма хонган.
	Апрель		Отъезд Кэннэ из Исияма.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1580	Июль	46	Падение замка Ханакума (измена Араки Мурасигэ).
	Август		Капитуляция Кёнё и освобождение храма Исияма.
	Август		Ссылка Сакума Нобумори.
	Ноябрь		Победа над повстанцами Икко в провинции Кага (Сибата Кацуиэ).
1581	Январь	47	Праздник огня в замке Адзути.
	Февраль		Приём европейских миссионеров.
	Февраль		Военный парад в столице.
	Март		Повторный военный парад в столице.
	Март		Захват замка Такатэндзин в провинции Тотоми (Токугава Иэасу).
	Август		Военный парад в Адзути.
	Август		Разрушение храма Конгобудзи и массовая казнь монахов.
	Сентябрь		Завоевание провинции Ига (второй сын Нобукацу).
1582	Октябрь	48	Падение замка Тоттори в провинции Инаба (Хасиба Хидэёси).
	Январь		Демонстрация замка Адзути и императорского павильона.
	Февраль		Поход против Такэда Кацуёри (командующий Ода Нобутада).
	Март		Падение замка Такато и самоубийство Нисина Моринобу.
	Март		Поражение клана Такэда и гибель его главы Кацуёри.

Год	Месяц	Воз- раст	Событие
1582	Апрель	48	Начало боевых действий в Биттю и Бидзэн (Хасиба Хидэёси).
	Май		Предложение императора занять любой из трёх высших постов.
	Июнь		Прибытие в Адзуги Токугава Иэясу и Анаяма Байсэцу.
	Июнь		Званный ужин в храме Хонно.
	Июнь		Нападение Акэти Мицухидэ и самоубийство Нобунага.

Научно-популярное издание

Прасол Александр Фёдорович

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

Ода Нобунага

Корректор *Е. А. Соседова*

Вёрстка *О. Б. Русакова*

Обложка *И. И. Мамыкин*

ООО «Издательство ВКН»

107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5

(495) 374-59-68

www.east-book.ru

E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 01.06.2015.

Формат 84х108 1/32. Усл. печ. л. 22,68.

Тираж 500 экз. Заказ № 6660.

Япония, середина XVI века. В разгар междоусобных войн в провинции Овари появляется молодой военачальник, один из многих местных предводителей, воевавших на территории страны. Действуя решительно и нестандартно, он побеждает сначала своих близких и дальних родственников, затем соседей и, наконец, покоряет столицу. Начинается история его победного шествия к высшей власти, наполненная драматическими поворотами непредсказуемой воинской судьбы...

ISBN 978-5-9906061-2-8

9 785990 606128 >